

НАУЧНАЯ ШКОЛА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Материалы конференций 2020–2021 годов

*Под редакцией Н.П. Кирилловой, С.П. Кушниренко,
Н.Г. Стойко (ответственный редактор),
В.Ю. Низамова (ответственный редактор)*

RU
science
RU-SCIENCE.COM

Москва
2021

УДК 343.1
ББК 67.411
Н34

Рецензенты:

- Н.А. Данилова**, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) университета прокуратуры РФ, д-р юрид. наук,
К.Б. Калиновский, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, канд. юрид. наук

Редакционная коллегия:

- Н.П. Кириллова**, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук,
С.П. Кушниренко, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, канд. юрид. наук,
В.Ю. Низамов, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, канд. юрид. наук,
Н.Г. Стойко, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук

Н34 Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета : материалы конференций 2020–2021 годов ; сборник статей / кол. авторов ; под ред. Н.П. Кирилловой, С.П. Кушниренко, Н.Г. Стойко (отв. ред.), В.Ю. Низамова (отв. ред.). — Москва : РУСАЙНС, 2021. — 454 с.

ISBN 978-5-4365-8045-6

Настоящее издание представляет собой сборник научных статей, продолжающий традицию публикаций материалов конференций Санкт-Петербургского государственного университета, объединенных общим названием, вынесенным в их заголовки (с различающимися подзаголовками). Он состоит из двух разделов. Первый раздел подготовлен учеными и практическими работниками по итогам конференции «Уголовная юстиция России в развитии» (10–11 декабря 2020 года). Второй раздел включает материалы молодежной (студенческой) секции конференции «Становление и развитие научного уголовно-процессуального и криминалистического знания (XIX–XXI века)», (24–25 июня 2021 года).

***Ключевые слова:** уголовная юстиция, криминалистика, цифровизация, электронные технологии, ускоренное производство, процессуальная экономия.*

УДК 343.1
ББК 67.411

ISBN 978-5-4365-8045-6

© Коллектив авторов, 2021
© ООО «РУСАЙНС», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ.....	10
РАЗДЕЛ 1. УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ РОССИИ В РАЗВИТИИ	15
<i>А.И. Александров</i> УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС РОССИИ – ВЧЕРА И ЗАВТРА	15
<i>Т.М. Алексеева</i> ПРОБЛЕМА ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДОВ В СВЯЗИ С НОВЕЙШИМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ В КОНСТИТУЦИЮ РФ (УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ).....	25
<i>А.Ю. Афанасьев</i> ЕДИНИЦЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКИ	29
<i>А.И. Баянов</i> НАВОДЯЩИЙ ВОПРОС В ИСТОРИИ ДЕРЕВОЛЮЦИОННОГО, СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	35
<i>Т.Г. Бородинова</i> «ПО ТОНКОМУ ЛЬДУ» УСКОРЕННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА К ПРАВОСУДИЮ	44
<i>Л.В. Виницкий, С.Л. Мельник</i> О РАЗВИТИИ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РЕШЕНИИ ПРАВОВЫХ ВОПРОСОВ	51
<i>О.Ю. Ватутина</i> «СОСТЯЗАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕРТИЗА» В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	57
<i>Л.М. Володина</i> ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ПРАВОСУДИЯ И СОГЛАШЕНИЕ С ОБВИНЯЕМЫМ	63

Б.Я. Гаврилов	
ПОТРЕБНОСТЬ В НОВОМ УПК РФ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ ИЛИ ФАНТОМ.....	70
Гасанова Р.Б.	
ИДЕНТИФИКАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГОЛОСОВЫХ СООБЩЕНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	83
Ф.А. Голубев	
ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	90
Е.В. Горбунова	
К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ НАУКИ КРИМИНАЛИСТИКИ В XXI ВЕКЕ, В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ	99
А.К. Губаева, Н.А. Сидорова	
ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШИМ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЕДИНСТВА ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО И ЧАСТНОПРАВОВОГО МОДЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЛЯ ГОСУДАРСТВ–УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ.....	106
А.В. Гуканов	
ЗАКОННОСТЬ И ОБОСНОВАННОСТЬ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ ОБОРОТА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ.....	116
А.О. Дзюба	
ТИПИЧНЫЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ МОШЕННИКА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ	121
К.О. Зиновьев	
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ЛИЦ ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО	127
П.А. Каматесов	
ИНСТИТУТ СУДЕБНОГО ШТРАФА КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ПРИМИРЕНИЯ.....	136
Д.С. Костенко	
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СОБЛЮДЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ.....	141

<i>С.П. Кушниренко, Р.В. Романов</i>	
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ОКАЗАНИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО ВЛИЯНИЯ НА РЕЗУЛЬТАТ ОФИЦИАЛЬНОГО СПОРТИВНОГО СОРЕВНОВАНИЯ	145
<i>А.А. Лопатин</i>	
СПЕЦИАЛИСТ-ПСИХОЛОГ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	156
<i>С.С. Лукьянов</i>	
ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.....	161
<i>Н. В.Максимов</i>	
ВОПРОС О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОБИЛЬНОГО ТЕЛЕФОНА ДЛЯ ФОТО- И ВИДЕОФИКСАЦИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	166
<i>А.Г. Маркелов</i>	
ИДЕЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ КОМПРОМИССА КАК НОВОЙ УПРОЩЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ РАЗРЕШЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ.....	170
<i>Н.Е. Муллахметова</i>	
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ.....	176
<i>А.Д. Назаров</i>	
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ИСПРАВЛЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ И СУДЕБНЫХ ОШИБОК	183
<i>В.Ю. Низамов</i>	
ОСОБЕННОСТИ ХИЩЕНИЙ ДЕТАЛЕЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	190
<i>С.А. Новиков</i>	
ПОЛУЧЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: «РЕПЕРНЫЕ ТОЧКИ» ПРЕДСТОЯЩЕГО ПУТИ	196

Ю.В. Овсянников СУЩНОСТЬ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ.....	203
В.В. Петров КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ЯТРОГЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ	214
Я.М. Плошкина О ПОНЯТИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	223
В.Д. Пристансков КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МЕТОД НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	232
В.Д. Пристансков, Е.В. Елагина ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ МОТИВА И ЦЕЛИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	243
В.В. Ромицын ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	256
Я.П. Ряполова ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЭТАПЕ ПРИЕМА И РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ*	264
В.И. Самарин СМЕНА НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА НА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВУЮ	273
Е.В. Сидоренко ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО) ПРИ УЧАСТИИ ЗАЩИТНИКА.....	279
К.И. Сотников, Г.В. Парамонова НЕКОТОРЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	285

<i>Н.Г. Стойко</i>	
СИСТЕМА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ США.....	293
<i>Е.Л. Сутормина</i>	
АДВОКАТУРА В США И РФ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА АДВОКАТСКОЙ ТАЙНЫ	310
<i>Дильбар Ж.С.</i>	
К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕКТРОННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	318
<i>А.Г. Трофимик</i>	
КЛАССИЧЕСКАЯ КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ АПЕЛЛЯЦИИ – БУДУЩЕЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР НА ПРИМЕРЕ ФРГ	323
<i>А.А. Черушева</i>	
ПРАКТИКА РАЗРЕШЕНИЯ ПРОКУРОРОМ ЖАЛОБ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	328
<i>В.С. Шадрин</i>	
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	333
РАЗДЕЛ 2. МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ	342
<i>А.И. Аладько, Д.В. Ерофеев</i>	
ПРАВИЛА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	342
<i>С.С. Виданова</i>	
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ВОЗВРАТУ ИЗ ОФШОРНЫХ ЗОН СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	352
<i>В.С. Гущина</i>	
ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОЛИГРАФА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ.....	359

<i>Е.А. Илларионова</i>	
ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ БОНУСНЫХ СРЕДСТВ.....	370
<i>Н.П. Киселев</i>	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО МЕТОДА ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИИ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕВЫПЛАТОЙ РАБОТНИКАМ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ИНЫХ УСТАНОВЛЕННЫХ ЗАКОНОМ ВЫПЛАТ (СТ. 145.1 УК РФ).....	377
<i>А.Е. Локтева, В.А. Отавина</i>	
ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ УПК КНР СКВОЗЬ РЕДАКЦИИ 1979, 1996, 2012 И 2018 ГОДОВ	387
<i>А.А. Мамедяров</i>	
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СЛЕДОВАТЕЛЕМ	396
<i>М.А. Маньков</i>	
ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И ПРОКУРОСКОГО НАДЗОРА	403
<i>А.О. Нечипорук</i>	
АНДРЕЙ ЯНУАРЬЕВИЧ ВЫШИНСКИЙ КАК ГЛАВНЫЙ ИДЕОЛОГ СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ 1930-ЫХ ГОДОВ	409
<i>А.А. Олифиренко</i>	
К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ОПРАВДАТЕЛЬНЫХ ПРИГОВОРОВ В РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	414
<i>Е.В. Русакова</i>	
ИНСТИТУТ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	422
<i>И.О. Семёнчев</i>	
ПОНЯТИЕ КОЛЛИЗИИ И ТАКТИКА КОЛЛИЗИОННОЙ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	428
<i>А.Е. Тюегалиева</i>	
ПОЛНОМОЧИЯ СУДА ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ	437

О.Б. Фазульянов

К ВОПРОСУ О ВЫЯВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО СКЛОНЕНИЕМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ К САМОУБИЙСТВУ
ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ 442

Ю.Е. Чупрова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД 448

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Раздел 1

Александров Алексей Иванович, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики СПбГУ, докт. юрид. наук, профессор

Алексеева Татьяна Михайловна канд. юрид. наук, Правовой департамент Министерства финансов РФ

Афанасьев Алексей Юрьевич, канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры криминалистики Нижегородской академия МВД России

Баянов Александр Иванович, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского Федерального университета

Бородинова Татьяна Геннадьевна, докт. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия

Ватутина Оксана Юрьевна, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, адвокат, член ННО «АК «АЛИБИ»

Виницкий Лев Витальевич, докт. юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса, Смоленский государственный университет

Володина Людмила Мильтоновна, докт. юрид. наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ

Гаврилов Борис Яковлевич, докт. юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры управления органами расследования преступлений, Академия управления МВД России

Гасанова Розалия Багдуюевна, аспирант кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Голубев Филипп Алексеевич, помощник прокурора Центрального района города Санкт-Петербурга, юрист 2 класса

Горбунова Елена Юрьевна, эксперт отдела компьютерных экспертиз ЭКЦ УМВД России по Мурманской области

Губаева Аза Константиновна, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права СПбГУ

Гуканов Александр Викторович, Управляющий партнер адвокатского бюро «Промбизнесконсалтинг» Санкт-Петербургской палаты адвокатов

Дзюба Александр Олегович, аспирант кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Елагина Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ

Зиновьев Кирилл Олегович, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Каматесов Павел Александрович, адвокат, Адвокатская палата Санкт-Петербурга

Костенко Дмитрий Сергеевич, аспирант, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета

Кушниренко Светлана Петровна, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

Лопатин Андрей Александрович, дипломированный юрист, магистр конфликтологии, г. Красноярск

Лукьянов Сергей Сергеевич, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Максимов Николай Валерьянович, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова

Маркелов Александр Геннадьевич, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова

Мельник Светлана Львовна, канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой административного и трудового права, Смоленский государственный университет, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Смоленский филиала Московского юридического института

Муллахметова Наталья Евгеньевна, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Смоленский филиал Саратовской государственной юридической академии,

зав. кафедрой организации правоохранительной и судебной деятельности Смоленского государственного университета

Назаров Александр Дмитриевич, зав. кафедрой, уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета, докт. юрид. наук, доцент

Низамов Вячеслав Юрьевич, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

Новиков Сергей Александрович кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

Овсянников Юрий Васильевич, канд. юрид. наук, Сибирский юридический институт МВД России

Парамонова Галина Владимировна, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры криминалистических экспертиз и исследований, Санкт-Петербургский университет МВД России,

Петров Вадим Вадимович, канд. мед. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

Плошкина Яна Михайловна канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮИ СФУ (Красноярск)

Пристансков Владимир Дмитриевич, канд. юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

Романов Роман Владимирович, магистр права, помощник судьи Приморского районного суда Санкт-Петербурга

Ромицын Владимир Валентинович, заместитель директора Дирекции корпоративной защиты Газпром Медиа

Ряполова Ярослава Петровна, канд. юрид. наук., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета

Самарин Вадим Игоревич, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета

Сотников Константин Иванович, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, Санкт-Петербургский университет МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации

Сидоренко Елена Васильевна, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия, Почетный работник прокуратуры

Сидорова Наталия Александровна, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ

Стойко Николай Геннадьевич, докт. юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Сутормина Екатерина Леонидовна, магистра права, адвокат Адвокатской палаты г. Санкт-Петербурга

Суюнова Дильбар Жолдасбаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Ташкентского юридического университета

Трофимик Александр Геннадьевич, адвокат, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета

Черушева Анастасия Александровна, соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Шадрин Виктор Сергеевич, докт. юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Раздел 2

Аладько Александра Игоревна, студент 4-го курса бакалавриата юридического факультета СПбГУ

Виданова Снежана Сергеевна, студент 3-го курса бакалавриата юридического факультета СПбГУ

Гущина Владислава Сергеевна, студент 4-го курса бакалавриата юридического факультета СПбГУ

Ерофеев Дмитрий Вячеславович, студент 4-го курса бакалавриата юридического факультета СПбГУ

Илларионова Евгения Алексеевна, студент 4-го курса бакалавриата юридического факультета СПбГУ

Киселев Никита Павлович, студент 4-го курса бакалавриата юридического факультета СПбГУ

Локтева Анастасия Евгеньевна, студент 4-го курса бакалавриата, юриспруденция с углубленным изучением китайского языка и права КНР СПбГУ

Мамедяров Артур Арифович, магистрант СПбГУ

Маньков Максим Александрович, студент 2-го курса бакалавриата юридического факультета СПбГУ

Нечипорук Артём Олегович, студент 4-го курса бакалавриата юридического факультета СПбГУ

Олифиренко Артём Алексеевич, студент 1 курса института правосудия и адвокатуры, Саратовская государственная юридическая академия (Саратов)

Отавина Варвара Андреевна, студент 4-го курса бакалавриата, юриспруденция с углубленным изучением китайского языка и права КНР СПбГУ

Русакова Елена Владимировна, магистрант Байкальского государственного университета (Иркутск)

Семёнчев Илья Олегович, студент 3-го курса бакалавриата юридического факультета СПбГУ

Тюегалиева Аселя Ермуратовна, студент 4-го курса Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии (Саратов)

Фазульянов Олег Борисович, магистрант 2 курса магистратуры юридического факультета СПбГУ

Чупрова Юлия Евгеньевна, магистрант Байкальского государственного университета (Иркутск)

Раздел 1. УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ РОССИИ В РАЗВИТИИ

А.И. Александров

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС РОССИИ – ВЧЕРА И ЗАВТРА

В статье, после краткого напоминания основных этапов становления отечественного уголовного процесса, автор излагает ключевые требования к уголовному судопроизводству завтрашнего дня, предлагает векторы его дальнейшего развития. Подчеркивая необходимость повышения правовой защищенности личности, обеспечения права обвиняемого на защиту, автор выступает за дальнейшее сокращение сферы применения особого порядка судебного разбирательства и отказ от использования «клеток» в зале судебного заседания. Поддерживая возрождение в России суда присяжных, автор критически оценивает отказ от института народных заседателей, а также от правила о непрерывности судебного разбирательства. Обращаясь к проблемам досудебного производства, он выступает против отнесения следователя к стороне обвинения и затрагивает такие дискуссионные вопросы, как появление фигуры «судебного следователя» и необходимость расширения полномочий прокурора.

Ключевые слова: уголовный процесс; судебное разбирательство; предварительное расследование; право обвиняемого на защиту

Alexey I. Aleksandrov

DSc. in Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, SPbSU (St. Petersburg)

RUSSIA'S CRIMINAL TRIAL-YESTERDAY AND TOMORROW

In the article, after a brief reminder of the main stages of the formation of the domestic criminal process, the author sets out the key requirements for the criminal proceedings of tomorrow, suggests the vectors of its further development. Stressing the need to improve legal protection of the individual, ensure the right of counsel, the author advocates for further reduction of the scope of the special proceedings and avoiding the use of "cells" in the courtroom. Supporting the revival of the jury trial in Russia, the author critically assesses the rejection of the institution of people's assessors, as well as the rule on the continuity of the trial. Turning to the problems of pre-trial proceedings, he opposes the attribution of the investigator to the prosecution and touches on such controversial issues as the appearance of the figure of the "judicial investigator" and the need to expand the powers of the prosecutor.

Keywords: criminal procedure; trial; preliminary investigation; the right of the accused to defense

В истории уголовного процесса любой страны различимы судьбоносные вехи, предопределяющие его дальнейшее развитие на многие годы вперед. Российский уголовный процесс – не исключение; он также преодолел долгий и непростой путь от ордалий и пыток до презумпции невиновности и права обвиняемого на защиту. Обращаясь к этому условному «вчера», кратко напомним наиболее значимые моменты.

Как известно, наш уголовный процесс изначально был частно-исковым. Русская правда рассматривала преступление как «обиду», т.е. причинение вреда конкретному человеку и его роду, поэтому для начала процесса требовалось обращение к суду с их стороны. Потерпевшие и их родственники должны были сами осуществлять уголовное преследование, отыскивать преступника, собирать доказательства и поддерживать обвинение перед судом. Обвиняемый, в свою очередь, представлял доказательства своей невиновности. Судебное производство было направлено на разрешение спора частного обвинителя с обвиняемым, причем оба они именовались истцами и пользовались равными правами.

XIV-XVI века – время образования Русского централизованного государства. В этот период изменилось само понятие преступления; под ним стало пониматься не только причинение ущерба конкретному человеку, но и государству в целом. Соответственно, преследование за преступление больше не рассматривалось как личное дело пострадавшей стороны. Возник экстраординарный порядок производства, прежде всего в делах, имевших политический подтекст.

Были созданы крупные общерусские законы: Судебник 1497 года Великого князя Ивана III и Судебник 1550 года Царя Ивана IV. Развивался обвинительный процесс, однако в светской юстиции появилась и новая форма судопроизводства – розыскная. Функцию уголовного преследования и разрешения дела взяло на себя государство. Это отразилось и в терминологии: преступление при розыскной форме процесса – уже не «обида», а «лихое дело».

Постепенно «розыск» все больше заменял собой «суд», вытесняя остатки состязательного процесса. Особенно ярко эта тенденция проявилась во времена Петра I. Уголовному процессу того периода присуща ориентация на теорию формальных доказательств, когда ценность каждого их вида заранее определялась волей монарха. Самым совершенным доказательством считалось признание обвиняемым своей вины, которое могло быть получено под пыткой.

Судебная реформа 1860-х годов Александра II позволила внести коренные изменения в самые основы уголовного процесса. Реформа

началась с отделения органов предварительного следствия от полиции (1860 год) и передачи следователей в судебное ведомство. Это обеспечило большую объективность досудебного производства по делу. В 1864 году были приняты Судебные уставы, призванные «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных». Безусловным достоинством реформы явилась отмена формальной теории доказательств; отныне доказательства подлежали оценке судом по его внутреннему убеждению, сложившемуся после беспристрастного исследования всех обстоятельств дела. Были учреждены суд присяжных, адвокатура, серьезно реорганизована прокуратура.

Революция октября 1917 года привела к уничтожению прежнего государственно-правового механизма. Кардинальным переменам подверглось и уголовное судопроизводство. Декрет СНК РСФСР «О суде» от 24 ноября 1917 года, подписанный В.И. Лениным, упразднил все существовавшие судебные учреждения, а также институты судебных следователей, прокурорского надзора и адвокатуры.

25 мая 1922 года принят УПК РСФСР, подробно регламентировавший порядок уголовного судопроизводства. В связи с принятием 31 октября 1922 года Положения о судоустройстве РСФСР, учредившего единую судебную систему и упразднившего революционные трибуналы, возникла необходимость в новой редакции УПК, которая принята 15 февраля 1923 года.

В середине 1930-х годов, а особенно – в 1937–1938 годах, под влиянием господствовавшей тогда теории об усилении классовой борьбы по мере развития социалистического общества были допущены грубейшие нарушения демократических правил, чем причинен серьезнейший ущерб делу соблюдения законности. В уголовно-процессуальной сфере это проявилось в допущении массовой внесудебной репрессии по делам о так называемых «политических преступлениях», в жесточайшем ограничении целого ряда гарантий по таким делам. Под эти ограничения А.Я. Вышинским была подведена теоретическая база, согласно которой по делам о государственных преступлениях главным и решающим доказательством является признание самого обвиняемого [3, с. 264].

Так, 1 декабря 1934 года было принято постановление ЦИК СССР, которым предусматривалось, что по делам о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти расследование должно заканчиваться в срок не более 10 дней, а обвинительное заключение – вручаться обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде. Слушание таких дел в суде проводилось без участия сторон. Не допускалось кассационного обжалования пригово-

ров или заявления ходатайств о помиловании, приговор о высшей мере наказания, называвшейся в то время высшей мерой социальной защиты, должен был приводиться в исполнение немедленно.

Схожий характер носило и постановление ЦИК СССР от 14 сентября 1937 года, которым были серьезно ущемлены права обвиняемых при рассмотрении судом дел о контрреволюционном вредительстве и диверсиях. По этим делам обвинительное заключение также вручалось обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела судом, не допускалось кассационного обжалования приговоров, а сами решения о высшей мере наказания приводились в исполнение немедленно по отклонению ходатайств осужденных о помиловании.

В 1950-х годах правительство провело ряд важных мероприятий по укреплению законности в стране и развитию демократических основ судопроизводства. Был устранен порядок внесудебного рассмотрения уголовных дел, ликвидировано особое совещание, проделана большая работа по пересмотру дел, рассмотренных с нарушением законности. Эта работа сопровождалась совершенствованием уголовно-процессуального законодательства – 27 октября 1960 года был принят и с 1 января 1961 года введен в действие УПК РСФСР.

Предусмотренный по нему порядок расследования и разрешения уголовных дел – «уголовный процесс М.С. Строговича» – стал ответом на массовые репрессии 1936–38 гг. и послевоенных лет. Во второй половине XX века было жизненно необходимым создать в стране порядок уголовного судопроизводства, базирующийся на таких важнейших принципах, как осуществление правосудия только судом, неприкосновенность личности, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, гласность судебного разбирательства, всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела. Ориентация на поиск истины – вот его наиболее характерная черта!

С распадом СССР, появлением Конституции Российской Федерации нашей стране потребовалась новая существенная реформа уголовного судопроизводства. Очевидно, что признание на конституционном уровне человека, его прав и свобод высшей ценностью вывело на первый план требование серьезного повышения правовой защищенности личности при расследовании уголовных дел и их судебном разбирательстве. Ключевые идеи, предусмотренные Концепцией судебной реформы 1991 года, нашли свое воплощение в нормах УПК РФ, вступивших в силу с 01 июля 2002 года.

Однако, по нашему убеждению, действующий УПК РФ, со всеми своими достоинствами и недостатками, – уже тоже условное «вчера».

Нам же следует задуматься о том, каким будет российский уголовный процесс «завтра» и «послезавтра».

Первый вопрос, который всегда возникает при оценке порядка уголовного судопроизводства в любой стране и в любую эпоху: вопрос о положении обвиняемого в уголовном процессе, предоставляемых ему гарантиях права на защиту. Еще И.Я. Фойницкий заметил: «Построение уголовного судопроизводства стоит в тесной связи с положением личности в государстве. При абсолютизме и государственном бесправии личности обвиняемый становится предметом исследования, не имеющим прав стороны, представленным суду как материал по делу; меры судебного принуждения достигают высшего развития, личное задержание обвиняемого и пытка возводятся в общее правило. Напротив, чем свободнее личность в государстве, тем полноправнее обвиняемый в уголовном процессе» [12, с. 12–13].

Конечно, в новом уголовном процессе России должны быть сохранены и расширены существующие элементы права на защиту: уведомление в кратчайший срок о существовании подозрения (обвинения), возможность с самого начала уголовного преследования пользоваться услугами защитника, гарантии от самообвинения, возможность давать показания и иным путем представлять доказательства. При этом не должны повторяться нынешние просчеты и злоупотребления: «заказные» уголовные дела, необоснованное применение мер принуждения (включая самую строгую меру – заключение под стражу), предоставление услуг «карманных адвокатов» и т.п. [2].

Остановимся чуть подробнее на таком актуальном вопросе, как обеспечение права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство. Непременным условием такого разбирательства выступает непосредственное исследование судом с участием сторон всех собранных по делу доказательств, на основе которых и может быть принято справедливое судебное решение. Однако при рассмотрении дела в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением никакого непосредственного исследования судом всех собранных доказательств не происходит, а это – прямой путь к судебной ошибке. Отрадно, что законодатель услышал критику ученых и правоприменителей и пошел на сокращение сферы применения особого порядка, однако сделанного по-прежнему недостаточно (например, при заключении так называемого «досудебного соглашения о сотрудничестве» обвиняемого с прокурором особый порядок судебного разбирательства сохранен даже по уголовным делам об особо тяжких преступлениях!) [9, с. 23–24].

Еще один злободневный вопрос, напрямую затрагивающий право обвиняемого на защиту: водворение подсудимых, содержащихся под стражей, в металлическую клетку во время судебного разбирательства. Человек, еще не признанный виновным, при исследовании доказательств и обсуждении вопросов, представляющих для него жизненно важный интерес, не может своевременно проконсультироваться с защитником. Не говоря уже о психологическом восприятии его составом суда и публикой как заведомого «злодея». Поэтому в Государственную Думу РФ внесен законопроект № 587542–7, которым предлагается дополнить ст. 9 УПК РФ, запретив помещать подозреваемых, обвиняемых или подсудимых в защитные кабины в процессуальной зоне залов судебных заседаний, а также использовать иные конструкции, препятствующие общению указанных лиц с защитником.

Следующий важнейший блок вопросов, который будет нами кратко затронут, касается роли суда в завтрашнем уголовном процессе и построения судебных стадий.

Анализ последних тенденций в российском уголовном процессе позволяет сделать вывод о том, что российский законодатель во многом разочаровался в модели «пассивного суда» и постепенно склоняется к наделению его достаточно обширными полномочиями. Это нашло воплощение, в частности, в предоставлении суду возможности по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случае, если фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления [5, с. 120]. Такая тенденция выглядит вполне оправданно, поскольку активный суд – это важнейшее условие вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора; именно такое понимание роли суда характерно для исторически гораздо более близкой нам континентальной уголовно-процессуальной модели [11, с. 13]. Как обоснованно заметил Л.В. Головкин, европейская система, в отличие от американской, признает «социальное измерение уголовной юстиции и исходит из того, что государство и его представители должны выполнять активную регулирующую функцию, поддерживая социальный баланс и позволяя сгладить, во-первых, априорное неравенство правоохранительной машины и обвиняемого, а во-вторых, имущественное неравенство уже самих обвиняемых, далеко не всегда способных оплачивать лучших экспертов или командировки адвокатов по стране в поисках доказательств» [4, с. 53].

Еще один важный момент: необходимость дальнейшего совершенствования форм участия граждан в отправлении правосудия. Од-

ной из таких форм выступает возродившийся в России суд присяжных. Эта форма судопроизводства всегда вызывала дискуссии среди правоприменителей и ученых, разделяя их на два непримиримых лагеря. Являясь убежденным сторонником названного института, подчеркнем, что нам не следует его бояться, а надо воспитывать самих присяжных. Нужно способствовать росту правовой культуры населения, разъяснять важность народного участия в отправлении правосудия, привлекать к работе этого института широкие слои добропорядочных граждан нашей страны. Исполнение обязанностей присяжного заседателя должно из нежелательного бремени превратиться в по-настоящему почетную работу, надлежащее выполнение которой всячески поощряется государством и обществом. Тогда удастся устранить существующие сейчас недостатки, касающиеся, во многом, организационных моментов и объясняющиеся низким уровнем правовой культуры присяжных и низким стимулированием их участия. Следует также четко определиться с категориями преступлений, по которым возможно применение этого полезного института, а также вновь оценить количественный состав присяжных.

Сказанное, однако, не означает, что суд присяжных – единственная приемлемая форма участия населения в отправлении правосудия. Как представляется, институт народных заседателей, существовавший в нашей стране на протяжении нескольких десятилетий, был слишком поспешно отвергнут в ходе судебной реформы. Необходимо вернуться к обсуждению вопроса о его возрождении.

Напомним и еще одну важнейшую норму, необоснованно, на наш взгляд, отвергнутую в ходе реформирования: правило о непрерывности судебного разбирательства, означавшее, что судебное заседание по каждому делу происходит непрерывно, кроме времени, назначенного для отдыха. Рассмотрение теми же судьями других дел ранее окончания слушания начатого дела не допускалось (статья 240 УПК РСФСР 1960 г.). Эта норма не просто мобилизовывала судей на скорейшее рассмотрение уголовного дела – она обеспечивала ясность и четкую последовательность восприятия судом обстоятельств уголовного дела, не рассеивала внимание судей, способствовала формированию целостной картины произошедшего. Все это было принесено в жертву мнимого ускорения параллельно ведущихся судом процессов.

Наконец, переходя к вопросам организации досудебного производства по уголовным делам, отметим, прежде всего, что следователя неправильно относить к стороне обвинения. В советские времена отмечалось, что следователь выполняет самостоятельную функцию –

предварительного расследования, что психологически важно для отсутствия обвинительного уклона в его работе. Следователь (дознатель) отвечает не за «раскрываемость» преступлений, а за качество предварительного расследования, за его объективность. Он должен не только разобраться в произошедшем событии, но и, собрав достаточные доказательства и установив признаки преступления, выяснить при каких обстоятельствах оно совершено и кто именно его совершил, после чего привлечь всех виновных к уголовной ответственности, одновременно обеспечив их право на защиту, а также принять все необходимые меры для возмещения ущерба потерпевшим [1, с. 34].

Что касается возможного появления в России «судебного следователя», находящегося в составе судебного ведомства и наделенного такими полномочиями, как избрание и применение отдельных мер принуждения, производство по требованию сторон следственных действий для придания собираемым материалам статуса судебных доказательств, и т.д., то эта идея, при всей ее внешней привлекательности, не бесспорна и требует дополнительной тщательной проработки. Противники такой реформы не без оснований напоминают о том, что построенное по подобному принципу предварительное следствие Франции подвергалось постоянной критике именно за растянутость досудебного производства и длительность сроков содержания под стражей, неспособность в полной мере гарантировать презумпцию невиновности обвиняемого и его право на защиту путем дачи показаний и вызова собственных свидетелей, недостаточное ограждение прав личности при собирании и изъятии доказательств, чрезмерную закрытость предварительного расследования (деятельности следственного суда), допущение случаев жестокого обращения с обвиняемым и нарушения права на беспристрастный суд [7, с. 17].

Выглядят насущными многие преобразования правил производства конкретных процессуальных действий на стадии предварительного расследования, например, допущение возможности допроса свидетелей следователем с использованием видеоконференц-связи (как это уже давно и успешно применяется на судебных стадиях) [8].

Отметим также необходимость укрепления прокурорского надзора на стадии предварительного расследования. В частности, нуждается в пересмотре существующий порядок возбуждения перед судом ходатайства следователя о заключении обвиняемого под стражу и продлении сроков содержания под стражей. На это, кстати, обоснованно обращено внимание ведущими процессуалистами нашей страны [6, с. 274]. Сегодня следователь заявляет ходатайство с согласия руководителя следственного органа, а суд при этом вправе удовлетворить такое

ходатайства, несмотря на позицию прокурора, возражающего против его удовлетворения. Получается парадоксальная ситуация – состязание в суде следователя с прокурором, причем финал такого состязания непредсказуем. Кроме того, при существующем порядке размывается персональная ответственность за незаконное заключение под стражу. Полагаем, что объем прав прокурора должен быть увеличен: либо за счет получения следователем его согласия на обращение в суд, либо наделения прокурора полномочием вообще самостоятельно поддерживать в суде ходатайство следователя.

В заключение подчеркнем, что любые реформы уголовного процесса будут малоэффективны при отсутствии достаточного ресурсного обеспечения правоохранительной деятельности. К этому блоку относятся и четкая кадровая политика, и надлежащее материальное обеспечение, и научно-обоснованная организация труда (с расчетом оптимальной нагрузки на следователя, прокурора и судью).

Список использованных источников

1. Александров А.И. Предварительное следствие в уголовном процессе России: между прошлым и будущим // Российский следователь, 2018, № 3. С. 30–35.
2. Александров А.И. Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе России: актуальные проблемы // Российский следователь. 2019, № 8. С. 15–18.
3. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950.
4. Головкин Л.В. Российский уголовный процесс и объективная истина // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексева (г. Санкт-Петербург, 28–29 июня 2014 года) / под ред. Н.Г. Стойко. СПб., 2015. С. 51–57.
5. Кириллова Н.П., Смирнова И.Г. Основные скрипты современной уголовно-процессуальной политики // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 116–127.
6. Кириллова Н.П. Необходимый объем полномочий прокурора при надзоре за следствием // В сборнике: Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: Уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ). Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Под редакцией Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. 2018. С. 268–278.
7. Ковтун Н.Н. О понятии и содержании понятия «судебный следователь» («следственный судья») // Российский судья, 2010, № 5. С. 15–19.

8. Новиков С.А. Допрос с использованием систем видеоконференц-связи: завтрашний день российского предварительного расследования // Российский следователь, 2014, № 1. С. 2–6.
9. Новиков С.А. Сокращение особого порядка судебного разбирательства: «начало движения» или «конец маршрута»? // Российский судья. 2020, № 10. С. 21–25.
11. Стойко Н.Г. Вектор развития российского уголовного процесса // В сборнике: Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXI международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации; Ответственный редактор Н.Н. Цуканов. 2018. С. 11–13.
12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2-х томах, Т. 1. СПб., 1996 (по изданию СПб., 1910).

Т.М. Алексеева,

канд. юрид. наук
Правовой департамент Министерства финансов РФ,
(Москва)

ПРОБЛЕМА ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДОВ В СВЯЗИ С НОВЕЙШИМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ В КОНСТИТУЦИЮ РФ (УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В настоящей статье автор рассматривает актуальную проблему исполнения решений межгосударственных инстанций в связи с внесением изменений в Конституцию РФ. Данный вопрос исследуется применительно к уголовному процессу. Автором анализируется, каким образом поправки в Конституцию могут повлиять на исполнение Россией ставших обязательными для нее решений ЕСПЧ в соответствии Конвенцией 1950 г.

Ключевые слова: Европейская конвенция, Конституция РФ, Европейский Суд, уголовный процесс, новые обстоятельства.

Tatiana M. Alexeeva,

PhD in Law

Legal Department of the Ministry of Finance of the Russian Federation (Moscow)

THE PROBLEM OF EXECUTION OF DECISIONS OF INTERNATIONAL COURTS IN CONNECTION WITH THE LATEST AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION (CRIMINAL PROCEDURE ASPECT)

In this article the author examines the urgent problem of the execution of decisions of interstate instances in connection with the introduction of amendments to the Constitution of the Russian Federation. This issue is being investigated in relation to the criminal procedure. The author analyzes how the amendments to the Constitution can affect the implementation by Russia of the decisions of the ECHR that have become binding on it in accordance with the Convention 1950.

Keywords: European Convention, Constitution of the RF, European Court, criminal process, new circumstances.

Согласно УПК РФ (ч. 4 ст. 413) новыми обстоятельствами для пересмотра приговора и иного судебного решения является в том числе установленное Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) по уголовным делам нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) [2], связанное с применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции и иными нарушениями положений Конвенции. Такой пересмотр применительно к уголовному процессу осуществля-

ется Президиумом Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд) по представлению Председателя Верховного Суда. По результатам рассмотрения представления Президиум Верховного Суда отменяет или изменяет судебные решения по уголовному делу в соответствии с постановлением Конституционного Суда **или** постановлением ЕСПЧ (ч. 5 ст. 415 УПК РФ).

Редакция данных положений УПК РФ осталась прежней (без учета поправок в Конституцию), при этом пояснений относительно того, как все же поступать правоприменителям с обязательной юрисдикцией ЕСПЧ, в законодательстве пока что не содержится. Здесь считаем уместным отметить, что законодателем принят 8 декабря 2020 г. Федеральный закон № 419-ФЗ, согласно которому не допускается применение правил международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации (далее – Конституция). Вместе с тем, данные поправки не носят системный характер, не уточняют конкретные процедуры для пересмотра судебных решений.

Ст. 125 Конституции была дополнена ч. 5.1, согласно которой Конституционный Суд в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решения международного (межгосударственного) суда, налагающего обязанности на Россию, в случае если это решение противоречит *основам публичного правопорядка* Российской Федерации. Между тем, остается не ясным, *каким образом* Конституционный Суд будет определять, противоречит ли решение международного суда основам публичного правопорядка: исходя из каждого конкретного случая или он разработает определенные стандарты [1]?

В развитие указанных конституционных поправок 9 ноября 2020 г. был принят № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ «О Конституционном Суде»; № 5-ФКЗ), который дополнил ФКЗ «О Конституционном Суде» порядком рассмотрения дел о возможности исполнения решений международных судов. В частности, соответствии со статьей 104.7 ФКЗ «О Конституционном Суде» в редакции № 5-ФКЗ, Конституционный Суд разрешает вопрос о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда с точки зрения его соответствия основам конституционного строя Российской Федерации. Между тем, ни в самом ФКЗ «О Конституционном Суде» в редакции № 5-ФКЗ, ни в пояснительной записке к проекту № 5-ФКЗ не содержится конкретных разъяснений в части возможности (либо невозможности) исполнения решений международных судов [4].

Кроме того, на наш взгляд, требует дополнительных пояснений терминология, используемая в Конституции в новой редакции и в ФКЗ «О Конституционном Суде» в редакции № 5-ФКЗ, поскольку не совсем понятно, как соотносятся между собой понятия «*основы публичного правопорядка*» и «*основы конституционного строя*».

Не менее важно понимать, *какие решения* будет принимать Верховный Суд. Согласно ст. 104.5 ФКЗ «О Конституционном Суде» в редакции ФКЗ № 5 Верховный Суд вправе обратиться в Конституционный Суд с запросом о возможности исполнения решения международного (межгосударственного) суда, налагающего обязанности на Россию. Таким образом, какой-либо обязанности в данном случае на Верховный Суд не налагается. При отсутствии принятых и вступивших в законную силу изменений в уголовно – процессуальное законодательство Верховный Суд имеет право выбора: использовать позицию Конституционного Суда или Европейского Суда по правам человека. Однако, на наш взгляд, это не означает, что Верховный Суд не может оставить в силе обжалуемое решение вовсе.

Кроме того, поскольку согласно ст. 126 Конституции в новой редакции на уровне Основного закона страны закреплено, что Верховный Суд дает *разъяснения* по вопросам судебной практики, от самого Верховного Суда, представляется, должны последовать какие-либо разъяснения по данному вопросу. Так, Постановление Пленума Верховного Суда от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» [3], на наш взгляд, в связи с принятыми изменениями в Конституцию, нуждается в актуализации.

Выводы:

1) Проблема исполнимости решений Европейского Суда по правам человека в сфере уголовного процесса, в частности, для Российской Федерации не является новой, поскольку вопрос о возобновлении производства решал и решает конкретный суд, однако сейчас ситуация усложняется, так как решения ЕСПЧ могут перестать учитываться вовсе, а данный межгосударственный институт станет просто формальностью.

2) Требуется как можно скорее внести соответствующие изменения в УПК РФ согласно принятым поправкам в Конституцию Российской Федерации во избежание правовой неопределенности. При этом такие поправки должны быть системными и конкретными, а не касаться только общих положений УПК РФ.

Список использованных источников

1. Арановский К.В., Князев С.Д. Исполнение актов ЕСПЧ в позициях российского конституционного правосудия: любой ценой или с нюансами // Закон. 2019. № 6. (документ представлен СПС «Консультант Плюс»).
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) вместе с Протоколом № 1, Протоколом № 4, Протоколом № 7 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета. 05.07.2013. № 145.
4. Пояснительная записка к проекту Федерального конституционного закона № 1024643–7 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

А.Ю. Афанасьев

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры криминалистики,
Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород)

ЕДИНИЦЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКИ

В настоящей статье через понимание методологии уголовно-процессуальной науки раскрываются параметры ее методологического анализа. Автором выводится, что методологический анализ уголовно-процессуальной науки есть рефлексивный анализ организационных основ существования, развития и осуществления науки уголовного процесса, а единицами такого анализа являются элементы характеристики, логической и временной структуры уголовно-процессуальной науки и соответствующей научной деятельности.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная наука, методология, методологический анализ, рефлексия, объект науки, предмет науки

Alexey Yu. Afanasyev

PhD in Law,
senior lecturer of department of criminalistics,
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia
(Nizhny Novgorod)

UNITS OF METHODOLOGICAL ANALYSIS OF CRIMINAL PROCEDURE SCIENCE

This article discloses the parameters of its methodological analysis through the understanding of the methodology of criminal procedure science. The author concludes that the methodological analysis of criminal procedure science is a reflexive analysis of the organizational foundations of the existence, development and implementation of the science of criminal procedure, and the units of such analysis are elements of the characteristic, logical and temporal structure of criminal procedure science and the corresponding scientific activity.

Key words: criminal procedure science, methodology, methodological analysis, reflection, object of science, subject of science

Общепринято считать, что методология – это либо совокупность методов, либо учение о методах, либо система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности. На это указывают и словари, и доктринальные источники. Например, в философском словаре М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина методология трактуется как совокупность приемов исследования, применяемых в какой-либо науке, а также как учение о методах научного познания и преобразования мира [18, с. 268]. На такое же значение ссылаются в

философском словаре И.Т. Фролова [19, с. 329]. В толковом словаре С.И. Ожегова под методологией понимается учение о научном методе вообще или о методах отдельных наук [9, с. 292].

Судя по имеющимся научным разработкам именно такое понимание перенеслось и в различные отрасли науки, хотя зачастую смысл методологии сводится лишь к совокупности методов исследования. На наш взгляд, наиболее верное толкование кроется в предложении методологии в качестве учения об организации деятельности [8, с. 20] или хотя бы программы деятельности [10, с. 51, 64]. В нашем случае речь, разумеется, ведется о научной деятельности и ее методологии. К сожалению, с подобной методологической точки зрения наука уголовного процесса практически не исследовалась. Так сложилось, если процессуалисты используют понятие «методология» в связке с уголовно-процессуальной наукой, они говорят только о ее методах [5, с. 54–60]. В этой статье в продолжении к предыдущем авторским разработкам попытаемся отразить единицы методологического анализа науки уголовного процесса.

При первом приближении можно предположить, что речь может идти о критериях, которым должна соответствовать область знаний для признания ее наукой. К ним обычно относят: собственный предмет изучения, не совпадающий с предметом других наук; наличие специфических методов; особая форма практической реализации знания; специфический категориальный аппарат и язык [6]. В то же время есть требования и к самому научному знанию – оно должно быть сформированным на основе фактов, развивающимся, логически доказываемым, эмпирически проверяемым, системным, непротиворечивым, общезначимым знанием в форме восприятий, представлений, понятий, суждений, гипотез, теорий, приближающихся к адекватному (истинному) отражению сущности познаваемых объектов [6]. Здесь читатель может возразить, указав на то, что критерии (требования) и единицы методологического анализа это вряд ли одно и то же. И будет прав. Однако лишь отчасти. Действительно, это понятия не одного порядка и они вовсе не тождественны. Но учитывая специфический предмет исследования – уголовно-процессуальную науку – такие выводы могут оказаться поспешными. Единицы методологического анализа науки уголовного процесса кроются, на наш взгляд, именно в тех ее частях, которые сохраняют ее свойства и позволяют ее характеризовать как науку. Можно предположить, что лучше, чем через объект, предмет, методы науки этого не выполнить. Тем самым, определив их, мы уста-

навливаем не только научность области знаний, но и даем ей характеристику и методологическую основу.

Например, объектом уголовно-процессуальной науки признают: некоторый фрагмент философской «картины мира» [16, с. 6]; уголовно-процессуальные нормы и практика их применения, то есть уголовно-процессуальная деятельность [13, с. 20–21], [12, с. 12–13], а к предмету относят: уголовно-процессуальная деятельность [4, с. 176]; свойства уголовного судопроизводства, его связи, закономерности возникновения, функционирования и развития как социально-правового явления [13, с. 20–21], [12, с. 12–13]; нормы уголовно-процессуального права; саму деятельность суда, прокуратуры и органов следствия; уголовно-процессуальные отношения [14, с. 75] и т.д. Как можно заметить в предложенные варианты не только разнородны, но и противоречивы. Нет единства и в понимании методов уголовно-процессуальной науки [7, с. 12].

В подобных условиях вряд ли можно заявить, что такое разнородное понимание объекта, предмета и методов науки уголовного процесса позволит говорить о возможности полноценного методологического анализа, хотя в рамках такого анализа они и могут быть установлены. По крайней мере, таких единиц для методологического анализа становится явно недостаточно.

Что же еще можно отнести к единицам методологического анализа? Вероятно, в качестве таковых можно обозначить те параметры, по которым происходило и происходит описание науки уголовного процесса. Здесь можно обозначить: составные, главные части теории уголовного судопроизводства [2, с. 54], [11, с. 67], части науки уголовного судопроизводства [11, с. 67], систему уголовно-процессуальной науки [4, с. 33] [15, с. 16], ее функции [2, с. 54–55] [16, с. 6] [4, с. 34], задачи [20, с. 1–2], источники [16, с. 7–8], а также содержание [4 с. 18] [17, с. 25]. С таким подходом, по всей видимости, получится очередной учебник по уголовному процессу, которых в настоящее время скопилось немало количество. А это явно противоречит замыслу статьи и всего методологического анализа. Не исключая предложенные варианты из перечня возможных единиц анализа, обратим внимание на следующие моменты, раскрывающие сущность методологии науки.

В свое время известный отечественный методолог Г.П. Щедровицкий в одной из своих работ привел весьма значимые и тонкие мысли о методологии: «...чтобы строить научный предмет, нужно прежде всего организовать деятельность по его строительству, а это значит – создать для нее определенные средства и метод, организовать их в

определенный «аппарат». Во всяком случае, если мы не имеем такого аппарата заранее, то придется его создавать в ходе самой работы... мы стали создавать некий «организм» самой работы, стали насыщать его необходимыми средствами и «машинами». И это была по природе своей методологическая работа» [21, с. 21]. И далее относительно собственного опыта изучения методологии указал: «Мы не только и не столько разрабатывали ее (методологию – А.А.) научным образом, сколько творили в своей живой работе, а затем осознали, рефлексировали свою работу и таким образом получали знания о методологической работе и методологии не путем изучения противопоставленного нам объекта, а путем рефлексивного анализа и нормирования своей собственной деятельности» [21, с. 22]. Полагаем, что в этих предложениях заложен глубинный смысл методологии науки – методологию науки мы создаем сами в процессе научных исследований. Тем самым, методологию науки можно представить как результат рефлексии организации собственной научной деятельности. Следовательно, методологический анализ науки есть рефлексивный анализ организационных основ существования, развития и осуществления науки. В подобном ключе становится весьма верным представление методологии через призму организации деятельности.

«Организовать деятельность, – как отмечают А.М. Новиков и Д.А. Новиков, – означает упорядочить ее в целостную систему с четко определенными характеристиками, логической структурой и процессом ее осуществления – временной структурой...» [8, с. 24]. При этом характеристике относят особенности, принципы, условия, нормы; логическая структура включает в себя: субъект, объект, предмет, формы, средства, методы деятельности, ее результат; к временной структуре относятся фазы, стадии, этапы деятельности [8, с. 24]. Тем самым, для проведения методологического анализа уголовно-процессуальной науки требуется выявить ее характеристики, а также элементы логической и временной структуры и исследовать их.

Наш взгляд, указанная «схема методологии» представляет возможным рефлексировать научную деятельность. На примере логической структуры это видно более отчетливо: мы должны выявить, кто исследует уголовно-процессуальную науку (субъекты – лица, обнаружившие научную проблему), что они исследуют (объект) и какие закономерности (предмет), в каких формах и с использованием каких средств и методов, а также чего они достигают (результат). Все, разумеется, распространяется в определенные временные рамки – фазы, стадии и этапы становления развития науки, а также проведения от-

дельных научных исследований. Тем самым, ядром методологического анализа может выступить именно логическая структура науки уголовного процесса, на которую накладываются ее фазы, стадии и этапы. Наша задача заключается в том, чтобы мы, как процессуалисты, провели своего рода ревизию собственной уголовно-процессуальной науки, сформировали взгляд со стороны на то, что в ней происходит. Следовательно, единицами методологического анализа являются элементы характеристики, логической и временной структуры науки и научной деятельности.

Таким образом, по итогам статьи можно сформулировать следующие выводы:

Во-первых, методологию науки уголовного процесса можно представить как результат рефлексии организации собственной научной деятельности, а методологический анализ уголовно-процессуальной науки как рефлексивный анализ организационных основ существования, развития и осуществления науки уголовного процесса.

Во-вторых, единицами методологического анализа науки уголовного процесса являются элементы характеристики, логической и временной структуры уголовно-процессуальной науки и соответствующей научной деятельности – особенности, принципы, условия, нормы; субъект, объект, предмет, формы, средства, методы деятельности, ее результат; фазы, стадии, этапы деятельности.

Список использованных источников

1. Адаменко Е.Н. Уголовно-процессуальная деятельность как предмет науки уголовного процесса // Общество и право. 2014. № 2.
2. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841.
3. Винокуров Л.В. Процессуальные основы взаимоотношений участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и суда на стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
4. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учеб. М., 2005.
5. Гриненко А.В. Методология уголовно-процессуальной науки // Государство и право. 2003. № 9.
6. Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Критерии в системе научного знания // Гуманитарный вестник. 2016. №2 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-v-sisteme-nauchnogo-znaniya> (дата обращения: 15.12.2020).
7. Коломеец Е.В. Использование прокурором средств реагирования в судебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

8. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. М.: СИН-ТЕГ, 2007.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2010.
10. Педагогика и логика. М., 1992.
11. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. 2-е изд. изм. и доп. Санкт-Петербург: Издание Юридического книжного склада, 1914.
12. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калининский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008.
13. Смирнов А.В., Калининский К.Б. Уголовный процесс. СПб.: Питер, 2005.
14. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Изд-во «Наука», 1968.
15. Уголовный процесс: учебник / отв. ред. А.В. Гриненко. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2009.
16. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.Д. Прошляков, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. М.: Волтерс Клувер, 2011.
17. Уголовный процесс: учебник для СПО / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016.
18. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001.
19. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М.: Издательство политической литературы, 1963.
20. Фойницкий И.Я. Курсъ уголовного судопроизводства. В 2 т. 4-е изд. Санкт-Петербург: Типография т-ва «Общественная польза», 1912. Т.1.
21. Щедровицкий Г.П. Мышление-Понимание-Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005.

А.И. Баянов,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Сибирского Федерального университета

НАВОДЯЩИЙ ВОПРОС В ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО, СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Рассматриваются исторические этапы становления и развития представлений о наводящем вопросе в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации с 1864 года по настоящее время. Предлагаются направления дальнейшего совершенствования правового регулирования постановки наводящих вопросов в процессе проведения следственных и судебных действий.

Ключевые слова: наводящий вопрос, допрос обвиняемого, допрос подсудимого, допрос потерпевшего, допрос свидетеля.

Baianov Aleksandr Ivanovich,

Ph.D. in Law, Docent,
Associate Professor at the Criminal procedure and Criminalistics Department
(Siberian Federal University (SibFU)).

LEADING QUESTION IN PRE-REVOLUTIONARY, SOVIET AND POST-SOVIET PERIOD OF HISTORY OF CRIMINAL PROCEDURAL LAW OF RUSSIAN STATE

Summary: The paper examines the ways of establishing and improving of leading question in criminal procedural law through historical perspective of Russian state since 1864 to date. The ways of further legislative development of leading question during the execution of investigative and court actions are suggested.

Keywords: interrogation of the accused, interrogation of the defendant, questioning of a victim, questioning of witnesses, leading question.

В отечественном уголовно-процессуальном судопроизводстве во все периоды истории государства стояла проблема получения правдивых показаний. Для достижения этой «благородной» цели использовались различные средства, начиная с варварских телесных истязаний и пыток, заканчивая гуманными призывами «говорить только правду и ничего кроме правды».

Несмотря на то обстоятельство, что последние существовавшие в России телесные наказания в отношении определенных групп населения после долгих и томительных ожиданий были отменены только

11 августа 1904 года «Высочайшим манифестом, даровавшим крестьянам освобождение от телесных наказаний» [3, с. 150], Устав Уголовного судопроизводства (далее УУС) еще за 40 лет до выхода Манифеста запрещал применение психологических средств насилия над сознанием обвиняемого в процессе его допроса. Следовательно запрещалось «домогаться сознания обвиняемых ни обещаниями, ни ухищрениями, ни угрозами или иными подобными мерами вымогательства» (ст. 405 УУС) [7, с. 436].

К числу запрещенных средств, если следовать логике закона, должны относиться и так называемые наводящие вопросы. В УУС не содержалось понятие «наводящий вопрос», однако были указаны требования, которым должны отвечать вопросы, поставленные обвиняемым и свидетелям. Вопросы, предлагаемые обвиняемому, должны быть «кратки и ясны» (ст. 404 УУС). Аналогичные требования предъявлялись и к вопросам, адресованным свидетелям (ст. 447 УУС). Указания на краткость и ясность вопроса можно считать первой попыткой российского законодателя выделить существенные признаки допустимых к постановке вопросов. Соответственно вопросы, которые имели пространную форму и не были понятными для подлежащего допросу лица, ставить было нельзя. Устав достаточно подробно регламентирует порядок допроса обвиняемого (ст. 385–414), подсудимого (ст. 684–686), свидетеля (ст. 718–729).

Порядок допроса лишал следователя возможности ставить вопросы, оказывающие негативное воздействие на сознание и волю обвиняемого (ст. 405 УУС). В процессе допроса подсудимого также исключалась возможность постановки не только наводящих, но и любых других вопросов. Непосредственно вопросы подсудимому могли задавать только председатель суда и с его разрешения члены суда (ст. 684 УУС). Присяжные заседатели задавали вопросы только через председателя суда (ст. 684 УУС). Аналогичный порядок постановки вопросов был установлен и для сторон обвинения и защиты. Они могли просить председателя о том, чтобы подсудимый дал разъяснение в отношении тех или иных обстоятельств дела, которые представляются им недостаточно разъясненными [7, с. 637]. Таким образом на председателя суда возлагалась обязанность сформулировать, а затем поставить вопрос подсудимому. Нельзя не отметить разумность данного порядка, который в значительной мере препятствовал постановке наводящих вопросов как обвинителем, так и защитником. В дальнейшем, после отмены УУС, указанная новелла в советском и постсоветском уголовно-процессуальном законодательстве перестала существовать. Однако

она содержится в современном уголовно-процессуальном законодательстве некоторых стран [6, с. 199].

Допрос свидетеля начинался с предложения рассказать все то, что ему известно по делу. Данная стадия допроса свидетеля являлась обязательной (ст. 718 УУС). Ее отсутствие признавалось существенным нарушением [7, с. 686]. После изложения свидетелем показаний в форме свободного повествования, председатель суда предоставлял право каждой из сторон задать свои вопросы (ст. 719 УУС). В качестве сторон свидетелю могли задавать вопросы прокурор, защитник и подсудимый. Первой ставила вопросы та сторона, по инициативе которой вызывался свидетель, затем вопросы ставила противная сторона (ст. 720 УУС).

Таким образом УУС допускал перекрестный допрос в его классической форме, в ходе которого каждая сторона могла задавать «вторичные» вопросы для разъяснения ответов свидетеля на вопросы (первичные), поставленные противной стороной. При этом свидетель не мог отказаться от дачи ответов на вопросы, которые касались противоречий в его показаниях или направлялись на выяснение обстоятельств, связанных с условиями восприятия каких-либо событий, явлений, предметов и т.п. (ст. 721, 722 УУС).

Особое внимание уделялось вопросам, адресованным свидетелю со стороны подсудимого: «Если подсудимый предлагает свидетелю вопросы в ненадлежащей форме – форме убеждения или уговаривания, то председатель может сам сформулировать вопросы [7, с. 688]. При наличии перекрестного допроса свидетель был защищен от постановки вопросов со стороны подсудимого, которые оказывали на его сознание внешнее воздействие, приводящее к ложным показаниям. После окончания допроса сторонами вопросы свидетелю могли задавать председатель и члены суда с разрешения председателя. Что касалось присяжных заседателей, то свои вопросы они могли ставить не непосредственно, а через председателя суда (ст. 724 УУС). Следует обратить внимание на то обстоятельство, что участники допроса свидетеля в судебном заседании, не имеющие юридического образования (подсудимый, присяжные заседатели), должны были задавать вопросы только через председателя суда. На наш взгляд, данная новелла, касающаяся порядка допроса свидетеля, по аналогии с допросом подсудимого, была направлена на исключение возможности постановки недопустимых вопросов, и в том числе – наводящих.

Анализ текстов отдельных статей УУС, регламентирующих порядок допроса, позволяет сделать некоторые выводы:

1) порядок допроса свидетеля в судебном производстве имеет все признаки, характерные для перекрестного допроса, необходимым элементом которого является постановка наводящих вопросов сторонами обвинения и защиты;

2) текст закона не содержал понятия «наводящий вопрос», однако существовал запрет «домогаться сознания обвиняемого незаконными мерами, в том числе и ухищрениями» (ст. 405 УУС).

Оценивая в целом нормы, регламентирующие порядок постановки вопросов, можно сделать заключение о том, что УУС не содержит прямого запрета на постановку наводящих вопросов при проведении допросов. При этом в УУС имеются положения, которые направлены на ограничение внешнего воздействия на сознание допрашиваемых лиц, лишшающее их возможности говорить только правду.

Наличие в УУС отдельных неурегулированных процедурных проблем, связанных с вопросно-ответной частью допроса, восполнялось литературными источниками того периода времени. В курсе Уголовного судопроизводства «заслуженного ординарного профессора Санкт-Петербургского университета» И.Я. Фойницкого (приводится дословно с титульного листа издания) перечисляются меры, ограничивающие свидетеля «от каких бы ни было посторонних влияний», среди которых указывается и наводящий вопрос [8, с. 329].

Одно из первых развернутых определений наводящего вопроса в отечественной литературе, которое встречается и в наше время, было дано заслуженным профессором, присяжным поверенным Округа Московской судебной палаты Л.Е. Владимировым. По его мнению, наводящим вопросом назывался вопрос, «прямо или косвенно подсказывающий свидетелю ответ, который от него желают услышать» [1, с. 320]. Кроме понятия наводящего вопроса Л.Е. Владимиров дает определение «главного» и «перекрестного» допроса свидетеля в судебном заседании и обосновывает необходимость постановки наводящих вопросов при перекрестном допросе. «Цель перекрестного допроса проверить точность и правдивость свидетеля, и поэтому всякие вопросы здесь уместны, хотя бы они имели цель доказать безнравственность, лживость и даже преступность свидетеля» [1, с. 320–321].

Таким образом, проблемы в правовом регулировании вопросно-ответной части следственных и судебных допросов по уголовно-процессуальному законодательству дореволюционной России в какой-то мере компенсировались научными положениями и рекомендациями, содержащимися в литературе того периода времени. Очевидно, что научные доктрины не могли подменять правовые установки и проце-

дуры. Однако законодатель был достаточно консервативным и не считал необходимым вносить в УСС изменения, касающиеся вопросно-ответной части допросов, в том числе и запрета на постановку наводящих вопросов.

Произошедшие в 1917-м году коренные перемены в экономической, политической, государственной и правовой системах привели к изменениям в сфере уголовного суда производства. Проводя изменения, соответствующие новым идеологическим установкам, власть не могла полностью отказаться от процессуальной составляющей прежнего уголовно-процессуального законодательства (УУС), поскольку она имела объективно процедурный характер и не зависела от политических представлений законодателя. В Декрете № 2 Всероссийского Центрального Исполнительного комитета от 7 марта 1918 г. прямо указывалось, что судопроизводство по уголовным делам должно проходить по правилам судебных уставов 1864 г., поскольку таковые не отменены и не противоречат правосознанию трудящихся классов [2].

В 1922-м, а затем в 1923-м году были приняты новые уголовно-процессуальные кодексы РСФСР. УПК РСФСР в редакции 1923 г. не содержал существенных отличий от УУС в той части, которая регламентировала общие правила и процедурный порядок следственных и судебных допросов, включая постановку отдельных вопросов. Следует отметить, что УПК РСФСР, также как и УУС, не содержал в тексте понятия «наводящий вопрос» и соответственно запрета или дозволения на его постановку.

Понятие наводящего вопроса в период действия УПК РСФСР 1923 г. встречается в юридической литературе. По содержанию они не отличаются от аналогичных понятий, которые имеются в юридической дореволюционной литературе. Что касается допустимости постановки наводящих вопросов, то следует отметить наличие противоречивых рекомендаций. Так, обращая внимание на недопустимость постановки наводящих вопросов свидетелю со стороны следователя, допускается «их постановка после того, когда дан ответ на основной вопрос, для того чтобы проверить или уточнить то или иное обстоятельство» [10, с. 283]. Указанная рекомендация с учётом общепринятой доктрины, описывающий порядок допроса свидетеля в судебном заседании, не может использоваться в рамках допроса на этапе досудебного производства.

Впервые в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве понятие «наводящий вопрос» было использовано в тексте УПК РСФСР, вступившего в действие в 1961-м году. В УПК РСФСР указывалось на недопустимость постановки наводящих вопросов в

процессе допроса свидетеля (ст. 158 УПК РСФСР), потерпевшего (ст. 161 УПК РСФСР), при предъявлении для опознания (ст. 165 УПК РСФСР) в процессе дознания и предварительного следствия. Что касается допроса обвиняемого (ст. 150 УПК РСФСР), эксперта (ст. 192 УПК РСФСР), очной ставки (ст. 163 УПК РСФСР), то указания на недопустимость наводящих вопросов при производстве этих следственных действий в текстах соответствующих статей не содержались. Не содержались указания на недопустимость постановки наводящих вопросов и при производстве допросов на стадии судебного разбирательства (ст. ст. 280, 283, 285, 289 УПК РСФСР). Сделав первый, но не полный шаг в направлении ограничения постановки наводящих вопросов в процессе проведения некоторых следственных действий, законодатель не посчитал необходимым включить в текст закона определение наводящего вопроса. Такое решение, с нашей точки зрения, было вызвано рядом причин.

Во-первых, на фоне неотложных задач, возникающих в правоприменительной практике по предварительному расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел, проблема наводящего вопроса относилась к категории второстепенных и несущественных. Достаточно обратить внимание на то обстоятельство, что в Постановлениях Пленумов Верховного Суда СССР, РСФСР и Российской Федерации, в опубликованных обзорах судебной практики Верховного Суда РСФСР, военных судов гарнизонов и объединений до срока прекращения действия УПК РСФСР 1961 г. проблемы, связанные с постановкой наводящих вопросов, не были предметом рассмотрения и последующего анализа [5].

Во-вторых, при наличии в научной и методической (практически ориентированной) литературе значительного числа авторских определений, проблема наводящего вопроса не была исследована на необходимом фундаментальном и прикладном уровне. Такое положение не способствовало разрешению её и на законодательном уровне.

В-третьих, нельзя не учитывать и наличие объективных трудностей для определения существенных признаков наводящего вопроса, на основе которых возможно принятие однозначных и обоснованных решений о характере поставленного вопроса, исключающих субъективный, оценочный подход.

Повторное за 100 лет переустройство российской правовой системы привело к принятию нового УПК РФ, в котором произошли дальнейшие изменения в правовом регулировании наводящих вопросов. Законодатель впервые стал использовать выражение «запрещает-

ся» по отношению к постановке наводящих вопросов в процессе производства всех видов допросов в досудебном производстве (ч. 2 ст. 194 УПК РФ). Что касается порядка проведения очной ставки, то в тексте статьи 190 УПК РФ отсутствует какое-либо упоминание о недопустимости наводящих вопросов несмотря на то, что очная ставка является самостоятельным следственным действием.

Отношение законодателя к наводящим вопросам также впервые было отражено в тексте статей, регулирующих порядок проведения допросов в судебном заседании. В процессе допроса подсудимого законодатель вменил в обязанности председательствующему отклонять наводящие вопросы (ч. 1 ст. 275 УПК РФ). Однако отклонение наводящих вопросов не предусмотрено при проведении судебных допросов потерпевших (ст. 277 УПК РФ) и свидетелей (ст. 278 УПК РФ) и в том числе несовершеннолетних (ст. 280 УПК РФ), а также эксперта (ст. 282 УПК РФ).

При проведении предъявления для опознания в суде наводящие вопросы также признаны недопустимыми (ст. 289 УПК РФ). Декларируя меры ограничения на постановку наводящих вопросов, законодатель оставил главную нерешенную проблему – какие вопросы следует считать наводящими. Данная проблема при наличии прямого запрета или ограничения на постановку наводящих вопросов не может быть решена без нормативно-правового понятия «наводящий вопрос», закреплённого в тексте УПК РФ. На необходимость закрепления в тексте УПК РФ рассматриваемого понятия обращается внимание и в юридической литературе [9, с. 45]. Однако для разработки нормативно-правового варианта понятия «наводящий вопрос», которое будет отвечать задачам правоприменительной практики, необходимо продолжать исследования в указанном направлении, несмотря на наличие объективных трудностей. В этом направлении имеется значительный задел в отечественной и зарубежной науке. Нельзя также не использовать опыт тех стран, где указанная проблема была решена и признаки наводящего вопроса закреплены в действующем уголовно-правовом законодательстве (Венгрия, Норвегия, Швеция, Чехия, Финляндия, Узбекистан, Украина и т.д.).

Нельзя также не использовать судебную практику и прежде всего практику Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, в которой после введения в действие нового УПК РФ, обращается внимание на отдельные признаки наводящих вопросов. При отсутствии нормативно-правового понятия «наводящий вопрос» теряется смысл его запрета и ограничения на постановку. Ситуация, в которой в каче-

стве аргумента при принятии решения используются не правовые признаки наводящего вопроса, а его научные и далеко не однозначные определения, лишает принятые решения правового характера. Вторым важнейшим направлением в совершенствовании уголовно-правового законодательства следует считать применение однотипного подхода к регламентации порядка проведения всех следственных и судебных действий, которые связаны с получением показаний в форме ответов на поставленные вопросы (допрос, очная ставка и др.). Суть наводящих вопросов не меняется от вида следственного действия. Он всегда является средством воздействия на сознание для получения показаний, которые под влиянием вопроса могут не соответствовать содержанию информации, находящейся в памяти человека. В определённой мере наводящий вопрос может рассматриваться в качестве средства склонения ко лжи. Использование наводящих вопросов для изобличения ложных показаний или показаний, основанных на заблуждении, не является единичным, а тем более оптимальным средством. Добиваться правдивых показаний сомнительным, хотя и достаточно давно используемым в мировой практике допроса, средством является не только негуманным, но и неправовым направлением. Не следует забывать, что для решения задачи, направленной на проверку показаний в процессе допроса, существует целый арсенал допустимых средств, начиная от постановки детальных, контрольных косвенных вопросов, заканчивая предъявлением доказательств и т.д. Поэтому без постановки наводящих вопросов вполне можно обойтись, в том числе и в процессе допросов потерпевших и свидетелей (особенно несовершеннолетних) в судебном заседании. Состязательность сторон в процессе допроса должна строиться не на архаичных и сомнительных, с точки зрения гуманизма и законности, приемах, а на проверенных современной наукой средствах получения показаний.

Подводя итог генезиса законодательного регулирования постановки вопросов в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, начиная с 1864 года после введения в действие УУС и заканчивая принятием в 2001 году УПК РФ, следует отметить то обстоятельство, что за прошедшие 140 лет российский законодатель так и не решил большую часть проблем, возникающих с нормативно-правовой регламентацией процесса постановки наводящих вопросов в процессе проведения следственных действий, предполагающих получение показаний.

Список использованных источников

1. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части: общая и особенная. Третье издание. С-Петербург, 1910. – С. 320.
2. Декрет № 2 Всероссийского Центрального Исполнительного комитета от 07 марта 1918 года, статья 8 // КонсультантПлюс.
3. Евреинов Н. История телесных наказаний в России : Репринт изд. – Белгород: Пилигрим, 1994. – С. 150.
4. Криминалистика: учебник. Часть 1. Под. ред. А.И. Винберга, С.П. Митричева. – М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1950. – 303 с.
5. Судебная практика к уголовным делам в 2-х частях. Часть 1. Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР, РСФСР и Российской Федерации / сост. С.А. Подзоров. М.: «Экзамен», 2001. – 928 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс общественных и революционных судов Исламской Республики Иран / науч. ред. докт. юрид. наук, проф. Н.Г. Стойко; вступ. ст. и перевод П.А. Гусейновой. – СПб.: издательство «Юридический центр», 2016. – С. 199.
7. Устав Уголовного судопроизводства. Состав. М.П. Шрамченко и В.П. Ширков. – С-Петербург изд. юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1911. – С. 436.
8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2, С-Петербург, 1897. – С. 322.
9. Центров В.В. Наводящий вопрос и пределы использования информации на допросе // Российская юстиция № 5, 2003. – С. 43–45.
10. Шавер Б.М., Винберг А.И. Криминалистика : учебник. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 119 с.

Т.Г. Бородинова,

доктор юридических наук,
доцент, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия

«ПО ТОНКОМУ ЛЬДУ» УСКОРЕННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА К ПРАВОСУДИЮ

На основе анализа современного института особого порядка уголовного судопроизводства и практики его реализации. Обосновывается вывод о недостаточно высоком уровне процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства на справедливое правосудие в условиях целепантного судопроизводства. Сокращение особого порядка в уголовном судопроизводстве, в перспективе, представляется в качестве шага к исключению упрощенного производства по уголовным делам.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, суд, правосудие, особый порядок судопроизводства.

Borodinova Tatyana Gennadyevna

LL.D, Associate Professor, Head of
the Criminal Procedure Law
Department, North Caucasus branch
of Russian State University of Justice

ON THE FAST WAY TO JUSTICE IN THE SPECIAL FORMS OF LEGAL PROCEEDINGS

Summary: Based on the analysis of the modern institution of a special order of criminal trial and the practice of its implementation. The conclusion about the insufficiently high level of procedural guarantees of participants in criminal proceedings for fair justice in the conditions of targeted court proceedings is substantiated. The reduction of the special order in criminal proceedings, in the long term, is presented as a step towards the exclusion of simplified criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, court, justice, special procedure for court proceedings.

В соответствии с Концепцией современного отечественного уголовного судопроизводства, его реализация должна выстраиваться в рамках процессуальной формы, в полной мере отвечающей высоким требованиям обеспечения соблюдения прав и законных интересов участников уголовного процесса. Кроме того, она должна представлять собой эффективный механизм установления фактических обстоятельств дела. Традиционный общий порядок российского уголовного судопроизводства, прошедший, можно сказать, более чем вековую шли-

фовку судебной практикой, выстроенный с учетом соотношения высокой степени достоверности результатов уголовно-процессуальной деятельности и разумной скорости движения уголовного дела позволяет в полной мере достигать концептуальной цели уголовного судопроизводства. В связи с чем, он обоснованно признается основной формой уголовного судопроизводства.

Однако, в последние годы, в интересах оптимизации уголовного процесса, наблюдается расширенное использование целерантных форм судопроизводства по уголовным делам. В результате, подавляющее большинство уголовных дел рассматривается «ускоренно» и «упрощенно».

Еще в советский период развития уголовно-процессуальной формы, отклонение от основной формы судопроизводства в сторону целерантных форм, процессуалистам виделось неприемлемыми с позиции обеспечения оптимального достижения целей уголовного процесса и обязательного соответствия его процессуальных средств природе этих целей [10, с. 273].

И в наши дни, по замечанию В.Н. Григорьева, «множащиеся в последние годы особые производства, основанные на признании обвиняемым своей вины и предполагающие отказ от установления в суде действительных обстоятельств преступления, противоречат Конституции РФ и поэтому должны быть подвергнуты ревизии и оценке соответствия запросам и состоянию современного гражданского общества в России [3, с. 42–51].

Неоправданно широкая подмена общего порядка судопроизводства его «усеченными» формами уводит в тень подлинное назначение правосудия по уголовным делам. Правосудие, вершимое в упрощенной форме, не в состоянии в полной мере отвечать всем требованиям, предъявляемым к нему, как основному виду судебной деятельности. В условиях «упрощенной» процессуальной формы установление фактических обстоятельств остается на уровне «сомнительной верификации» и ставит под угрозу успешность достижения назначения уголовного судопроизводства в целом.

В обосновании необходимости существования целерантных форм судопроизводства лежат потребности из экономической плоскости: упрощение и удешевление процесса судопроизводства. Возможно, это отвечает интересам таких сотрудников правоохранительных органов и суда, чьи задачи сводятся к минимизации ответственности и трудоемкости деятельности. Очевидно, что для суда процедура особого производства наиболее привлекательна с этой позиции: нет необходи-

мости входить в сложный процесс доказывания, не требуется мотивирования своего решения, которое, к тому же, не станет предметом полноценной оценки вышестоящим судом. Но существующий высокий риск допущения невольной «судебной ошибки» в рамках особых производств, где итоговое решение базируется преимущественно на субъективных позициях подсудимого, не может не вызывать обеспокоенности у судей, стремящихся к осуществлению качественного и справедливого правосудия.

Отмены приговоров, постановленных в особом порядке, негативным образом сказываются на профессиональной репутации судьи. В тоже время, существующих гарантий обеспечения правосудности приговора в условиях практически отсутствующего доказывания обстоятельств совершения преступления, ограничения ряда принципов уголовного процесса, пониженного уровня процессуальных гарантий сторон, которое наблюдается при «упрощенных» производствах, явно недостаточно.

Да и можно ли называть судебную деятельность в рамках «особого порядка судопроизводства» правосудием в его подлинном понимании, базирующемся на том, что суд, на основе исследованных доказательств, дает ответ на вопросы о виновности либо невиновности подсудимого; мере и степени его наказания? Представляется, что говорить о полноценном процессе правосудия в условиях сокращенного производства нельзя.

По этому поводу в современной научной литературе высказана точка зрения, в соответствии с которой, в рассматриваемой ситуации мы имеем дело с новой формой правосудия, представляемой в виде контрольной функции суда за законностью [6, с.232–234]. Относительно особого порядка производства по уголовным делам по которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве В.Н. Григорьев отмечает, что в этом процессуальном положении «суд из вершителя правосудия превращается в регистратора соглашения» [4, с. 121]. В связи с чем, им поддерживается высказанное ранее Н.А. Дудиной предложение о необходимости перевода названного вида судопроизводства из особого в общий [5, с. 11].

В процессе изучения опыта применения сокращенного срока судебного разбирательства уголовного дела (в порядке главы 40 УПК РФ), среди других, мне попался случай из судебной практики, который заставил меня пересмотреть отношение к месту «ускоренного производства» в современном уголовном судопроизводстве. Конечно же, это не был единичный подобный случай, но обстоятельства, сложившиеся

в одном деле, представили яркую картину вопиющих нарушений прав человека в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела. А именно: уголовное дело, в отношении гражданки М., привлеченной в связи с повторным совершением ею преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, было рассмотрено одним из районных судов г. Сочи, в порядке главы 40 УПК РФ. С учетом ранее вынесенного условного наказания, ей был назначен реальный срок в размере 7 лет колонии общего режима. По истечении трех лет производство по данному делу было возобновлено ввиду вновь открывшегося обстоятельства, которым стал вступивший в законную силу приговор в отношении участкового Л., совершившего должностной подлог в ходе возбуждения уголовного преследования в отношении гражданки М. Судом было установлено, что участковый Л., при помощи подруги М. – гражданки О. подбросил в сумочку М. шприц с веществом, похожим на опийный раствор, но таковым не являвшимся. После изъятия, в присутствии понятых, названного шприца при направлении его на экспертизу, участковый Л. заменил содержимое шприца на действительно опийный раствор. По настоятельной рекомендации следователя, обвиняемая согласилась на особый порядок судопроизводства по своему делу. Далее, в суде подсудимая, в присутствии «бесплатного» адвоката, согласилась с выдвинутым в ее адрес обвинением и повторно выразила согласие на рассмотрение ее дела в «ускоренном» порядке. Приговор осужденной не обжаловался.

В приведенном случае правосудия не свершилось. Причин несколько: недостаточность проверки судом степени «добровольности» избрания подсудимой особого порядка судебного разбирательства; вопиющее попустительство со стороны защитника; самооговор подсудимой, по причине отсутствия у нее веры в справедливость деятельности правоохранительных органов и суда.

Этот случай из практики яркое свидетельство недостаточной степени гарантированности достижения целей правосудия в условиях «ускоренного» производства. И этот пример далеко не единичный, что свидетельствует о существовании проблем обеспечения гарантий прав граждан, вовлеченных в сферу «упрощенного», «ускоренного» судопроизводства, что не может не ставить вопрос о целесообразности использования целерантных форм уголовного судопроизводства.

Уместно отметить, что до 2018 года особый порядок рассмотрения уголовных дел был фактически основным способом, при котором рассматривалось до двух третей уголовных дел, но в 2019 году ситуация начала меняться в сторону снижения доли особого порядка в уго-

ловном судопроизводстве до 55,8%, по сравнению с 65,2% в 2018 году [9]. Не исключено, что частично на этот факт оказала влияние позиция Генерального прокурора России Ю. Чайки, назвавшего в качестве одной из важных причин ухудшения качества расследования «чрезмерное использование особого порядка рассмотрения уголовных дел», в связи с чем, он выразил убеждение в необходимости снижения удельного веса дел, рассматриваемых в упрощенном порядке [1]. Поддерживая мнение генпрокурора, первый заместитель комитета по законодательству и госстроительству Ю.П. Синельщиков высказался за целесообразность отмены особого порядка, поскольку по его словам: «Когда процесс укладывается в 20 минут – это не правосудие, это безобразие» [1].

Свою позицию, относительно заполнения упрощенной формой уголовного судопроизводства, обозначил и Верховный Суд РФ, инициировав законодательное ограничение области применения главы 40 УПК РФ. Необходимость данных изменений Верховный Суд РФ пояснил тем, что дела о преступлениях, отнесенных законом к тяжким, «ввиду их повышенной общественной опасности, как правило, являются особо сложными, затрагивают интересы значительного числа потерпевших, вызывают большой общественный резонанс и освещаются в средствах массовой информации, что требует установление на законодательном уровне высокой степени процессуальных гарантий справедливого правосудия. Обеспечить такие гарантии возможно только при рассмотрении дела в общем порядке судебного разбирательства в условиях действия принципа непосредственности и устности исследования доказательств в судебном заседании» [7]. Соответствующий законопроект был одобрен и в законную силу вступил федеральный закон, исключивший из области применения особого порядка принятия судебного решения уголовные дела о тяжких преступлениях [8].

Таким образом, необходимость обеспечения «высокой степени процессуальных гарантий справедливого правосудия» Верховным Судом РФ и законодателем признана только в отношении уголовных дел по делам о тяжких преступлениях, оставив без внимания решение аналогичной проблемы в отношении уголовных дел о преступлениях небольшой или средней тяжести. По всей видимости, в этих случаях следует довольствоваться менее высокой степенью «процессуальных гарантий справедливого правосудия». В итоге частичное реформирование института особого порядка судебного разбирательства проблемы его правоприменения уменьшило на уровне количества (выведя из-под угрозы часть дел), но не коснулось его качественной стороны.

Соглашаясь с проф. Л.В. Головки, рассматривающим сокращение особого порядка судопроизводства как шаг к его нормализации [2], хотелось бы верить, что это и шаг к цели исключения «упрощенной» формы в уголовном судопроизводстве. Стоит ли сохранять процессуальную форму, при которой, в угоду экономии и скорости, нет высоких гарантий справедливого правосудия.

Предполагается, что в условиях особого порядка судопроизводства, поскольку отсутствует спор сторон, прекращается действие принципа состязательности и обе стороны, гипотетически, должны быть согласны с постановленным приговором. Однако, по ограниченным основаниям предусматривается возможность пересмотра приговора, постановленного в порядке главы 40 УПК РФ. И этим правом чаще всего осужденные пользуются, будучи не согласными с вынесенным по их делу решением. Как показывает кассационная судебная практика, чаще всего основанием для обращения является, по мнению осужденных, не применение в отношении их условного наказания. То есть, они, рассчитывали на более мягкое наказание, но в итоге «сделки» «выгодоприобретатель» остался неудовлетворенным.

Путь к правосудию посредством применения особого порядка принятия судебного решения весьма туманен и рискован. Суд, верша правосудие, в итоге должен вынести законное, обоснованное, справедливое решение, основываясь не на своем исследовании, непоколебимом убеждении, а на основании чужих предложенных обстоятельств.

Вот почему, по нашему мнению, в существующих условиях низкого качества предварительного расследования, изобилующего подводными камнями нарушений закона, невысокого авторитета судебной власти, опасно направлять суд по тонкому льду упрощенного производства.

Список использованных источников

1. Генпрокурор предложил ограничить порядок рассмотрения уголовных дел // Ведомости 19 марта 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/03/19/796795-osobii-poryadok-del>.
2. Головки Л.В. Сокращение особого порядка – шаг в сторону нормализации уголовного процесса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2019/04/15/sokraschenie_osobogo_poryadka__shag_v_storonu_normalizacii_ugolovnogo_processa#comment_501099.
3. Григорьев В.Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды / В.Н. Григорьев [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 1. – С. 42–51. – Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.103>.

4. Григорьев В.Н. Фемида в поисках удобной формы (о некоторых современных тенденциях в развитии уголовно-процессуальной формы) / В.Н. Григорьев // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – №12. – С. 121.
5. Дудина Н.А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельностного раскрытия: Автореф. дисс.: Специальность 12.00.09. – Томск, 2015. – С. 11.
6. Егорова А.И. Оптимизация уголовного процесса в Российской Федерации путем упрощения: проблемы и перспективы: мат. IV Междунар. науч. конф. / А.И. Егорова // Юридические науки: проблемы и перспективы. – Казань: Бук, 2016. – С. 232–234.
7. Постановление Пленума от 11 апреля 2019 г. № 8 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/27702/>.
8. Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_357788/.
9. Ходжаева Е. Куда ведет выход из особого порядка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/ opinion/articles/2020/03/18/825605 -osobogo-poryadk/>.
10. Юридическая процессуальная форма: теория и практика. – М.: Юридическая литература, 1976. – С. 273.

Л.В. Веницкий

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного права, уголовного
процесса, Смоленский государственный университет

С.Л. Мельник

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой административного и трудового права,
Смоленский государственный университет,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Смоленский филиала Московского юридического института

О РАЗВИТИИ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РЕШЕНИИ ПРАВОВЫХ ВОПРОСОВ

Статья посвящена актуальным проблемам уголовного судопроизводства. Рассматривая возможности использования специальных знаний для решения правовых вопросов, авторы полагают, что такое использование возможно, в рамках заключения специалиста, который может проконсультировать следователя в вопросах быстро изменяющегося законодательства. Данная позиция основывается на анализе мнений выдающихся процессуалистов в различные временные отрезки, а также на ФЗ от 29.07.2017 г. № 250-ФЗ.

Ключевые слова: знания сведущих лиц, заключение эксперта, помощь следователю, заключение специалиста, правовая экспертиза.

Vinitsky Lev Vitalievich

Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure, Smolensk State University

Melnik Svetlana Lvovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Administrative and Labor Law,
Smolensk State University,
Head of the Department of Criminal Law Disciplines
Smolensk branch of the Moscow Law Institute

ABOUT THE POSSIBILITY OF USING SPECIAL KNOWLEDGE IN LEGAL ISSUES

Summary: The article is devoted to topical issues of criminal proceedings. Considering the possibility of using special knowledge to solve legal issues, the authors believe that such use is possible, within the framework of the conclusion of a specialist who can advise an investigator on issues of rapidly changing legislation. This position is based on the analysis of the opinions of prominent proceduralists in various time periods, as well as on the Federal Law of July 29, 2017, No. 250-FZ.

Keywords: knowledge of knowledgeable persons, expert opinion, assistance to the investigator, expert opinion, legal expertise

Следует отметить, что вопрос о сущности специальных знаний в уголовном судопроизводстве до сегодняшнего дня является дискуссионным. Объясняется это, в определенной мере тем, что УПК не содержит разъяснения этого термина.

Из анализируемых нами уголовно-процессуальных кодексов, только УПК Республики Казахстан в ст. 7 в п. 5 даёт следующее определение специальным знаниям. Это – «не общеизвестные в уголовном процессе знания, приобретенные лицом в ходе профессионального обучения либо практической деятельности, используемые для решения задач уголовного судопроизводства» [5, с. 7].

Говоря о специальных знаниях, авторы обычно подчеркивают, что специальными знаниями не являются юридические (правовые) знания.

Вместе с тем, отсутствие ясной процессуальной регламентации привело к возникновению вопроса о возможности использования помощи специалиста для решения правовых вопросов.

Выдающийся дореволюционный процессуалист И.Я. Фойницкий, например, отмечал, что закон разрешает формулировать перед экспертом вопросы «о нарушениях уставов казённых управлений, каковы устав лесной (1871/353, Тарасовых), устав питейный (общ. собр. 1875/50; 1885/35, Семёнова); по некоторым делам о нарушении уставов общественного благоустройства, например, устава строительного (1868/551, Овечкина) и др.» [13, с. 292].

М.С. Строгович допускал возможность проведения юридической экспертизы по вопросам иностранного права в случаях, когда суду при решении дела необходимо выяснить те или иные положения права иностранного государства [10, с. 339].

Ю. К. Орлов приходил к выводу о том, что вполне допустимо разрешение экспертом вопросов, относящихся к техническим или иным специальным правилам. В практике довольно часто перед экспертами ставятся и разрешаются ими вопросы о соблюдении правил бухгалтерского учета, строительных правил, пожарной безопасности и др. [6, с. 103].

Анализируя позицию В.Д. Арсеньева и В.Г. Заболоцкого, аргументирующих свою точку зрения о том, что «юридические знания, например, в области криминалистики, используются именно как специальные при производстве криминалистических экспертиз» [1, с. 4], Д.В. Зотов замечает: «Когда указывают на исключение юридических знаний из круга специальных, имеют в виду те знания, которые соответствуют либо процессуальным, либо материальным отраслям права. Иными словами – знания, имеющие научно-нормативную природу, криминалистика к таким не относится» [4, с.107].

Следует согласиться с мнением В. Балакшина о том, что если при расследовании и рассмотрении уголовного дела возникает необходимость исследования пограничных вопросов, например, таких, которые находятся на стыке права и экономики, правовых и экологических, правовых и кредитно-финансовых отношений, то назначение и производство соответствующей экспертизы не должно вызывать сомнений [2, с. 17].

А.А. Эксархопуло справедливо замечает: «Распространять на конкретного следователя, работника органа дознания, прокурора, судью обязанность быть вполне компетентным во всех вопросах всех известных сегодня отраслей и подотраслей права, знание которых может потребоваться в ходе в расследования и рассмотрения уголовных дел, означало бы поставить следователя, суд в весьма затруднительное, если не сказать безвыходное, положение, когда «знать право они обя-

заны», но реально освоить эти знания в объеме, требуемом для принятия квалифицированных и ответственных решений, оказывается невозможным» [14, с. 527].

Н.А. Ренер и Н.С. Исаев указывают, что при расследовании преступлений, совершённых военнослужащими, возникает необходимость в использовании специальных знаний в области военного дела и военной науки. А это большое количество нормативных правовых актов, в том числе подзаконных, локальных актов органов военного управления, многие из которых отнесены к сведениям, составляющим государственную тайну или к служебной информации ограниченного распространения. ... Военное законодательство насчитывает около тысячи нормативных актов [7, с. 274].

Следует иметь в виду, что действующий процессуальный закон в ч. 3 ст. 1 прямо ориентирует правоприменителя на использование положений международных договоров. И если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные действующим УПК, то применяются правила международного договора, что заставляет обращаться в Правовой департамент Министерства иностранных дел РФ [3, с. 39].

Резко противоположную позицию по данному вопросу занимает уважаемый А.А. Тарасов. Он считает, что «любой юрист, причастный к производству по любому судебному и связанному с ним делу, – это эксперт по вопросам юриспруденции, обладающий правом доктринального толкования любых правовых норм, правом повышать уровень своей профессиональной квалификации, консультироваться с любыми другими профессионалами». И далее. «Во всех ...случаях обращение одного юриста к другому юристу с просьбой дать официальное «заключение специалиста» для использования его в качестве доказательства по уголовному делу – это, с одной стороны, досадное недоразумение, констатация явных проблем в системе подготовки юридических кадров, а с другой стороны, признаки опасной тенденции, которая в случае своего развития приведет к тому, что российские следователи и дознаватели без стороннего специалиста в области юриспруденции не смогут самостоятельно составить ни одного процессуального документа, считая все возникающие юридические вопросы «особо сложными» [11, с. 21–22].

Отрицая допустимость превращения правовых экспертиз в повседневность, А.А. Тарасов полагает «все же, что абсолютно исключать возможность использования заключений экспертов-юристов и таких же заключений и специалистов тоже не стоит» [12, с. 23].

Аргументированную позицию относительно масштаба законотворчества в наши дни комментирует первый заместитель директора института законодательства и сравнительного правоведения Ю. Тихомиров. Он отмечает: «Практически каждый день Государственная Дума выпускает в свет по одному федеральному закону – около четырёхсот в год. Всего же за пять думских созывов депутаты приняли более четырёх тысяч законодательных актов. А если учесть, что на территории страны продолжают действовать законодательные акты Советского союза, РСФСР, а также региональные законы, можно только удивляться, насколько велико наше правовое пространство. ... Если нам в среднем нужно пять-семь кодексов – это я грубо очертил, – то к этим кодексам мы ещё не доберёмся, потому что их обрамляют, как дно корабля ракушки, такие подзаконные акты. Норма закона есть, но из-за множества подзаконных актов она усохла, стала худенькой такой – один может ей воспользоваться, другой права не имеет» [8].

В настоящее время Правительство России приняло постановление об отмене 3,6 тысячи актов советского времени. Это уже второй такой документ: первого февраля 2020 г вступило в силу постановление об отмене 1200 устаревших пактов советской власти. Всего же может быть отменено порядка 7 тысяч советских нормативно-правовых актов [9].

Изложенное позволяет прийти к выводу, что приведённые положения достаточно аргументировано доказывают необходимость проведения определенных правовых исследований. Представляется, что с позицией ученых согласились законодатели.

29.07.2017 г. Федеральным законом № 250-ФЗ статья 144 УПК РФ была дополнена частями седьмой и восьмой. Это дополнение, на наш взгляд, носило революционный характер. Дело в том, что законодатель впервые разрешил специалисту давать следователю заключение о нарушении законодательства Российской Федерации о налогах и сборах и (или) законодательства Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Полагаем, что соответствующее дополнение должно быть произведено в ст. 58 УПК РФ.

Список использованных источников

1. Арсеньев В.Д., Заболоцкий В.Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск. 1986.С. 4.
2. Балакшин В. Заключение эксперта как средство доказывания по уголовному делу // Законность. 2003. № 11. С. 17.

3. Виноцкий Л.В., Мельник С.Л. Об участии специалиста в уголовном процессе //Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150 -летию образования следственного аппарата в России). Материалы Всероссийской научно-практической конференции 28–29 мая 2010 г- М. Академия управления МВД РФ. Часть 2. С.39.
4. Зотов Д.В. Уголовно-процессуальное доказывание и научно-технические достижения. Теоретические проблемы. Воронеж. 2005. С.107.
5. Когамов М.Ч. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан (постатейный, к нормам УПК в редакции Законов РК от 31 октября и 24 ноября 2015 года). Алматы. 2015.С.7.
6. Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. М. 2016. С.103.
7. Ренер Н.А., Исаев Н.С. Современные проблемы назначения и проведения военно-уставных экспертиз // Материалы 3-й Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г.Москва, 25 – 26 января 2011 г.) М. МГЮА. 2011. С. 274.
8. По праву и по справедливости// Российская газета 1 июня 2011 г. № 116 (5492).
9. Российская газета. 17 февраля 2020 г. № 33 (8087).
10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. 1958. С. 339.
11. Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе. Издание второе, переработанное и дополненное. М. «Проспект» 2017. С. 21–22.
12. Тарасов А.А. Указ соч. С.23.
13. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб. 1996. С. 292.
14. Эксархопуло А.А. Правовые основы использования специальных познаний и технических средств в расследовании уголовных дел. Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовно-процессуального законодательства. Екатеринбург. 2003. С. 527.

«СОСТЯЗАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕРТИЗА» В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В настоящей статье автор исследует проблему состязательности специальных знаний в российском уголовном процессе. Дается оценка типам экспертиз, выделяемым в теории уголовного процесса. Оценивается характерный для российского уголовного процесса тип экспертизы, а также попытка законодателя найти компромисс между континентальной экспертизой, традиционной для российского уголовного процесса и англосаксонской моделями экспертизы. Автором формулируется тезис о реализации законодателем состязательной экспертизы англосаксонского типа в уголовном процессе Российской Федерации, посредством введения в процесс такого вида доказательств, как заключение специалиста и показания специалиста.

Ключевые слова: специалист, эксперт, специальные знания, защитник, состязательность.

Oksana Y. Vatutina

Assistant of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St.
Petersburg State University,
lawyer, member of the NGO " AK "ALIBI,

"COMPETITIVE EXAMINATION" IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

Summary: In this article, the author examines the problem of the adversarial nature of special knowledge in the Russian criminal process. The assessment of the types of expertise identified in the theory of criminal procedure is given. The author evaluates the type of expertise typical for the Russian criminal process, as well as the legislator's attempt to find a compromise between the continental expertise, traditional for the Russian criminal process, and the Anglo-Saxon models of expertise. The author formulates a thesis on the implementation by the legislator of the adversarial examination of the Anglo-Saxon type in the criminal process of the Russian Federation, by introducing into the process such type of evidence as the conclusion and testimony of a specialist.

Key words: specialist, expert, special knowledge, defender, competition.

Вопросы состязательности в уголовном процессе являются одними из самых актуальных, поскольку, именно конституционным принципом состязательности и равноправия сторон определяются процессуальные взаимоотношения участников процесса. Несмотря на то, что единого подхода к содержанию указанного принципа в науке уго-

ловного процесса не сложилось [2, с. 299], в подходах романо-германской и англосаксонской систем к его реализации сегодня имеются определенные сходства и тенденция к сближению, проявляющаяся также в реализации отдельных этапов доказывания.

Особенно ярко сближение проявляется в столь специфической области уголовного процесса, как область специальных знаний. Классическим проявлением подобного «сближения» явилось принятие в 2003 году Федерального закона № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», введение в российский уголовный процесс новых видов доказательств – заключение специалиста и показания специалиста. Именно с этого момента о состязательности при использовании специальных знаний, стало возможно говорить не только как о состязательности двух (или более) судебных экспертиз, имеющих в материалах уголовного дела и произведенных по назначению, лица, осуществляющего производство по уголовному делу, но и как о состязательности заключения судебного эксперта и заключения специалиста, привлеченного стороной защиты.

В классическом уголовном процессе романо-германской модели, когда «установление того или иного факта выходит за пределы компетенции органа расследования или правосудия и требует специальных знаний, этот орган прибегает по своей инициативе или по просьбе сторон к помощи эксперта для дачи заключения по поставленным вопросам» [2, с. 501]. То есть, назначается и производится судебная экспертиза, результатом которой становится заключение эксперта, выводы лица, обладающего специальными знаниями по результатам специального следственного действия.

Однако, это всегда следствие решения лица, осуществляющего производство по делу, даже в том случае, когда экспертиза назначается по ходатайству стороны защиты. Отсутствие реальной состязательности в данном вопросе стало побуждать стороны, лишенные властных полномочий чаще обращаться к помощи сведущих лиц и пытаться приобщать результаты их консультаций в материалы уголовных дел в качестве иных документов. Однако, практика продемонстрировала недостаточность подобного подхода и сформировала потребность расширения возможностей сторон в данной области. Попыткой разрешения сложившейся ситуации стала нормативная регламентация таких видов доказательств как заключение специалиста и показания специалиста, которая, однако, не породила «единство мнений относительно

процессуальной природы и назначения заключения специалиста» [6, с. 29 – 30].

В то же время, если отталкиваться от сравнительно-правового анализа, с целью наиболее глубокого понимания данного нововведения, как предлагает Леонид Витальевич Головкин, становится очевидно, что стороны, лишённые властных полномочий, например, защита или потерпевший, и ранее, как указывалось выше, пытавшиеся приобщить по своей инициативе консультативные заключения лиц, обладающих специальными знаниями (прибегнуть к так называемой «альтернативной экспертизе»), сегодня имеют законодательно закреплённую возможность её использования.

Децентрализованная природа экспертизы англосаксонского типа позволяет реализовывать принцип состязательности и равноправия сторон наиболее эффективно. Имплементация в российский уголовный процесс «альтернативной экспертизы» такого типа, позволила сторонам, особенно лишённым властных полномочий, самостоятельно привлекать для участия в деле лиц, обладающих специальными знаниями.

Поэтому, сегодня можно говорить о стремлении науки и практики российского уголовного процесса к состязательному принципу, который положен в основу судопроизводства стран англосаксонской системы, при сохранении специфики континентальной правовой системы. На наш взгляд, появление в российском уголовном процессе экспертизы англосаксонского типа, посредством участия специалиста, как самостоятельного участника процесса, «выводит» состязательность процесса на новый, более высокий уровень, поскольку, «Процессуалисты Англии и США считают, что, предоставляя обеим сторонам право на проведение экспертизы с участием собственного эксперта, они реализуют принцип состязательности сторон» [3, с. 58]. Несмотря на то, что «одной из отличительных черт англосаксонской правовой системы является отсутствие среди участников уголовного судопроизводства специалиста, то есть законодатель даже косвенно не упоминает о данном участнике» [3, с. 59], аналогия об «альтернативной экспертизе англосаксонского типа», проведённая Л.Я. Головкин обоснована и оправдана. Обозначение «эксперта со стороны защиты» специалистом, а формируемое им заключение, заключением специалиста, имеет скорее формальное, нежели материальное различие. Следовательно, и специалист, и эксперт – это лица, обладающие специальными знаниями, специалисты в широком смысле. Вышеуказанная позиция тем более обоснована, что фактическая роль (реализация конкретных функциональных обязанностей в процессе) как для эксперта, так и для специалиста,

выражается в оказании помощи сторонам. Оказание помощи сторонам в англосаксонском процессе осуществляется в форме участия свидетеля-эксперта в уголовном судопроизводстве и оформлением, проведенной им работы, заключением свидетеля-эксперта, что соотносится с характерным для современного российского уголовного процесса участием специалиста, подготовкой и/или представлением им заключения.

Реализация в российском уголовном процессе идеи «состязательной экспертизы», аналогичной экспертизе англосаксонского типа, подтверждается и тем, что в странах англосаксонского права эксперт свое заключение «основывает на различных источниках, к которым относится, во-первых, личные знания эксперта; во-вторых, различные факты, которые подтверждаются конкретными материалами из уголовного дела; в-третьих, информация, полученная экспертом в ходе уголовного судопроизводства, не зафиксированная в протоколах следственных действий» [3, с. 59], так и специалист в российском процессе может ограничиться дачей своего суждения по поставленным перед ним вопросам, без проведения исследования.

Несмотря на подобный, достаточно прогрессивный подход, планомерно закрепляемый на практике, до настоящего времени сохраняется конкуренция статусов эксперта и специалиста, как участников уголовного процесса. Конкуренция является результатом не утихающих в научных кругах дискуссий касательно места данного доказательства в системе отдельных видов доказательств и его соотношением с традиционным заключением эксперта, а также приоритетом, отдаваемым на практике заключению эксперта перед заключением специалиста участниками уголовного процесса. То есть, состязательность специальных знаний, регламентированная сегодня, на практике реализуется весьма затруднительно.

Нельзя признать подобный подход обоснованным, поскольку, реализация права защитника на собирание доказательств по делу, посредством привлечения специалиста для дачи заключения по делу, позволяет не только представить «свое» доказательство стороне защиты, но и решить иные вопросы, так, например, «в большинстве случаев в настоящее время (по данным статистики) именно защитниками выявляются ошибки следствия» [1, с. 58].

В то же время, нельзя игнорировать то обстоятельство, что, к заключениям специалиста, представленным в материалы уголовного дела, зачастую относятся скептически вполне обоснованно. Порой, в материалы дела представляются заключения специалистов, не выдерживающие совершенно никакой критики. Заключения не имеют ссылок

на научные методики и научную литературу, которыми специалист руководствовался при подготовке заключения, содержат произвольные и научно не обоснованные подходы к решению поставленных перед специалистом вопросов, имеют очевидно «заказной» характер. Так, например, в материалы уголовного дела по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 143 УК РФ, защитником было представлено заключение специалиста, опровергающее, содержащееся в материалах уголовного дела заключение судебного эксперта о степени тяжести вреда, причиненного здоровью потерпевшего. Специалист в своем заключении, опираясь исключительно на фотокопию заключения судебного эксперта (без необходимого изучения материалов уголовного дела (копий материалов уголовного дела) [4, с. 49], несмотря на то, что защитник имел возможность представить такие материалы), не ссылаясь на какие-либо научные методики, произвольно, по своему усмотрению [как указано в тексте заключения специалиста: «для совокупной оценки степени тяжести вреда, причиненного здоровью потерпевшего, выявленной у него тупой сочетанной травмой, целесообразно рассмотреть степень тяжести каждой из групп поврежденных, составляющих её»] разделил полученные потерпевшим, в результате несчастного случая, травмы и оценил их каждую изолированно, а не в совокупности, не учитывая одномоментный характер образования травм. В результате, специалист пришел к выводу о причинении здоровью потерпевшего вреда средней тяжести, что при наличии исходов травмы для потерпевшего в форме стойкой утраты трудоспособности в объеме 30% и длительности нетрудоспособности (более 400 (четырехсот) дней), которые специалист не учитывал, представляется в высшей степени противоречивым и необоснованным. То есть, предоставленная уголовно-процессуальным законодательством возможность защитнику (подозреваемому, обвиняемому) не всегда реализуется добросовестно.

Подобные практические результаты, объясняются множеством факторов, одним из которых и весьма существенным, является отсутствие нормативной регламентации формы заключения специалиста, то есть «процессуальная форма получения данного доказательства не определена, что следует считать недостатком правового регулирования» [7, с. 173 – 174]. Впрочем, решение данного вопроса не представляется сложным и лежит на поверхности: за основу должна быть взята форма, предусмотренная для заключения эксперта, что напрямую соотносится с идеей «состязательной» экспертизы, позволяя состязаться равнозначным доказательствам.

В открытом состязательном судебном разбирательстве процесс доказывания реализуется как объективная деятельность по наиболее

полному установлению всех обстоятельств дела, расширение возможностей стороны защиты по участию в доказывании, посредством использования специальных знаний, позволяет более полно использовать новейшие достижения науки и техники в доказывании. Однако, несмотря на то, что значимость заключения специалиста для реализации состязательности в российском уголовном процессе очевидна, данный вид доказательств требует существенной нормативной и практической доработки, для того, чтобы иметь возможность составить полноценную конкуренцию заключению эксперта. И, несмотря на то, что «заключение специалиста до сих пор остается определенной загадкой для отечественной теории доказательств» [5, с. 300], она вполне возможно может быть разрешена, посредством определения её места в состязательной экспертизе.

Список использованных источников

1. Власова С.В. Состязательная модель формирования доказательственного факта на основе доказательств сторон (заключения судебной экспертизы и заключения специалиста) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* – 2013. – С. 56 – 58.
2. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – 1280 с.
3. Латыпов В.С. Иные участники уголовного судопроизводства: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – 198 с.
4. Селина Е. Состязательность в применении специальных познаний по уголовным делам // *Российская юстиция.* 2003. – № 3.
5. Сотников К.И. Конфликт позиции судебного эксперта и специалиста со стороны защиты как выражение принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // *Криминалистика и судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее.* – Материалы ежегодной международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург. – 2017. – С. 298 – 305.
6. Тетюев С.В. Заключение специалиста: проблемы использования в уголовно-процессуальном доказывании // *Следователь.* – 2010. – № 6. – С. 29–32.
7. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. И.Л. Петрухин. – М.: Проспект, 2006. – 664 с.

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ПРАВОСУДИЯ И СОГЛАШЕНИЕ С ОБВИНЯЕМОМ

Институт особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ), представляющий собой упрощенную форму уголовного судопроизводства, – предмет постоянных дискуссий. Это связано как с его юридической природой, его содержанием, так и с процессуально-правовой регламентацией процедуры. Практика правоприменения дает основание говорить о том, что нормы данного института вступают в противоречие с рядом принципов уголовного процесса, не предусматривают дополнительных гарантий прав его участников, не обеспечивают реализацию основных направлений назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: назначение уголовного судопроизводства, ценностные приоритеты правосудия, принципы уголовного процесса, особый порядок принятия решения, гарантии прав.

Ludmila M. Volodina

Dr. Sci. (Law), Professor of the Criminal Procedure Dept. at Moscow State
Kutafin Law University (MSLA)

VALUE PRIORITIES OF JUSTICE AND AGREEMENT WITH THE ACCUSED

Summary: The institution of a special procedure for making a court decision with the consent of the accused with the charge brought against him (Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), which is a simplified form of criminal proceedings, is a subject of constant debate. This is due both to its legal nature, its content, and to the procedural and legal regulation of the procedure.

The practice of law enforcement gives grounds to say that the norms of this institution conflict with a number of principles of the criminal procedure, do not provide for additional guarantees of the rights of its participants, and do not ensure the implementation of the main directions of the appointment of criminal proceedings.

Keywords: purpose of criminal proceedings, value priorities of justice, principles of criminal procedure, a special procedure for making a decision, guarantees of rights.

Обращаясь к истокам российской школы уголовного судопроизводства, понимаешь, насколько сложный путь пройден для преодоления формализма процессуальных требований и формирования истинно ценностных приоритетов, которые стали для нас канонами правосудия. И, верно, не было бы необходимости напоминать о них: они впитаны нами с молоком *Alma mater*, если бы не проникающие в нашу жизнь признаки девальвации этих ценностей как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности.

Потребность в ускорении уголовно-процессуальных процедур, рассматриваемая как тенденция в развитии уголовного судопроизводства, привела к внедрению в УПК Российской Федерации института особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ). Названный институт как одна из форм дифференциации судебного разбирательства, решая задачу постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, в рамках задуманного упрощения процедуры судебного разбирательства, преследует цель экономии процессуальных средств. Инициатива в выборе данного вида процедуры принадлежит обвиняемому. Первоначальная осторожность в применении института изменилась со временем кардинально. По данным официальной статистики в 2019 году в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением рассмотрено 69% дел от общего объема, осуждено 480 000 лиц, а в отношении 95 000 лиц даже в этом порядке дела прекращены судом [3].

Осознавая неизбежность влияния процессов правовой конвергенции, происходящей в современном мире взаимодействия различных правовых систем, и необходимость экономии процессуальных средств, тем не менее мы должны исходить из тех неоспоримых ценностных приоритетов, которые лежат в основе понимания правосудия. Известный российский ученый, ординарный профессор и декан юридического факультета Санкт-Петербургского университета Я.И. Баршев писал: «Вечный, коренный закон правды и справедливости, сродный каждому человеку, выражаемый в осуществляемой каждым государством, необходимо требует уничтожения всякого нарушения и восстановления нарушенного законного состояния» [1, с. 1]. «Коренной закон правды и справедливости»... Достижимы ли они в условиях особого процессуального порядка, установленного главой 40 УПК РФ?

В связи с этим представляет интерес позиция некоторых ученых США. Так, доктор права Уильям Пицци, анализируя в своем научном труде «Судопроизводство без истины» недостатки судебной системы

США и обозначая направления предлагаемой ее реформы, пишет: «Сильная судебная система должна уделять первоочередное внимание установлению истины и упорно стремиться к достижению этой цели. Наша судебная система этого не делает, и в результате наши судебные процессы не сфокусированы. Без ясной цели, в каком направлении работать, судья прикипает к процедуре почти как к самоцели своей деятельности, потому что они не имеют ничего, что бы направляло их...», «когда страна имеет слабую и дорогую судебную систему, она вынуждена принять любую сделку о признании вины, чтобы избежать судебных процессов [6, С. 243; 204, 205].

Возражения против приведенного суждения, безусловно, коснутся вопроса соотношения понятий «сделка о признании вины» и «согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением». Вопрос этот обсуждался в бесчисленном количестве научных трудов. Споры по этому поводу беспредметны, не будем лукавить: согласие обвиняемого с обвинением означает ничто иное как согласие с инкриминируемым ему составом преступления, включающим как соответствующий данному составу элемент – субъективную сторону преступления, характеризующую форму вины, мотив и цель преступления. Но в рамках особого порядка принятия решения в соответствии с положениями главы 40 УПК РФ эти вопросы не обсуждаются. Практика действительно идет по пути упрощенной процедуры.

Существующие утверждения о том, что упрощенные производства имеют своей целью скорейшее обеспечение конституционных прав граждан неубедительны. Анализ соотношения положений ст. 6 УПК РФ, установившей приоритетным направлением уголовно-процессуальной деятельности защиту прав потерпевшего, и норм, регулирующих особый порядок принятия решения, дает основание утверждать, что реализация конституционного права потерпевшего на возмещение причиненного ему преступлением вреда не подкреплена никакими гарантиями. В числе обсуждаемых проблем – вопросы бесконтрольности обеспечения прав потерпевшего, нарушения его конституционного права на полное возмещение причиненного вреда. В законе не урегулированы вопросы, связанные с непризнанием обвиняемым в рамках процедуры особого порядка производства по делу гражданского иска. Среди означенных проблем – проблемы, сопряженные с отказом удовлетворения гражданского иска. Не вносит ясности в решение вопросов обеспечения прав потерпевшего и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05 декабря 2006 года № 60 (в ред. от 22 декабря 2015 года) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» [7].

В уголовно-процессуальном законе отсутствует механизм контроля возмещения вреда потерпевшему. В этой связи А.А. Шамардин предлагает включить в число условий для проведения судебного разбирательства в особом порядке возмещение (заглаживание) причиненного вреда [11, с. 287]. Предложение, безусловно, заслуживает внимания, но оно направлено лишь на решение одной из существующих проблем.

Многие ученые в ходе обсуждения вопроса о легализации института выступали против включения в УПК РФ подобных процедур, считая их чуждыми российскому менталитету, считая, что подобного рода сделки – не в интересах потерпевшего [5, с. 37–38]. Ныне интервьюирование судей дает основание утверждать, что в рамках применения норм рассматриваемого института никогда не проверяется мотив волеизъявления потерпевшего, давшего согласие на особый порядок производства по делу. Известно, что отсутствие возражений потерпевшего, не присутствующего в судебном заседании, нередко вызвано незнанием особенностей производства в особом порядке.

Порядок производства в соответствии с положениями главы 40 УПК РФ не соответствует в ряде случаев и принципам уголовного судопроизводства. К числу проблем практики применения норм данного института справедливо относят его несоответствие принципу презумпции невиновности: «фактически положениями главы 40 УПК РФ действие принципа презумпции невиновности поставлено в зависимость от волеизъявления лица, привлекаемого к уголовной ответственности, что не может быть признано правильным в силу непосредственного действия норм Конституции РФ» [10, с. 12]. Не раз обращалось внимание на то, что этот порядок производства не соответствует и общему представлению о состязательности, предполагающей равенство прав сторон процесса в предоставлении и исследовании доказательств по уголовному делу. По сути дела, доказательства изучаются единолично судьей за рамками уголовного процесса, вне судебной процедуры, требующей гласности и непосредственности анализа доказательств.

Порядок особого производства лишает возможности полноценного доказывания вины, всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела. Отказ от этого принципа уголовного процесса привел к утрате ответственности властных субъектов уголовного судопроизводства за результаты своей работы. Согласно статистическим данным из общего количества преступлений, зарегистрированных на территории России за 2019 год (эта цифра составляет 2 024

337 преступлений), более трети всех зарегистрированных преступлений (42,5 %) составляют хищения чужого имущества. Общая сумма ущерба от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам и материалам об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям) составила 627 697 445 рублей, что на 11,5 % больше аналогичного показателя прошлого года. При этом за январь – декабрь 2019 года раскрыто лишь 1 052 441 преступление из числа деяний, уголовные дела о которых находились в производстве на начало года или зарегистрированы в отчетном периоде [8]. И, учитывая вышеупомянутый процент разрешения уголовных дел в особом порядке, когда исследование фактических обстоятельств дела не осуществляется, а рассмотрение гражданского иска в этом случае в уголовном процессе невозможно, что достается потерпевшему от справедливости правосудия?

Отказ от непосредственности исследования доказательств (непосредственному исследованию в соответствии с ч. 5 ст. 316 УПК РФ подлежат лишь доказательства, посредством которых могут быть установлены «обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание») означает, что доказательства не проверяются на доброкачественность с позиции требований закона к их юридическим свойствам. Процесс познания обстоятельств уголовного дела, определяемых как предмет доказывания, заменен суррогатной процедурой, ничего общего не имеющей с исследовательской работой, направленной на выявление всех составляющих (элементов) состава преступления и обоснование вывода на основе внутреннего убеждения, сложившегося из достоверного знания. Уильям Пицци в уже упомянутом научном труде говорит об этом с нескрываемой иронией: «Судья не хочет задавать слишком много вопросов о сути преступления, а прокуроры и адвокаты тем более этого не хотят, потому что это может вызвать вопросы о правильности сделки о признании вины в умах тех, кто участвует в деле» [6, с. 206]. Мы же лукавим, делая вид, что это не является нарушением прав человека. И не секрет, что за этим умолчанием проблемы нередко кроются огрехи доказывания в стадии предварительного расследования.

Приговор, постановленный в соответствии со ст. 316 УПК РФ, нельзя обжаловать, ссылаясь на несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, т.е. по основанию, предусмотренному п.1 ст. 379 УПК РФ. Иначе говоря, исключается обжалование приговора по мотивам доказанности либо недоказанности вины подсудимого. Ограничение права на обжало-

вание решения суда толкуется в этом случае нередко как безобидное исключение из общего правила.

Завершая анализ, хочется напомнить, что ст. 282 УПК РСФСР 1923 г. содержала норму, в соответствии с которой, *«если подсудимый согласился с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признал правильным предъявленное ему обвинение и дал показания, суд может не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию прений сторон»*. Жаль, что это положение закона прошлых лет, имплементированное в современную уголовно-процессуальную действительность, не тревожит «генетическую память» о «царице доказательств» [2, с. 146–149]. На обстоятельства аналогичного характера, предостерегая нас, обращал внимание в ходе обсуждения проблемы внедрения особого производства в российское уголовное судопроизводство профессор права Сент-Луисского университета в США Стивен Тейман, обращаясь при этом к суждению известного американского историка уголовного права Джона Лангбейма, считавшего, что *«сделки о признании вины заменили собой пытку как способ принудить подозреваемого к самоговору»*[9, с. 36–37].

Особый порядок производства по уголовному делу не содержит никаких дополнительных гарантий прав участников, заинтересованных в исходе уголовного дела. В поисках оптимизации отечественного уголовного процесса мы должны решать вопросы процедурного характера в русле ценностных приоритетов, выработанных на протяжении истории его развития.

Список использованных источников

1. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб.: Тип. II Отделения собств. е.и.в. канцелярии. 1841.
2. Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень: Изд. ТюмГУ. 1999.
3. Лебедев: районные суды присяжных за полгода своей работы оправдали 28% подсудимых. // URL: <https://www.znak.com/2019-02> (дата обращения 10.09.2020).
4. Михайлов П. Сделки о признании вины – не в интересах потерпевших. //Российская юстиция. 2001. № 5.
5. Петрухин И. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету //Российская юстиция. 2001. № 5.
6. Пицци Уильям. Судопроизводство без истины: почему наша система уголовного судопроизводства стала дорогой ошибкой и что нам необходимо сделать, чтобы восстановить ее. Пер. с англ. Д.А. Печегина. Под ред. М.А. Кудратова. М.: Инфотропик Медиа. 2019.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05 декабря 2006 года № 60 (ред. по сост. 22 декабря 2015 года) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // – Доступ из СПС «Консультант Плюс».
8. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление статистики и информационных технологий. // Сборник подготовлен на основании формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГ Источник: URL: [Chttps://genproc.gov.ru/stat/data/1681252/](https://genproc.gov.ru/stat/data/1681252/) (дата обращения – 10.07.2020).
9. Тейман С. Сделка о признании вины или современные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? //Российская юстиция. 1999.№ 10.
10. Чернов Р. Конституция VS УПК РФ. Особый порядок производства при согласии с обвинением. //Новая адвокатская газета. 2012. № 7 (20).
11. Шамардин А.А. Проблемы обеспечения гарантий прав личности при особом порядке судебного разбирательства. //Труды Оренбургского инта (филиала) МГЮА. Вып. 6. Оренбург. 2005.

Б.Я. Гаериллов

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры управления органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России

ПОТРЕБНОСТЬ В НОВОМ УПК РФ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ ИЛИ ФАНТОМ

В статье автором подвергнуто исследованию современное состояние российского уголовно-процессуального законодательства и его такие конкретные процессуальные институты как возбуждение уголовного дела, процессуальные сроки расследования, предъявление обвинения и ряд других, дается их оценка с позиции правоприменительной практики и приводится авторское видение реформирования процессуальных правил осуществления предварительного расследования.

Ключевые слова: уголовный процесс, возбуждение уголовного дела, процессуальные сроки, предъявление обвинения, следователь, дознаватель, прокурор.

Boris Ya. Gavrillov

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Department of Management Investigation Bodies of Crimes,
Academy of Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE NEED FOR NEW CODE OF CRIMINAL PROCEDURE: MODERN REALITIES OR PHANTOM

Summary: The author's article was studied by the current state of Russian criminal procedure legislation, and its such specific procedural institutions as the initiation of criminal proceedings, the procedural time of the investigation, the presentation of the charges and a number of others, their assessment is given from the position of law enforcement practice and the author's vision of reforming the procedural rules for the implementation of the preliminary investigations in criminal matters.

Keywords: criminal proceedings, initiation of criminal case, procedural time, charges, investigator, investigator, prosecutor.

В качестве первоочередной задачи при построении новой модели УПК РФ следует обозначить преодоление сложившихся еще в рамках действия УПК РСФСР и воспроизведенных УПК РФ таких категорий как заформализованность и забюрократизированность российского уголовно-процессуального закона. Прямым следствием этого является низкая эффективность досудебного производства, поскольку количество направленных, например, следователями органов внутренних дел

в суд уголовных дел из числа возбужденных за два последних десятилетия значительно сократилось (с 36 % в 1991 г. до 22 % в 2020 г.) [4, С. 98–102].

Свидетельством заформализованности уголовного процесса служит приговор в отношении Зелепухина В.В., который 23.08.2015 в 15 час. 30 мин., будучи в состоянии опьянения, путем разбития оконного стекла в присутствии проходившего мимо гр. К. похитил с витрины магазина три упаковки туалетной бумаги, (все, что смог пьяный унести) стоимостью 197 руб.45 коп. и был осужден по ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам 5 месяцам лишения свободы. Расследование и судебное разбирательство по уголовному делу осуществлялось почти 5 месяцев, в течение которых он содержался под стражей. По делу проведена судебно-товароведческая экспертиза по оценке похищенного. Содержание приговора изложено на 14 страницах формата А4 [18]. По самой минимальной оценке на данный судебный процесс затрачено не менее 0,5 млн. руб., включая содержание данного лица под стражей, затраты на экспертизу, заработную плату следователя, прокурора и судьи.

Здесь следует учитывать, что, несмотря на многочисленные судебные реформы, проводимые в последние двести лет, следственная власть, следственный уголовный процесс остаются, основами правовой организации противодействия преступности. Не могли изменить этого коренного порока отечественной правовой модели, как утверждает профессор А.С. Александров [1, С. 7–10], еще более частые преобразования самих следственных органов, их отношений с прокуратурой.

В определенной степени с этим утверждением безусловно следовало бы согласиться, если бы:

- во-первых, к этому была готова судебная система;
- во-вторых, в условиях России такие революционные преобразования способны только разрушить систему предварительного расследования, без которого судебная система останется «без работы»;
- в-третьих, в современных условиях представляется целесообразным последовательные шаги законодателя по преодолению имеющихся реальных с точки зрения правоприменителей проблем действующего УПК;
- в-четвертых, говоря о несовершенстве законодательства, следует обратиться и к мнению профессора В.Т. Томина, который в своей книге «Уголовное судопроизводство: революция продолжается» [20, 112 с.] написал, что мир долгие эпохи мечтает о том, чтобы появилось «юридическое чудо – первый в мировой истории уголовный процесс,

который бы не только декларировал, но и реально обеспечивал неотвратимость ответственности».

Необходимость совершенствования уголовно – процессуального законодательства обусловлена, в первую очередь, тем, что эффективность в целом уголовного судопроизводства как с точки зрения практикующего юриста – следователя, так и представителя научного сообщества не соответствует требованиям сегодняшнего, что подтверждается приведенными далее в статье статистическими данными о состоянии законности и качестве расследования уголовных дел, что, в свою очередь, позволяет ставить вопрос о необходимости реформирования его основных институтов. При этом, учитывается, что определяющим здесь является обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В этой связи, в качестве первоочередной задачи, как отмечено выше, видится необходимость «слома» сложившихся еще в рамках действия УПК РСФСР и перешедших в УПК РФ заформализованности и забюрократизированности российского уголовного судопроизводства и особенно его досудебной части.

Среди причин снижения эффективности досудебного производства автор выделяет и внесенные за почти 19 лет действия УПК РФ более чем 260-ю федеральными законами изменения, часть из которых носила несистемный характер, а отдельные из них противоречили идеологическим основам принятого в 2001 г. нового российского УПК. Но вместе с тем большинство из них обуславливалось потребностями правоприменительной практики.

Негативное влияние на эти процессы оказали и компромиссные решения законодателя при подготовке УПК РФ ко второму чтению при одновременном отказе от предлагаемых автором мер по реформированию его отдельных процессуальных институтов, что законодателю пришлось восполнять в последующие годы, а также имевшие место после принятия УПК контрреформы его отдельных институтов [2, С. 74–82].

Одновременно, говоря о внесенных в УПК РФ многочисленных изменениях, следует указать, что абсолютное большинство из них было обусловлено тем, что:

- они явились результатом введения вновь или совершенствования ряда институтов действующего УПК РФ. Так, Федеральным законом от 05.06.2007 №87-ФЗ [9] следователи были из состава прокуратуры с последующим образованием Следственного комитета Российской Федерации, а для реализации данных изменений законодатель передал

руководителю следственного органа полномочия по процессуальному руководству следователями с одновременным сохранением за прокурором надзорной функции за их деятельностью. Далее, законодателем в УПК РФ в качестве участников уголовного процесса были введены начальник подразделения дознания и начальник органа дознания, а также включен институт досудебного соглашения о сотрудничестве. Существенные изменения в УПК РФ были внесены Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ [10], которым значительно расширен перечень следственных и иных процессуальных действий, осуществляемых в ходе проверки сообщения о преступлении; в досудебное производство введены сокращенная форма дознания, а Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ в связи с необходимостью реализации решений Европейского суда по правам человека по делу «Бурдов» и «Бурдов 2 против Российской Федерации» в УПК включена норма-принцип – ст. 6¹ УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства» в которую в последующие годы были внесены изменения еще 4-мя Федеральными законами с целью уточнения момента исчисления разумных сроков и ряд других нововведений [14];

- вместе с тем, отдельные нормы УПК РФ содержали положения УПК РСФСР 1922 и 1960 гг., не отвечающие современным потребностям;

- одновременно, как отмечено выше, ряд норм принятого УПК РФ явились результатом компромисса между представителями правоохранительных органов, с одной стороны, научного сообщества совместно с законодателем, с другой стороны. К ним следует отнести переходные положения, предусматривающие сохранение за прокурором до 1 января 2004 года [11] права санкционирования следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, а также на продление срока содержания подозреваемых, обвиняемых под стражей [12]. Последнее послужило для Конституционного Суда РФ основанием для принятия Постановления от 14.03.2002 №6-П [17] о признании не соответствующим Конституции Российской Федерации положений уголовно – процессуального закона о санкционировании прокурором заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу, что потребовало от законодателя внесения в УПК до вступления его в действие первых изменений, предусматривающих ограничение прав и свобод участников уголовного процесса исключительно по судебному решению и др. [13].

С учетом этого позиция автора заключается в предложениях по обсуждению в научном сообществе и среди правоприменителей с по-

следующим доведением до законодателя выработанных предложений, предусматривающих пересмотр отдельных процессуальных институтов. Эти изменения, по нашему мнению, должны быть направлены на:

- пересмотр положений ч. 1 ст. 162 УПК РФ о двухмесячном сроке предварительного следствия в силу их противоречия норме – принципу (ст. 6¹ УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, исходя из содержания постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11-П, не должен превышать по уголовным делам 4 лет. Тем более, что сама эта норма «пришла» из УПК РСФСР, 1922 г.;

- увеличение первоначального (2 месяца) срока содержания обвиняемого под стражей, в который, исходя из содержания ч.1 и ч.1¹ ст.221 УПК РФ входят от 10 до 30 суток для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного решения по поступившему к нему уголовному делу (вместо 5 суток по УПК РФ в редакции 2001 г.) и ещё 14 суток для принятия судом (судьей) соответствующего решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ (например, по УПК Италии первоначальный срок ареста составляет 6 месяцев) с возможностью еще сокращения по обращению прокурора или стороны защиты;

- принципиальный пересмотр процессуальных правил, регламентирующих институт предъявления обвинения, нормы которого на протяжении десятилетий обеспечивали реализацию права обвиняемого на защиту путем допуска защитника к участию в уголовном деле именно с момента предъявления обвинения. В этой связи следует учитывать, что с принятием Федерального закона от 04.03.2013 №23-ФЗ [10] участие адвоката-защитника предусмотрено уже с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении, то есть когда уголовное дело еще не возбуждено. Более того, анализ действующих норм УПК РФ позволяет утверждать, что сегодня фактически нивелированы различия в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), кроме этапа окончания расследования уголовного дела. Существенным аргументом за исключение института предъявления обвинения является и то, что в суд за период действия УПК РФ направлено более 5 млн. уголовных дел, расследованных в форме дознания, без «классического» предъявления обвинения. Не предусматривали данного института и нормы Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [5, С. 65–73]. В большинстве государств Европы, а сегодня и ряде государств бывшего постсоветского пространства данный институт отсутствует, поскольку с позиции Европейского Суда по правам человека обвинение это есть обоснованное подозрение [19];

- введение взамен сокращенного дознания протокольной формы предварительного расследования в течение 48 часов в отношении конкретного лица при его задержании с «поличным» и признани им факта совершения преступного деяния. Данная форма расследования, по мнению автора, не должна предусматривать процедуру возбуждения уголовного дела, также предлагается законодательным путем ограничить перечень обязательных следственных действий при производстве дознания в протокольной форме допросом заподозренного в совершении преступления лица, а также потерпевшего. Закон должен предусматривать обязательное задержание такого лица по основаниям, предусмотренным ст. ст. 91–92 УПК РФ на срок до 48 часов, в течение которых расследование должно быть завершено. При поступлении уголовного дела в суд с учетом положений п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ суд продлевает срок задержания до 72 часов, в течение которых осуществляется судебное разбирательство. Например, в Германии срок расследования и судебного разбирательства такого уголовного дела составляет сутки, а в Италии – 2 суток с возможным назначением наказания до 5 лет лишения свободы.

В числе наиболее актуальных проблем, связанных с совершенствованием досудебного производства, автору видятся следующие:

- с одной стороны, не вызывает сомнений обоснованность реформирования Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ досудебного производства [6], о чем свидетельствуют приведенные ниже статистические данные о результатах следственной работы, позволяющие сделать вывод о более высоком:

а) уровне процессуального контроля:

Период	Число оправданных судом лиц, в т.ч. на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей			
	След. МВД	Из них содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержалось под стражей
2006	1372 – 2,0	524	1885 – 18,0	954
2013	509 – 1,3	250	654 – 5,8	411
2017	402 – 1,1	164	539 – 4,8	219
2018	405 – 1,2	158	591 – 5,5	271
2019	412 – 1,3	142	629 (+5,6)	303
2020	376 – 1,3	151	513 – 5,3	220

б) и, одновременно, об усилении надзорной деятельности прокурора к качеству расследования, что обеспечило многократное сокра-

шение количества дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст.237 УПК РФ [7, С. 27–31]:

Период	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом для доследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ	
	Следователям МВД	Удельный вес (в %)	След. прокур. и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В т.ч. след-м/уд.вес (в %)
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 – 4,0%
2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	–
2018	17791	5,6	3569	3,6	6468	4668 – 1,1%
2019	18543	6,3	3374	3,6	6466	4417 – 1,0%
2020	17663	6,3	1902	2,0	6021	4166 – 1,1 %

- с другой стороны, необходимость исключения из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой повлекло за собой двукратное (на 1,45 млн.) на протяжении последних 15-ти лет снижение количества возбужденных уголовных дел и увеличение за этот период на 2,3 млн. (в 2015 г.) количества «отказных» материалов при фактической неизменности числа зарегистрированных сообщений о преступлениях [3, С. 74–78].

	2006	2015	2017	2019	2020
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн.)	10,7	12,2	10,3	9,9	9,3
Возбуждено уголовных дел (млн.)	3,3	1,89	1,78	1,7	1,7
В т.ч. удельный вес к числу сообщений о преступлениях (в %)	30,8	15,5	16,8	17,1	18,4
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн.)	4,5	6,8	6,3	6,0	5,5

Исключение ст. ст. 146 и 148 УПК РФ обусловлено и складывающейся с учетом решений Конституционного Суда Российской Федерации [15] и позиции Верховного Суда Российской Федерации [8, С. 20–22] складывающейся судебной-следственной практикой возбуждения уголовных дел, которая противоречит многолетней практике расследования и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении 55 лет норме о возбуждении уголовного дела.

Относительно возвращения прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела.

Для разрешения этой проблемы необходимо изменить редакцию пункта 4 части 1 статьи 140 УПК РФ, установив, что «По постановлению прокурора о направлении материалов в орган расследования для решения вопроса об уголовном преследовании следователь, дознаватель незамедлительно (в течение 24 часов) возбуждает уголовное дело за исключением случаев, препятствующих началу его производства». Такие случаи предусмотрены ч. 1 ст. 24 УПК РФ (п. 3, 5, 6) и ч. 1 ст. 27 УПК РФ (п. 3–6).

В качестве самостоятельного прокуратурой выдвигается требование о возвращении прокурору полномочий по согласованию обращений следователей в суд о заключении подозреваемых, обвиняемых под стражу, поскольку передача этой функции руководителю следственного органа повлекла, по мнению прокуратуры, рост нарушений законности. По мнению автора, о необоснованности этих требований можно судить через приведенные статистические данные о числе заключенных под стражу граждан.

Сведения о числе заключенных под стражу подозреваемых, обвиняемых по ходатайствам следователя, дознавателя (за 2005–2008 гг., 2016–2020 гг.)

	2005	2007	2008	2016	2019	2020
Следователями прокуратуры	52026	—	—	—	—	—
Следователями при прокуратуре	—	39586	36112	—	—	—
Следователями СК РФ	—	—	—	23613	19409	18938
Следователями ОВД	141174	128709	122671	75422	60118	53185
Дознавателями ОВД	28889	21666	16922	6796	4902	4043

Кроме того, в числе аргументов за возвращение прокурору полномочий по процессуальному руководству следователями представители научной общественности выдвигают тезис о том, что как следователи органов внутренних дел, так и Следственного комитета, нередко игнорируют требования прокуроров, заявленными в соответствии п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия.

Однако по данным Генпрокуратуры России (отчет по форме 555) в 2017–2020 гг. прокурорами в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ направлено следователям Следственного комитета РФ от 42 тыс. до 46 тыс. требований, из которых было удовлетворено 97–98 % этих требований. Из выявленных прокурорами от 105 тыс. до 125 тыс. за этот же период нарушений федерального законодательства по уголовным делам, расследованным следователями органов внутренних дел, удовлетворено 99 % требований прокуроров об их устранении. По органам дознания в системе МВД России удовлетворено более 99 % таких требований.

Предложения автора по совершенствованию современного досудебного производства поддерживаются в российском научном сообществе и среди практикующих юристов. Задача сегодня состоит в разработке такой доктрины досудебного производства, которая будет реально отражать произошедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни российского государства изменения, чему сегодня в значительной мере препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше процессуальных институтов.

Осуществляемые в последние годы Российской Федерацией законодательные меры по дальнейшей гуманизации уголовного законодательства, включая принятие федеральных законов от 03.07.2016 г. в части либерализации уголовной ответственности за отдельные виды преступлений, не представляющих с позиции государства опасности, требуют соответственно переоценки уже действующих и создания новых уголовно-правовых институтов, удовлетворяющих требованиям современного развития общественных отношений.

Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев, комментируя указание закона в части декриминализации краж чужого имущества без квалифицирующих признаков с размером ущерба до 2 500 руб. (ч. 1 ст. 158 УК РФ), части побоев (ст. 116 УК РФ), фактов уклонения от уплаты «алиментов» (ст. 157 УК РФ), отметил, что данные законодательные новеллы (их инициатором был Верховный Суд РФ – выделено автором) требуют законодательного продолжения. Поэтому в Уголовный кодекс Российской Федерации предлагается ввести «уголовно-наказуемый проступок», который является новым элементом в российской уголовно-правовой политике. Данное обстоятельство, по мнению автора, следует учитывать и законодателью в случае реализации представленного А.Л. Кудриным 5 апреля 2017 года на парламентских слушаниях в Совете Федерации РФ проекта Дорожной карты (2017–2025 гг.) совершенствования уголовной политики [16], о чем автор ранее высказывался.

Соглашаясь с позицией В.М. Лебедева, автор отмечает необходимость возвращения в уголовный закон уголовного проступка, обращаясь в этой связи к позиции таких ученых, как Э.П. Григонис, С.Г. Келина, С.В. Максимов, Е.В. Рогова, В.Ф. Цепелев, Н.С. Щедрин и др., а также практикующих юристов (В.В. Гордиенко, Ю.В. Торопин, Б.Я. Гаврилов и др.), предлагающих в своих публикациях дифференцировать уголовно-наказуемые деяния в зависимости от их тяжести путем градации на преступления и уголовные проступки. Реализация этих мер призвана обеспечить реальную, в отличие от настоящей формальной, правовую оценку с учетом степени общественной опасности деяния и лица, его совершившего.

При этом следует отметить, что С.Г. Келиной, Г.А. Кригером, Н.Ф. Кузнецовой, М.Д. Шаргородским и рядом других ученых идея выделения в законодательстве уголовных проступков высказывалась еще до принятия в 1996 году Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Вместе с тем существуют и иные точки зрения. Например, профессор Л.В. Головкин обосновывает позицию об отсутствии в России должных правовых оснований для этих изменений. Аналогичную точку зрения высказывает и А.А. Толкаченко (заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке), отмечая, что «в современных условиях введение уголовного проступка ... и судопроизводство по нему не способны сами по себе оказать принципиального влияния на уголовную политику».

Появление сегодня уголовного проступка в законодательстве уголовно-правового комплекса призвано соответствовать политике России о гуманизации не только уголовного закона, но и уголовно-процессуального закона, поскольку для их расследования и должна применяться протокольная форма расследования и, соответственно, отвечает требованиям социально-ориентированного государства о либерализации уголовной ответственности, в том числе снижении «уровня уголовной репрессии».

В качестве аргументов за введение уголовного проступка автор обращается к социальным проблемам его законодательного закрепления, что отражено в публикациях приведенных выше авторов, а также в точке зрения на эту проблему Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева.

Необходимость возвращения в современное российское законодательство уголовного проступка автор аргументирует, во-первых, высоким уровнем показателя осужденных лиц, что обусловлено перена-

сущенностью в действующем УК РФ уголовно-правовых запретов. Как негативные последствия этого следует указать, что в 1992–2001 гг. ежегодно в суд направлялись уголовные дела в отношении более 1,5 млн. граждан, к 2008 г. их число уменьшилось до 1,2 млн. человек, и за 2020 г. их число, хотя и сократилось до 751 тыс., однако криминализация общества остается значительной, о чем свидетельствуют приведенные ниже статистические данные, отражающие число обвиняемых по направленным в суд уголовным делам за 1999–2020 гг.

Сведения о числе граждан, привлеченных к уголовной ответственности

Период	1999	2008	2010	2013	2014	2015	2019	2020
Число обвиняемых (тыс.)	1553,0	1210,0	999,5	881,5	859,5	884,6	789,0	751,0

С учетом предложенного в октябре 2020 года Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», которым предусмотрен перевод более чем 100 составов переселений в уголовные проступки, чем соответственно будет в значительной мере будет снижен в отношении российских граждан уровень уголовной репрессии. Дело за российским законодателем.

Список использованных источников:

1. Александров А.С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2015. № 5(5). – С. 7–10.
2. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика/ Б.Я. Гаврилов, В.П. Божьев // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 2 (38). – С. 74–82.
3. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 74–78.
4. Гаврилов Б.Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. – 2019. – № 3 (8). – С. 98–102.

5. Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство: видение ученого и практика // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции 11 апреля 2019 г. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. – С. 65–73.
6. Гаврилов Б.Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее // Российская юстиция. №1. 2018. С. 37–41; он же. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 1. – С. 18–25; он же. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. – 2017. – № 2. – С. 19–26.
7. Гаврилов Б.Я. Проблемы уголовно-процессуальной регламентации современного досудебного производства: мифы законодателя и реалии правоприменения // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации: материалы Международной научно-практической конференции. – Симферополь: Ариал, 2019. – С. 27–31.
8. Кожокар В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1. – С. 20–22.
9. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007г. № 87 – ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 24. Ст. 28–30.
10. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 №23-ФЗ // Собрание законодательств РФ. 2013. №. 9.С. 875.
11. О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 г. № 177-ФЗ // Собрание законодательств Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4924.
12. О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Федеральный закон от 29.12.2001 г. № 183-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 53. Ст. 5019.
13. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.05.2002 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.
14. О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 69-ФЗ // Собрание законодательств РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.
15. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 г. № 343-О // [электронный ресурс]: <http://sudbiblioteka.ru/ks>.

16. Парламентские слушания по вопросам развития уголовного законодательства [электронный ресурс] // URL: http://council.gov.ru/events/main_themes/79098/.
17. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14.03.2002 № 6-П «По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Мартынова и С.В. Пустовалов».
18. Приговор Богородицкого районного суда Тульской области № 1–1/2016 1–124/2015 от 18 января 2016 г. по делу № 1–1/2016 [электронный ресурс] // режим доступа: URL: <https://sudact.ru/>.
19. Решение от 15.08.1982 по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. М.: Норма, – 2000.
20. Уголовное судопроизводство: революция продолжается / Томин В.Т. – Горький, 1989. – 112 с.

ИДЕНТИФИКАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГОЛОСОВЫХ СООБЩЕНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье описана криминалистическая значимость информации, хранящейся в переписках в сети «Интернет», в том числе и в голосовых сообщениях. Автором рассмотрены уже имеющиеся достижения в исследовании звучащей речи на сегодняшний день, а также перспективы развития этого направления. В статье раскрываются основные пути и методы идентификации личности по голосу и современные технологии, позволяющие сделать экспертизу звучащей речи более эффективной.

Ключевые слова: криминалистика, идентификация, голосовые сообщения, экспертиза, устная речь, звучащая речь, голосовой отпечаток.

Gasanova Rozaliia Bagdievna

Postgraduate student of Lomonosov Moscow State University
Law School Criminalistics department

IDENTIFICATION VALUE OF VOICE MESSAGES FOR INVESTIGATION OF CRIMES

Summary: The article describes the forensic significance of information stored in correspondence on the Internet, including voice messages. The author considers the existing achievements in the study of sounding speech to date, as well as the prospects for the development of this direction. The article reveals the main ways and methods of identifying a person by voice and modern technologies that make the examination of sounding speech more effective.

Keywords: criminalistics, forensic science, identification, voice messages, examination, oral speech, voice print.

На сегодняшний день технический прогресс достиг колоссально-го развития. Появление сети «Интернет» позволило людям с легкостью обмениваться мыслями, выраженными на письме – электронными сообщениями. Значимость информации, хранящейся в переписках, нельзя недооценивать. В наше время общение людей по переписке происходит даже чаще, чем вживую. Посредством электронных сообщений люди общаются, договариваются о встречах и даже ведут бизнес.

Сегодня сеть «Интернет» играет огромную роль в общении людей. Такое общение используется и для совершения преступлений. Речь идет не о преступлениях, в сфере компьютерной информации, а о совершенно любом преступлении. Злоумышленники планируют преступления с помощью сети «Интернет», связываются и поддерживают связь между собой с помощью электронных сообщений. Электронные

сообщения хранят в себе большое количество криминалистически важных следов преступления, которые можно и нужно использовать при расследовании, а также при доказывании.

К сожалению, данная сфера не совсем исследована в науке и мало отражена в законодательстве. Существуют сложности в установлении факта отправки определенного сообщения конкретным лицом. Переписка, как доказательство приобретает значение тогда, когда точно установлено ее происхождение от конкретного лица. Но специфика электронной переписки заключается в том, что она исполняется с помощью особого инструмента – электронного устройства, которое и оставляет непосредственный след в информационном пространстве. Поэтому для отождествления лица как автора переписки существуют два основных подхода – через использование устройства (для чего надо установить, что данное лицо использовало устройство в конкретный момент времени), либо, если возможно, через выявление специфических особенностей, проявляющихся в самом сообщении. Выявить специфические черты напечатанного сообщения довольно сложно, и они вряд ли будут нести в себе идентификационное значение.

В последние годы во многих мессенджерах (Мессенджер – приложение, программа для мгновенного обмена сообщениями) появилась возможность отправки голосовых сообщений. Голосовое сообщение – это файл, содержащий в себе аудио-информацию. Человек записывает свою речь, которая сохраняется в виде файла, и этот файл является вложением для сообщения его собеседнику. Такие сообщения стали очень популярными ввиду удобства и скорости отправки информации. На наш взгляд, именно голосовые сообщения могут обладать идентификационным значением. Определить принадлежность голоса в сообщении конкретному лицу помогут исследования устной речи, которые на данный момент зашли довольно далеко.

По звучащей речи стало возможным определять этническую и территориальную принадлежность лица. Исследуется комплекс акустических и лингвистических признаков, свойственных для речи с «акцентом». Так, например, Ф.О. Байрамова провела диссертационное исследование «системных отклонений в русской речи азербайджанцев на фонетическом уровне», систематизировала эти отклонения и выявила комплекс признаков азербайджанского акцента [1, с. 20].

Также, фоноскопия занимается исследованием связи голоса с определенными заболеваниями, с ростом и весом человека. Заболевания дыхательных путей и челюстно-лицевой области всегда имеют взаимосвязь с дефектами речи. Существуют исследования, которые

освещают взаимосвязь сломанного носа, отсутствия зубов или наличие врожденных расщелин верхней губы со специфическими речевыми признаками. Это может быть полезным для установления неизвестных лиц по голосу и речи. Возможным стало и определение психологических характеристик говорящего по звучащей речи [4, с. 11].

Определение роста и веса говорящего по устной речи основывается на связи длины и размеров тела с размерами внутренних органов. Ученые утверждают, что такие исследования очень точны: средняя ошибка составляет 5–7 см для роста и 5–10 кг для веса [2, с. 5].

Современные возможности позволяют определить обстановку окружающей среды, иногда даже место и время записи голосового сообщения. Если окружающий звук, присутствующий на аудиозаписи, резко меняется, это может означать, что среда, в которой происходила запись, внезапно изменилась. Громкость и тон голоса на записи могут указать на расстояние и пространственные характеристики места, где была совершена запись.

Эксперты обладают широким набором методов для анализа аудиозаписей, который может быть использован и для исследования голосовых сообщений. Среди них – различные методы улучшения звука, экспертные фильтры для улучшения звукового материала, которые позволяют выявлять еле-слышимые звуки на записи. Существует также метод выравнивания частоты, когда с помощью эквалайзеров отдельные полосы звуковых частот усиливаются или сокращаются, что помогает сделать речь более понятной. Громкие фоновые шумы могут быть проанализированы анализатором спектра и соответствующие частоты уменьшены так, чтобы эти шумы были менее заметны. Слабые звуки в записи могут быть усилены путем сжатия или выравнивания сигнала таким образом, что динамический диапазон материала уменьшается, делая мягкие звуки более заметными.

Вышеуказанные достижения могут обладать только ориентирующим значением и помочь следствию в установлении важной информации, но не доказательственной. Неопровержимую роль в доказывании играет идентификация личности по устной речи. Идентификация по голосу делится на текстозависимую и текстонезависимую. Соответственно текстозависимая учитывает слова, которые произнесены человеком. Текстонезависимая идентификация осуществляется по спонтанной речи человека, то есть, не важно, что именно человек говорит.

Текстозависимая идентификация основывается на речеведческом исследовании сказанного человеком на записи. Эксперт анализирует предложения и их значения, устанавливает контекст сказанного. Такая

идентификация не может реализовываться только экспертом, необходимо детальное изучение материалов дела и личности проверяемого, сбор подробных характеризующих материалов, получение сравнительных образцов голоса подозреваемого.

Текстнезависимая идентификация представляет большую ценность, так как осуществляется по таким индивидуальным признакам голоса, совпадение которых говорит о точной принадлежности голоса конкретному лицу.

Технологии в области исследования звучащей речи также не стоят на месте. В речеведении было разработано такое понятие, как «голосовой отпечаток». Голосовой отпечаток – это некая уникальная для человека запись, что-то вроде отпечатка пальца. Она не основывается непосредственно на самой речи человека (конкретных словах, фразах), а характеризует голос в целом. Технологии создания и анализа таких голосовых отпечатков основаны на некоторых опорных точках в речи, например, особенных переходах между звуками. Учитываются физические характеристики: кроме высоты, скорости разговора конкретного человека, к сведению принимаются даже физиологические особенности его звукового тракта, горла, глотки, даже носа.

Создание голосового отпечатка представляет собой процесс отображения изменяющегося содержания звука в визуальной форме. Идентифицирующими признаками в таком отпечатке являются частоты составляющих сигнала и амплитуды их изменений относительно времени. Изучение голосовых отпечатков входит в сферу исследований голосовой биометрии. При наличии базы данных образцов голоса, возможен будет отбор образца речи – голосового отпечатка и сравнение его с голосами из базы.

Исследование голосовых отпечатков происходит как посредством технических средств (объективные методы), так и непосредственно экспертом (субъективные методы). Так, Галяшина Е.И. отмечает, что несмотря на развитие современных технологий нельзя недооценивать значимость слухового метода анализа звучащей речи [3, с. 115]. Опытный эксперт обладает такими качествами как избирательность и чувствительность при оценке индивидуализирующих признаков человека.

Использование экспертных методов в ходе фоноскопических исследований помогает скорректировать и уточнить работу технических средств. Кроме того, экспертные методы идентификации диктора применяются в случаях, когда работа автоматических методов оказывается

затрудненной – например, в условиях сильной зашумленности фонограмм.

Современные технические средства также обеспечивают довольно детальное изучение звучащей речи. Например, технология распознавания речи позволяет автоматически преобразовывать речевой сигнал в текст, распознавать стиль и оценивать разборчивость звучащего текста, выявлять лингвистические особенности речевого сигнала. Современным программным обеспечением в этой области является компьютерная программа Voice Speech Analytics, которая обладает возможностью речевой биометрии. Данное программное обеспечение реализуется в основном в сфере продаж и используется для работы с клиентскими базами. Однако, технология распознавания речи могла бы лечь в основу дальнейшего развития технологий в области фоноскопических исследований.

Существует также современное программное обеспечение, позволяющее анализировать голос человека до мельчайших подробностей. Такой анализ включает в себя анализ «течения слов», пауз, дыхания и уникальных звуков, зависящих от особенностей рта и гортани.

Несмотря на высокую точность технических и опытных достижений в области исследования звучащей речи, нельзя утверждать что совпадение может быть стопроцентным. Существует вероятность ложного совпадения. Например, в практике США, Великобритании и Франции экспертное заключение об идентичности записей речи не принимается в качестве юридического доказательства [5, с. 27]. Это вполне логично, поскольку в практике уголовного процесса при визуальной идентификации личности требуется сравнение с некоторым количеством похожих лиц, тогда как решение об идентичности голосов, основанное только на сравнении записей речевого сигнала и голоса подозреваемого, без сравнения с голосами множества других дикторов, содержит высокий риск ошибки. Идентификацию личности по голосу, в некоторых случаях, следует также проводить сравнивая некоторое количество похожих записей, голосовых отпечатков, во избежание экспертных ошибок. Так, например, при идентификации по голосовым сообщениям следует сопоставлять звучащую в сообщении речь с образцами всех лиц, которые предполагаемо могли иметь доступ к телефону, с которого сообщение было отправлено. На данный момент это необходимо, однако, развитие технологий идет в том направлении, что становится возможным провести такой анализ голосового отпечатка, который, как и в случае с отпечатком пальца, сможет подтвердить его точную принадлежность конкретной личности. Например, в Санкт-

Петербурге был организован «Центр речевых технологий». Это целая группа компаний, которая занимается разработкой методов идентификации по голосу и внедрением новейших технологий, стремясь обеспечить ими не только коммерческие предприятия, но и правоохранительные органы.

Итак, на наш взгляд, сообщения в сети «Интернет» играют очень важную роль для расследования любых преступлений, так как в них может содержаться большое количество как ориентирующей, так и доказательственной информации. Особое внимание правоохранительным органам следует обратить на голосовые сообщения, ставшие популярными в последнее время. Такие сообщения, кроме хранящейся в них информации представляют собой ценность еще и потому, что по звучащему на них голосу можно идентифицировать личность отправителя. Сегодня перед криминалистикой остро стоит проблема установления конкретного лица, имевшего доступ к электронному устройству и отправившего сообщение, и голосовые сообщения – первый шаг на пути к поиску решения этой проблемы. На данный момент технические возможности в области исследования звучащей речи довольно широки, однако не стоит забывать и про важность экспертного опыта этой сфере. Добиться наилучших результатов можно при сочетании методов слухового анализа экспертом и современных технических средств. Немаловажна также правильная регламентация процесса идентификации. Поскольку сейчас современные технологии распознавания речи еще не внедрены повсеместно, в некоторых случаях необходимо проводить сравнение записи голосового сообщения с несколькими образцами голоса (по аналогии с предъявлением для опознания в уголовном процессе). Внедрение специальных биометрических программ для идентификации по голосу во все экспертно-криминалистические центры, проведение экспертиз под строгим контролем опытных экспертов позволит точно устанавливать личность человека, отправившего голосовое сообщение в мессенджере. Такая экспертиза может использоваться в качестве доказательства в суде и значительно облегчит уголовный процесс.

Список использованных источников

1. Байрамова Ф.О. Исследование акцента в интерферирующей русской речи на материале русской речи азербайджанцев: автореферат дис. кандидата филологических наук // Москва. 2012. С. 20.
2. Викторов А.Б. Остроухов А.В., Лобанова М.А. О возможности создания автоматизированного комплекса диагностирования обликовых признаков // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. М. 2006. С. 5.

3. Основы судебного речеведения: Монография // Е.И. Галяшина; под ред. М.В. Горбаневского. – М. : СТЭНСИ. 2003. С. 115.
4. Журавлева А.А., Коваль С.Л. Диагностика психологических качеств диктора по устной речи // Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2007». М. 2007. С. 11.
5. Сорокин В.Н., Вьюгин В.В., Тананыкин А.А. Распознавание личности по голосу: аналитический обзор // Журнал «Информационные процессы» №1. Москва. 2012. С. 27.

Ф.А. Голубев,

помощник прокурора Центрального района города Санкт-Петербурга,
юрист 2 класса

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена проблемам формирования доказательственной базы по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в сфере информационных технологий. Особое внимание уделено организационно-тактическим особенностям проведения следственных осмотров: места происшествия, технических средств и документов, которые использовались для доступа к предмету посягательства, а также содержимого компьютера и накопителей памяти. Предложены программы допросов свидетелей, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого.

Ключевые слова: преступления в сфере информационных технологий, формирование судебных доказательств, осмотр места происшествия, содержимого компьютера и накопителя памяти, программа допроса обвиняемого.

Filipp A. Golubev

Assistant Prosecutor of the «Centralny»
District of St. Petersburg, lawyer of the 2nd class

FEATURES OF PROVING CRIMES IN THE FIELD OF INFORMATION CRIMES

Summary: The article is devoted to the problems of forming the evidence base in criminal cases of crimes committed in the field of information technology. Special attention is paid to the organizational and tactical features of conducting investigative inspections: the scene of the incident, the technical means and documents that were used to access the object of the attack, as well as the contents of the computer and memory drives. Programs of interrogations of witnesses, the victim, the suspect, the accused are offered.

Keywords: crimes in the field of information technology, formation of forensic evidence, examination of the scene of the incident, the contents of the computer and memory storage, the program of interrogation of the accused.

Организация работы по проведению расследования в сфере киберпреступности имеет существенные недостатки по причине отсутствия апробированных методик. Наиболее проблемным аспектом расследования преступлений исследуемой категории является изъятие и фиксация интеллектуальных и материальных следов. Вследствие этого расследование прекращается или приостанавливается в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, или неустановлением обстоятельств, подлежащих доказыванию. Низкое

качество работы следствия, нарушение положений уголовно-процессуального кодекса, в том числе нарушение положений ст. 6.1 УПК РФ, в результате огромного количества находящихся в производстве следователя уголовных дел, является детерминантой принятия вышеуказанных решений следователем.

Основными следственными действиями являются: осмотр места происшествия, проведение экспертиз, допрос свидетелей, допрос подозреваемого, обвиняемого.

На наш взгляд, особенности проведения экспертиз по делам исследуемой категории настолько самобытны, что данное следственное действие необходимо рассматривать отдельно от всех вышеизложенных. Существенными для установления обстоятельств совершения преступления следственными действиями являются допросы свидетелей, подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и, конечно, осмотр места происшествия, что и следует детально рассмотреть в настоящей статье.

Осмотр места происшествия позволяет установить ряд важных обстоятельств: природу исследуемого события, содержит ли оно признаки состава преступления; где совершено преступление – на месте осмотра или в каком-то ином месте, когда оно произошло, кто принимал в нем участие, каковы отличительные признаки и в чем выразились действия каждого из участников события; каковы цели и мотивы их действий; какие предметы, их части, вещества оставлены ими на месте происшествия и покинули его; как долго находились на нем; какие технические средства и документы использовались для доступа к предмету посягательства и совершения незаконных действий с ним; кто мог наблюдать происходившее и откуда; какие действия предпринимались для сокрытия следов реального события или инсценировки иного события; в каком месте следует искать наступление вредных последствий и их следы [2, с. 3–5].

Преступления в сфере информационных технологий предполагают несколько мест совершения преступления, а соответственно и мест происшествия. Выделим несколько из них:

1) место обработки информации, на которую осуществлено незаконное посягательство (рабочее место потерпевшего, место хранения информации организации и т.д.).

2) место создания вредоносных программ либо место, из которого осуществлялось неправомерное воздействие на критическую информационную структуру Российской Федерации, либо осуществлялось неправомерное завладение чужой компьютерной информацией.

3) транзитная точка доступа или место, через которое осуществлялось непосредственное воздействие на компьютерное устройство жертвы. Например, в случае дистанционного подключения к компьютерному устройству, находящемуся в локальной сети с другими компьютерами организации и получения доступа через него к ним доступа. С такими местами сложнее всего, поскольку транзитных точек может быть тысячи. Так, например, VPN (Virtual Private Network «виртуальная частная сеть») своего компьютера может изменить вообще любой пользователь ПК, имеющий минимальные познания в области компьютерных технологий. Данный факт апробирован на практике еще в 2018 году, когда Роскомнадзор предпринял попытку блокирования мессенджера Telegram на территории Российской Федерации, а пользователи меняли свой VPN на зарубежные и пользовались мессенджером несмотря на установленные запреты. Данные сведения еще раз подтверждают необходимость проведения осмотра только с участием специалиста.

Каждое из вышеизложенных мест происшествия предполагает особый порядок проведения его осмотра. На тактику осмотра влияет количество помещений, их расположение по отношению друг от друга, местонахождения компьютерных устройств и устройств хранения информации.

Для качественного проведения данного следственного действия необходимо привлечения ряда участников.

Во-первых, обязательно участие специалиста в области информационных технологий, который может быть привлечен из сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, представителей научного сообщества, преподавателей высших учебных заведений, специализирующихся в области информационных технологий.

Во-вторых, следователя, который обладает специальными знаниями в области информационных технологий.

В-третьих, сотрудников управления «К» МВД России для организации оперативного обеспечения осмотра места происшествия.

Также целесообразно привлекать еще одного следователя для проведения иных следственных действий на месте происшествия параллельно, сотрудников МВД для обеспечения порядка и невозможности уничтожения доказательств на месте происшествия, иных лиц, осуществляющих видеофиксацию и фотофиксацию следственного действия.

Работа участников осмотра должна быть строго запланирована и слаженна. Осмотр места происшествия протекает в несколько этапов.

Подготовительный этап или предварительный предполагает ряд профилактических (предупредительных) мер. А именно, установление наиболее важных помещений, подлежащих осмотру, установление компьютерных устройств, имеющих значение для уголовного дела, определение их характеристик и соединений, установление наличия бесперебойных источников питания, обеспечение недоступности посторонних и заинтересованных лиц от устройств, подлежащих осмотру (компьютеров, мобильных телефонов и так далее), установление пользователей ПК.

Рабочий этап или основной подразумевает коррекцию заранее подготовленного до выезда на место происшествия следственной оперативной группы плана с учетом открывшихся обстоятельств, установление конкретных задач участникам группы и осмотра помещений и устройств, находящихся в них.

Имеются тактические приемы «от центра – к периферии» и «от периферии – к центру» при проведении осмотра места происшествия. Также обоснована позиция незамедлительного осмотра установленных устройств для минимизации рисков утраты информации, имеющей значение для уголовного дела.

Кроме компьютера по делам в сфере информационных преступлений, предметом осмотра места происшествия могут являться мобильные телефоны, рабочий стол на котором находится компьютерное устройство, записные книжки, съемные запоминающие устройства. Целью осмотра места происшествия по делам о преступлениях в сфере компьютерных технологий является обнаружение, фиксация и изъятие доказательств, изобличающих злоумышленника и необходимых для установления времени, места, способа и иных обстоятельств совершения преступления. Одним из важных элементов для законности и обоснованности проведения данного следственного мероприятия является наличие понятых. Рекомендовано привлекать лиц для участия в качестве понятых, которые имеют познания в области компьютерных технологий. Отметим необходимость установления факта соединения компьютерных устройств в локальную сеть. В случае подтверждения данного факта необходимо немедленно установить все компьютеры, которые подключены к данной локальной сети, с целью невозможности удаленного повреждения данных. Также необходимо установить степень защищенности компьютера и средства защиты, так как в случае неправильной оценки защиты при несанкционированном проникновении в компьютерное устройство доказательства могут быть уничтожены или изменены автоматически из-за установленных специальных программ.

Отдельно отметим получение информации в ходе осмотра мобильных телефонов. Современные мобильные устройства обладают специальными средствами защиты и при наличии кодов блокировки существенно к ним затрудняется доступ третьих лиц в случае отказа собственника телефона в предоставлении паролей. Специалист и следователь должны быть осведомлены о возможностях использования специальных технических устройств для извлечения информации. Например, системы израильской компании «Cellebrite» UFED (Universal Forensic Extraction Device) CHINEX, которая работает с мобильными устройствами китайского производства и позволяет извлекать, расшифровывать удаленные и не удаленные данные, снимать коды блокировки с мобильных устройств; системы UFED Touch Ultimate, которая работает аналогичным образом с более расширенным кругом мобильных устройств, в том числе на платформе IOS; системами российской компании «Элкомсофт», предлагающей интегрированные системы решения для правоохранительных органов в виде пакетов программ для специальных целей; программно-аппаратным комплексом «Мобильный Криминалист Эксперт».

После получения доступа к мобильному устройству необходимо обязательно следовать рекомендациям специалиста, включить авиарежим на телефоне для невозможности изменения имеющейся информации извне, копировать всю содержащуюся информацию на съемное запоминающее устройство, удостовериться в импортировании данных из всех диалогов в мессенджерах на мобильном устройстве. Так, например, при включенном авиарежиме в мессенджере «WhatsApp» имеется возможность просмотреть всю переписку между пользователями за долгий промежуток времени, однако в мессенджере «Telegram» для такого просмотра необходимо подключение к интернету. Также отметим, что мессенджер «Telegram» также использует системы оконечного шифрования «end-to-end» и ключи шифрования генерируются на мобильных устройствах пользователей, в связи с чем даже по запросу правоохранительных органов в компанию «Telegram» получить доступ с сервера к диалогам не получится. Единственное, что сможет предоставить по запросу провайдер, это краткие сведения об устройствах, с которых осуществлялся вход в мессенджер, IP-адреса, время, в которое осуществлялся вход, и местоположение.

Исследование компьютерных устройств проводится исключительно с участием специалиста в области информационных технологий. При этом специалист озвучивает все свои действия при одновременном осуществлении видеосъемки процесса.

Если компьютер на момент начала осмотра оказался включен, необходимо оценить информацию, изображенную на дисплее и определить, какая программа выполняется на данный момент. В случае работы стандартного программного обеспечения нельзя приступать к каким-либо манипуляциям на входе без предварительного визуального осмотра технических средств. В протоколе необходимо описать все соединения на задней стенке системного блока. Если это признано целесообразным, вскрывается кожух системного блока и визуально определяют конфигурацию ЭВМ, описывают месторасположение электронных плат. Следование данной рекомендации позволит обезопасить поиск информации от различного рода устройств повреждения или уничтожения как аппаратных средств, так и информационной базы [1, с. 954, 957]

Осмотру подлежат как содержимое компьютера и накопителей памяти, так и сам компьютер и всего комплектующие. Обязательно определение у ПК наличия внешних устройств удаленного доступа, виртуальных дисков, карт памяти, магнитных дисков, иных накопителей информации,

Особое внимание следует обратить на закрепление доказательств и изъятие компьютерных устройств и носителей информации исключительно в рамках уголовно-процессуального закона, а именно ст. 164.1 УПК РФ.

Сложнее устанавливать место совершения преступления в связи с тем, что в данных преступлениях им может признаваться не только традиционный его вид (физический адрес), но и часть информационного пространства (домен, сайт), в котором фактически было совершено преступление активным пользователем. Например, это сайт, который зарегистрирован на сервере, имеющем физическое местоположение, и лицо, его пользователь, находившийся в момент совершения преступления по конкретному адресу [3, с. 199–203].

Кроме осмотра важными следственными действиями естественно являются допросы свидетелей, потерпевшего и подозреваемого-обвиняемого. В ходе допроса потерпевшего или представителя потерпевшего выясняются следующие вопросы:

- 1) Какими знаниями и навыками работы в области компьютерных технологий обладает опрашиваемое лицо?
- 2) Какой вред причинен преступлением и что являлось предметом преступного посягательства? Какие индивидуальные признаки данного предмета?
- 3) Какие есть документы, подтверждающие право собственности похищенной компьютерной информацией?

- 4) Имеются ли какие-либо документы о праве пользования программой для ЭВМ?
- 5) Известно ли каким способом совершено преступление?
- 6) Имеется ли круг заподозренных в совершении преступления лиц?
- 7) Каким образом выявили факт совершения преступления?
- 8) Известно ли в каком месте и в какое время совершено неправомерное завладение компьютерной информацией или установка вредоносной компьютерной программы?
- 9) Какие действия предпринимали после установления факта совершения преступления сотрудники организации?
- 10) С каким провайдером интернета заключен договор на получение услуг?
- 11) Для каких задач предназначено компьютерное устройство, которое принадлежит пострадавшему либо заявителю, на которое осуществлено преступное воздействие?
- 12) Каким образом организовано электропитание?
- 13) Имеются ли автономные источники питания?
- 14) Сколько компьютеров поражено вредоносным вирусом либо из скольких компьютеров похищена информация?
- 15) Кому принадлежат данные компьютеры (физическое или юридическое лицо)?
- 16) Какая организационно-правовая форма и характер деятельности юридического лица, а также его местонахождение?
- 17) Какие компьютеры использовались?
- 18) Где располагаются компьютерная техника?
- 19) Какое общее количество компьютерной техники находится в организации и соединены ли они в одну сеть?
- 20) Где хранятся файлы данных и их резервные копии?
- 21) Какие операционные системы установлены на компьютерах?
- 22) Какое количество компьютеров находится в исправном состоянии, какое количество из них на рабочих местах сотрудников (если это организация)?
- 23) Имеются ли камеры видеонаблюдения, охватывающие обзор мест, где располагается компьютерная техника?
- 24) Устанавливались ли факты несанкционированной подмены программного обеспечения на компьютерах либо самих компьютеров и вспомогательного оборудования?
- 25) Имеется ли вспомогательное оборудование, где оно и в каком количестве?

26) Как часто и какими организациями осуществляется ремонт компьютерного оборудования и его техническая профилактика?

27) Каким образом и как часто проводятся разовые профилактические мероприятия по защите компьютерной информации?

28) Какой объем информационных потоков, количество выполняемых операций внутри организации и их характер?

29) Осуществляется ли изменение реквизитов разграничения доступа и их распределение?

30) Осуществляется ли просмотр системных журналов и их анализ, какие меры принимаются в случае установления нарушений правил работы?

31) Осуществляется ли пересмотр правил разграничения доступа сотрудников организации к компьютерной информации?

32) Какое программное обеспечение используется на компьютерах?

33) Привлекаются ли квалифицированные специалисты по защите компьютерной информации сторонних организаций с целью оценки эффективности мер безопасности, предпринимаемых пользователями и руководителями организации при работе с ПК? Какие имелись рекомендации при данной проверке и выполнены ли они?

34) Осуществляется ли пересмотр построения системы защиты и ее состава?

35) Имелась ли в организации электронная цифровая подпись? Какие есть документы на нее?

36) Установлен ли факт копирования цифровой электронной подписи?

37) У кого имеется доступ к компьютерам?

38) Установлен ли факт несанкционированного проникновения в помещение с компьютерами?

39) Имеются ли инвентарные номера на компьютерах и каким образом их можно дифференцировать друг от друга?

40) Какой контроль имеется в организации за работой сотрудников, имеющих доступ к компьютерной информации?

41) Имеются ли в организации специалисты в сфере компьютерных технологий и в каком количестве?

42) Осуществляется ли проверка оборудования специалистами организации после возвращения техники из ремонта?

43) С какого периода действует организация и какое приблизительно количество лиц, уволенных из организации, имеющих доступ к компьютерной информации (в том числе по собственному желанию, по желанию работодателя, по иным причинам)?

- 44) Какие взаимоотношения в коллективе?
- 45) У кого-нибудь из организации имелся мотив совершения преступления?
- 46) Имелись ли мотивы и возможности у уволенных из организации лиц похитить информацию?
- 47) Какие мероприятия по защите компьютерной информации предпринимаются при кадровых изменениях внутри организации?
- 48) Собирается ли какая либо информация о новых кадрах в организации в части их причастности к совершению преступлений, в том числе в сфере компьютерной информации?

Участие специалиста обязательно при допросах свидетелей (очевидцев произошедшего), подозреваемого-обвиняемого. Специалист способен разъяснить различные интересующие следователя термины в сфере компьютерных технологий, свойства и особенности компьютеров и иных комплектующих, изъятых уже в ходе проведенных следственных действий, а также возможные поэтапные действия злоумышленника при совершении преступления.

Допрос подозреваемого и обвиняемого особо рекомендовано проводить только с участием специалиста для избегания ситуаций введения следователя в заблуждение и отражения в протоколах допроса недостоверной информации, что существенно впоследствии усложняет работу государственного обвинителя в суде при заявлении ходатайства об оглашении показаний подозреваемого-обвиняемого, не имеющих доказательственного значения по уголовному делу. Вопросы готовятся заранее и основываются, в том числе на заключении эксперта в сфере информационных технологий при его наличии.

Обязательно в рамках расследования уголовного дела необходимо допросить в качестве свидетеля супервизора и администратора системы

Список использованных источников

1. Аверьянова Т.В. и др., Криминалистика, учебник для вузов, под ред. Р.С. Белкина, Издательство Норма, Москва, 2005 г.,
2. Вехов В.Б. Особенности организации и тактики осмотра места происшествия при расследовании преступлений в сфере компьютерных информации, Российский следователь, №7, 2004 г. с. 3–5.
3. Чернышов В.Н. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств, Чернышов, В.Н., Лоскутова, Е.С. // Социально-экономические явления и процессы, 2017, Т. 12.№5, с. 200.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ НАУКИ КРИМИНАЛИСТИКИ В XXI ВЕКЕ, В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье рассмотрено развитие криминалистической науки в условиях глобальной цифровизации, в XXI веке. Рассмотрены цифровые следы как источники криминалистически значимой компьютерной информации.

На сегодняшний день тема криминалистического исследования цифровых следов не является достаточно изученной как на теоретическом, так и на практическом уровне. В связи с чем продолжается стремительное развитие криминалистической тактики, техники и криминалистических технологий, а также развитие методик расследования преступлений, совершаемых с использованием средств вычислительной техники и информационных технологий.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые следы, криминалистика, цифровая криминалистика.

Elena Y. Gorbunova,

expert of the computer Department Forensic Science
Center Ministry of internal Affairs of Russia in the Murmansk region

Revisting the development of the forensic science in the XXI century, especially in the era of digitalization

Summary: The article considers the development of forensic science in the context of global digitalization, in the XXI century. Moreover, digital traces as sources of criminally significant computer information are discussed.

Currently, the topic of forensic research of digital traces is not sufficiently studied both at the theoretical and practical level. In this connection, the rapid development of forensic tactics, techniques and forensic techniques, as well as the development of methods for investigating crimes committed with the use of computer technology and information technology are continuing.

Keywords: digitalization, digital traces, forensic science, digital forensic science.

Система науки криминалистики, которая формировалась и зарождалась в 50-х гг. предыдущего века, являлась самой разработанной наукой. В XXI веке, криминалистика столкнулась с цифровизацией общественных отношений, использованию огромного количества средств вычислительной техники, мобильных устройств, компьютерных сетей, платежных систем и цифровых валют. Цифровизация и современные информационные технологии привели к изменению спосо-

бов подготовки, совершения и сокрытия преступлений, появились новые виды криминалистически значимой информации.

Актуальные вопросы и проблематика криминалистического исследования компьютерной информации и средств ее обработки, начали представлять значительный интерес в XX в. и продолжают вызывать интерес для ученых в веке нынешнем. Связано это с тем, что сегодня именно в области цифровых технологий идет приоритетное развитие и «с помощью компьютерных средств и систем совершаются в настоящее время преступления практически любых видов: против жизни и здоровья человека, против собственности, против общественной безопасности и др.» [7, с. 33], т.е. не только преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ).

Развитие средств вычислительной техники (далее – СВТ), информационных технологий привело к увеличению количества как компьютерных преступлений, так и преступлений, которые совершаются с использованием СВТ (мошенничество; легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем и др.).

Как отмечают исследователи, в Российской Федерации все больше и больше преступлений совершается с использованием СВТ, об этом также свидетельствует и уголовно-правовая статистика.

Все эти процессы существенно изменили современные подходы к развитию науки криминалистики, в частности, началась адаптация подходов традиционной криминалистики к развитию современного информационного общества.

Буквально 15–20 лет назад преступления, которые совершались с использованием СВТ и информационных технологий считались латентными, негативное влияние на это оказывало отсутствие экспертно-криминалистического обеспечения обнаружения, фиксации и исследования новых, цифровых следов, а также отсутствие методик и методических рекомендаций выполнения таких действий, системы применения специальных знаний.

Так, около пятнадцати лет назад начался путь становления этой области научных знаний, появился термин «цифровая криминалистика», который базируется на понимании информационных технологий. Рассматриваемый термин имеет различные синонимы, а именно – «электронная криминалистика», «компьютерная криминалистика» и другие.

В научной среде не прекращаются бурные дискуссии, в которых исследователи предлагают для криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершаемых с использованием СВТ, ком-

пьютерных средств и систем, создать новую науку – «электронную» или «цифровую» криминалистику.

По мнению О.С. Кучина «цифровая криминалистика представляет собой раздел криминалистической техники, посвященный восстановлению и исследованию доказательств, обнаруженных на цифровых устройствах или в Интернете» [6, с. 69] и ее не следует выделять в отдельную науку, как это стараются сделать многие российские исследователи, по аналогии с зарубежными странами.

Р.С. Белкин справедливо отмечал, что «криминалистика едина, имеет свой предмет, систему, задачи, объекты и изучаемые закономерности» [2, с. 12].

Е.Р. Россинская также уверена в том, что в целях развития «цифровой криминалистики», не следует менять название науки, поскольку «криминалистика» как наука имеет свой предмет, объекты, систему, задачи, закономерности.

Соглашаясь с мнением ученых, можно сказать, что выделение цифровой криминалистики приведет только к размыванию ее предмета, в связи с чем криминалистику XXI века необходимо развивать за счет изучения, исследования вновь возникающих следов и механизма следообразования.

Нельзя не отметить и тот факт, что внедрение цифровых технологий в криминалистическую практику и уголовный процесс в России происходит с некоторым запозданием, в сравнении с другими странами, например, США, Израилем, Великобританией, Республикой Сингапур.

С точки зрения автора, представляет интерес исследование В.Б. Вехова, выполненное еще в 2008 году по теме: «Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники» [4]. Данная работа начала формировать методику и тактику выявления, а также расследования компьютерных преступлений, совершаемых с использованием СВТ и информационных технологий. В.Б. Вехов разработал «методологическое обоснование частной криминалистической теории «Криминалистическое исследование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты»» [3, с. 41]. Это была одна из первых попыток обратить внимание современных ученых на новые, специфические орудия и следы преступлений, сформированных с использованием компьютерных технологий.

В.Б. Вехов также предложил понятие «электронно-цифровой след», под которым следует понимать «любую криминалистически значимую компьютерную информацию, то есть сведения, находящиеся

в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов» [4, с. 30].

По мнению В.Б.Вехова «используемый в криминалистике термин «след-отображение» обладает своей спецификой и не может учитывать в полной мере специфику цифровых следов, поскольку эти особые следы появляются новыми способами, при взаимодействии программ (программных объектов) и средств вычислительной техники, в результате обработки компьютерной информации» [4, с. 30].

Следует согласиться с мнением В.Б. Вехова о том, что «обнаружение, фиксация и изъятие электронных следов преступления требует использования особых криминалистических технологий, разработка и совершенствование которых уже целое десятилетие представляет исключительно актуальное направление в науке криминалистике» [4].

Большое внимание изучению данного направления в своих трудах также уделял и А.И. Усов [9, с. 97].

Заслуживают внимания и труды Е.Р. Россинской, которая вместе с И.А. Рядовским высказали мнение, что «цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи. Эти следы являются следами материальными, так как, будучи оставленными в результате определенных событий, отражаются на материальных объектах, хотя в некоторых случаях период их существования весьма невелик» [8, с. 8–9].

Работа заинтересованных лиц с цифровыми следами обладает определенной спецификой, которую необходимо учитывать в ходе производства процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, связанных с осмотром и выемкой электронной информации, обнаружением ее носителей.

Поскольку одна из задач криминалистики – трансформация следа в доказательство, которое в данном случае можно определить как «цифровое доказательство», следует согласиться с мнением В.С. Балакшина о том, что именно криминалисты должны расшифровать след, поскольку «исследование обстоятельств преступления, обусловлено механизмом его совершения, и является предметной сферой криминалистики, в данном случае, взаимосвязь уголовно-процессуальной и криминалистической наук более чем очевидна» [1].

С учетом проведенных исследований, под воздействием стремительного развития информационных технологий, современная крими-

налистика продолжает динамично развиваться в направлении работы с цифровыми следами.

Исследованию цифровых следов, а также вопросам использования компьютерных технологий в организации работы правоохранительных органов, методике расследования преступлений в различное время уделяли внимание следующие исследователи: В.С. Зубаха, А.Б. Нехорошев, Е.Р. Россинская, Г.В. Саенко, А.Д. Тлиш, О.В. Тушканова, А.И. Усов, Н.Г. Шурухнов, М.Н. Шухнин, И.Ю. Юрин и А.Н. Яковлев и др. Ими проводились исследования по тактике поиска, фиксации, изъятия, а также предварительного исследования компьютерной информации в целях ее дальнейшего использования в ходе расследования преступлений.

Вместе с этим, можно сказать, что тема криминалистического исследования цифровых следов сегодня не является достаточно изученной как на теоретическом, так и на практическом уровне, она имеет большое значение для оценки новых следов с уголовно-правовой, криминологической и криминалистической точки зрения. Новые виды преступлений, новые виды следов в настоящее время не в полной мере охвачены уже имеющимися составами преступлений, а действующее законодательство, в частности уголовное и уголовно-процессуальное, не имеет едино сформированных терминологических понятий.

Поэтому, современной криминалистикой продолжают изучаться технические и тактические вопросы работы с цифровыми следами, т.е. вопросы их обнаружения, фиксации, изъятия и исследования. Большое внимание уделяется общетеоретическим и методологическим основам криминалистики. Цифровая криминалистика становится одной из самых актуальных тем для дискуссий на конференциях, форумах и круглых столах.

Глобальный процесс цифровизации, соответственно, обусловил появление и электронных средств фиксации, сохранения, обработки, исследования доказательственной и ориентирующей информации.

Поскольку предмет криминалистики связан с использованием технико-криминалистических средств и тактическими вопросами обнаружения, фиксации, изъятия и первичного исследования цифровых следов, актуальным научным направлением является разработка новых технико-криминалистических средств обнаружения, фиксации и изъятия таких следов, особенно с учетом того, что последние могут модифицироваться и уничтожаться.

Данное мнение предопределяет формирование нового, инновационного, самостоятельного подраздела «криминалистической техни-

ки – криминалистического исследования электронных носителей информации» [4], способного обеспечивать единообразный подход к работе (выявление, фиксация, изъятие) с новыми, цифровыми объектами: следами и их носителями. Под носителями понимаются любые устройства, конструктивно предназначенные для хранения информации в цифровом виде: серверы, персональные компьютеры, мобильные устройства, и др.

Также, параллельно, происходит формирование и подраздела криминалистической тактики, такого как получение доказательственной информации на электронных носителях, в компьютерных системах и сетях, призванного сформировать рекомендации по практическому проведению процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий, направленных на сбор доказательств и их использование в процессе расследования по уголовному делу.

Видится актуальным формирование нового учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем, а также развитие частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности [7, с. 33–34], предложенное Е.Р. Россинской.

Безусловно, развитие криминалистической тактики, техники и криминалистических технологий, а также развитие методик расследования преступлений, развитие частных криминалистических методик сопровождается постепенной трансформацией правовых оснований возникновения доказательственной информации, которые закреплены в значительном массиве законодательных актов разного уровня.

Подводя итог, можно сказать, что в XXI веке раскрытие и расследование преступлений, в которых фигурируют цифровые следы, становится легче, потому что специалистам известен механизм следообразования в различных информационных системах, на различных носителях информации, при действиях с файлами различных форматов и в разнообразных операционных системах и др.. Специалисты оснащены специализированным криминалистическим оборудованием и программным обеспечением, необходимым для поиска, фиксации, интерпретации, исследования цифровых следов.

Достигнутый к сегодняшнему дню уровень развития криминалистики позволяет уже сейчас обеспечить раскрытие и расследование различных преступлений, которые ранее практически не раскрывались и не расследовались должным образом.

Вместе с этим, современное состояние криминалистического учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и

систем все еще нуждается в постоянной разработке новых и новых средств и методов (технологий) их обнаружения, фиксации, изъятия, исследования, за счет изучения новых закономерностей и механизмов следообразования. Согласимся с мнением М.В. Жижиной, которая считает, что «криминалистика–развивающаяся наука, без четких границ своих исследований» [5, с. 2–5].

Список использованных источников

1. Балакшин В.С. Оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе [Текст] : монография / В.С. Балакшин. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 382 с.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право.–2001.– 837 с. URL: <https://alleng.org/d/jur/jur720.htm>.
3. Вехов В.Б. Электронная криминалистика: понятие и система // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. трудов участников междунар. науч.-практич. конф. –Ростов н/Д., 2017.– С.41.
4. Вехов В.Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2008. – 45 с.
5. Жижина М.В. Предмет криминалистики: история развития и современные представления // Эксперт-криминалист. –2011.– № 2. –С. 2–5.
6. Кучин О.С. Электронная криминалистика: миф или реальность//Сетевое издание «Академическая мысль».– 2019.–№3 (8).– С. 67–70.
7. Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации// Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. –2019. –№ 5 (57). –С. 33–44.
8. Россинская Е. Р., Рядовский И.А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения : материалы Международной научно-практической конференции (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 6–8.
9. Усов А.И. Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы: дис. на соискание ученой степени д-ра юрид. наук. М., 2002.–С.97.

А.К. Губаева

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права,
Санкт-Петербургский государственный университет

Н.А. Сидорова

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШИМ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЕДИНСТВА ПУБЛИЧНО- ПРАВОВОГО И ЧАСТНОПРАВОВОГО МОДЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЛЯ ГОСУДАРСТВ –УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Правовое регулирование компенсационных отношений, возникающих при возмещении причиненного преступным деянием вреда, требует решения проблем, находящихся в сфере взаимодействия правовых норм – материального (гражданского, уголовного) и процессуального (уголовно-процессуального и гражданско-процессуального) права. В ряде государств-участников СНГ уже принято и действует законодательство об ответственности государства, за вред, причиненный преступлением, при определенных установленных законом условиях. В целях унификации подхода государств-участников СНГ к решению рассматриваемых проблем в 2018–2020 г был разработан и принят модельный закон для государств – участников СНГ, который призван обеспечить новый уровень защиты прав потерпевших от преступлений. Он представляет собой рекомендательную основу для разработки юридических гарантий восстановления нарушенных прав указанных потерпевших в рамках национального законодательства каждого из государств – участников СНГ.

Ключевые слова: Модельное правовое регулирование, возмещение вреда, причиненного преступлением, потерпевший от преступления, ответственность государства

Aza K. Gubaeva

PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law,
St. Petersburg State University

Nataliia A. Sidorova

PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure and
Criminalistics,
St. Petersburg State University

COMPENSATION TO VICTIMS OF CRIMES IN THE CONTEXT OF THE UNITY OF PUBLIC-LAW AND PRIVATE-LAW MODEL REGULATION FOR THE MEMBER STATES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

Summary: The legal regulation of compensatory relations arising from compensation for damage caused by a criminal act requires solving problems that are in the sphere of interaction of legal norms-substantive (civil, criminal) and procedural (criminal procedure and civil procedure) law. In a number of CIS member States, legislation on State liability for damage caused by a crime has already been adopted and is in force under certain conditions established by law. In order to unify the approach of the CIS member States to solving the problems under consideration, a model law for the CIS member States was developed and adopted in 2018–2020, which is designed to provide a new level of protection of the rights of victims of crimes. It provides a recommendatory basis for the development of legal guarantees for the restoration of the violated rights of these victims within the framework of the national legislation of each of the CIS member States.

Keywords: Model legal regulation, compensation for damage caused by a crime, victim of a crime, state responsibility

Правовое регулирование компенсационных отношений, возникающих при возмещении причиненного преступным деянием вреда, требует решения проблем, находящихся в сфере взаимодействия правовых норм – материального (гражданского, уголовного) и процессуального (уголовно-процессуального и гражданско-процессуального) права. Основной целью регулирования следует признать реализацию конституционного права на судебную защиту, которое предполагает, в том числе и получение обеспеченной государством судебной защиты путем восстановления нарушенных прав и свобод. Как неоднократно отмечал Конституционный суд РФ, «иное не согласуется с универсальным во всех видах судопроизводства требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости, умаляет и ограничивает право на судебную защиту» [13].

Предпринятые на постсоветском правовом пространстве, в том числе в России, попытки решить данные проблемы пока не увенчались успехом. Для обеспечения единства регулирования в национальном законодательстве Российской Федерации и других государств СНГ был разработан и принят соответствующий Модельный закон [8].

Цели модельного правового регулирования. В настоящее время в сфере уголовного судопроизводства предпринимаются усиленные попытки устранить дисбаланс между обеспечением прав и законных интересов обвиняемого и соответствующей защитой прав и законных интересов потерпевшего в сфере уголовного судопроизводства. Государства начинают все больше внимания акцентировать на создании системы реальных гарантий защиты имущественных и личных неимущественных прав потерпевшего, в том числе и на обеспечении возмещения причиненного уголовно-наказуемым деянием ущерба. Проблемы восстановления и защиты имущественных и личных неимущественных прав лиц, которым преступлением причинен тот или иной вид ущерба, требуют своего решения средствами публичного и частного права. Свидетельством тому является создание базы международно-правовых актов, появление общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в сфере обеспечения прав потерпевшего от преступления, а также законодотворческая деятельность в рамках национальных правопорядков государств.

В российской правоприменительной практике проблема восстановления прав потерпевших от преступлений признается одной из самых насущных. Этим обусловлено внимание к ней судебной власти в контексте выработки современных правовых позиций. Так, Верховный Суд РФ специально подчеркнул, что при применении норм гражданского и уголовно-процессуального права суды должны в ходе судебного разбирательства принимать исчерпывающие меры для разрешения имеющегося по уголовному делу гражданского иска по существу, с тем «чтобы нарушенные преступлением права потерпевшего были своевременно восстановлены», в частности, не допускается при постановлении судом обвинительного приговора необоснованно передавать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства [14].

Приводимые в открытых источниках сведения показывают остроту данной социальной и правовой проблемы. Так, по всем уголовным делам, которые находились в производстве правоохранительных органов в 2019 г. материальный ущерб составил 627,7 млрд. руб.

(из них 447,2 млрд. по преступлениям экономической направленности). Для сравнения размер реально возмещенного ущерба составил 173,2 млрд. руб. (из них 157,5 млрд. по преступлениям экономической направленности). При этом из общего числа выявленных лиц, причинивших имущественный и моральный вред преступным деянием (884 661 чел.), подавляющее большинство не сможет возместить вред по причине низкого материального достатка (609 831 чел.) [1].

Соответственно 2020 год не принес улучшений в данной сфере, ситуация продолжает оставаться сложной по разным причинам, в том числе в связи с отсутствием новых подходов к комплексному законодательному регулированию компенсационных отношений, в которых участвуют потерпевшие от преступлений.

Вопросы восстановления социальной справедливости, социального спокойствия и разрешения уголовно-правового конфликта не только средствами уголовного, но и гражданского права, позволяют наиболее полно учитывать интересы лиц, которым причинен ущерб уголовно-противоправным деянием. Говорить об единообразном подходе к разрешению проблемы всестороннего обеспечения прав потерпевшего пока еще рано, «каждое государство регулирует данный вопрос по-своему: в одних государствах права жертв уголовных преступлений защищаются в достаточном объеме, а в других -нет» [5, с.192; 7, с.2]. Возмещение вреда, причиненного преступлением, остается одной из главных задач уголовного судопроизводства. "Венская Декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века" рекомендовала государствам разработать планы действий и создать фонды в поддержку жертв преступлений [6, с.95–100]

В странах ЕС на основании принятых документов была разработана система защиты прав потерпевших, в том числе, и механизм реализации права на компенсацию причиненного правонарушением ущерба [3; 4]. 16 ноября 2015 года в соответствии с Директивой о потерпевших государства-члены должны были представить обновленные законодательные акты, которые бы отражали ее рекомендации.

Институты компенсации вреда, причиненного преступлением и общественно опасным деянием лица, которое не является субъектом преступления, получили свое развитие в национальном законодательстве целого ряда государств как в Европе, так и в странах азиатского и американского континентов. На европейские системы права оказало значительное влияние законодательство, которое было принято в рамках Европейского Союза, практически все государства – члены ЕС имеют систему очень сходных компенсационных механизмов, применяемых к потерпевшему.

Модельный закон для государств – участников СНГ «О возмещении причиненного вреда гражданам, потерпевшим от преступлений» разработан как результат проведения сравнительного анализа законодательных актов государств-членов Европейского Союза и других стран. Он также базируется на современных подходах к защите нарушенных преступлением прав гражданина-потерпевшего, закрепленных в законодательстве ряда государств СНГ (Казахстан, Азербайджан, Беларусь и других), модельных законах для государств – участников СНГ, нормы которых обеспечивают защиту прав потерпевших вследствие преступлений (модельный УПК, модельный закон «Об оказании помощи жертвам торговли людьми»). Работа над проектом модельного закона осуществлялась под влиянием вызовов судебной практики по рассмотрению гражданских исков в уголовном процессе (в частности, в России, Казахстане, Беларуси и других государствах – участниках СНГ) [2; 12].

В модельном законе развиваются и конкретизируются положения модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ [10], в том числе положения, определяющие круг компенсационных интересов потерпевшего вследствие преступления, основания, порядок и способы возмещения вреда, а также предусматривающие возможность компенсации причиненного ущерба за счет государства.

Под компенсацией вреда понимаются денежные средства, выплачиваемые одновременно или периодически в установленном модельным законом порядке лицу, признанному потерпевшим в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Данная компенсация включает в том числе компенсацию морального вреда.

Для целей модельного закона юридически значимым является вред, который причинен как преступлением, так и запрещенным уголовным законом деянием, совершенным лицом в состоянии невменяемости.

В модельном законе устанавливаются принципы возмещения вреда потерпевшим от преступлений или иных запрещенных уголовным законом деяний, в числе которых принципы законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, равенства прав и свобод потерпевших независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; добросовестности; соразмерности и справедливости возмещения вреда; содей-

ствия государства в организации возмещения причиненного преступлением вреда с помощью различных источников финансирования; а также доступности.

Субъекты. Признание гражданина потерпевшим должно оформляться в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством государства актом компетентного государственного органа, в котором указывается, какой конкретно вред и в каком размере причинен лицу (ст. 4 «Субъекты права на возмещение причиненного преступлением вреда»). В случае незавершения преступного деяния по независящим от правонарушителя обстоятельствам лицо, в отношении которого оно было начато, признается потерпевшим по фактически наступившим последствиям в виде физического, морального, имущественного вреда.

В целях наиболее полного обеспечения прав потерпевшего лицо должно быть признано таковым сразу же после возбуждения уголовного дела, а в случае неустановления лица, которому преступлением был причинен ущерб, – сразу же после его установления.

Гражданский иск предъявляется к подозреваемому, обвиняемому, неизвестному (неустановленному) лицу, подлежащему привлечению в качестве обвиняемого, либо к тем лицам, на которые может быть возложена имущественная ответственность за действия обвиняемого в соответствии с законодательством государства. Указанный круг лиц, на которых может возлагаться обязанность возмещения вреда, причиненного потерпевшему, приведен в ст.12 модельного закона, эти лица выступают в качестве гражданских ответчиков.

Содержание компенсационного правоотношения. Определение размера вреда, причиненного потерпевшему, осуществляется с учетом экономических и правовых критериев. Действие принципа полного возмещения вреда обеспечивается соответствием размера причиненного вреда размеру предоставляемой потерпевшему компенсации.

Так, для определения тяжести физического вреда обязательно назначение судебно-медицинской экспертизы, размер компенсации указанного вида вреда следует определять исходя из затрат на лечение, реабилитацию, приобретение адаптивных устройств в случае их необходимости, приобретение лекарственных средств и других расходов, связанных с восстановлением здоровья лица, в том числе на санаторно-курортное лечение (ст. 13).

Для установления размера компенсации причиненного морального вреда следует учитывать, в частности, объем нарушенных нематериальных благ, личных неимущественных прав и другие критерии,

установленные законодательством государства. Необходимость достижения баланса публично-правовых и частноправовых интересов обуславливает право суда уменьшать объем и размер выплат, исходя из обстоятельств дела и принципов возмещения причиненного вреда.

При этом вред, причиненный преступлением, может быть компенсирован добровольно лицом, его причинившим, или иными лицами. Добровольное возмещение вреда, причиненного в результате совершения преступления, может иметь место на любой стадии уголовного судопроизводства, в том числе после вынесения и вступления в силу судебного решения, но до обращения его к исполнению (ч. 1 ст. 10).

При производстве по гражданскому иску основания, условия, размер и способ возмещения вреда определяются нормами гражданского и других отраслей законодательства государства -участника СНГ.

Участие государства в восстановлении прав потерпевших вследствие преступления. В целях создания дополнительных гарантий защиты прав потерпевших, в том числе несовершеннолетних, модельным законом предусматриваются нормы, которые определяют основание, размер и порядок возмещения вреда, причиненного преступлением, за счет государства (Глава 3 «Возмещение государством вреда, причиненного потерпевшему преступлением»). Возмещение вреда за счет государства осуществляется в тех случаях, когда оно не может быть обеспечено другими средствами, способами и из других источников.

В связи с этим важным представляется содержание статьи 15, определяющей основания и условия возмещения вреда государством (ст. 15 «Порядок решения вопроса о выплате потерпевшему компенсации за счет государства»). Концептуально достигнуто единство подхода к условиям компенсации вреда потерпевшим – выплачивается компенсация за вред, который связан с посягательствами на жизнь, здоровье и личность гражданина. Пункт 2 части 2 статьи 15 проекта дополнен перечнем составов преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18 УК РФ, гл. 20 модельного УК для государств – участников СНГ [10]).

Так, государство обеспечивает выплату потерпевшему компенсации, если: виновное в совершении преступления лицо не установлено, либо не известно его местонахождение, либо местонахождение его известно, однако исполнить решение суда не представляется возможным, либо оно не может быть подвергнуто уголовному преследованию или наказанию, либо оно не имеет средств для исполнения решения в части возмещения вреда, либо при неотложной необходимости оказания материальной поддержки потерпевшему.

При этом значение должен иметь тот факт, что в отношении потерпевших совершены определенные виды преступлений (п.1, 2 ч.2 ст.15).

Кроме того, нормы данной статьи касаются иждивенцев и лиц, имеющих право на получение содержания от потерпевшего, который умер в результате совершения в отношении него преступления или указанные лица утратили содержание в связи с причиненным вследствие преступления вредом здоровью потерпевшего (п.3 ч.2 ст.15).

Законодательством государства могут быть предусмотрены и иные условия выплаты потерпевшему за счет государства. При таком подходе перечень условий, указанных в части 2 ст.15, не является исчерпывающим.

Все выплаты в счет возмещения причиненного преступлением вреда осуществляются в денежной форме в размере, определяемом судом в порядке гражданского судопроизводства или в рамках гражданского иска в уголовном процессе. Так, если вред причинен повреждением здоровья потерпевшего вследствие преступления, выплаты определяются, исходя из размера утраченного заработка (дохода), который потерпевший имел или определенно мог иметь, а также включают дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья, в том числе расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, реабилитацию и другие расходы в соответствии с законодательством государства (ст.17).

Если потерпевший, здоровью которого причинен вред, не имеет постоянного источника дохода, при исчислении размера компенсационных выплат за основу берется сумма в размере, определяемом законодательством государства, кратном минимальному размеру оплаты труда (величине прожиточного минимума).

При доработке проекта существенным изменениям подверглась статья 23 в контексте создания и функционирования фонда помощи гражданам, потерпевшим от преступлений. С учетом полученных от экспертов по финансовому и бюджетному праву рекомендаций была определена организационно-правовая форма фонда помощи гражданам, потерпевшим от преступлений – государственное бюджетное учреждение. Статья 23 содержит общие правила о правовом статусе фонда, в ней определяются возможные источники его формирования, при этом перечень является открытым. Средства фонда не подлежат изъятию государственными органами.

Данный общий подход соответствует требованиям, предъявляемым к регулированию статуса указанных юридических лиц в модель-

ных законодательных актах. Аналогичный подход к регулированию представлен, например, в статье 22 модельного закона «Об оказании помощи жертвам торговли людьми» [9].

В пользу потерпевшего могут производиться срочные выплаты в счет возмещения вреда, причиненного преступлением, в зависимости от его нуждаемости в материальной помощи и обеспеченности его семьи. Специальные условия и порядок предоставления потерпевшему срочных выплат должны устанавливаться законодательством государства (ст. 19).

Модельный закон призван обеспечить новый уровень защиты прав граждан, потерпевших от преступлений, поскольку предоставляет рекомендательную основу для разработки юридических гарантий восстановления нарушенных прав указанных потерпевших в рамках национального законодательства каждого из государств – участников СНГ.

Список использованных источников

1. Аналитический доклад «Оценка потенциала государственной сферы защиты прав потерпевших от преступлений» (2019); Аналитический доклад «Оценка современного состояния государственной сферы защиты прав потерпевших от преступлений» (2020) // <https://soprotivlenie.org/>
2. Анисимов А.Г., Цыреторов А.И. Проблемы реального возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России // СПС КонсультантПлюс;
3. Более подробная информация по каждому государству <https://e-justice.europa.eu/>;
http://ec.europa.eu/civiljustice/comp_crime_victim/comp_crime_victim_gen_en.htm
4. Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно-правовое исследование: научно-практическое пособие» / А.С. Автономов, В.Ю. Артемов, И.С. Власов и др.; отв. ред. С.П. Кубанцев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2016. – 304 с.
5. Дубровин В.В. Возмещение вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2011. С.192;
6. Лунев В.В. Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, его место в истории конгрессов // Государство и право. 2000. N 9. С. 95 – 100)
7. Митин М.А. Международно-правовое регулирование компенсаций жертвам уголовных преступлений. Автореф. дисс. СПб, 2012, С.2.
8. Модельный закон «О возмещении вреда, причиненного гражданам, потерпевшим от преступлений» для государств СНГ принят на пятьдесят первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи СНГ 27 ноября 2020 г. Проект разработан Санкт-Петербургским государ-

ственным университетом по заказу Секретариата Совета МПА СНГ (Договор № 141-д от 21.05.2018 г.).

9. Модельный закон «Об оказании помощи жертвам торговли людьми» Принят на тридцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 03 апреля 2008 г. // ИС Континент <http://continent-online.com>
10. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 года) (ред. от 29.11.2013).
11. Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ. Принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. // ИС Континент <http://continent-online.com>
12. Основные показатели работы судебных приставов-исполнителей ФССП России // Официальный сайт федеральной службы судебных приставов. URL: <http://fssprus.ru/statistics/>
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2021 N 1-П "По делу о проверке конституционности статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Л.В. Бакиной, С.А. Жидкова, Е.М. Семенова и Е.И. Семеновой" //СПС КонсультантПлюс
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 N 23 "О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу", п. 27 //СПС КонсультантПлюс

ЗАКОННОСТЬ И ОБОСНОВАННОСТЬ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ ОБОРОТА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

В статье рассматриваются проблемы необоснованного возбуждения уголовных дел в отношении руководителей хозяйствующих субъектов вследствие существующих в действующем законодательстве правовых барьеров препятствующих диверсификации оборонно-промышленного комплекса и вовлечения бизнеса в процессы создания передовых технологий. В качестве одной из основных причин рассматривается отсутствие в действующем законодательстве четкого правового разграничения понятий военной техники и продукции гражданского назначения, что влечет произвольное определение следственными органами объекта преступления и как следствие – предмета посягательства.

Ключевые слова: предмет посягательства, продукция военного назначения, разграничение понятий военной техники и продукции гражданского назначения.

Aleksandr V. Guranov

Managing Partner of the law
firm «Prombusinessconsulting»
St. Petersburg Chamber of Lawyers

LEGALITY AND VALIDITY OF CRIMINAL PROSECUTION IN THE SPHERE OF TURNOVER OF INDUSTRIAL PRODUCTS

Summary: The article deals with the problems of unjustified initiation of criminal cases against the heads of economic entities due to the existing legal barriers in the current legislation that prevent the diversification of the military-industrial complex and the involvement of business in the processes of creating advanced technologies. One of the main reasons is the absence in the current legislation of a clear legal distinction between the concepts of military equipment and civilian products, which leads to an arbitrary definition by the investigative authorities of the object of the crime and, as a result, the subject of encroachment.

Keywords: object of encroachment, military products, differentiation of the concepts of military equipment and civilian products.

В научной юридической литературе не заслужено мало уделяется внимания роли правовой неопределенности нормативно-правовых актов, лежащих в основе бланкетных норм уголовного закона, и как следствие этого, их негативному влиянию на процесс принятия процессу-

альных решений о возбуждении уголовных дел без достаточных к тому оснований и необъективного их расследования.

Законодательство, регламентирующее производственный процесс и порядок реализации продукции предприятий военно-промышленного комплекса имеет серьезные правовые дефекты, а именно, отдельные правовые нормы не имеют четкого и ясного изложения, достаточно полного определения содержащихся в них понятий и категорий, что порождает в правоприменительной практике, во – первых, необоснованное уголовное преследование руководителей промышленных предприятий, а во – вторых, отрицательно влияет на объем товарооборота отечественной продукции. Как следствие, оба этих фактора самым серьезным образом деструктивно отражаются на развитии экономики страны в целом.

Контурно обозначая озвученную проблему, коснемся, прежде всего, законотворческой проблемы несовершенного, системно непродуманного формулирования отдельных правовых норм отраслевого законодательства, позволяющих на практике принимать логически необоснованные процессуальные решения о возбуждении уголовных дел по таким преступлениям экономической направленности как: контрабанда вооружения и военной техники (ст. 226.1 УК РФ), незаконный экспорт продукции двойного назначения (ст. 189 УК РФ) и осуществление работ в отношении вооружения и военной техники без лицензии (ст. 171 УК РФ). В составах преступлений указывается, в чем конкретно должно проявляться общественно опасное воздействие на объект. В контексте рассматриваемой темы как раз и возникает проблема с определением объекта преступления и непосредственного предмета криминального посягательства.

Согласно существующему определению понятия «военная техника» к ней относятся технические средства, которые имеют своим предназначением боевое, техническое и тыловое обеспечение деятельности войск.

Соответственно, буквальное значение словосочетания «обеспечение деятельности войск (сил)» позволяет без достаточных к тому оснований отнести к военной технике практически любые предметы гражданского назначения, используемые в вооружённых силах.

Составы вышеуказанных преступлений, имеют схожие признаки материального объекта. Относительно деятельности руководителей предприятий, производящих изделия широкого ассортимента, как военного назначения, так и гражданского потребления, использование последних без дополнительного разрешения государственных органов

в гражданском обороте рассматривается как преступная деятельность. Происходит это исключительно из-за указания в определении понятия «военная техника» предметов, предназначенных для боевого, технического и тылового обеспечения деятельности войск. Однако указанное формулирование данного понятия обширно и многоаспектно, оно включает помимо средств, предназначенных непосредственно для поражения живой силы, объектов противника, также и предметы, обеспечивающие соответствующие бытовые условия для военнослужащих, предметы строительства и обслуживания транспортных коммуникаций, техника для перевозки грузов, медицинское оборудование и т.д. 1]

Однако в силу, как уже было указано выше, несовершенства определения правовых норм, сложилась порочная правоприменительная практика, приводящая к его произвольному толкованию и применению, исключающему возможность фактического выделения из общего массива производимой продукции той её части, которая имеет также гражданские потребительные свойства. Речь идет об отграничении гражданской продукции, производимой предприятиями, от предметов, обладающих самостоятельным статусом вооружения и военной техники.

Отсутствие разъяснений по указанному понятию не позволяет выделить из всего многообразия промышленной продукции, используемой в интересах вооруженных сил, предметы, которые по своему предметному назначению не могут относиться к военной технике.

Отсутствие в настоящее время ясных правил, устанавливающих критерии разграничения предметов, относящихся к категории военной техники и не являющихся таковыми, позволяет следственным органам произвольно относить к продукции военного назначения практически любые товары гражданского назначения, выпускаемые предприятиями наряду с продукцией военного назначения.

А это значит, что любой технический предмет медицины, строительства, сельского хозяйства при его использовании в вооруженных силах приобретает статус военной техники, соответственно в последующем любая деятельность с такими предметами возможна исключительно после получения разрешения лицензирующего органа.

Такая правовая неопределённость создает искусственное ограничение оборота отечественных товаров, как на внутренних, так и на международных рынках, а также является причиной необоснованного привлечения к уголовной ответственности руководителей промышленных предприятий, поскольку лишает их при проведении работ с такими предметами возможности заблаговременно знать и осознавать об-

щественно опасный и противоправный характер своих действий и предвидеть их уголовно-правовые последствия.

Очевидно, что отсутствие ясных правил в данной области правоотношений не позволяет бизнесу чувствовать себя защищенным со стороны государства, страх быть необоснованно привлеченным к уголовной ответственности за разработку продукции, которая может быть произвольно признана военной техникой, угнетает любые амбициозные планы предпринимателей быть участниками процессов, которые позволили бы динамично развиваться экономике государства.

Наглядным примером произвольного отнесения гражданской продукции к военной технике является приговор Североморского районного суда Мурманской области, которым гражданин Б., признан виновным по ч.1 ст.171 УК РФ (незаконное предпринимательство).

Согласно решению суда, промышленное предприятие, которым руководил осужденный, осуществило ремонт элементов валопровода большого десантного корабля Военно-Морского Флота России без необходимой лицензии [2].

Особенность этого уголовного дела заключалась в том, что предприятие, возглавляемое Б., одновременно ремонтировало более 20 военных кораблей, соответственно перечень ремонтируемого оборудования исчислялся несколькими сотнями предметов. Перед началом работ государственный заказчик, проверив наличие лицензий выдал свое заключение о допуске предприятия к работам.

Однако спустя несколько лет после успешного ремонта корабля, правоохранительные органы инициировали уголовное преследование Б., поскольку государственный заказчик изменил свое решение, посчитав, что работы по ремонту элементов валопровода корабля должны были проводиться при наличии дополнительной лицензии, которой в наличии не было.

При вынесении обвинительного приговора на суд не повлиял должным образом довод защиты о том, что ремонтируемый валопровод предмет гражданского назначения, поскольку корабль, на котором проводились работы изначально был спроектирован как гражданское рыболовецкое судно, использовалось в народном хозяйстве, после чего его передали Минобороны России и доукомплектовали вооружением, однако элементы валопровода своего гражданского назначения не меняли. Такие же элементы установлены на аналогичных рыболовецких судах данного проекта.

Примечательным по этому делу также было и то обстоятельство, что у правоприменительных органов, к компетенции которых отнесено разграничение гражданской продукции от военной техники, отсутству-

ет единый подход к отнесению предметов к статусу военной техники и многие должностные лица государственных органов отнесли указанный предмет корабля к гражданской продукции.

Возникает вопрос, каким образом руководитель предприятия может заблаговременно знать и осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий и предвидеть их уголовно-правовые последствия, если компетентные органы, отвечающие за определение статуса предмета, не имеют единого мнения.

В 2015 году, с целью содействия в скорейшем установлении ясных правил правовых отношений в данной области рынка, нами было инициировано через Администрацию Президента России предложение по изменению законодательства в области разграничения продукции общепромышленного назначения, военной техники и продукции двойного назначения, которое было поддержано, однако работа по внесению необходимых изменений была приостановлена.

И только в апреле 2020 года Правительством России в Положение о лицензировании работ с вооружением и военной техникой были внесены изменения, уточняющие понятие «военная техника», у правоприменителей появилась возможность наиболее полно понимать криминалистическую структуру события преступления по статьям 171 и 226.1 УК РФ, а значит более объективного осуществлять расследования по данной категории дел.

В тоже время, несмотря положительный результат по изменению законодательства, претензии к определению понятия военная техника всё-таки остаются, поскольку отдельные его положения, все же позволяют необоснованное отнесение к военной технике гражданской продукции.

Соответственно, во избежание необоснованного привлечения предпринимателей к уголовной ответственности и создания безопасной среды для вовлечения бизнеса в процессы развития отечественной промышленности необходимо продолжить работу по совершенствованию законодательства в этом направлении.

Список использованных источников

1. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/141989/%D0%A2%D1%8B%D0%BB/> (Дата обращения 07.12. 2021).
2. Архив Североморского районного суда Мурманской области, УД № 1–1/2017.

ТИПИЧНЫЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ МОШЕННИКА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

В статье рассматривается характеристика личности мошенника, совершающего преступления в кредитной сфере. Раскрываются основные элементы структуры личности мошенника: уголовно – правовые признаки, нравственно – психологические особенности, социально – демографические признаки. Дается психологический анализ каждого из соучастников, совершающих мошенничество в сфере кредитования.

Ключевые слова: личность преступника, мошенничество, сфера кредитования, мотив, соучастие

Alexander O. Dzyuba

Postgraduate student of Lomonosov Moscow State University
Criminalistics department
Law School

TYPICAL PERSONALITY TRAITS OF A FRAUDSTER IN THE CREDIT SPHERE

Summary: The article discusses the characteristics of the personality of a fraudster who commits crimes in the credit sphere. The main elements of the fraudster's personality structure are revealed: criminal-legal features, moral-psychological features, socio-demographic features. A psychological analysis of each of the accomplices who commit fraud in the field of lending is given.

.Keywords: identity of the criminal, fraud, identification, credit sphere, motive, complicity.

Для своевременного и качественного расследования мошенничества в сфере кредитования одних сведений о личности преступника будет недостаточно, необходимо провести анализ личностных свойств представителя кредитора, который напрямую связан с процессом кредитования. При этом также необходимо уделить внимание психологическим аспектам личности преступника, потому что они являются крайне важным элементом при расследовании указанного вида преступления.

Большинство ученых – криминалистов полагает, что личность преступника представляет собой личность человека, который умышленно или по неосторожности совершил общественно опасное противоправное деяние, предусмотренное уголовным законом [7, с. 27].

В криминалистике для того, чтобы установить личность преступника необходимо познать ее отдельные свойства и качества, кото-

рые отражаются в следах преступления. Затем, при производстве следственных действий накопленные знания могут использоваться как средство воздействия на личность преступника [3 с. 148 – 152].

Известно, что поведение преступника, его роль в конкретной криминальной ситуации несут в себе отпечаток прошлого взаимодействия человека с внешней средой. Личность преступника формируется путем накопления определенного социального опыта, усвоения тех или иных стандартов поведения, и поэтому на новые ситуации преступник реагирует в соответствии с ранее полученными знаниями [8, с. 244].

Лица, которые совершают мошенничество в сфере кредитования, весьма неоднозначны. Можно выделить физических лиц, которые задействованы в сфере розничного кредитования; индивидуальных предпринимателей; учредителей лжепредприятий и фиктивных организаций; сотрудников банка, которые состоят в преступном сговоре с мошенниками [5, с. 73].

В контексте структуры личности мошенника особый интерес представляет мнение А.И. Алексеева, который выделяет в ней следующий элементный состав: уголовно – правовые признаки; нравственно – психологические особенности; социально – демографические признаки [1, с. 340].

Уголовно-правовые признаки личности преступника прежде всего определяют то, как действовал преступник: самостоятельно или с помощью соучастников. Основную часть мошенничеств в сфере кредитования совершают одиночки (более половины преступлений): речь идет о сотрудниках банка, физических лицах, у которых имеется опыт участия в кредитных отношениях, или лицах, оформляющих кредитный договор впервые.

Среди нравственно – психологических признаков особую важность для расследования и раскрытия преступлений представляет мотивация криминального поведения. Мотивация поведения личности является психическим процессом отражения в ее сознании реалий внешнего мира, на основе которых формируется мотив преступного поведения [1, с. 339]. Мотивом незаконного получения кредита является использования денежных средств в личных целях. Личность кредитно – банковского мошенника характеризуется такими психологическими особенностями как корысть, жадность, страсть к обогащению [11, с. 310].

В поведении кредитного мошенника, как яркого представителя корыстных преступников, доминируют корыстные побуждения, и удовлетворить их правомерными способами не представляется возможным. Действия указанной категории преступников обусловлены не от-

дельными мотивами, которые побуждают к совершению противоправного деяния, а общей корыстной направленностью личности [13, с. 95]. То есть в сознании корыстного преступника приоритет отдается материальным потребностям, что находит отражение в его поведении. Такой кредитный мошенник всегда стремится найти наиболее легкие и быстрые способы повышения своего материального достатка, не желая прилагать к этому больших усилий. Важно подчеркнуть, что материальная потребность не связана с объективной необходимостью, она вызвана желанием владеть даже теми вещами, которые превосходят круг потребностей человека [2, с. 68]. Корыстные преступники отличаются повышенной внушаемостью, отсутствием целеустремленности, что является причиной неудовлетворенности собственным материальным положением, вследствие чего возникает потребность поменять существующее положение дел любым способом, в том числе и противозаконным [4, с. 250–251]. В данном случае следователь должен изучать личность преступника основываясь на том, что мошенник обладает широким кругом межличностных связей и играет определенную роль в той ли иной социальной группе (семья, трудовой коллектив и др). Зачастую информация, полученная от лиц, с которым взаимодействовал преступник, может поспособствовать выбору правильного направления расследования.

Наконец, социально-демографические признаки включают в себя те признаки, которые отличают конкретного человека от других людей. В данном случае речь идет про пол, возраст, образование. Достаточно большое количество преступлений, которые были совершены не сотрудниками банковской организации, организуются и претворяются в жизнь представителями мужского пола. Мужчины обладают хорошими знаниями в сфере экономики и могут более изощренно продумать свой план действий. Преступления совершаются в большей мере молодыми людьми, возрастной диапазон которых составляет с 21 года до 45 лет. Это связано с тем, что одним из условий предоставления кредита заемщику является достижение им возраста 21 год; максимальный же возраст на момент заключения кредитного договора должен составлять не более 65 лет [6, с. 68].

Следует учитывать тот факт, что кредитным мошенникам не составляет большого труда произвести хорошее первое впечатление на человека, используя при этом в своем лексиконе банковскую или экономическую терминологию, демонстрируя дорогие аксессуары, модную одежду. Они отличаются хорошо поставленной речью, используют в разговоре профессиональные речевые обороты и вводят в заблуж-

дение собеседника, формируя у него представление о себе как о серьезном, деловом человеке [9, с. 76–89].

Кредитные мошенники умеют сопереживать, вызывать сильные эмоции и располагать к себе. Зачастую у потерпевшей стороны создается впечатление, что преступники находятся в сложной ситуации, которая требует срочной необходимости получения кредита. Вместе с тем нельзя сказать, что все мошенники имеют высокий интеллектуальный уровень: конкретный объем знаний экономического и правового характера им необходим лишь на стадии получения кредитных средств [10, с. 212].

Важно также понимать, что мошенникам реализовать свой преступный умысел в одиночку бывает сложно, поэтому необходимо учитывать тот факт, что данный вид мошенничества зачастую совершается организованной преступной группой или группой лиц по предварительному сговору. Необходимо уделить внимание составу преступной группировки. В первую очередь, важно проанализировать роль организатора мошенничества в сфере кредитования. Его действия имеют прямой умысел и считаются наиболее опасными по сравнению с действиями других соучастников мошенничества, именно поэтому степень уголовной ответственности у него будет гораздо выше [12, с. 135].

Организаторы мошенничества в сфере кредитования: хорошо знакомы с информацией о порядке и условиях выдачи кредитов и кредитных карт; предварительно изучают систему работы программного обеспечения, которое защищает банковские организации от преступных посягательств; в число их друзей часто входят люди, которые являются сотрудниками банка и имеют доступ к выдаче кредитов; отличаются высоким профессионализмом, широким кругозором [4, с. 256].

Не удивительно, что именно руководители кредитных организаций чаще всего выступают в роли организатора преступления. Это связано с тем, что руководители проводят целый комплекс мероприятий, направленных на минимизацию дополнительных проверок документов, которые предоставляет заемщик. В то же время действия руководителей банков не всегда отличаются уверенностью и хладнокровием, поскольку они больше других соучастников боятся наступления уголовной ответственности, потери статуса, работы. К примеру, в ходе допроса указанные лица чаще других будут испытывать нервозность, и следователю в такой ситуации необходимо более детально, тщательно изучать личность преступника. Руководители организаций при хищении денежных средств часто прибегают к помощи своих сотрудников,

поэтому важно отследить каждый этап кредитного процесса, в ходе которого было совершено мошенничество [4, с. 245].

Следующий вид соучастия предусматривает выполнение основных действий, направленных на достижение преступного умысла. В данном случае речь идет об исполнителе, который является центральной фигурой в соучастии, поскольку без его действий преступление не может быть совершено. Исполнителем часто бывает лицо, являющееся сотрудником банка и подверженное влиянию руководителя организации. В отличие от руководителя рядовые сотрудники банка не имеют такой высокой социальной статус, поэтому не боятся потерять его при совершении мошенничества. Такие сотрудники более мнительны, импульсивны, доверчивы, что проявляется во взаимоотношениях с другими работниками [4, с. 260].

Однако важно понимать, что рядовые сотрудники банка могут самостоятельно совершать кредитные мошенничества. Объем ответственности за совершенное преступление не осознается ими в полной мере, они не отличаются высокими интеллектуальными способностями, а руководствуются получением личной выгоды [4, с. 261].

Исполнителями могут быть и лица, которые не являются сотрудниками банка. К таким преступникам чаще всего относятся лица, ведущие антисоциальный образ жизни, состоящие на учете в психоневрологических диспансерах, инвалиды. Обычно они выступают в роли заемщика, а третьи лица руководят ими, продумывая алгоритм их действий и предоставляя поддельные документы.

Необходимо уделить внимание личности представителя кредитора, как жертве обмана мошенничества. К ним относятся сотрудники банка, которые напрямую связаны с процессом кредитования неблагонадежных заемщиков. Если сотрудник не обладает такими качествами как усидчивость, внимательность, аккуратность, то он может упустить из виду отрицательные качества кредитора, недостаточно грамотно проанализировать предъявляемые заемщиком информацию и документы.

Не имея умысла на совершение преступных действий, сотрудник кредитора может предоставлять корпоративную информацию своим знакомым, в том числе представителям преступного мира. Действия кредитора в таких ситуациях документально не подтверждены, поэтому выявить причастность данного лица к совершению преступного деяния практически невозможно.

Таким образом, своевременное и качественное раскрытие преступлений в сфере кредитования напрямую зависит от того, насколько хорошо была изучена личность кредитного мошенника. Систематизи-

рованные и достоверные знания о личности мошенника позволят: уменьшить круг лиц, среди которых будет осуществляться поиск преступника; выдвинуть версии о мотиве и цели преступления, о способе совершения преступления; провести более быстрый поиск искомых объектов; спрогнозировать динамику преступности.

Список использованных источников

1. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М.: Щит и меч, 1998 .
2. Антонян Ю.М. Личность преступника. Криминологическое – психологическое исследование. М.: Норма: Инфра – М, 2010.
3. Ведерников Н.Т. Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 384..
4. Григорян А .А. Личность мошенника как элемент криминалистической характеристики преступления // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3.
5. Данилов Д.А. Наиболее характерные особенности личности преступника, совершающего мошенничество в сфере кредитования // Вестник Уфимского юридического института МВД России 2017 № 4.
6. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. ч. 1. Понятие соучастия. Свердловск, 1960.
7. Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.Е. Эминова. М.: Юристъ, 1995.
8. Криминология и организация предупреждения преступлений: учебное пособие для слушателей Академии МВД России / под ред. профессора Э.И. Петрова. М., Академия МВД России, 1995.
9. Кручинина Н. В. О криминалистическом обеспечении расследования преступлений в сфере экономики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 5 (33). – Стр.76 – 89.
10. Кургузкина Е.Б. Учение о личности преступника / под ред. докт. юрид. наук проф. Ю.М. Антоняна. М.: ВНИИ МВД России, 2002. – Стр. 212.
11. Резван, А.П. Криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений. Учебник. В 2 ч. Ч.1 / Под ред. А.П. Резвана, М.В. Субботиной. – М., 2002.
12. Уголовное право России. Практический курс / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина; под науч. ред. А.В. Наумова. М., 2007.
13. Цебекова, Г.В. Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика мошенничества: монография / Г.В. Цебекова – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2016.

К.О. Зиновьев

Аспирант кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ЛИЦ ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

В статье рассматривается содержание и проблематика уголовно-процессуальных гарантий при наложении ареста на имущество. Особенности уголовно-процессуальных гарантий третьих лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми по уголовному делу. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации предусматривают наличие процессуальных гарантий защиты права собственности таких лиц, однако данные гарантии не закреплены на законодательном уровне. В статье использована правоприменительная практика, которая иллюстрирует проблему обеспечения прав третьих лиц и соблюдения баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество, процессуальные гарантии, лица, не являющиеся подозреваемыми, обвиняемыми, третьи лица, права человека,

Kirill Zinoviev

Postgraduate student
of criminal procedure and criminology department
St. Petersburg State University

CRIMINAL PROCEDURAL GUARANTEES FOR PERSONS WHEN PROPERTY IS SEIZED

Summary: The article deals the content and problems of criminal procedural guarantees under seizing property. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation provide for procedural guarantees of the protection of the property rights of third persons, however, these guarantees are not fixed at the legislative level. Law enforcement practice illustrates the problem of ensuring the rights of third parties and the balance of public and private interests.

Keywords: seizure of property, procedural guarantees, third person, human rights.

Ограничение прав и свобод человека и гражданина является основополагающим элементом любого регулирования общественных отношений и, безусловно, правовое регулирование не является исключением. В широком смысле правовое регулирование есть любое нормативное воздействие законодателя на правовую систему в целях конкретизации конституционных положений, тогда как в узком смысле правовое регулирование представляет собой деятельность законодате-

ля, направленную на выявление, установление и фиксацию содержательных пределов права и свободы в рамках сформулированного конституционного концепта данного права или свободы («конституционного ядра права») [6].

Анализируя ограничение как способ осуществления правового регулирования, Конституционный Суд РФ в своих правовых позициях указывал, что ограничения конституционных прав должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений; в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права, т.е. не ограничивают пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм; чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения [9].

Конституционный Суд РА отмечал, что в силу общепризнанного принципа неприкосновенности собственности, выступающего гарантией права собственности во всех его составляющих принципа, а также фундаментальных принципов юридического равенства и справедливости, вмешательство государства в отношении собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем, чтобы обеспечивался баланс

конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению [10],[11].

Уголовно-процессуальный закон содержит обширный перечень процессуальных действий, которые напрямую затрагивают право собственности гражданина и иллюстрируют глубокое вторжение государства в сферу частных интересов граждан и юридических лиц, в том числе в сферу их имущественных интересов. Так имущество, принадлежащее гражданину, может быть изъято в ходе производства следственных действий, повреждено в ходе проведения экспертизы, конфисковано и обращено в собственность государства.

В соответствии со статьей 6 УПК РФ задачами уголовного процесса является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Таким образом, законодатель ставит на один уровень важности необходимость расследования преступлений, изобличения виновного и защиту потерпевших от преступлений, а также защиту личности от ограничения либо нарушения прав и свобод. Подобный дуализм несет в себе необходимость перманентного поиска баланса интересов, создания системы сдержек и противовесов, совершенствования институтов, позволяющих добиваться поставленных задач уголовного процесса без ущерба какой-либо из них. Исходя из вышеуказанных задач уголовного процесса следует также необходимость приверженности системного подхода в ходе законотворческой, а также правоприменительной деятельности, так как любое внесенное изменение в действующее правовое регулирование неизбежно влечет последствия, способные нарушить равновесие ценностей и склонить чашу весов в какую-либо сторону.

Наиболее иллюстративным примером необходимости подобного соблюдения равновесия ценностей являются предусмотренные УПК РФ срочные превентивные меры, направленные на пресечение преступной деятельности, либо обеспечивающие исполнение решения суда, которые напрямую затрагивают конституционные права граждан, а именно: неотложные следственные действия, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения, в том числе наложение ареста на имущество.

При наложении ареста на имущество ограничивается право собственности и иные конституционные права значительного круга участников процесса, что обязывает законодателя предусматривать необходимые гарантии, которые бы обеспечивали законность и обоснованность подобных ограничений.

В юридической литературе обращалось внимание на то, что несмотря на увеличение положений, регламентирующих институт наложения ареста на имущество, механизм применения данного института закреплен в УПК РФ достаточно схематично, что зачастую ставит участников процесса в сложное положение [2].

В результате вмешательства государства в сферу прав и законных интересов граждан особую важность приобретают механизмы защиты от необоснованного применения мер принуждения. Решению данной задачи посвящен институт уголовно-процессуальных гарантий лиц, подвергающихся такому вмешательству.

Именно уголовно-процессуальные гарантии лиц, подвергающихся государственному принуждению, способствуют соблюдению назначения уголовного судопроизводства, предусмотренного в п.2 ч.1 ст.6 УПК РФ и являются прямым воплощением принципов уголовного судопроизводства и элементом конституционно-правового регулирования отношений, возникающих в ходе уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальными гарантиями прав и законных интересов являются многочисленные и многообразные по своему конкретному содержанию средства, предусмотренные нормами уголовно-процессуального права, служащие обеспечению возможности осуществления, защиты прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном процессе.

Многие советские ученые-процессуалисты давали определения уголовно-процессуальных гарантий. Так М.С. Строгович под процессуальными гарантиями понимал «установленные законом средства, при помощи которых участвующие в уголовном процессе граждане могут защищать свои права и интересы» [7].

М.М Выдря указывал, что «уголовно-процессуальные гарантии – это правовые средства, установленные законом в целях обеспечения задач правосудия. Их роль сводится к охране законных интересов участников процесса с тем, чтобы только совершивший преступление подвергался справедливому наказанию, и не один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден [3].

Ряд ученых процессуалистов придерживался более конкретного определения понятия уголовно-процессуальных гарантий. По мнению Л.А Кротова процессуальные гарантии это, в первую очередь, «осуществление определенными субъектами содержащихся в нормах уголовно-процессуального права предписаний. [4] По мнению С.А Александрова, процессуальные гарантии – это правовые нормы, выступающие в единстве с правовой деятельностью [1].

Э.Ф. Куцова Э.Ф конкретизировала понятие уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов как, прежде всего, обязанность органов, осуществляющих предварительное расследование, прокурора, суда, содействовать обеспечению и охране прав и законных интересов лиц, подвергающихся государственному принуждению [5].

Таким образом, следует заключить, что уголовно-процессуальные гарантии включают в себя и нормы права, позволяющие осуществлять субъективные права участников уголовного судопроизводства, и непосредственно саму деятельность участников уголовного судопроизводства по реализации своих прав и обязанностей.

При этом, особенно стоит отметить, позицию Э.Ф. Куцовой, заключающуюся в том, что важны и необходимы уголовно-процессуальные гарантии прав граждан независимо от того, в каком процессуальном качестве гражданин участвует в судопроизводстве. Однако, не смотря на единую основу, содержание процессуальных гарантий различно, а основным критерием разграничения их содержания является уровень вовлеченности субъекта в уголовный процесс, а также степень принуждения, которой он подвергается [5].

Наиболее обширный комплекс уголовно-процессуальных гарантий принадлежит обвиняемому. Процессуальные гарантии обвиняемого обеспечиваются закрепленными в законе обязанностями органов, осуществляющих предварительное расследование, а также суда, направленными на охрану законных интересов обвиняемого и обеспечение осуществления им своих прав. основополагающим звеном в комплексе прав обвиняемого является право привлечения защитника в целях оказания необходимой юридической помощи, выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающего его ответственность.

На наш взгляд, ядром уголовно-процессуальных гарантий обвиняемого, а также иных лиц, находящихся под государственным принуждением, является регламентированный законом порядок реализации своих субъективных прав. Любое лицо, являющееся субъектом уголовно-процессуального правоотношения и испытывающее на себе тяжесть государственного принуждения, обладающее уголовно-процессуальной право – и дееспособностью, обладает комплексом субъективных прав и корреспондирующих обязанностей государственных органов.

По мнению И.А. Зинченко, участники уголовного процесса (субъекты со специальной правоспособностью) получают определен-

ный набор прав (например, свидетельский иммунитет, право на заявительные ходатайств и т.д.) в момент официального признания их правового статуса (с момента приобретения правоспособности) [8].

Таким образом, момент возникновения правоспособности и, как следствие, возможности защиты от принуждения возникает не из самого факта принуждения, а с момента получения специального статуса.

Развитие гражданского оборота и способов перехода права собственности, а также развитие уголовно-процессуального законодательства и отдельных его институтов повлекло за собой возможность ограничения конституционных прав, в частности, права собственности лиц, чей процессуальный статус прямо не предусмотрен УПК РФ.

В 2006 году в ч. 3 ст. 115 УПК внесено изменение, в соответствии с которым стал возможен арест имущества, находящегося у других лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого, либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления, либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Судебная практика применения данной нормы породила проблему обеспечения прав лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия. Наиболее ярким примером ограничения права собственности является наложение ареста на имущество третьих лиц.

Одной из проблем обеспечения гарантий третьих лиц, является уведомление данных лиц о дате, времени и месте судебного заседания по рассмотрению ходатайства следователя, дознавателя о наложении ареста на имущество. В данном вопросе судебная практика только начинает формироваться. Суды апелляционной инстанции сравнительно часто отменяют постановления о наложении ареста на имущество в случае, если в ходе рассмотрения ходатайства о наложении ареста не был уведомлен собственник имущества, опираясь при этом на постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 № 25-П [13].

Другие процессуальные гарантии связаны с правами, которыми третьи лица должны обладать в судебном заседании. В этом вопросе правовое регулирование пока не отличается четкостью. УПК РФ прямо не предусматривает для таких лиц право на предоставление доказательств (например, документов, подтверждающих право собственности на имущество и легальность его приобретения, документов, подтверждающих стоимость приобретенного имущества); право на заявление ходатайств, в том числе об истребовании документов; право на озна-

комление с материалами предварительного расследования в части, затрагивающей права и законные интересы собственника или титульного владельца имущества.

Необходимость предоставления процессуальных гарантий третьими лицам приобрела актуальность также в связи с принятием Пленумом Верховного Суда РФ Постановления от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве», в соответствии с которым для решения вопроса о конфискации имущества, переданного обвиняемым другому лицу (организации), суду требуется на основе исследования доказательств установить, что лицо, у которого находится имущество, знало или должно было знать, что имущество получено в результате преступных действий или использовалось либо предназначалось для использования при совершении преступления.

Из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ следует, что суд должен привлечь собственника имущества, в отношении которого в уголовном процессе будут устанавливаться факты и исследоваться доказательства, непосредственно касающиеся его прав и законных интересов, так как данное лицо, как минимум, должно знать о тех доказательствах, на основе которых делаются выводы относительно добросовестности собственника и легальности приобретения права собственности» [12].

Исследование теории функционирования и практики применения данной меры процессуального принуждения показывает, что возникают ситуации, разрешение которых, не регламентировано УПК РФ. Так, современная редакция УПК РФ не предусматривает для собственников (титульных владельцев) арестованного имущества отдельного процессуального статуса с четко установленными и регламентированными процессуальными правами, что влечет за собой ограничение в правах данных лиц и увеличение численности отменяемых или пересматриваемых постановлений, приговоров в части наложения ареста на имущество.

В связи с этим возникает вопрос, распространяются ли уголовно-процессуальные гарантии на третьих лиц, вовлеченных в уголовный процесс и является ли наличие процессуального статуса основанием возникновения уголовно-процессуальных гарантий у лица, подвергнутому государственному принуждению. По нашему мнению, уголовно-процессуальные гарантии должны распространяться на рассматриваемую категорию лиц в полном объеме и обеспечиваться наделением их соответствующим процессуальным статусом.

Уголовно-процессуальные гарантии прав граждан должны быть обеспечены независимо от того, в каком процессуальном качестве

гражданин участвует в судопроизводстве, так как они являются выражением конституционно-правовых гарантий граждан, в соответствии с которыми каждый имеет право на защиту своих прав.

Список использованных источников

1. Александров С.А. Правовые гарантии интересов гражданского истца и ответчика в уголовном процесс. / Автореферат дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук. / Свердл. юрид. ин-т. – Свердловск: 1968. С. 9.
2. Висков Н.В. Специальная конфискация: юридическая природа, уголовно-правовое и уголовно-процессуальное средство обеспечения исполнения: Дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 143
3. Выдря М.М. Уголовно-процессуальные гарантии в суде: Учебное пособие. Краснодар, 1980. С. 18.
4. Кротова Л.А. Процессуальные гарантии достижения задач уголовного судопроизводства: Дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук. Казань, 1982. С. 102
5. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., Изд-во Моск. ун-та 1973. С. 128.
6. Малютин Н.С. Роль судебного толкования в разграничении теоретико-правовых конструкций правового регулирования, ограничения и умаления прав и свобод человека и гражданина// «Конституционное и муниципальное право». 2014. №3. С. 20–27.
7. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., Юриздат, 1939. С. 83.
8. Томин В. Т., Зинченко И.А. Уголовный процесс. Проблемные лекции. – М.: изд-во Юрайт, 2013. с. 298.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 44. Ст. 4358.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2008 N 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Костылева».
11. // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78731/
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.04.2019 N 18-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой». // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78731/
13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. N 17 г. Москва "О некоторых вопросах, связанных с

применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве"/ "Российская газета", N 134, 22.06.2018.

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 № 25-П по делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена. //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 23.10.2014;

ИНСТИТУТ СУДЕБНОГО ШТРАФА КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ПРИМИРЕНИЯ

Выдвижение в качестве одной из главных целей судопроизводства примирения между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым), возможность компенсации вреда потерпевшему являются отличительной чертой восстановительной модели уголовного правосудия. В статье отмечается, что гарантии прав потерпевшего зависят от формы, в которой принимается решение об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Автор приходит к выводу, что в ст. 446.2 УПК права потерпевшего гарантируются не в полной мере и могут приводить к следственным ошибкам. Интересы сторон обвинения и защиты в порядке ст. 446.3 УПК РФ более сбалансированы, вместе с тем на практике возникают вопросы о возможности прекращения уголовных дел при отсутствии материального ущерба потерпевшему.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, судебный штраф, возмещение вреда, потерпевший.

Pavel Kamatesov

St. Petersburg Chamber of Lawyers

THE INSTITUTION OF A JUDICIAL FINE AS A FORM OF CRIMINAL PROCEDURE RECONCILIATION STRATEGY

Summary: The promotion of reconciliation between the victim and the suspect (accused) as one of the main goals of legal proceedings, the possibility of compensation for harm to the victim are a distinctive feature of the restorative model of criminal justice. The article notes that the guarantees of the rights of the victim depend on the form in which the decision is made to release him from criminal liability with the appointment of a court fine. The author concludes that in Art. 446.2 of the CPC, the rights of the victim are not fully guaranteed and can lead to investigative errors. The interests of the parties to the prosecution and defense in accordance with Art. 446.3 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are more balanced, however, in practice, questions arise about the possibility of terminating criminal cases in the absence of material damage to the victim.

Keywords: discontinuation of criminal procedure, judicial fine, redress, victim.

Широкое применение института судебного штрафа, о чем свидетельствуют данные судебной статистики, позволяет снизить уровень судимости за совершение преступлений небольшой и средней тяжести.

Введение указанного института в уголовный процесс можно рассматривать как проявление либеральной тенденции в уголовно-процессуальной политике государства.

Одним из условий освобождения от уголовной ответственности по предусмотренному ст. 25.1 УПК РФ основанию, с назначением судебного штрафа, является возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда.

Выступая стимулом посткриминального поведения, указанный институт с одной стороны позволяет восстанавливать нарушенные права потерпевших, а с другой освобождает лицо, совершившее преступление, от негативных последствий в виде судимости.

Возможность компенсации материального и морального вреда потерпевшему, наравне с примирением потерпевшего и обвиняемого являются отличительными чертами восстановительной модели уголовного правосудия, через которую раскрывается стратегия примирения [6, 81].

В рамках реализации указанной стратегии в российском уголовном процессе известен институт примирения с потерпевшим, который предусмотрен ст. 25 УПК РФ и позволяет прекращать уголовные дела по преступлениям небольшой и средней тяжести при возмещении причиненного вреда, совершении преступления впервые.

Не останавливаясь на процедуре прекращения уголовных дел с назначением судебного штрафа, которая предполагает две формы его реализации, необходимо отметить, что ключевым отличием между институтом судебного штрафа и примирения с потерпевшим является согласие потерпевшего как условие примирения.

Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа не ставится в зависимость от воли потерпевшего. Вместе с тем, согласие потерпевшего не сводится только к утвердительному или отрицательному ответу на предложение о примирении. Согласие потерпевшего может быть выражено в отсутствии возражений относительно суммы установленного ущерба.

В связи с тем, что освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа может происходить в двух отличающихся по процедуре формах, исследование такого обстоятельства как размер ущерба также отличается в каждой форме. Первая форма реализации судебного штрафа предусмотрена ст. 446.3 УПК РФ и предполагает проведение полного предварительного расследования, с составлением обвинительного акта, обвинительного заключения или обвинительного постановления. По поступившему в суд уголовному делу, с учетом мнения сторон судом принимается решение о возможности или

невозможности прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа. В тех случаях, когда совершение преступления повлекло причинение ущерба, его размер в соответствии с п.4 ч.1 ст. 73 УПК РФ должен быть установлен. В случае, если потерпевший будет не согласен с размером установленного ущерба, то он лично или через представителя имеет возможность представлять суду доказательства относительно размера причиненного ущерба, а также заявлять ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору при наличии оснований, предусмотренных п.6 ч.1 ст. 237 УПК РФ.

Вторая форма освобождения от ответственности с назначением штрафа предусмотрена ст. 446.2 УПК РФ и предполагает разрешение судом ходатайства следователя или дознавателя о прекращении дела. Так как процедура рассмотрения указанного ходатайства в законе урегулирована недостаточно, потребовалось разъяснение Верховного суда РФ, который ориентировал суды на рассмотрение ходатайств в порядке, предусмотренном для форм судебного контроля. В рамках указанной формы суд лишен возможности исследовать доказательства, полученные при рассмотрении ходатайств следователя или дознавателя, в том числе направленные на проверку ранее собранных доказательств. Так, судом не может быть назначена, например, судебная экспертиза. Таким образом, в рамках формы, предусмотренной ст. 446.2 УПК РФ у суда отсутствует действенный механизм для определения размера причиненного потерпевшему ущерба.

Мы можем прийти к выводу, что для судебного штрафа, реализуемого в порядке ст. 446.2 УПК РФ отсутствие согласия потерпевшего с размером причиненного ущерба может являться препятствием к освобождению от уголовной ответственности по указанному основанию. В этом смысле, позиция потерпевшего, явившегося в судебное заседание по рассмотрению ходатайства следователя, дознавателя может являться определяющей для суда.

Необходимо отметить, что результаты изучения судебной практики свидетельствуют о том, что потерпевший в судебные заседания по рассмотрению ходатайств следователей и дознавателей как правило не является. По уголовным делам, в рамках которых причинен ущерб потерпевшему, последний в 66% случаев не является в суд. Кроме того, в каждом пятом судебном постановлении, вынесенном в отсутствие потерпевшего при наличии ущерба, форма возмещения ущерба не указывается или решение в этой части не мотивировано.

При наличии справедливого мнения о том, институт судебного штрафа является дополнительной возможностью для быстрого возмещения потерпевшему вреда [5], указанное снижение гарантий потер-

певшего противоречит назначению уголовного процесса, указанному в п.1 ч.1 ст. 6 УПК РФ.

Отмечая в целом недостаточность правового регулирования института судебного штрафа, реализуемого в порядке ст. 446.2 УПК РФ, нельзя не отметить, что требования по пределам доказывания по уголовным делам в ст. 446.2 УПК РФ отсутствуют. При направлении в суд ходатайств следователя и дознавателя, обстоятельства, подлежащие доказыванию, должны быть закреплены в уголовно-процессуальном законе.

Кроме того, в соответствии с ч.3 ст. 446.2 УПК РФ потерпевший не имеет возможности ознакомиться со всеми материалами уголовного дела при направлении в суд ходатайства следователя или дознавателя. Потерпевшему лишь предоставляется копия соответствующего постановления, что создает риски следственных ошибок, так как потерпевший мог бы заявить ходатайство о предъявлении обвинения в совершении более тяжкого преступления, о проведении дополнительных следственных действий. Порожденные указанными рисками следственные ошибки могут приводить к существенному затягиванию разрешения уголовного дела по существу, так как у суда отсутствуют полномочия по их исправлению в рамках ст. 446.2 УПК РФ.

В известной степени сложности возникают при освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа по преступлениям, в которых вред как негативное последствие в материальном мире отсутствует, либо когда преступлением причинен только моральный вред.

Уголовно-процессуальный закон не содержит запретов для прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа по мотивам отсутствия потерпевшего, отсутствия причиненного потерпевшему вреда. Данное обстоятельство справедливо отмечается в работах Арсеновой Н.В., Полуэктова А.Г., Кудрявцевой А.В., Сутягина К.И. [1,3].

Одной из целей введения института судебного штрафа является снижение числа лиц, имеющих судимости за преступления небольшой или средней тяжести. При разрешении по существу уголовных дел указанной категории могут возникать ситуации, при которых единственным препятствием к освобождению от ответственности является принципиальная позиция потерпевшего или неявка потерпевшего в судебное заседание. Существование института судебного штрафа выступает дополнительной возможностью прекратить уголовное дело и свести к минимуму негативные последствия для лиц, совершивших преступления, а с другой стороны, – гарантировать права потерпевших.

Список использованных источников

1. Арсенова Н.В. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа по преступлениям, посягающим на публичные интересы. Статья в сборник конференции // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 1 (34). С. 207–209.
2. Кудрявцева А.В., Сутягин К.И. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6. С. 102–110.
3. Полузтков А.Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты: дисс. канд. юр. наук: 12.00.08. М., 2018.
4. Постановление Пленума Верховного суда № 1 01.02.2011 (ред. от 29.11.2016) "О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних"// СПС Консультант плюс.
5. Рябина Т. К., Петрова О.В. Как решается вопрос о прекращении уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ в стадии назначения судебного заседания? // Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. Т. 22. №2 (77). С. 145.
6. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. Монография. СПб., 2006.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СОБЛЮДЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы теоретической обоснованности использования раздела криминалистической техники для применения правовых ограничений в рамках отдельных мер пресечения – домашнего ареста и запрета определенных действий.

Ключевые слова: меры пресечения, домашний арест, запрет определенных действий, криминалистическая техника, цифровизация.

Dmitrii S. Kostenko

Post-graduate student, Assistant at the Criminal procedure and
Criminalistics Department Siberian Federal University
SibFU (Krasnoyarsk)

THEORETICAL APPROACH IN USING SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL MEANS IN FORENSIC ACTIVITY TO ENSURE ENFORCEMENT OF PREVENTIVE MEASURES

The paper describes theoretical issues in applying forensic technique in implementation of certain preventive measures, which restriction based upon electronic monitoring devices – house arrest, restriction of certain activity.

Keywords: restrictive measures, house arrest, restriction of certain activity, forensic technique, digitalization.

Одной из тенденций современного общества является рост количества источников информации, а также общего массива сведений, поступающих и оказывающих влияние на человека. Поскольку развитие технологий является следствием научно-технического прогресса цивилизации, а также объективной действительностью, грамотное, целенаправленное использование и управление информацией представляется одной из ключевых задач современной науки и общества. В то же время «грамотное, целенаправленное использование» информации представляется актуальным для любой из наук и имеет особое выражение в юриспруденции. Возможности совершенствования информационных технологий в контексте знания о государстве и праве, должны не только обеспечивать обоснованный порядок применения правовых норм, но и учитывать установленные и общепринятые в обществе права человека.

Рассмотрим роль криминалистики в контексте информационного общества. Вопросы о применении современных технологий и возможностей цифрового общества для противодействия преступности являются одними из самых обсуждаемых и актуальных. Однако, следует отметить, что наибольший акцент в направлении исследований, научных публикаций уделяется именно борьбе с преступностью посредством использования современных информационных технологий. Это не удивительно, нарастающие темпы использования технологий в криминальной среде обязывают применять соответствующие методы императивного воздействия.

Тем не менее следует учитывать, что предмет криминалистики чрезвычайно обширен. В предмет науки входят закономерности преступной деятельности (подготовки к совершению и сокрытию преступления), а также деятельности по раскрытию, расследованию преступлений и судебному разбирательству уголовных дел [1, с. 32]. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что криминалистика способствует в том числе предупреждению преступлений и установлению истины в целом [1, с. 32].

Опираясь на данный терминологический аппарат, возможно согласиться с авторами, которые раскрывают предупреждение преступлений как «деятельность по недопущению их совершения путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению» [2, с. 80].

Деятельность по предупреждению преступлений может быть реализована в разных формах. Однако, анализируя правовые институты тех отраслей юриспруденции, которые связаны с изучением преступления как сущностного явления, можно выделить такой институт, целью которого непосредственно является предупреждение совершения новых преступлений. Речь идет об институте мер пресечения.

Данный уголовно-процессуальный институт представляет собой систему норм, направленных на пресечение обвиняемому возможности уклониться от следствия или суда, помешать следствию или продолжить заниматься преступной деятельностью. Данные положения отражены в ч.1 ст.97 УПК РФ об основаниях для избрания мер пресечения.

Применение норм института мер пресечения играет важную роль при расследовании преступлений. Следовательно, целесообразно выделить направление исследований по анализу этого института с точки зрения различных разделов криминалистики. В данной работе сконцентрируемся на таком разделе как криминалистическая техника.

Криминалистическая техника – это один из разделов криминалистики, в котором дается система научных положений и основанных на

них технических средств, приемов и методов, предназначенных для собирания и исследования доказательств в процессе судопроизводства по уголовным и гражданским делам, иных мер раскрытия и предупреждения преступлений [1, с. 130]. Также под криминалистической техникой понимают совокупность приборов, аппаратуры, оборудования и инструментов, применяемых для собирания и исследования доказательств в процессе судопроизводства. С учетом указанных трактовок можно сформулировать применение криминалистической техники при применении мер пресечения как системы научных положений и как совокупности технических средств.

Прежде чем приступить к рассмотрению современных технических средств, применяемых при применении мер пресечения логично отметить, подготовлена ли соответствующая теоретическая база для исследования проблемы? Следует отметить, что система теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности успешно изучается и развивается. Например, в одной из статей Е.Р. Россинской предусмотрены восемь элементов этой системы. Данная классификация представляется интересной, а также актуальной для формирования опоры дальнейшего изучения вопросов цифровизации криминалистики. Следует отметить, что эти элементы связаны с обеспечением расследования преступлений, проведения следственных действий, фиксации «виртуальных следов преступления», учением об исследовании компьютерных средств и др. [3, с. 198–199].

Можно считать целесообразным включение в эту систему положений о применении криминалистической техники в рамках положений института мер пресечения. Это связано с особенностями применения мер пресечения. Поскольку запреты основаны на обоснованном предположении о возможном противоправном поведении в будущем. Основание применения конкретной меры пресечения из тех, что установлены уголовно-процессуальным законом не связано с вещественными доказательствами по делу. При этом вещественные доказательства играют ключевую роль в обосновании возложения правовых ограничений как меры принуждения.

В указанной статье автор справедливо разграничивает пределы между цифровизацией криминалистической и уголовно-процессуальной деятельности [3, с. 200]. При этом следует отметить, что использование информационно-компьютерных технологий в вопросах регулирования применения мер пресечения относится именно к криминалистической деятельности по предупреждению преступлений и не является смешением двух указанных категорий.

Вопросы применения технических средств по предупреждению преступности также не раз становились объектом внимания для научных исследований. Тем не менее степень их разработанности уступает положениям технике при применении следственных действий.

Авторы таких исследований отмечают необходимость регламентации профессионального применения таких средств как устройства GPS, автономных системы охраны, системы распознавания лиц для предупреждения преступлений. Отдельно отмечен положительный и разносторонний опыт зарубежных государств по применению технологий по применению информационных технологий и сбору биометрических данных (на примере Китайской Народной Республики) [4, с. 73].

Современная тенденция цифровизации общества происходит совместно с постоянной тенденцией развития науки уголовного процесса. Уголовный процесс совершенствуется через введение новых и актуальных правовых ограничений. Таковым, например, является введение в уголовный процесс России меры пресечения в виде запрета определенных действий (ст.105.1 УПК РФ), которая предполагает широкий спектр ограничений, контроль за подавляющим числом которых обеспечивается посредством дистанционных технологий наблюдения.

Необходимо отметить, что технологическое обеспечение этих ограничений должно иметь актуальную и действенную форму реализации. Положительный опыт применения подобных технологий в зарубежных государствах будет полезным в этом отношении, что позволяет создать задел для продолжения изучения этого вопроса с практической стороны.

Список использованных источников

1. Белкин Р.С. Криминалистика: учебник для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. – М.: НОРМА, 2001. – 900 с.
2. Малков В.Д. Предупреждение и профилактика преступлений и иных правонарушений в системе борьбы с преступностью // Вестник МГЛУ. – 2014. – № 25 (711). – С.78–87.
3. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 2 (89). С. 193–202.
4. Ширкин А.А. Использование научно-технических средств и технологий в правоохранительной деятельности // Вестник Российской таможенной академии. – 2018. – №3. С. 72–76.

С.П. Кушницренко

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета

Р.В. Романов

магистр права, помощник судьи Приморского районного суда
Санкт-Петербурга

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ОКАЗАНИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО ВЛИЯНИЯ НА РЕЗУЛЬТАТ ОФИЦИАЛЬНОГО СПОРТИВНОГО СОРЕВНОВАНИЯ

В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с формированием методики расследования преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ (оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования). Авторы обосновывают свою позицию по отношению рассматриваемого состава преступления к числу коррупционных преступлений. Предлагается структурно-аналитическая формула для анализа события с признаками подкупа при оказании противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования, обозначаются проблемы при установлении некоторых обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Ключевые слова: коррупция, спорт, оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования, методика расследования.

Svetlana P. Kushnirenko

PhD in law, associate professor
St. Petersburg State University

Roman V. Romanov

master's degree St. Petersburg State University,
assistant judge of the Primorsky District Court of St. Petersburg

SOME PROBLEMS OF FORMING A METHODOLOGY FOR INVESTIGATING THE ILLEGAL INFLUENCE ON THE RESULT OF AN OFFICIAL SPORTS COMPETITION

Summary: The article discusses a number of issues related to the formation of a methodology for investigating a crime under Art. 184 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal influence on the result of an official sports competition). The authors substantiate their position on classifying the considered corpus delicti as corruption crimes. A structural-analytical formula is proposed for analyzing an event with signs of bribery in the event of illegal influence on the result of an official sports competition, problems are indicated when establishing certain circumstances to be proven.

Keywords: corruption, match-fixing, sport, illegal influence on the result of an official sports competition, investigation methodology.

Спортивные соревнования и состязания являются неотъемлемой частью современного спорта. Их проведение распространено повсеместно и вовлекает не только отдельных спортсменов и команды, но и миллионы зрителей, болельщиков, технический и медицинский персонал, разветвленную инфраструктуру, обеспечивающую их подготовку и проведение. По качеству проведения спортивных соревнований можно судить о развитии в той или иной стране как спорта, так и политики, науки, промышленности, медицины, туризма. Спорт последних десятилетий стал еще и сверхдоходной индустрией, поэтому привлекает внимание не только почитателей, но и преступные элементы, включая организованные преступные группы, нацеленные на извлечение преступного дохода. Оказание противоправного влияния на результаты официального спортивного соревнования отечественный законодатель отнес к преступлениям в сфере экономической деятельности (ст. 184 УК РФ). На протяжении всего времени действия указанной статьи судебно-следственная практика ее применения так и не сложилась. Факты привлечения к уголовной ответственности виновных отсутствуют. В 2019 году Следственным департаментом МВД РФ было возбуждено уголовное дело по признакам оказания противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований. Под подозрение попал матч Профессиональной футбольной лиги между

«Чайкой» (Песчанокопское) и «Черноморцем» (Новороссийск), завершившийся со счетом 3:1 в пользу хозяев. Однако на данный момент приговор по данному делу не постановлен.

Наиболее свежим примером применения спортивной санкции является исключение Исполкомом Российской федерации баскетбола (РФБ) баскетбольного клуба «Арсенал» из второго дивизиона Суперлиги по подозрению в участии в матче, в котором отсутствовала спортивная борьба. Указанный матч состоялся 7 декабря 2019 года между БК «Арсенал» (Тула) и «Динамо» (Ставрополь). Помимо исключения из Суперлиги, ряд ключевых игроков и тренер БК «Арсенал», а также судья матча были дисквалифицированы. Однако возбуждения уголовного дела не последовало. Справедливости ради стоит отметить, что в настоящее время Спортивный арбитражный суд признал неправомерными большую часть из примененных санкций.

Отсутствие судебно-следственной практики по данному виду преступлений, по мнению авторов, свидетельствует не об отсутствии правонарушений, а о высокой их латентности (что характерно для коррупционных преступлений) и неготовности правоохранительных органов к их выявлению и расследованию. Выходом из ситуации может явиться разработка криминалистической методики расследования данного вида преступления, что позволит ученым-криминалистам предложить правоохранительным органам необходимый инструментарий для повышения эффективности их деятельности.

Поскольку формирование методики расследования всегда опирается на анализ состава преступления и предмет доказывания, следует обратиться к диспозиции ст. 184 УК РФ. В ней идет речь о передаче спортсмену, спортивному судье, тренеру, руководителю спортивной команды, другому участнику или организатору официального спортивного соревнования (в том числе их работнику) денег, ценных бумаг, иного имущества, а также оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) в целях оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования, либо принуждение или склонение таких лиц к оказанию этого влияния, либо предварительный сговор с такими лицами в тех же целях. Таким образом, почти дословно воспроизведена объективная сторона дачи коммерческого подкупа, предусмотренного ч.1 ст. 204 УК. Исключение составляют лишь включенные в 2016 году допол-

нения, касающиеся ответственности за принуждение или склонение к оказанию противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований, а также предварительный сговор в тех же целях. Идентичны и формулировки ч. 3 ст. 184 УК РФ и ч.5 ст. 204 УК РФ в части получения подкупа. Кроме этого введена ч. 5 ст. 184 УК РФ, устанавливающая ответственность за посредничество в совершении деяний, предусмотренных частями 1–4 ст. 184 УК РФ, в значительном размере. Несмотря на выделение его в отдельный состав преступления и даже наличие призывов ввести в УК РФ самостоятельную статью, аналогичную ст. 291.1 УК РФ, нельзя не отметить, что указанное преступление имеет тесную криминалистическую связь с составами получения и передачи предметов подкупа. Благодаря этому посредничество, формально являясь отдельным составом преступления, с точки зрения криминалистики фактически может быть включено отдельным элементом в механизм оказания противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований.

Даже этот краткий анализ норм дает нам основание оценивать оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования как разновидность коррупционного преступления. Мнение авторов согласуется с позицией официальных органов. Так, в соответствии с Указанием Генпрокуратуры России № 35/11 и МВД России № 1 от 24.01.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» ст. 184 УК РФ отнесена к категории коррупционных преступлений без дополнительных условий (п. 2 Перечня № 23).

Более того, в 2017 году на конференции государств-участников Конвенции ООН против коррупции была принята резолюция 7/8 «Коррупция в спорте», в развитие которой в 2019 году принята резолюция 8/4 «Защита спорта от коррупции». В тексте данных резолюций признано важное значение борьбы с коррупционными преступлениями в сфере спорта, отмечена тенденция к криминализации указанной сферы общественных отношений и связанная с этим угроза не достижения целей, поставленных в рамках программы устойчивого развития.

На уровне Совета Европы в сентябре 2014 года была подготовлена Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями, в соответствии с которой стороны обязуются обеспечивать возможность уголовного преследования за манипулирование спортивными соревнованиями, предпринимать действия по предупреждению конфликта интересов между букмекерскими конторами

и спортивными организациями, а также бороться с незаконными тотализаторами. На данный момент Конвенцию ратифицировали 6 стран, еще 32 страны, в том числе Россия, подписали, но пока не ратифицировали данное соглашение.

В этой связи стоит отметить международные усилия в области расследования коррупционных преступлений. Так, с 2011 года в Интерполе действует Рабочая группа по борьбе с договорными матчами, в которую входят 75 стран, включая Россию. Интерпол сотрудничает с Международным олимпийским комитетом, Советом Европы и другими международными организациями и направляет своих специалистов на все крупнейшие соревнования.

Приведенные выше рассуждения позволяют авторам положить в основу разработки криминалистической методики расследования подкупа при оказании противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования уже имеющиеся рекомендации по выявлению и расследованию коррупционных преступлений, в частности, взяточничества и коммерческого подкупа.

Применительно к рассматриваемому в настоящей статье виду преступления в качестве источников формирования методики расследования можно рассматривать методологические основы криминалистической методики как раздела науки; зарубежную судебно-следственную практику (в отсутствие на данный момент отечественной); оперативно-розыскную практику; уголовное, административное и спортивное законодательство (причем принимаемое не только на уровне Российской Федерации, но также законы и подзаконные нормативные акты субъектов РФ и муниципальных образований); источники внеправового регулирования общественных отношений в сфере спорта (так называемое *Lex Sportiva*); дисциплинарную практику спортивных федераций и организаций; судебную практику CAS (Спортивного арбитражного суда, расположенного в г. Лозанна, Франция). Определенный вклад могут внести экспертные оценки лиц, вовлеченных в спортивные общественные отношения, для понимания обстановки, в которой совершаются преступления.

Методика расследования тесно связана с криминалистическим исследованием обстоятельств события с признаками преступления, которое основывается на применении структурно-аналитической формулы, отражающей наиболее существенные элементы преступления и взаимозависимые связи между ними, а также являющейся средством анализа информации в рамках расследования, выдвижения версий и выбора необходимых процессуальных и иных действий.

При расследовании преступлений целесообразно использовать структурно-аналитическую формулу, которая позволяет систематизировать имеющуюся по делу информацию, выявить пробелы и наметить перечень необходимых процессуальных действий, производство которых будет способствовать расследованию и раскрытию преступления [2, с. 431].

Авторы предлагают следующую структурно-аналитическую формулу для анализа события с признаками подкупа при оказании противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования:

Сб – [С x (ФзД x ПсихД x ФП) x Пр x М x В] – Обст, где

Сб – событие преступления; С – субъекты подкупа: спортсмен, спортивный судья, тренер, руководитель спортивной команды, другой участник или организатор официального спортивного соревнования, лицо, передавшее подкуп, посредник; ФзД – физическая деятельность (при этом данный пункт распадается еще на три: действия до, во время и после совершения преступления); ПсихД – психическая деятельность (включает в себя умысел, мотив, цель – влияние на результат спортивного соревнования); ФП – факты-последствия (результат спортивного соревнования, как в качестве отдельного события, так и в совокупности данных результатов, отражающих итог, например, чемпионата России по футболу); Пр – предмет подкупа: деньги, ценные бумаги, иное имущество, оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав; М – место совершения преступления (включает в себя место действий не только по реализации объективной стороны, но также места осуществления подготовительной и посткриминальной деятельности); В – время совершения преступления (состоит из совокупности всех временных точек, в которые лицо совершало те или иные действия, направленные на подготовку, совершение преступления или сокрытие следов такового); Обст – обстановка (условия и причины совершения преступления).

В рамках настоящей статьи мы не имеем возможности рассмотреть подробно все элементы данной структурно-аналитической формулы, но хотим обратить внимание на некоторые моменты, имеющие, на наш взгляд, важное значение для создания криминалистической методики расследования соответствующих преступлений.

Мы считаем, что в рамках расследования противоправного оказания противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований большой интерес представляет исследование обстановки совершенного преступления, так как действия преступника все-

гда обусловлены обстановкой, которая либо благоприятствует, либо затрудняет или делает невозможным совершение преступления.

Отметим, что и сам преступник влияет на обстановку, оставляя в ней различные следы, которые при надлежащем изучении помогают следователю оценить собранные по уголовному делу доказательства. Г.А. Густов указывал, что преступник испытывает воздействие обстановки как в определенной организации, так и в других местах, используемых им для совершения преступления (в том числе в общем по местности и региону) [1, с. 30].

В наиболее схематичном виде обстановка может быть изучена посредством получения ценных сведений об образе жизни подозреваемого, его связях, контактах с руководством, тренером и т. д. и иной информации, по которой можно судить о работе спортивной организации либо ее структурного подразделения (например, судейский комитет), взаимоотношениях внутри коллектива; изучения нормативных правовых и ведомственных актов, регулирующих общественные отношения как в сфере спорта в целом, так и в конкретном виде спорта в частности; изъятия и исследования документов, по которым можно судить о работе конкретной спортивной организации либо ее структурного подразделения.

Анализ обстановки дает возможность следователю установить наличие или отсутствие отклонений от установленных правил осуществления деятельности как самого юридического лица, функционирующего в сфере спорта, так и интересующих следствие субъектов, которые могут указать на криминалистические признаки подкупа.

Проблемным является определение субъектов данного преступления, что связано с дефектами в законодательном регулировании и непродуманном подходе в очерчивании круга таких лиц. Например, ч. 4 ст. 184 УК РФ устанавливает уголовную ответственность организатора официального спортивного соревнования. Не сразу бросается в глаза, но, тем не менее, данный состав противоречит ст. 19 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за совершение преступления вменяемого физического лица. Дело в том, что п. 7. 3 ст. 2 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» предусматривает, что организатор спортивного соревнования – это исключительно юридическое лицо. Таким образом, наблюдается рассогласование норм спортивного и уголовного законодательства, которое не позволяет привлечь к уголовной ответственности организаторов спортивного соревнования.

На этом проблемы субъекта данного вида преступления не исчерпываются, однако мы хотели лишь указать на необходимость

анализа данного аспекта, поскольку полноценное рассмотрение в рамках настоящей статьи невозможно.

Еще одной проблемой в применении рассматриваемой нами статьи является раскрытие толкования терминов «влияние» и «результат». Очевидно, что на то или иное событие могут влиять совершенно различные факторы, степень неправомерности которых может существенно различаться, что зависит как от наступивших последствий, так и от степени общественной опасности самого действия (бездействия). В качестве примера можно привести моменты, когда в конце игры во время контратаки на ворота соперника футболист обороняющейся стороны, имея цель предотвратить выход нападающего один на один с вратарем, совершает умышленный фол в штрафной площади. Вместе с тем, трактовка подобных действий может значительно отличаться в зависимости от того, какую цель преследовал спортсмен. Таким образом, термин «влияние» должен быть подробно рассмотрен в рамках научных исследований.

Требует проработки и понятие «результат» в контексте рассматриваемого нами преступления. Что именно следует под ним понимать? Например, правило 10 ч. 1 приказа Министерства спорта России от 15.08.2016 № 965 «Правила вида спорта «футбол» устанавливает, что команда, забившая в течение матча большее количество голов, считается победителем. Если обеими командами забито равное количество голов, или не было забито ни одного гола, то матч заканчивается вничью. Аналогично в каждом правиле спорта имеется соответствующее правило, согласно которому и определяется исход спортивного соревнования. Поскольку запрещено влиять на результат, преступники пытаются влиять на ход соревнования, уменьшая вероятность привлечения к ответственности. Не секрет, что букмекерские конторы предоставляют возможность игрокам делать ставки на определенные события, которые могут произойти по ходу соревнования. Например, это может быть количество полученных желтых карточек, кто подаст первый угловой, кто будет заменен и многие другие. Это предоставляет возможность преступникам, заранее зная, когда, какое и (или) сколько раз произойдет определенное событие, делать предварительные ставки, получая по итогам внешне легальные значительные суммы денежных средств. Осознавая всю опасность такого поведения (и наличие подобных ситуаций на практике) Конвенция СЕ, а вместе с ней и законодательства ряда стран, установили, что противоправное влияние может быть оказано не только на результат, но и на ход спортивного соревнования. Иногда к данному определению добавляется и указание на цель:

получение незаконной имущественной выгоды для себя или третьих лиц. Также отметим сложность в понимании, какое действие (бездействие) оказало влияние на ход соревнования, а какое на результат, поскольку одно и то же действие (бездействие) может оказать влияние как на ход, так и на результат соревнования. Как представляется, данный вопрос следует рассматривать с точки зрения субъективной стороны, а также всестороннего учета обстоятельств конкретного случая.

В криминалистической методике необходимо уделить повышенное внимание вопросам привлечения специалистов и экспертов. На данный момент имеется устоявшаяся практика зарубежных правоохранительных органов по обращению за специальными знаниями к сведущим лицам, когда требуется по видеозаписям оценить наличие или отсутствие признаков спортивной борьбы, произведенные действия со спортивным инвентарем, принятие решения арбитром (рефери). На первый взгляд здесь нет особых проблем, однако можно привести пример, когда в ходе расследования, проводившегося в отношении жокея английской лиги скачек по факту предоставления им соучастникам инсайдерской информации для целей успешных ставок в букмекерских конторах, полиция привлекла специалиста в области правил вида спорта «конные скачки». Уголовное дело по результатам расследования было направлено в суд, где неожиданно встал вопрос о том, что указанный специалист был представителем другой страны, в которой правила конных скачек несколько отличаются от английских. Как итог, жокей избежал осуждения и был признан судом невиновным, при этом федерация конного спорта применила к спортсмену спортивную дисквалификацию [5].

Другим примером может послужить проведение экспертизы по анализу букмекерских ставок, сделанных на определенное спортивное соревнование. Так, в ходе внутреннего расследования УЕФА по признакам возможного проведения договорного матча между ФК «Победа» (Прилеп) – ФК «Пюник» (Ереван) сотруднику УЕФА, который до этого проработал 20 лет в букмекерской конторе, было поручено проанализировать движение букмекерских ставок на данный матч. Специалист пришел к однозначному выводу о том, что матч если и не был договорным, то в любом случае испытал противоправное влияние. Данная экспертиза легла в основу применения дисциплинарной санкции к президенту ФК «Победа» и капитану данной команды. Впоследствии обвинения в адрес капитана были сняты Спортивным арбитражным судом, который счел недостаточным объем имеющихся доказательств [3].

В связи с последним примером считаем важным включать в изучение обстановки следователем не только условия совершения преступления, но и основные положения осуществления букмекерской деятельности, принципы ставочной деятельности и общие вопросы анализа ставочных процессов для того, чтобы выявить криминалистически значимые признаки оказания противоправного влияния на результаты официальных спортивных соревнований. Указанная информация необходима и для постановки грамотных вопросов специалистам и экспертам, а также при допросе подозреваемых, обвиняемых и свидетелей, создавая у последних чувство уважения к личности и профессионализму следователя и ограничивая способы введения следствия в заблуждение.

Наконец, хотели бы отметить, что, поскольку рассматриваемый вид преступления совершается, в том числе, и организованными преступными группами, то расследование может быть успешно проведено исключительно при эффективном оперативном сопровождении. Кроме того, учитывая наднациональный аспект организованной преступности можно с уверенностью сказать, что большую роль должно играть международное сотрудничество, поскольку доказательства по делу и подозреваемые лица часто находятся за пределами страны, на территории которой возбуждено уголовное дело. По нашему мнению, оно должно осуществляться по направлениям правоохранительный орган – правоохранительный орган и правоохранительный орган – международная спортивная организация.

Таковы, на наш взгляд, ключевые проблемы формирования методики расследования оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования. Поставленная нами в начале статьи задача сама по себе значительно шире и сложнее, однако для начала российское общество должно сделать первый шаг на пути борьбы с рассматриваемыми преступлениями, чтобы, в итоге, создать эффективную систему противодействия.

Список использованных источников:

1. Густов, Г.А. Расследование должностных хищений в торговле. Ч. 1. Криминалистическая характеристика преступлений. Л., 1991. С. 30.
2. Криминалистика: учебник / коллектив авторов; под ред. Т.А.Седовой, С.П. Кушниренко, В.Д. Пристанкова. – Москва: ЮСТИЦИЯ, 2019. С. 431.
3. Решение Спортивного арбитражного суда в Лозанне Arbitration CAS 2009/A/1920 FK Pobeda, Aleksandar Zabrcanec, Nikolce Zdraveski v. UEFA, award of 15 April 2010 (доступ по ссылке: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/1920.pdf>; дата обращения 01.02.2021 года).

4. Тульский «Арсенал» исключили из баскетбольной Суперлиги за договорной матч (доступ по ссылке: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fsport24.ru%2Fnews%2Fbasketball%2F2019-12-10-tulskiy-arsenal-isklyuchili-iz-basketbolnoy-superligi-za-dogovornoy-match>; дата обращения 01.02.2021 года).
5. Fallon race-fixing case collapses (доступ по ссылке <https://www.theguardian.com/uk/2007/dec/07/sport.ukcrime>; дата обращения 01.02.2021 года).

СПЕЦИАЛИСТ-ПСИХОЛОГ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается вопрос о роли специалиста-психолога в проведении допроса несовершеннолетних участников уголовного процесса (и других следственных действий в их отношении). Автор приходит к выводу, что деятельность специалиста-психолога содержательно не регламентирована. Данное обстоятельство является конфликтогенным и требует постановки законодателем конкретных целей (и задач) участия психолога в уголовном деле.

Ключевые слова: несовершеннолетние, уголовное дело, специалист, психолог, конфликт.

Andrey A. Lopatin,

Chartered Lawyer, Master of Conflictology (Krasnoyarsk)

SPECIALIST PSYCHOLOGIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses the role of a specialist psychologist in the interrogation of minors involved in the criminal process (and other investigative actions against them). The author comes to the conclusion that the activities of a specialist psychologist are not regulated. This circumstance is conflictogenic and requires the legislator to set specific goals (and objectives) for the participation of a psychologist in a criminal case.

Keywords: minors, criminal case, specialist, psychologist, conflict.

О специалисте-психологе в уголовном процессе законодатель упоминает в ч. 1, 4 ст. 191 УПК РФ и в ч. 3, 4, 5 ст. 425 УПК РФ, предусматривая необходимость его привлечения к проведению некоторых следственных действий (по обязанности или по усмотрению) в отношении несовершеннолетних потерпевших, свидетелей и обвиняемых (подозреваемых).

Вместе с тем не совсем понятно, в каком контексте и для достижения какой цели в законе установлена такого рода необходимость. Иначе говоря, не ясен целевой замысел законодателя по вопросу участия психолога в допросе несовершеннолетнего субъекта производства по уголовному делу (далее – несовершеннолетний) или в иных следственных действиях.

Действительно, при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля, не достигших возраста шестнадцати лет либо достигших этого возраста, но страдающих психическим расстройством или отстающих в психическом развитии, привлечение педагога или

психолога обязательно, а для достигших (с нормальной психикой и психическим развитием) – возможно лишь по усмотрению следователя (ч. 1 ст. 191 УПК РФ). Аналогичным образом решается вопрос о привлечении педагога или психолога при проведении допроса несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого (ч. 3, 4 ст. 425 УПК РФ).

Получается (исходя из буквального толкования этих норм), что законодатель не видит никакой разницы между психологом и педагогом при допросе несовершеннолетнего (или иных названных следственных действиях с его участием). В тоже время, если по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, потерпевшие или свидетели, имеющие упомянутые возрастные и психические особенности, вовлекаются в указанные выше следственные действия, то требуется присутствие именно психолога (ч. 4 ст. 191 УПК РФ).

При этом очень важно отметить, что деятельность психолога (и педагога) никоим образом не описана в УПК РФ, и в тексте закона «скрывается» за термином «участие». Тем не менее, значение данного термина поддается толкованию, позволяющему определить, какую роль специалисту-психологу отводит законодатель и с какими конкретно действиями ее связывает. Ведь участвовать в следственном действии, значит, быть субъектом собирания или проверки доказательств [1, С. 51–52], даже если роли психолога придавать «чисто» обеспечительное значение, связывая ее с защитой прав и интересов [2, С. 23, 29].

Речь, к примеру, может идти о присутствии психолога при проведении следственного действия, постановке вопросов несовершеннолетнему, выявлении его психологических особенностей, защите несовершеннолетнего от следователя, и т.п. Другими словами, имеется в виду то, что задается уголовно-процессуальным порядком, то, что оформляет деятельность психолога (в данном случае), делает ее юридически значимой. Однако участие специалиста-психолога в следственных действиях, несомненно, имеет свое собственное (неюридическое) содержание, хотя и заключенное в процессуальную форму. Вот почему для определения данного содержания важно исходить из общего понимания деятельности как формы активного отношения субъекта к действительности, направленной на достижение сознательно поставленных целей и связанной с созданием общественно значимых ценностей или освоением социального опыта. В этом смысле цели обуславливают содержание деятельности и удерживают в пути ее субъектов [3, С. 213, 763; 4, С. 505, 506].

При этом не менее важно учитывать, что деятельность специалиста-психолога включена в уголовный процесс, назначением которого является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Отсюда уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, осуществляемые органами предварительного расследования, прокуратуры и суда, в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ этих органов от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

Итак, цель это системообразующий фактор деятельности, главный критерий ее содержания, структуры и динамики. Однако цель участия психолога (или педагога) при допросе несовершеннолетнего либо при совершении других следственных действий нормативно не установлена.

Тем не менее, УПК РФ выделяет отдельную главу, регулирующую производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, придавая этому производству особое значение, предъявляя к нему особые требования и предусматривая участие в нем психолога для достижения какой-то цели.

Причем следует отметить, что хотя законодатель эту цель не формулирует, но явно подразумевает при определении круга дополнительных обстоятельств (кроме перечисленных в ст. 73 УПК РФ), подлежащих установлению. В соответствии со ст. 421 УПК РФ при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним дополнительно устанавливаются:

- 1) возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения;
- 2) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности;
- 3) влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

При наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, устанавливается также, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

Разумеется, обязанность доказывания обстоятельств уголовного дела, в том числе указанных выше, возложена на должностных лиц

органов, ведущих процесс. Но, очевидно, что делать это они могут с помощью специалистов, а при производстве по делам в отношении несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) – с помощью психологов (или педагогов), если речь идет об их допросах.

Согласно ч. 5 ст. 425 УПК психолог вправе с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. По сути, данная норма повторяет положения ст. 58 УПК РФ в отношении прав специалиста, являясь единственным описанием деятельности психолога при допросе несовершеннолетнего. Причем, если не иметь в виду воспроизведенные выше положения ст. 421 УПК РФ, не понятно, зачем, с какой целью психолог может задавать вопросы.

Действительно, представляется странным, каким образом психолог, не имеющий юридического образования, может делать замечания о правильности и полноте юридически значимых процессуальных документов. Кроме того, очевидными выглядят рассогласования в объеме и значении некоторых юридических и психологических понятий, таких как вина, мотив, цели, наказание и другие. В данной связи на практике деятельность психолога по рассматриваемой категории дел носит формальный характер и заключается в подписании процессуальных документов в соответствии с требованиями действующего законодательства.

Что касается ч. 4 ст. 425 УПК РФ, регулирующей процесс привлечения психолога (или педагога) для допроса несовершеннолетнего, то она имеет не менее формальный характер (хотя и по другой причине), поскольку не отвечает на множество практических вопросов:

- кого именно привлекать: психолога или педагога?
- из какого учреждения привлекать указанных специалистов?
- каким образом привлечение психолога для участия в допросе соотносится с выполнением его должностных обязанностей на его работе?
- нужно ли оплачивать деятельность психолога или педагога?
- какую деятельность может и должен осуществлять психолог при допросе?

Таким образом, мы отмечаем, что в настоящий момент нормы УПК РФ не закрепляют развернутого описания деятельности психолога при допросе несовершеннолетнего, не содержат целей (и задач) его деятельности. К тому же, процедура его привлечения и его взаимодей-

ствие со следователем (или иным должностным лицом) также нормативно не закреплены, несмотря на то, что психолог может быть инструментом, помогающим следователю в решении его задач.

Иными словами, пространство для деятельности психолога в допросе несовершеннолетнего содержательно не регламентировано. Данный факт является конфликтогенным, и, с нашей точки зрения, влияет на дальнейшее появление и развитие конфликтов между должностными лицами, ответственными за ход и исход уголовного дела (в том числе по делам несовершеннолетних), и специалистами-психологами.

Список использованных источников

1. Арсеньев В. Д., Заблоцкий В.Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986.
2. *Огнерубов, Н.А.* Специальные знания в уголовном судопроизводстве : учебное пособие для вузов / Н.А. Огнерубов. – Москва : Издательство Юрайт, 2021.
3. Философский энциклопедический словарь. М, 1983.
4. Философский энциклопедический словарь. М, 1999.

С.С. Лукьянов,

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета,
адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматривается проблема оценки судом доказательств при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса. Автор приходит к выводу о том, что при рассмотрении жалоб участников процесса в порядке статьи 125 УПК РФ суд вправе давать оценку представленным сторонами доказательствам. Данная оценка носит предварительный характер, соответствующий определенному уровню (степени) доказывания. При рассмотрении дела по существу суд вправе по-инному оценить представленное доказательство.

Ключевые слова: судебный контроль, оценка доказательств.

Lukianov Sergei Sergeevich

Postgraduate student of the department of criminal procedure and criminalistics,
St. Petersburg State University
St. Petersburg Chamber of Lawyers

PROBLEMS OF EVIDENCE EVALUATION IN THE EXERCISE OF JUDICIAL CONTROL AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE

Summary: The article deals with the problem of the court's assessment of evidence when exercising judicial control at the pre-trial stages of the criminal process. The author comes to the conclusion that when considering complaints of participants in the process in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure, the court has the right to assess the evidence presented by the parties. This assessment is preliminary in nature, corresponding to a certain level (degree) of proof. When considering a case on the merits, the court has the right to evaluate presented evidence in a different way.

Keywords: judicial control, assessment of evidence.

Одна из актуальных уголовно-процессуальных дискуссий касается оценки судом содержащихся в материалах следственной проверки и предварительного расследования доказательств при осуществлении судебного контроля, в частности, при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ.

Пункт 1 Постановления Пленума ВС РФ от 10.02.2009 N 1 "О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" содержит следующую

шее положение: «При проверке законности и обоснованности решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора судья не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела. В частности, судья не вправе делать выводы ... об оценке доказательств...».

Данное положение фактически раскрывает общий, действующий в современном российском праве принцип, согласно которому суд при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса не вправе разрешать вопросы, которые относятся к исключительной компетенции суда, рассматривающего дело по существу.

Тем самым, на наш взгляд, дается излишне ограничительное толкование термину «исключительная компетенция суда, рассматривающего дело по существу», к которому должно относиться лишь разрешение вопроса о виновности конкретного лица в совершении преступления (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ).

Вопрос допустимости оценки судом доказательств при осуществлении судебного контроля является лишь частным проявлением разграничения компетенции суда при осуществлении судебного контроля и при рассмотрении дела по существу.

В научной литературе высказываются разные точки зрения относительно возможности для суда давать оценку тем или иным доказательствам при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ.

Мы разделяем точку зрения, допускающую такую оценку.

Так, А.П. Рыжаков отмечал, что без оценки доказательств на этапе судебного контроля за законностью предварительного расследования «невозможно принятие никакого решения, в том числе и вынесение постановления по итогам рассмотрения жалобы на действия (решения, бездействие) следователя (дознавателя и др.)»[5, с. 144].

Аналогичную позицию разделяет и Н.П. Кириллова, которая, рассматривая проблему обжалования в суд постановления о прекращении уголовного дела, указывает: «Суд, рассматривая законность и обоснованность постановления о прекращении уголовного дела, поставлен содержанием п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. N 1 "О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" в сложное положение. Оценить обоснованность такого постановления следователя (дознавателя) зачастую очень сложно без оценки содержащихся в материалах дела доказательств» [1, с. 38].

Приведем несколько примеров в подтверждение рассматриваемого тезиса.

Возбуждено уголовное дело в отношении конкретного лица. По мнению должностного лица, возбудившего данное дело, оно относится к делам публичного обвинения. Защитник же полагает, что преступление, в совершении которого подозревается его подзащитный совершено при осуществлении последним предпринимательской деятельности, в связи с чем уголовное преследование должно осуществляться в частно-публичном порядке. Заявление потерпевшего в материалах доследственной проверки, например, отсутствует.

Рассмотрение судом жалобы на постановление о возбуждении такого уголовного дела невозможно без оценки имеющихся в деле материалов на предмет наличия в них сведений о характере деятельности подозреваемого, при осуществлении которой и совершено предполагаемое преступление. От ответа на данный вопрос, в конечном счете, зависит законность возбуждения уголовного дела в отсутствие заявления потерпевшего.

Оценка же указанных материалов тем более возможна, что она не сопряжена для суда с необходимостью делать выводы о существовании уголовно-правового спора (вопросы виновности подозреваемого, наличия в его действиях признаков состава преступления и т.д.), что, как отмечает Головкин Л.В., не допустимо при рассмотрении жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела [4, с. 614].

Представим также, что суд рассматривает жалобу на постановление о прекращении уголовного дела в связи с отсутствием у обвиняемого признака специального субъекта. Между тем данный признак является обязательным для соответствующего состава преступления (например, ст.201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями»). Потерпевший обжалует данное постановление, полагая, что признаками специального субъекта обвиняемый все же обладает.

Без проверки и оценки имеющихся в деле доказательств суд в этом случае лишен возможности разрешить правовой спор о материально-правовом статусе обвиняемого и, как следствие, в принципе вынести какое бы то ни было решение.

Аналогичная ситуация возникает, когда в суд поступила жалоба юридического лица, в помещении которого был проведен обыск и были изъяты электронные носители информации, содержащие сведения, необходимые для осуществления предпринимательской деятельности.

Представитель юридического лица оспаривает законность указанных действий следователя, полагая, что предусмотренные ч.1 ст.164.1 УПК РФ основания для изъятия самих электронных носителей отсутствовали, а следователь мог сделать лишь копии с данных

носителей. В жалобе указано, что без соответствующих носителей юридическое лицо лишается возможности продолжать предпринимательскую деятельность.

Суд, рассматривая такую жалобу, неизбежно стоит перед необходимостью оценить представленные ему доказательства на предмет отражения в них оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ.

По нашему мнению, отсутствие у суда полномочий по оценке доказательств и материалов дела может привести к невозможности вынесения судом законного и обоснованного решения при осуществлении судебного контроля.

В этой связи рассматриваемому положению пункта 1 указанного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ следует придать такое толкование, которое бы отвечало правовой природе института судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса и согласовывалось бы с конституционно-правовыми пределами исключительной компетенции суда, рассматривающего дело по существу. При этом следует исходить из понятия уровней доказывания, которые различаются в зависимости от стадий уголовного процесса.

Так, оценивая доказательство при осуществлении контроля в порядке ст. 125 УПК РФ суд формирует лишь предварительный вывод об исследуемом доказательстве. Иными словами, степень доказанности обстоятельств, сведения о которых отражает то или иное доказательство, ниже степени доказанности этих же обстоятельств, достигаемой при рассмотрении дела по существу.

Обоснованность рассматриваемого подхода видится также в том, что цели оценки доказательств, производимой судом в порядке судебного контроля и при рассмотрении дела по существу, различны.

Так, рассматривая соответствующую жалобу, суд дает оценку тем или иным доказательствам в целях проверки законности и обоснованности действий и решений субъектов уголовного преследования (ч. 1 ст. 125 УПК РФ). Рассматривая же дело по существу, суд оценивает доказательства в целях установления виновности или невиновности конкретного лица в совершении преступления (ст. 299 УПК РФ).

Наличие научной дискуссии по поводу выделения различных уровней доказанности отражается и в трудах ученых-правоведов, в частности, в трудах Н.А. Колоколова [2, с. 80].

Таким образом, рассматриваемое указание Верховного Суда РФ следует понимать скорее в качестве нормы-рекомендации и очередного «напоминания» о том, что степень доказанности обстоятельств уголовного дела в динамике сменяемости стадий уголовного процесса раз-

личная. Оценивая доказательства, суд не вправе делать лишь «окончательные» выводы об их свойствах.

Необходимо отметить, что при оценке доказательств в порядке судебного контроля суд, с одной стороны, не вторгается в исключительную компетенцию суда, рассматривающего дело по существу, с другой стороны, суд не нарушает и принцип самостоятельности следователя, то есть не вторгается в компетенцию следственной власти.

Так, по мнению С.И. Коневой, при осуществлении оперативного судебного контроля «суд не выступает ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты, а создает условия для осуществления сторонами своих процессуальных прав и возложенных на них обязанностей» [3, с. 20]. Этим целям служит институт обжалования в суд действий и решений следователя, дознавателя и прокурора.

Подводя итог вышесказанному, мы должны признать, что полномочия по оценке доказательств являются неотъемлемой частью компетенции суда при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса.

При этом суд не вторгается ни в компетенцию органов предварительного расследования, ни в компетенцию суда, рассматривающего дело по существу. Оценка доказательств в данном случае носит предварительный характер и служит целям конкретной уголовно-процессуальной процедуры.

Список использованных источников

1. Кириллова Н.П. Определение компетенции суда при осуществлении судебного контроля на стадии предварительного расследования // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2016. № 4. С.35–40.
2. Колоколов Н.А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. М.: Юрист. 2008. – 415 с.
3. Конева С.И. К вопросу об участии судьи в доказывании при осуществлении судебного контроля на предварительном расследовании. // Российский судья. 2014. № 4. С. 20–26.
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В.Головки. М.: Статут, 2017. 1279 с.
5. Рыжаков А.П. Обжалование в суд решений (действий, бездействия) следователя (дознателя): комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». М.: Дело и Сервис, 2010. 208 с.

Н. В. Максимов,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
юридического факультета

Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова

ВОПРОС О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОБИЛЬНОГО ТЕЛЕФОНА ДЛЯ ФОТО- И ВИДЕОФИКСАЦИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена вопросам использования мобильного телефона специалистами криминалистических подразделений и другими сотрудниками правоохранительных органов для фотофиксации и видеосъемки при производстве следственных действий (осмотра места происшествия, обыска, выемки, следственного эксперимента и т.д.) в ходе раскрытия и расследования преступлений. Изучается обоснованность применения мобильного телефона с точки зрения уголовно-процессуального закона, в связи с отсутствием перечня технических средств, который можно было бы использовать для фото- и видеофиксации при производстве следственных действий, т.к. при использовании телефона есть риск утери конфиденциальной криминалистически значимой информации. Отмечается, что использование как специалистами криминалистических подразделений, так и другими сотрудниками правоохранительных органов мобильного телефона для фиксации следственных действий не допустимо, так как многие аспекты их рабочей деятельности должны оставаться в тайне.

Ключевые слова: криминалистическая фотография, следственные действия, видеофиксация, мобильный телефон.

QUESTION OF THE POSSIBILITY OF USING A PERSONAL PHONE FOR PHOTO AND VIDEO RECORDING OF INVESTIGATIVE ACTIONS DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES

Summary: The article is devoted to the use of a mobile phone by specialists of forensic departments and other law enforcement officers for photographic recording and video filming during investigative actions (inspection of the scene, search, seizure, investigative experiment, etc.) in the course of solving and investigating crimes. The validity of the use of a mobile phone from the point of view of the criminal procedure law is being studied, due to the lack of a list of technical means that could be used for photo and video recording during investigative actions, since when using the phone, there is a risk of losing sensitive forensic information. It is noted that the use of a mobile phone by both forensic specialists and other law enforcement officers to record investigative actions is not permissible, since many aspects of their work activities should be kept secret.

Keywords: forensic photography, investigative actions, video recording, mobile phone.

Согласно ч. 3 ст. 11 ФЗ «О полиции» «полиция использует технические средства, включая средства аудио-, фото- и видеofиксации, при документировании обстоятельств совершения преступлений, административных правонарушений, обстоятельств происшествий, в том числе в общественных местах, а также для фиксирования действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности».

Согласно ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об ОРД» «в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий используются информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, а также другие технические и иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде».

Согласно ч 2 ст. 84 УПК РФ «документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации».

В соответствии с ч. 6 ст. 164 УПК РФ «при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств».

При этом, к фотографическим средствам относят всю аппаратуру для фотосъемки, как обычные пленочные фотоаппараты так и цифровые, фотопринадлежности, штативы, сменные объективы и т.п., фотобумагу, иные фотоматериалы, химические реактивы для проявления и фиксации, специальные программы и оборудование для обработки и распечатывания цифровой фотографии.

Однако в современном мире, задача правоохранительных органов гораздо упростилась. Технические возможности современных мобильных телефонов могут намного превышать параметры цифровых фотоаппаратов, да и они всегда под рукой, для быстрой фиксации не нужны многочисленные приспособления.

С точки зрения уголовно-процессуального закона не важен принцип и технология формирования фото-, аудио- и видеоинформации, а важно получение качественных данных, отвечающих требованиям ст. 88 УПК РФ, то есть «относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела».

И отсюда у нас возникает закономерный вопрос: насколько правомерно использовать именно мобильный телефон сотрудника, специалиста? Данное обстоятельство связано с тем, что большая часть информации носит конфиденциальный характер, а при использовании частных средств связи, которые не опечатывается и не упаковывается, это создает ряд сложностей, так как присутствует возможность случайной утери конфиденциальной криминалистически значимой информации о проведенном следственном действии. Также не редки случаи взлома мобильных устройств с последующей «утечкой» информации в сеть «Интернет». К сожалению, за примерами далеко ходить не надо, достаточно задать соответствующий запрос в поисковике.

На законодательном уровне не принят определенный перечень технических средств, который бы можно было использовать для фото- и видеофиксации при производстве следственных действий. И в связи с данным пробелом, многие следственные действия сегодня фиксируются на смартфоны, iPhone (Айфоны), имеющиеся как у специалистов криминалистических подразделений, так и у других сотрудников правоохранительных органов – это и быстрее и проще. Однако, считаем, что как с точки зрения процессуальной, так и криминалистической – использование мобильных телефонов все же не желательно, так как присутствует не только риск взлома мобильного устройства, но и возможны нарушения процессуального порядка при сборе доказательств в ходе расследования уголовного дела.

Так, при выполнении фотографирования или видеосъемки производства следственного действия (осмотра, эксперимента, выемки, обыска и т.д.) на цифровую камеру, информация записывается на встроенную карту памяти, которую по окончании выполнения следственного действия есть возможность вынуть из устройства и, соответствующим образом упаковав, приобщить к уголовному делу. А с телефоном такая процедура не производится и информация, если и не остается на мобильном телефоне, то:

- с момента выполнения съемки до того момента пока специалист доберется до места, где он сможет скопировать информацию на отдельный носитель – проходит значительное время, и есть риск потери информации, т.к. телефон соединенный с Интернетом, всегда находится в опасной зоне с возможностью попадания вирусов или взлома;

- человеческий фактор – забывчивость – забыл удалить файлы выполненного следственного действия после их копирования на другой носитель;

- сама информация уже будет копией, а не первоначальной записью, а значит, может вызвать нежелательные последствия для выполненного следственного действия, например подозрения на монтаж кадра.

Хотя прямого указания в законе по рассматриваемому вопросу нет, однако считаем, что использование как специалистами криминалистических подразделений, так и другими сотрудниками правоохранительных органов мобильного телефона для фиксации следственных действий не допустимо, так как многие аспекты их рабочей деятельности должны оставаться в тайне, поэтому нужно рассматривать либо введение служебных мобильных телефонов, которые будут получаться и сдаваться под опись сотрудникам и специалистам, как табельное оружие, либо использовать цифровые фотоаппараты предусмотренные комплектацией криминалистического чемодана.

А.Г. Маркелов

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова

ИДЕЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ КОМПРОМИССА КАК НОВОЙ УПРОЩЕННОЙ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ РАЗРЕШЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В представленной статье анализируется специфическое правовое явление, как компромисс в современном уголовном судопроизводстве, представляющий особую авторскую технологию разрешения уголовно-правового конфликта и в целом уголовного дела по существу. Автор утверждает, что использование технологий компромисса позволяют ускорить и упростить процесс производства по отдельным категориям уголовных дел, в том числе достичь конечных целей современного уголовного судопроизводства

Ключевые слова: технология, компромисс, уголовно-процессуальная деятельность, альтернативные и диспозитивные инструменты, конфликт.

Alexander G. Markelov

PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law
Chuvash State University named after I.N. Ulyanov

THE IDEA OF USING COMPROMISE TECHNOLOGIES AS A NEW SIMPLIFIED CRIMINAL PROCEDURE FORM FOR RESOLVING CERTAIN CATEGORIES OF CRIMINAL CASES

Summary: This article analyzes a specific legal phenomenon as a compromise in modern criminal proceedings, representing a special author's technology for resolving a criminal-legal conflict and, in general, a criminal case on the merits. The author claims that the use of compromise technologies makes it possible to speed up and simplify the production process in certain categories of criminal cases, including achieving the ultimate goals of modern criminal justice.

Keywords: technology, compromise, criminal procedural activity, alternative and dispositive instruments, conflict.

На современном этапе модернизации Российского уголовного судопроизводства и с целью снижения материальных и трудовых затрат при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, резко обострился интерес к проблемам использования упрощенных, альтернативных, в том числе компромиссных, способов и технологий борьбы с современной преступностью. В частности, законодатель в действующей

шем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) позволяет в отдельных случаях (как правило, по преступлениям небольшой и средней тяжести) использовать технологии компромисса при принятии обоюдных устраивающих стороны решений (баланса) для достижения целей и решения общих задач современного уголовного судопроизводства. Такими основными процессуальными решениями являются отказ от дальнейшего уголовного преследования, возмещения вреда (ущерба) и вынесения постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), в том числе освобождения от уголовной ответственности [1], [5], [6].

В подтверждении указанных аргументов, согласно результатам проведенного исследования, современные технологии компромисса действительно рассматриваются как альтернативное специфическое средство, обеспечивающее повышение эффективности правового регулирования современного Российского уголовного судопроизводства [4, с. 189–192].

Концепция развития технологий компромисса в отечественном уголовном судопроизводстве нашла свое отражение сравнительно давно [8, с. 4–5]. Ее становление и формирование было связано с резкими и коренными изменениями и проводимыми реформами в нашей стране. Таковую картину можно было наблюдать в период количественного роста преступности, имеющего место быть, к примеру, в конце 80-х и начале 90-х годов прошлого столетия, или, как мы сегодня полагаем, в период образовавшегося дефицита бюджета и усиления государством экономических приоритетов. Тем самым, как верно отмечается в литературе, «вкуче с невозможностью ликвидации современной преступности, нереальностью всемерного предвосхищения правовых аномалий, на волне кардинального реформирования экономических отношений, – все это спровоцировало, наряду с применением государственного принуждения, задействования альтернативных (диспозитивных) инструментов, в том числе задействования технологий компромисса для достижения поставленных целей современного уголовного судопроизводства» [3]. В то же время «необходимость развития и внедрения технологий компромисса в уголовном процессе обусловлена активными тенденциями развития современного судопроизводства, в частности, усилением идеи «параллельного расследования», реализации принципа состязательности на досудебном производстве, укреплении механизма равноправия сторон защиты и обвинения» [8, с. 4–5].

Обозначая подобное принципиальное одобрение научного сообщества, а также соответствующие подходы к исследованию компро-

мисса как самостоятельной технологии уголовно-процессуального регулирования отношений ее участников с государством, мы, тем не менее, считаем целесообразным представить свою идею по поводу его содержания, а также сферы возможного использования компромисса в современном уголовном судопроизводстве. Как уже было указано, непосредственное проявление идеи компромисса в действующем УПК РФ выражено в форме упрощения некоторых отраслевых процедур, что является частью проводимых сегодня государством значимых следственно-судебных реформ. В частности, законодатель умышленно допускает использование технологий компромисса между заинтересованными участниками при разрешении отдельных категорий уголовных дел по существу. Яркими примерами такого рода в действующем УПК РФ являются уже состоявшиеся и хорошо зарекомендовавшие себя компромиссные технологии, а именно: «прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон» (ст. 25); «прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием» (ст. 28); «особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» (гл. 40); «особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (гл. 40.1); «производство дознания в сокращенной форме» (гл. 32.1); «прекращение уголовного преследования и возбуждение перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия» (гл. 50); «назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности» (гл. 50.1). Кстати, как показало интервьюирование сотрудников следственных и судебных органов Чувашской Республики, более 70% опрошенных видят определенную пользу и перспективу в этих компромиссных технологиях (данные получены при проведении экспресс-опроса судей судов Чувашской Республики и сотрудников СУ СК РФ по Чувашской Республике в период с ноября 2016 по август 2017 г.). Это не весь перечень имеющихся сегодня процессуальных форм компромисса, ибо они проявляют себя и в ситуациях, когда речь идет о принятии диспозитивных и окончательных процессуальных решений по усмотрению должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу.

Выбор конкретной технологии «уголовно-процессуального компромисса», определение его пределов, а в совокупности определение механизма его реализации зависят от определенных обстоятельств: тяжести совершенного преступления, вида преступления, обстоятель-

ств, характеризующих личность обвиняемого, и т. д. Тем не менее, основным условием, создающим возможность применения и реализации технологий компромисса, является четкий механизм его правового регулирования – правовая регламентация с учетом предъявляемых законом требований. В частности, набор таких условий напрямую зависит от характера и формы конфликта по поводу совершенного преступления, а также от законодательно разрешенной возможности его урегулирования.

Если вести речь об общем интересе всех субъектов конфликта, вызванного поиском оптимального решения по уголовному делу (в основном итогового), то здесь выбор наиболее приемлемого компромиссного способа разрешения конкретного правового конфликта (уголовного дела) напрямую зависит от предоставляемых законом преференций для лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, снижающих уголовные репрессии, смягчающих уголовно-правовые обременения и стимулирующих последнего на активное и добровольное его сотрудничество с правоохранительными органами в ходе выявления, раскрытия и расследования преступлений, в том числе и на положительное посткриминальное поведение[2]. Такое поведение, характеризующееся позитивными действиями, оказывает значительное влияние на уголовную ответственность и наказание, эффективность устранения последствий общественно опасных деяний или их минимизацию [9, с. 110–111].

Выводы: Использование технологий компромисса как новой упрощенной уголовно-процессуальной формы, позволяет ускорить и упростить процесс производства по отдельным категориям уголовных дел (как правило, по делам небольшой и средней тяжести). Обеспечить концентрацию усилий правоохранительных органов на производство наиболее сложных и резонансных преступлений, в том числе повысить раскрываемость отдельных видов преступлений (латентных либо с низкой раскрываемостью).

Использование технологий компромисса как новой упрощенной уголовно-процессуальной формы, позволяет нацелить лицо, совершивший преступление к прекращению своей преступной деятельности, предотвратить возможные вредные последствия от преступления, в том числе склонить его к добровольному отказу, смягчению и возмещению (заглаживанию иным образом) вреда и ущерба, причиненного преступлением, побудить лицо, совершивший преступление к обнаружению перед правоохранительными органами, а также к содействию расследования и раскрытия преступлений, совершенных как им самим, так и иными лицами.

Использование технологий компромисса как новой упрощенной уголовно-процессуальной формы, позволяет противодействовать, разобщение организованной преступности путем привлечения к уголовной ответственности ее руководителей и наиболее активных участников преступной деятельности.

Использование технологий компромисса как новой упрощенной уголовно-процессуальной формы, позволяет минимизировать негативные последствия осуждения и отбывания наказаний, связанных с изоляцией от общества.

Следует отметить, что указанные выводы не являются специфическими и в целом характерны для современного уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальные нормы, предполагающие использование технологий компромисса, применяются в качестве лишь одного из возможных средств решения борьбы с отдельными видами преступлений и в случаях, когда иные процессуальные средства недостаточно действенны, чреватые негативными последствиями или нежелательны по иным причинам.

В целом же использование технологий компромисса в современном уголовном судопроизводстве, отвечая признакам общего понятия компромисса, является ничем иным как закрепленной в законодательстве разновидностью данного средства урегулирования социальных противоречий. В частности, технологии компромисса проявляются в прекращении уголовного преследования, смягчении уголовной ответственности или освобождении от нее тех лиц, которые после совершения преступления добровольно произвели одно или несколько позитивных действий, направленных на предотвращение, сокращение или возмещение причиненного вреда (и) либо обеспечение условий работы правоохранительных органов, экономию их сил и средств.

Но в отличие от общего понятия, технологии компромисса регламентированы соответствующими правовыми нормами, которые прямо определяют взаимосвязь между социально полезными посткриминальными действиями виновного и индивидуализацией его уголовной ответственности.

Таким образом, под технологией компромисса в современном уголовном судопроизводстве, следует понимать процедуру прекращения уголовного дела (уголовного преследования), отказ от уголовного преследования, смягчение уголовной ответственности (или освобождение от нее или от наказания) лица, виновного в совершении преступления, непосредственно связанное с определенными в законе и совершенными им социально полезными посткриминальными действиями, независимо от мотивов и условий совершения преступления.

При этом, поскольку в действующем уголовно-процессуальном законодательстве в настоящее время существует значительное количество правовых норм, принцип действия которых основан на использовании технологий компромисса, и указанные нормы обеспечивают относительно законченное решение ряда задач современного уголовного судопроизводства, становится очевидным и правомерным вывод о существовании в системе уголовно-процессуального права упрощенных норм, предполагающих использования компромисса.

Список использованных источников

1. Кайшев А.В. Уголовно-правовое значение компромиссов и поощрений: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. 182 с.
2. Костенко Н.С. Возможности применения компромисса в уголовном судопроизводстве: особенности и правовые основания / Н.С. Костенко // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 2 (53). С. 66–72.
3. Макарейко Н.В. Государственное принуждение как средство компромисса // Материалы Пярых Бабаевских чтений «Компромисс в праве: теория, практика, техника». Т. 2. Н. Новгород, 2014. С. 25–33.
4. Поляков М.П. Смолин А.Ю. Технология уголовного процесса: «за» или «против» человека процессуального // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 189 – 192
5. Попова И.А. Тактико-криминалистическое обеспечение компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 204 с.
6. Терских А.И. Компромисс в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 217 с.
7. Янина Я.Ю. Теоретические и практические аспекты применения конфликтов предварительного следствия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. С. 4–5.
8. Янина Я.Ю. Теоретические и практические аспекты применения конфликтов предварительного следствия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. С. 4–5.
9. Яшин А.В. Роль знаний о постпреступном поведении в практике предупреждения преступлений // Современные проблемы науки и образования. 2006. № 1. С. 110—111.

Н.Е. Муллахметова

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Смоленский филиал Саратовской государственной юридической академии,
зав. кафедрой организации правоохранительной и судебной деятельности
Смоленского государственного университета

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

В статье рассматриваются изменения законодательства последних лет, направленные на защиту интересов потерпевших от преступлений в части возмещения причиненного вреда, а также некоторые научные разработки по этому вопросу. Указывается на недостаточность принятых мер и на возможные пути дальнейшего совершенствования правовых механизмов в данной сфере.

Ключевые слова: возмещение причиненного преступлением вреда, потерпевший, уголовный процесс

Natalia Mullakhmetova,

Associate Professor of Criminal Law of the Smolensk branch of the Saratov
State Law Academy,
Head of the Department of Organization of Law Enforcement and Judicial
Activities,
Smolensk State University, PhD in Law, associate professor

IMPROVEMENT OF MECHANISMS OF COMPENSATION FOR HARM CAUSED BY CRIME

Summary: The article examines changes in the legislation of recent years aimed at protecting the interests of victims of crimes in terms of compensation for harm caused, as well as some scientific developments on this issue. The lack of measures taken and possible ways to further improve the legal mechanisms in this area are pointed out.

Keywords: compensation for harm caused by a crime, victim, criminal procedure

На протяжении многих лет проблема возмещения вреда, причиненного преступлением, остается актуальной для науки и практики. Официальная статистика свидетельствует, что за первое полугодие 2020 года ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 292,7 млрд. рублей. При этом существенная часть ущерба (91,1%) приходится на преступления, зарегистрированные в городах и поселках городского типа [13]. По данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за этот же период судами рассмотрен 39701 гражданский иск, из них удовлетворено на

сумму 113 287 941 993 рублей [5]. И хотя даже эти цифры впечатляют, это только учтенные данные, нельзя забывать о латентной преступности и причиняемом ею ущербе.

Ст. 52 Конституции РФ гарантирует потерпевшим право на доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением ущерба. Уголовно-процессуальный закон определяет в качестве одной из задач судопроизводства защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ).

В процессуальной науке и в законодательстве разработаны различные варианты возмещения причиненного преступлением вреда: это и гражданский иск в уголовном деле, добровольное возмещение вреда, уголовно-процессуальная реституция (т.е. возврат в натуре вещей, которые были утрачены в результате совершения преступления, через институт вещественных доказательств), подача гражданского иска за рамками уголовного процесса, а также возмещение вреда государством в некоторых случаях.

В последние годы в Уголовно-процессуальный и Уголовный кодексы РФ внесены изменения, направленные на обеспечение прав потерпевшего, в том числе на возмещение причиненного преступлением вреда. Так, в соответствии с Федеральным законом № 432 от 28.12.2013 одним из условий отмены условного осуждения и снятия судимости является полное или частичное возмещение вреда условно осужденным в размере, определенном решением суда. Этим же законом аналогичное условие внесено и в другие статьи (об условно-досрочном освобождении, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, о судимости), к судебным издержкам отнесены суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего, в УПК РФ включена статья 160.1 о принятии мер по обеспечению гражданского иска. Все это, несомненно, направлено на защиту прав и законных интересов потерпевших.

Положительным моментом является и то, что в проектах закона о введении в Уголовный кодекс категории «проступок» предусматривается обязанность лица, совершившего отдельные категории уголовных проступков, возместить причиненный ущерб, при невыполнении которой лицо привлекается к уголовной ответственности в общем порядке[6]. Все названные меры направлены на стимулирование позитивного посткриминального поведения лица, на реализацию идеи восстановительного правосудия.

Но на практике эти положения не всегда приводят к ожидаемым результатам. Так, в ряде субъектов Российской Федерации в докладах

уполномоченных по правам человека отмечались проблемы, связанные с возмещением вреда потерпевшим при условно-досрочном освобождении. Например, в Свердловской области получены следующие данные: из 50 выбранных для проверки осужденных, освобожденных досрочно, только 6 реально принимали меры по погашению долга. Такая ситуация связана с отсутствием четкого взаимодействия учреждений, исполняющих наказания, службы судебных приставов, правоохранительных органов. Также существует проблема низкого дохода осужденных, из-за чего они просто не в состоянии выплачивать компенсации [11].

Важным шагом в обеспечении правильного применения института гражданского иска в уголовном процессе стало принятие в 2020 году Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» [9]. В данном Постановлении, в частности, разъяснены некоторые проблемные вопросы института гражданского иска в уголовном деле: о защите интересов государственных и муниципальных унитарных предприятий, а также Российской Федерации (п. 2 ППВС), о предъявлении иска в интересах несовершеннолетних (п. 3 ППВС), о возможности возмещения морального вреда при совершении преступления, посягающего на имущество или материальные блага, если при этом вред был причинен также личным неимущественным правам либо принадлежащим потерпевшему нематериальным благам, например, при разбое, краже с незаконным проникновением в жилище, мошенничестве, совершенном с использованием персональных данных лица без его согласия (п. 13 ППВС). Также уточнены временные границы заявления гражданского иска по делу, рассматриваемому судом с участием присяжных заседателей (п. 16 ППВС), вопросы отказа от гражданского иска (п. 22 ППВС). Суд обратил внимание на то, что случаи применения ч. 2 ст. 309 УПК РФ о признании за гражданским истцом права на удовлетворение гражданского иска и передаче вопроса о размере возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства должны носить исключительный характер, описаны действия суда при обращении к исполнению вступившего в законную силу приговора, где содержится решение в части гражданского иска с применением ч. 2 ст. 309 УПК РФ (п. 27–28 ППВС).

Передача вопроса о возмещении причиненного преступлением вреда в гражданский процесс осложняет положение потерпевшего, ведь он самостоятельно должен вновь доказывать размер причиненного вреда, поскольку преюдициальное значение приговор суда имеет только в части установления вины осужденного [10].

Анализ судебной практики показывает, что сегодня в России суммы компенсаций морального вреда в среднем в 4,9 раза ниже, чем в Дании или Израиле, в 7 раз ниже, чем в ЮАР, в 32 раза ниже, чем в Чехии [4].

26 марта 2020 года состоялось знаковое мероприятие: Комитетом Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству проведен «круглый стол» по методике расчета размера компенсаций морального вреда в случаях посягательств на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека. Участниками «круглого стола» стали авторитетные представители юридического сообщества, в том числе Верховного Суда Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Ассоциации юристов России, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, образовательных организаций высшего образования, члены Совета Федерации и др. Итогом стала разработка Методических рекомендаций по определению размера компенсации морального вреда. В данном документе предлагается определять четыре типа критериев и методов расчета компенсации:

1) компенсация за временные боль, страдания, нарушение привычного образа жизни и снижение качества жизни на период лечения (компенсация за временный дефицит здоровья);

2) компенсация за возникновение окончательного и не устраненного в результате лечения дефицита здоровья и связанные с этим боль, страдания, нарушение привычного образа жизни и снижение качества жизни (компенсация за постоянный дефицит здоровья);

3) компенсация за боль и страдания, возникшие в результате посягательств на физическую неприкосновенность человека, но не сопряженные с возникновением дефицита здоровья;

4) компенсация за страдания, связанные с потерей близкого человека [12].

Например, постоянным дефицитом здоровья может признаваться полный паралич рук и ног, а базовую вменяемую компенсацию за него предлагается установить в 4,5 миллиона рублей, в случае потери близкого человека – в размере 2 миллионов рублей. Но на размер компенсации влияют также коэффициенты: индивидуальной степени страданий, формы вины причинителя вреда, индивидуальных особенностей ответчика и иных связанных с ним юридически значимых обстоятельств, степени вины потерпевшего. Конечно, представленная методика направлена лишь на создание неких ориентиров, унификацию при определении размеров компенсации вреда, причиненного преступле-

нием, но она не лишает суд возможности усмотрения при принятии решения. Рекомендации были представлены для широкого обсуждения юридическим сообществом и всеми гражданами.

Несмотря на важное теоретическое и практическое значение этих разработок следует помнить, что определение размера возмещения не является главной проблемой, гораздо сложнее добиться реального исполнения судебных актов в части взыскания присужденной компенсации.

Социологические опросы показывают, преобладающее большинство пострадавших от преступлений – порядка 70% – не могут добиться возмещения нанесенного преступлением ущерба [7].

Сегодня так и не решены проблемы возмещения причиненного преступлением вреда в случаях, когда виновный не установлен, либо скрывается от следствия, либо у него отсутствует возможность возместить вред хотя бы частично. Так, по статистическим данным в 2019 году из 917 тысяч приостановленных уголовных дел в 895 тысячах случаев не было установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого. Из 884661 лица, которые должны возмещать причиненный преступлением вред, 609831 не могут этого сделать по причине финансовой несостоятельности [3].

Требует законодательного решения вопрос о возмещении вреда, причиненного преступлением, в случае прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности. Так, с учетом позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 8 декабря 2017 года № 39-П, давая согласие на прекращение уголовного дела по данному основанию, обвиняемый (подозреваемый) одновременно соглашается и с возможностью возмещения причиненного преступлением вреда.

Что же касается выплат компенсаций потерпевшим за счет государства, то это возможно лишь в немногих случаях: если вред причинен вследствие террористического акта, техногенных катастроф, стихийных бедствий, при совершении посягательства в отношении защищаемого участника уголовного судопроизводства. В очередной раз встает вопрос о создании Фонда защиты жертв преступлений, который уже много лет обсуждается на страницах юридических изданий [2, с. 54], [1, с. 11–15], предложения подкреплены и законодательными инициативами [8].

Очевидно, что только комплекс законодательных и организационных мер способен улучшить ситуацию с возмещением причиненного преступлением вреда. Это не только выплата компенсаций, но и психологическая, медицинская реабилитация жертв преступлений, направленная в том числе на снижение уровня виктимизации населения.

От того, насколько эффективно решается проблема возмещения причиненного преступлением вреда, зависит отношение граждан к правосудию и правоохранительной системе в целом, доверие государству.

Список использованных источников

1. Ахмедшина Н.В. О потерпевших от преступлений // Виктимология. 2015. № 1 (3).
2. Журавлев Р.А. Правовые и организационные аспекты реализации конституционного права потерпевших от преступлений на компенсацию причиненного ущерба // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 3.
3. Костина О. Забытая жертва // Российская газета. 2020. 20 февраля. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2020/02/20/sistema-podderzhki-liudej-stavshih-zhertvami-prestupnikov-trebuuet-korrektirovki.html> (дата обращения: 08.01.2021).
4. Куликов В. Вредные деньги // Российская газета. 2020. 23 марта. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2020/03/23/associaciia-iuristov-rossii-rasschitala-bazovye-kompensacii-moralnogo-vreda.html> (дата обращения: 08.01.2021).
5. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461> (дата обращения: 08.01.2021).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/29308/> (дата обращения: 08.01.2021).
7. Пострадавшие от преступлений: в надежде на справедливость. Всероссийский опрос ВЦИОМ. 2017 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/postradavshie-ot-prestuplenij-v-nadezhde-na-spravedlivost-> (дата обращения: 19.01.2021).
8. Проект Федерального закона «О потерпевших от преступлений». [Электронный ресурс]. – URL: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1130/ (дата обращения: 08.01.2021).
9. Российская газета. 2020. 23 октября. № 240.
10. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 11.02.2020 № 297-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крючкова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 3.

11. Соблюдение и защита прав потерпевших в уголовном процессе: тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – Москва: Издательство Проспект, 2020. – С. 24–25. [Электронный ресурс]. – URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/106171_25.12_sborka_LowRes.pdf (дата обращения: 19.01.2021).
12. Совершенствование гражданского законодательства Российской Федерации: новые подходы к исчислению размера компенсации морального вреда. [Электронный ресурс]. – URL: http://legislation.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/116222/ (дата обращения: 08.01.2021).
13. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – октябрь 2020 года // Официальный сайт МВД Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/21933965/> (дата обращения: 08.01.2021).

А.Д. Назаров,

доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса и
криминалистики Сибирского федерального
университета, Красноярск

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ИСПРАВЛЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ И СУДЕБНЫХ ОШИБОК

В статье рассмотрены в историческом и теоретическом контексте основные элементы уголовно-процессуального механизма устранения следственных и судебных ошибок в уголовном судопроизводстве: прогнозирование, выявление, устранение и предупреждение этих ошибок. Функционирование данного уголовно-процессуального механизма исправления следственных и судебных ошибок связывается автором с непреступной уголовно-процессуальной деятельностью субъектов, ведущих уголовный процесс.

Ключевые слова: следственная и судебная ошибка; уголовно-процессуальный механизм исправления ошибок; прогнозирование, выявление, устранение и предупреждение ошибок.

HISTORICAL AND THEORETICAL APPROACHES TO IDENTIFYING CRIMINAL PROCEDURE MECHANISM OF IMPROVING INVESTIGATIVE AND JUDICIAL ERRORS

Aleksandr D. Nazarov

DSc. in Law, Associate Professor,
Head at the Department of the Criminal
Procedure and Criminalistics
SibFU, Krasnoyarsk.

Summary: Article describes the main elements of criminal procedure mechanism of improving investigative and judicial errors within the context of historical and theoretical approach as follows: forecasting, identification, elimination and prevention of errors. The author connects functioning of aforementioned criminal procedure mechanism of improving investigative and judicial errors with the impregnable criminal procedure activity in conducting the trial.

Keywords: investigative and judicial error; criminal procedure mechanism of improving the errors; forecasting, identification, elimination and prevention of criminal procedure errors

В уголовно-процессуальной деятельности определяющее значение имеют следующие процессы: доказывание, квалификация деяния, назначение наказания (привлечение к уголовной ответственности). Значительное количество научных исследований посвящено раскры-

тию существенных характеристик этих важных процессов, в том числе доказыванию [1; 3; 6; 7; 8; 10; 11; 13; 14; 15; 18; 20; 22; и др.].

Основная масса теоретических разработок посвящена рассмотрению процессов доказывания и квалификации как нормальных (протекающих без отклонений) видов деятельности.

Вместе с тем в реальной действительности в процессы доказывания и квалификации, а также в тесно связанные с уголовно-процессуальной деятельностью оперативно-розыскную деятельность, в криминалистическое, психологическое, экспертное сопровождение уголовно-процессуальной деятельности, вкрадываются различного рода аномалии, которые искажают истинную сущность осуществляемой деятельности.

Такого рода аномалии могут быть обозначены и как преступные проявления в сфере уголовно-процессуальной деятельности, и как ошибки, не являющиеся по своей сути общественно-опасными деяниями.

Если вести речь об ошибках в доказывании (в определенной степени также и в оперативно-розыскной, криминалистической, психологической, экспертной сферах деятельности), то аномалии в содержании всех этих процессов порождают неполноту, односторонность и необъективность в установлении и исследовании всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания; аномалии в обеспечении процессуальной формы порождают нарушения установленных международных и национальных стандартов отправления правосудия.

Вкравшиеся в процесс квалификации общественно-опасного деяния аномалии приводят к материальным ошибкам, связанным с неправильным применением уголовного закона.

Таким образом, при осуществлении в «штатном процессуальном режиме» процессов доказывания и связанных с ним процессов, а также процессов квалификации, в уголовно-процессуальной деятельности важно «держать наготове» механизмы прогнозирования, выявления, устранения и предупреждения ошибок, допускаемых субъектами, ведущими уголовный процесс.

И для того, чтобы уголовное судопроизводство выполнило свое назначение, а основополагающие принципы уголовного процесса нашли свое реальное воплощение в уголовно-процессуальной деятельности, важно исследовать достаточно специфический процесс прогнозирования, выявления, устранения и предупреждения ошибок при осуществлении расследования и судебного разбирательства уголовных дел.

Исследование любого правового явления имеет свою методологию [17]. Не является исключением и процесс исследования ошибок в

уголовном судопроизводстве, в частности их прогнозирование, выявление, устранение и предупреждение. Исходя из методологически принятого многоуровневого подхода к исследованиям правовых явлений [16], изучение ошибок в уголовном судопроизводстве можно рассматривать также с разных аспектов.

1. **История** процесса прогнозирования, выявления, устранения и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве имеет дело с отраслевой уголовно-процессуальной проблематикой в рамках ее хронологического развертывания. История этого процесса позволяет сконцентрировать значительный пласт знаний отраслевой уголовно-процессуальной проблематики и правильно понять это явление в контексте его исторического развития с учетом того, как оно зародилось, какие стадии становления прошло и чем стало в настоящее время. Изучение истории процесса прогнозирования, выявления, устранения и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве позволяет еще раз убедиться в том, что все новое – это только хорошо забытое старое. Так, проблема обеспечения полноты, всесторонности и объективности исследования всех обстоятельств предмета доказывания по уголовному делу, которая находится в центре современных дискуссий [2], имела в свое время правовую регламентацию в статье 20 УПК РСФСР 1961 года, а публикации того периода по названной проблеме исчисляются многими десятками.

Изучение истории процесса прогнозирования, выявления, устранения и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве позволяет многим современным ученым-правоведам обосновать теоретические конструкции и практические предложения по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

2. Более высокой степенью абстрактности и выходом за пределы юридической проблематики обладает второй уровень познания – **философия** процесса прогнозирования, выявления, устранения и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве. Она как часть философии права изучает смысл, назначение и социальную ценность уголовного и уголовно-процессуального права. Философия уголовного и уголовно-процессуального права основана на нравственных идеалах, учениях о правах человека, идеалах естественного и позитивного права. Философия права призвана «указать идеалы, к которым стремится право»[21, с. 7]. Из философского понятия «заблуждение» выводится применяемое в праве понятие «ошибка».

3. **Социология** процесса прогнозирования, выявления, устранения и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве имеет

своим предметом общественные отношения, регулируемые нормами уголовного и уголовно-процессуального права; эффективность правового регулирования уголовно-процессуальных отношений; и др.

При социологическом подходе к процессу прогнозирования, выявления, устранения и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве на первое место выходит характер взаимодействия участников уголовно-процессуальной деятельности, степень их властно-распорядительных полномочий и др.

Социологическое изучение судебной деятельности относится к предметной области социологии правосудия – научной дисциплины, в центре внимания которой «находится судебное решение и процесс его принятия»[9, с. 52]. Свою главную задачу специалисты в этой области, как правило, видят в том, чтобы выстроить своего рода «модель неформального механизма юстиции»[9, с. 52–53; 4, с. 80; 12; 19, с. 209–223], то есть, выявить и показать во взаимодействии не правовые (социальные, экономические, психологические и т.п.) факторы, оказывающие влияние на участников судебного процесса (судью, присяжных заседателей, защитников и обвинителей). Данная область научных знаний в странах англосаксонской правовой системы составляет основное направление исследований в рамках социологии права. Для России юридико-социологические исследования в этой области имеют большую актуальность, широкую предметную сферу исследования и существенную специфику, так как речь здесь идет не о функционировании уже давно сложившейся и в целом эффективно функционирующей судебной власти, а о формировании судебной системы, осуществляемом в рамках глобальной социальной трансформации всех сфер общественной жизни страны.

В отечественной юридической литературе имеется хороший опыт применения социологического подхода к изучению факторов, влияющих на качество правосудия, сформировавшийся в советский период. Социологические исследования в этой области довольно активно осуществлялись в 70–80-х годах прошлого века в рамках изучения эффективности правосудия. Характерное увлечение советского правоведа проблематикой эффективности права и правоприменительной деятельности было в значительной мере обусловлено инструменталистским подходом к праву и правоприменению как к средствам достижения экономических, политических, идеологических и иных целей социалистического строительства. Наиболее авторитетные в этой области специалисты воспользовались открывшейся возможностью социологического исследования эффективности правосудия для углубленного изучения качества судебной деятельности. Так,

Т.Г. Моршакова и И.Л. Петрухин подчеркивали, что изучение уровня эффективности правосудия возможно только «на базе оценки качества рассмотрения и разрешения конкретных дел»[22, с. 6–7]. В ходе исследований эффективности правосудия они стремились выделить качественные признаки, позволяющие делать выводы о законности и обоснованности разрешения конкретного дела, и операционализировать эти признаки, то есть, перевести их в количественные параметры. Таким образом, в основе понятия эффективности правосудия лежали такие содержательные характеристики процесса принятия судебного решения, как законность и обоснованность. В конечном счете, речь, по сути, шла о социологическом подходе к изучению качества правосудия.

При изучении факторов, влияющих на эффективность правосудия, советские ученые обращали внимание прежде всего на уровень финансового, материально-технического и информационного обеспечения судебной деятельности, степень загруженности судей, уровень профессионального сознания судейского корпуса и т.д. Исследования данного круга факторов не утратили свою актуальность и в наши дни.

4. Общая теория процесса прогнозирования, выявления, устранения и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве содержит систему основных понятий, юридических фактов, уголовно-процессуальных правоотношений, принципов и др.

Теория ошибок в уголовном судопроизводстве призвана разработать для практических работников сферы уголовной юстиции научно-обоснованные механизмы работы с ошибками.

5. Практическая юриспруденция в работе с ошибками в уголовном судопроизводстве связана с применением действующего уголовного, уголовно-процессуального закона.

Многоаспектный подход к изучению процессов прогнозирования, выявления, устранения и предупреждения ошибок в уголовном судопроизводстве связан с рассмотрением функционирования определенного процессуального механизма действия этих процессов.

С.Л. Лось в своих научных публикациях с различных сторон исследовал механизм уголовно-процессуального регулирования. «Механизм уголовно-процессуального регулирования имеет две больших взаимосвязанных между собой части, которые раскрываются через понятия правотворчество (создание уголовно-процессуального права) и правоприменение (реализация норм уголовно-процессуального права)» [5, с. 30].

Исследуя проблемы ошибок в уголовном судопроизводстве, мы рассматриваем, прежде всего, механизм правоприменения – прогнозирование, устранение, выявление и предупреждение этих ошибок. При-

чем, процессы прогнозирования, выявления, устранения и предупреждения ошибок мы называем основными компонентами этого механизма, его инструментарием. Эти компоненты запускают в действие составные части сложного механизма работы с ошибками, которые срабатывают на всех стадиях уголовного судопроизводства или только на одной или нескольких стадиях – механизмы контрольно-надзорной деятельности на досудебных стадиях, судебные механизмы на судебных стадиях, а также механизмы самопроверки, содействия в уголовном процессе и др.

Таким образом, уголовно-процессуальный механизм работы со следственными и судебными ошибками – это взятая в единстве система правовых средств (юридических норм, правоотношений, юридически-значимых решений и нормативных актов, правосознание субъектов, ведущих уголовный процесс, и их правовая культура и др.), при помощи которых осуществляется воздействие на уголовно-процессуальные отношения, возникающие при прогнозировании, выявлении, устранении и предупреждении ошибок в целях выполнения назначений уголовного судопроизводства и соблюдения принципа его законности.

Список использованных источников

1. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964.
2. Барабаш А. С., Брестер А.А. Метод Российского уголовного процесса. – СПб.: «Юридический Центр-пресс», 2013.
3. Белкин А.Р. Теория доказывания. Научно-методическое пособие. – М.: Издательство НОРМА, 2000.
4. Боботов С.В. Буржуазная социология права. М., 1978.
5. Вопросы правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса: Сборник статей С.Л. Лоня. Томск, 2003.
6. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941.
7. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978.
8. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание, Ижевск, 2003.
9. Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986. С. 52.
10. Карнеева Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Волгоград, 1988.
11. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.
12. Кульчар К. Основы социологии права. М., 1981.
13. Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969.

14. Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: Учебное пособие. Самара: Самарский ун-т, 2007.
15. Ларин А.М. Работа следователя с доказательствами. М., 1966.
16. Лейст О.Э. Сущность права. М., 2002. С. 215.
17. Малахова Л.И. Методологические основы и предмет уголовно-процессуальной деятельности. – М.: Юрлитинформ, 2011.
18. Кульчар К. Основы социологии права. М., 1981.
19. Мейхью Л. Социология права // Американская социология. М., 1972. С. 209 – 223.
20. Мельник В.В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. – М.: Дело, 2000.
21. Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1.
22. Морщакова Т. Г., Петрухин И.Л. Оценка качества судебного разбирательства по уголовным делам. М., 1987.

ОСОБЕННОСТИ ХИЩЕНИЙ ДЕТАЛЕЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Статья посвящена вопросам расследования хищений деталей железнодорожного транспорта на примере колесных пар. В качестве особенностей в совершении таких хищений является общая доступность данных о ремонте железнодорожных вагонов из электронных баз данных.

Ключевые слова: расследование хищений, детали железнодорожного транспорта, цифровизация

Viacheslav U. Nizamov

PhD in law, associate professor
St. Petersburg State University

FEATURES OF THEFT OF RAILWAY TRANSPORT PARTS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Summary: The article is devoted to the investigation of theft of railway transport parts on the example of wheel sets. As a feature in the commission of such theft is the general availability of data on the repair of railway cars from electronic databases.

Keywords: investigation of embezzlement, details of railway transport, digitalization

Различные формы хищений традиционно составляют основной массив преступлений, совершаемых в России. Особой спецификой обладают хищения на предприятиях, совершаемые лицами, которым вверено управление товарно-материальными ценностями.

Активное продвижение информационных технологий и автоматизация в работе предприятий нередко оставляют возможности для реализации преступного умысла, направленного на неправомерное изъятие товарно-материальных ценностей с целью обогащения, в том числе, и некоторыми сотрудниками таких предприятий. Такие преступления наносят не только вред самим коммерческим структурам, но и создают угрозы для всей деятельности отдельных отраслей, к числу которых относится железнодорожная. В этом аспекте защита бизнеса уголовно-правовыми средствами и превенция совершения хищений на железнодорожных предприятиях приобретают особую важность.

В данной статье рассмотрим особенности преступлений против собственности субъектов железнодорожной отрасли на примере хище-

ния колесных пар вагонов. Такие эпизоды преступной деятельности были установлены и доказаны сотрудниками транспортной полиции в Пермском крае, Кемеровской области, Курской области, Ленинградской области, Иркутской области и других субъектах Российской Федерации. Исследованию криминалистических аспектов такого рода хищений посвящены специальные труды [2]. Продолжая высказанные исследователями суждения, отметим необходимость обновления научного взгляда на расследование хищений деталей железнодорожного транспорта в условиях развития цифровизации.

Общее направление на цифровизацию различных сфер предпринимательской деятельности уже давно стал базовым условием функционирования бизнеса. К слову, одной из первых отраслей, воспринявших необходимость автоматизации работы с использованием вычислительных машин еще в советское время, стала железнодорожная отрасль. В 1969 году Приказом Министра Путей сообщения СССР было запланировано строительство главного узла планирования, управления и учета работы железнодорожного транспорта. Этот проект был с успехом реализован, когда на базе Цеха вычислительного центра была создана Лаборатория по электронной и вычислительной технике, а в дальнейшем – Главный вычислительный центр Министерства путей и сообщений. Сегодня это Главный вычислительный центр, филиал ОАО «РЖД». Мощной базой данных, характеризующих техническое состояние вагонов и другого подвижного состава, стала система ГВЦ (Главный вычислительный центр), куда имеют доступ многие сотрудники ОАО «РЖД».

Нет смысла ставить под сомнение необходимость существования и эффективность существующих информационных баз данных ОАО «РЖД», к числу которых относится цифровая база ГВЦ. Вместе с тем, относительная доступность таких данных и «ручное» внесение новых данных, предоставляет возможность для выяснения поставки нового оборудования на подвижной состав любому пользователю, чем пользуются недобросовестные сотрудники. Следственная практика свидетельствует о том, что одной из схем, реализуемой расхитителями, становится хищение новых колесных пар и замена их на старые, с последующей реализацией новых.

Совершению этих преступлений способствует существующий дефицит новых колесных пар отечественного производства, а находящиеся с недавнего времени в продаже колесные пары из КНР пока не заслужили репутацию надежных и долгосрочных в использовании. В связи с этим, рынок заполнен активно продающимся колесными парами, бывшими в употреблении.

Для иллюстрации существующего положения вещей, достаточно ознакомиться с многочисленными объявлениями о продаже таких пар в сети Интернет. При покупке колесных пар принимается во внимание толщина использованного края колесной пары. Потребитель понимает экономическую пользу «толстого» края колеса перед «тонким» как возможность пройти вагону все поверочные процедуры. Таким образом, подвижной состав потребителя длительное время может работать и приносить прибыль без дополнительных вложений.

Несмотря на то, что колесные пары имеют номерные знаки отличия, преступники срезают такие номера и наносят новые ударноточечной маркировкой. Замена колес (колесных блинов) на оси колесной пары (а именно она нумеруется) представляет собой сложный технологический процесс, который возможно произвести только в соответствующих дорогостоящих производственных условиях. Во многом поэтому, исходя из существующих условий гражданского оборота, колесная пара для железнодорожного вагона, несмотря на комбинацию составляющих деталей, воспринимается как единый товар.

Исходя из анализа уголовных дел по таким преступлениям, само снятие колесных пар нередко осуществляется силами сотрудников ОАО «РЖД» на соответствующих ремонтных базах под видом иных работ. После снятия колесных пар с «толстым» краем осуществляется подмена на колесные пары с «тонким» с последующей перебивкой номера. Источником таких колесных пар могут стать пары, не прошедшие поверку и не допущенные к использованию, списанные, снятые с других вагонов. Очевидно, что использование подвижных составов с преступно замененными колесными парами не отвечает правилам безопасности.

Выскажем мнение, что латентность и сложность процесса доказывания при расследовании этого вида преступлений вызывают необходимость разработки самостоятельной криминалистической методики расследования.

В этой связи кандидатская диссертация Малахиной Е.А. на тему «Методика расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта», защищенная в 2018 г. видится весьма актуальной.

В специфике криминалистической характеристики таких преступлений отметим специальный субъектный состав, способ совершения и способы сокрытия следов.

Субъектом такого рода преступлений нередко является инженерный и руководящий состав ОАО «РЖД», поскольку в их ведении

находятся трудовые и экономические ресурсы по осуществлению осмотра и ремонта подвижного состава. Доступность базы ГВЦ позволяет любому пользователю увидеть работы, произведенные с вагоном с 1960-х годов. При этом факт ознакомления лица с этой базой по отношению к конкретному вагону открыто верифицируется.

Соккрытие совершаемых хищений осуществляется, в том числе, путем вовлечения в совершение преступлений ограниченного количества субъектов предпринимательской деятельности и сотрудников ОАО «РЖД», и обусловлено невозможностью проверки подлинности маркировки каждой колесной пары на большом количестве подвижного состава, курсирующего по всей территории России.

Следственная практика показала, что установление совершенных преступлений возможна только при поимке расхитителей с поличным. Безусловно, особая роль в раскрытии такого рода преступлений принадлежит отнести органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, т.е. транспортной полиции. Способ совершения преступления настолько специфичен, что не дает на настоящий момент иную возможность другого своевременного обнаружения совершенного преступления до наступления общественно-опасных последствий. Поясним примером: старые колесные пары с перебитыми номерами новых пар ввозятся на территорию ремонтных баз обычным грузовым транспортом, а хорошие колесные пары могут вывозиться под видом списанных под утилизацию. Износ колесных пар определяется многочисленными факторами и, к примеру, если через год после официально произведенной замены старых колесных пар на новые обнаружена их полная непригодность, они просто заменяется без выяснения причин такого быстрого износа.

Трудность расследования также определяет вовлечение значительного количества лиц, объединенных корыстной направленностью умысла. Производство допросов может быть осложнено единой заранее сформированной защитной позицией для подтверждения непричастности группы к совершенным преступлениям с целью уклонения от уголовной ответственности.

Процесс доказывания осложняется отсутствием официальных документов по проведению профильных ремонтных работ с вагонами, у которых произведена замена колесных пар. Существующая база ГВЦ, по нашему мнению, является недостаточно несодержательной для контролирующих организаций и правоохранительных органов, раскрывающих и расследующих хищения.

В современных условиях нельзя не отметить, что трудоемкость и затраты на производство судебных экспертиз весьма велики. Так, сто-

имость судебно-химической экспертизы по установлению первоначального номера перебитой колесной пары может превышать стоимость новой колесной пары. Компетентным органам было бы целесообразно принять меры к снижению стоимости такого рода экспертиз.

Поскольку изложенная ситуация напрямую влияет на безопасность железнодорожных перевозок, думается, что требуется переосмысление цифровых подходов в работе железнодорожной отрасли.

К существующим эффективным методам цифровизации учета ремонтных работ подвижного состава железной дороги, можно предложить наладить учет номерных деталей вагонов в целях предотвращения и своевременного раскрытия рассматриваемого виде хищений.

Предложения включают открытую регистрацию цифровых следов обращения к базе ГВЦ. Таким образом, любое обращение к отдельным данным по вагону из цифровой базы данных будет иметь основание и учет идентификатора к ней обратившегося. Любой клиент цифровой базы должен быть осведомлен о сохранении данных по факту запроса данных и регистрации причин обращения к информационной базе по отдельным вагонам.

Необходимо изменение подхода к автоматизированному учету производимых работ с подвижным составом в аспекте сохранения видео-материалов с камер наблюдения ремонтных баз ОАО «РЖД». Данные такого видеонаблюдения требуют сбережения на серверах длительного хранения. Отслеживанию должны подлежать все работы, производимые с вагоном. При этом обилие ремонтных баз вагонов для такого рода фиксации произведенных работ, на наш взгляд, не должно стать условием для преступных действий, влияющих на безопасность железнодорожных сообщений.

Для усиления контроля считаем необходимым внедрение в производственную практику обязательное использование специализированных приборов для считывания номеров деталей вагонов с возможностью установления внесенных в базу изменений.

Внедрение дополнительного упрощенного цифрового оборудования для использования проверяющим сотрудниками, предоставляющего возможность установления исправлений, искажений и других незаконных действий, в том числе, с колесными парами, повысит безопасность эксплуатации транспорта и послужит мерой профилактики хищений.

При общем понимании невозможности остановки состава и (или) снятия с подвижного состава вагонов с подобного рода проблемами, имеет смысл создания «промежуточной» информационной базы

для таких вагонов. Необходимость такой базы может быть обусловлена дополнительным техническим осмотром «проблемных» вагонов, а также при появлении возможности – проведением экспертного исследования номерных частей.

В процессе расследования хищений возникает острая необходимость активного взаимодействия служб безопасности предприятий железнодорожной отрасли с правоохранительными органами.

Список использованных источников

1. Главный вычислительный центр (ГВЦ) [Электронный ресурс]: <http://rzd-companу.ru/index.php>. Дата обращения 12.11.2020
2. Грибунов О. П., Малыгина Е.А. Особенности личности преступника при расследовании хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016 – № 1–2. – С. 138–145.
3. Малыгина Е.А. Методика расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта. Дисс...канд. юрид наук. – Ростов-на-Дону, 2018.

ПОЛУЧЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: «РЕПЕРНЫЕ ТОЧКИ» ПРЕДСТОЯЩЕГО ПУТИ

В статье рассмотрены актуальные вопросы совершенствования института показаний в российском уголовном процессе, предложены ориентиры его предстоящей реформы. Особое внимание уделено необходимости уточнения понятия «показания», его разграничения в системе источников доказательств с объяснениями участниками процесса. Затронуты вопросы оглашения показаний в ходе судебного разбирательства, развития процедуры получения показаний, а также создания дополнительных правовых стимулов для дачи правдивых показаний.

Ключевые слова: доказательственное право; система доказательств; показания участников уголовного процесса; допрос

S.A. Novikov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg State
University

OBTAINING AND USING TESTIMONY IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS: "REFERENCE POINTS" OF THE UPCOMING PATH

Summary: The article deals with topical issues of improving the institution of testimony in the Russian criminal process, and suggests guidelines for its upcoming reform. Special attention is paid to the need to clarify the concept of "testimony", its differentiation in the system of sources of evidence with the explanations of the participants in the process. The issues of disclosure of testimony during the trial, the development of the procedure for obtaining testimony, as well as the creation of additional legal incentives for giving truthful testimony were discussed.

Keywords: evidentiary law; system of evidence; testimony of participants in criminal proceedings; interrogation

Уголовно-процессуальная наука традиционно и обоснованно рассматривает процесс доказывания в качестве стержня, основы всей уголовно-процессуальной деятельности. В свою очередь, важнейшая роль в доказывании всегда принадлежала и по-прежнему принадлежит показаниям участников процесса. Регламентация и практика получения и использования показаний во многом характеризует состояние уголовного процесса в целом в соответствующий период времени.

Показания можно отнести к числу древнейших источников доказательств, появившихся, вероятно, одновременно с уголовным процессом. Пройденный путь – от *свода, присяги, повального обыска* через абсолютизацию вины и пытку, формальную теорию доказательств до современного состояния с широким объемом процессуальных гарантий, предоставляемых допрашиваемому лицу, – не был, разумеется, легким. Однако и сегодня отчетливо ощущается необходимость дальнейшего совершенствования отечественного института показаний; ниже мы предложим те ориентиры, «реперные точки», к которым, на наш взгляд, следует стремиться в будущем. Назовем пять таких ориентиров.

Первое, что необходимо сделать: уточнить само понятие «показания». Предложенные законодателем в статьях 76–79 УПК РФ дефиниции, определившие показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля как сведения, сообщенные ими на допросе, чрезмерно узки и не отражают реального положения дел. На наш взгляд, очевидно, что, во всяком случае, сведения, сообщенные лицом в ходе произведенных с его участием очной ставки, проверки показаний на месте и предъявления для опознания, также должны признаваться его показаниями [5].

Второй принципиальный шаг, следующая «реперная точка»: разграничение «показаний» и «объяснений» участников процесса, причем для вторых должно быть найдено свое место в системе источников доказательств.

В настоящее время эта система, закрепленная в части 2 статьи 74 УПК РФ, прямо предусматривает только один вид устных сведений, сообщаемых участником процесса: его показания. Но в правоприменительной практике важные для разрешения дела сведения зачастую передаются не только в ходе перечисленных выше следственных действий, но и в других, самых разнообразных формах.

Так, устные сведения нередко сообщаются участниками иных следственных действий, таких как осмотр, обыск, следственный эксперимент. Могут ли и эти сведения использоваться в доказывании? На наш взгляд, ответ на этот вопрос должен быть положительным. Неслучайно в части 5 статьи 164 УПК РФ, регламентирующей общие правила производства следственных действий, прямо содержится требование к следователю в случае участия в них потерпевшего или свидетеля предупреждать последних об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний. Часть 4 статьи 166 УПК РФ предусматривает, в свою очередь, описание в протоколе следственного действия выявленных при его производстве существенных для

дела обстоятельства, а также изложение заявлений лиц, в нем участвовавших.

Обращаясь к правилам производства отдельных следственных действий также заметим, что, например, статья 287 УПК РФ, регламентирующая производство на этапе судебного следствия осмотра местности и помещения, закрепляет право суда задавать при этом подсудимому, потерпевшему, свидетелям и другим названным в законе лицам вопросы в связи с производимым осмотром. Полагаем, что ответы на заданные судом вопросы должны допускаться для использования в доказывании – иначе в них не было бы никакого смысла.

Но к какому источнику отнести указанные устные сведения? Считать их составляющими такого источника доказательств, как протоколы следственных и судебных действий, едва ли правильно – по своей природе сообщаемые участником устные сведения отличаются от того, что в окружающей обстановке воспринято непосредственно следователем или судом. Отнесение этих сведений к показаниям стало бы, возможно, неплохим выходом, но как быть со сведениями, сообщаемыми лицами, еще не имеющими соответствующего процессуального статуса (например, если производится осмотр до возбуждения уголовного дела или обыск у еще не допрошенного знакомого обвиняемого). Третий вариант – считать такие сведения объяснениями участника процесса, прямо закрепив «объяснения» в части 2 статьи 74 УПК РФ как допустимый источник доказательств.

Наряду со следственными действиями, важные для установления обстоятельств дела сведения зачастую получают и иными способами. Так, согласно положениям статьи 144 УПК РФ, следователь при проверке сообщения о преступлении вправе получать объяснения, а участвующим лицам разъясняется право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и других близких родственников. Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ. В свою очередь, в части 3 статьи 86 УПК РФ предусмотрено право защитника собирать доказательства путем опроса лиц с их согласия. Помимо этого, оперативно-розыскное мероприятие «опрос» предусмотрено статьей 6 Закона об ОРД, а статья 11 того же Закона разрешает использовать результаты ОРД в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Полагаем, что во всех перечисленных случаях правоприменители должны иметь возможность использовать сообщаемые устные сведения в качестве доказательств.

Ввиду того, что действующий УПК РФ не включил «объяснения» в перечень самостоятельных источников доказательств, вопрос о допустимости их использования в доказывании как подпадающих под категорию «иных документов» можно отнести к числу дискуссионных.

С одной стороны, Конституционный Суд РФ в своем Определении от 28 мая 2013 г. № 723-О прямо подчеркнул: «Иные документы, в том числе объяснения, которые в соответствии с частью первой статьи 144 УПК Российской Федерации вправе получать следователь <...> при проверке сообщения о преступлении, используются для установления обстоятельств уголовного дела с соблюдением требований норм, определяющих порядок собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, в частности статей 75, 86, 87, 88, 234 и 235 данного Кодекса». Эту позицию разделяют многие исследователи [2, с. 88]; [4, с. 157]; [8, с. 271].

С другой стороны, суды общей юрисдикции зачастую отказываются считать полученные объяснения доказательствами, не соглашаясь рассматривать их в качестве «иных документов», и, соответственно, констатируя отсутствие законного источника соответствующих сведений.

Выходом, на наш взгляд, должно стать включение объяснений в часть 2 статьи 74 УПК РФ в качестве самостоятельного источника доказательств. При этом условиями допустимости сообщаемых сведений должны, помимо прочих, стать наличие законных оснований опроса (опрашиваемый должен быть вправе его проводить), соблюдение прав опрашиваемого (например, добровольность дачи объяснений, неприменение мер процессуального принуждения, разъяснение прав, в том числе – права не свидетельствовать против себя самого и близких родственников; категорически запрещены насилие, угрозы и иные незаконные меры), запрет наводящих вопросов и иных действий, ставящих под сомнение достоверность полученных объяснений.

Помимо этого, общим правилом должен стать обязательный последующий допрос лица, давшего объяснения, в соответствующем процессуальном качестве. В случае расхождения содержания объяснений и показаний правоприменитель в силу принципа свободной оценки доказательств не вправе будет заранее отдавать предпочтение тем или иным сведениям; от него потребуются их всесторонняя проверка и оценка [6, с. 38–40].

Третьим важным моментом, ориентиром развития института показаний в отечественном уголовном процессе должно стать уточнение правил их оглашения на стадии судебного разбирательства. При этом,

по нашему убеждению, необходимо сохранить существующий принципиальный подход законодателя к показаниям, добытым в ходе досудебного производства, как к допустимым доказательствам (разумеется, при соблюдении закона), подлежащим самостоятельной проверке и оценке. Мы не можем согласиться с предложениями некоторых авторов кардинально перестроить существующую систему доказывания, закрепив в законе правило о том, что показания, имеющие доказательственное значение, могут быть получены только в суде [1, с. 108]. Предоставление суду возможности свободно, по своему внутреннему убеждению самостоятельно оценить все законно собранные по уголовному делу доказательства – важная гарантия постановления законного, обоснованного и справедливого приговора. Искусственно ограничивая суд в возможности использования таких доказательств, мы затрудним ему точное установление значимых обстоятельств дела, что чревато судебной ошибкой.

Что касается потребности изменений существующих правил оглашения показаний, то для демонстрации обоснованности выдвинутого тезиса приведем несколько примеров. Так, статья 276 УПК РФ, регламентирующая оглашение показаний подсудимого, не учитывает возможного наступления его смерти еще до момента дачи показаний в суде. В этом случае оглашение его прежних показаний оказывается заблокированным. Другой пример: потерпевший, успевший дать показания следователю, затем впал в кому; очевидец нападения, дав показания в качестве свидетеля, навсегда покинул Россию; при этом обвиняемый на момент их допросов еще не был установлен и, соответственно, не смог реализовать свое право задать вопросы упомянутым лицам. Сегодня в подобных ситуациях оглашать полученные показания статья 281 УПК РФ не позволяет. Полагаем, однако, что для таких исключительных случаев возможность их оглашения должна быть сохранена (как это сделано для случая смерти потерпевшего или свидетеля). Кстати, это не будет противоречить практике ЕСПЧ, требующей лишь, чтобы выводы суда о виновности подсудимого в совершении преступления не были основаны исключительно или главным образом (в решающей степени) на фактических данных, содержащихся в оглашенных показаниях, если обвиняемый (подсудимый) ранее не имел возможности их оспорить.

Четвертый ориентир: совершенствование процедуры получения показаний. Так, насущной потребностью правоприменителей является закрепление возможности использования видеоконференц-связи в ходе допроса на стадии предварительного расследования. Другое важное

дополнение – наделение руководителя следственного органа правом производить допрос без принятия дела к своему производству не только при даче согласия на обращение в суд для избрания меры пресечения, но и в других случаях, когда он признает это необходимым (такое право, напомним, есть у следователя-криминалиста).

Наконец, пятой «реперной точкой» должна стать дальнейшая разработка комплекса правовых мер, направленных на стимулирование правдивых показаний допрашиваемых лиц. В этот комплекс, на наш взгляд, входят меры поощрения, меры ответственности и меры защиты. И применительно к каждой группе мер имеются широкие возможности для дальнейшего совершенствования.

Так, обращаясь к мерам поощрения, заметим, что серьезной реформы заслуживает институт досудебного соглашения о сотрудничестве. Краеугольным камнем реформы должен стать, по нашему мнению, отказ законодателя от требования выделять уголовное дело в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в отдельное производство. Существующий подход, при котором уголовные дела в отношении такого лица и его соучастников рассматриваются отдельно, не только более затратен, но и чреват судебной ошибкой [7]; [3, с. 32–33].

Переходя к мерам ответственности, подчеркнем, что борьба с лжесвидетельством в России нуждается сегодня в переосмыслении подходов. Если за рубежом свидетель за дачу заведомо ложных показаний может на длительный срок лишиться свободы и выплатить крупный штраф, то в нашей стране его ждет лишь чисто символическое наказание (как правило, штраф в пределах нескольких тысяч рублей). Поэтому мы выступаем за серьезное усиление уголовной ответственности для лжесвидетелей и ее дифференциацию при наличии таких признаков, как, например, согласованная дача заведомо ложных показаний двумя и более лицами.

Наконец, относительно мер защиты, направленных на обеспечение безопасности дающего показания лица, также отметим необходимость дальнейшего совершенствования как уголовно-правовой (например, дополнение в статью 309 УК РФ, чтобы подкуп или принуждение обвиняемого к даче ложных показаний или к отказу от дачи показаний рассматривались как уголовно-наказуемое деяние), так и уголовно-процессуальной (уточнение правил использования псевдонима в ходе уголовного судопроизводства) составляющей названных мер.

В завершении еще раз подчеркнем, что регламентация и практика получения и использования показаний играет важнейшую роль для

всей уголовно-процессуальной деятельности. От этого напрямую зависит быстрота и точность установления значимых для дела обстоятельств, а значит и справедливость принятых решений.

Список использованных источников

1. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 304 с.
2. Зайцева С.А., Зейналова Л.М., Громов Н.А., Гуцин А.Н., Царева Н.П. Оперативно-розыскная деятельность: совершенствование форм вхождения ее результатов в уголовный процесс: Учебно-практическое пособие. 2-е изд., доп. и перераб. – М., 2004. – 118 с.
3. Кириллова Н.П. / Досудебное соглашение о сотрудничестве и проблемы доказывания в суде. Глаголь правосудия: сборник научных трудов. Иркутский государственный университет, 2010. С. 32–34.
4. Киселев П.П. Адвокатское расследование: монография. – М.: Юрлитинформ. 2019. – 272 с.
5. Новиков С.А. Понятие «показания» по новому уголовно-процессуальному законодательству: необходимые уточнения // Российский судья, 2002, № 6. С. 8–9.
6. Новиков С.А. Использование объяснений опрошенных лиц в доказывании по уголовным делам: «исключить нельзя допустить» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 3. С. 30–40.
7. Новиков С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве как основание для выделения уголовного дела // Российский судья. 2012. № 11. С. 21–24.
8. Соловьев А.Б. Актуальные проблемы досудебных стадий уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2006. – 384 с.

СУЩНОСТЬ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

В статье рассматривается правовая природа уголовно-процессуальных решений. Дается уголовно-процессуальная характеристика решений в уголовном судопроизводстве; рассматриваются нормы уголовно-процессуального законодательства при принятии уголовно-процессуальных решений.

Ключевые слова. уголовно-процессуальное решение, законность и обоснованность, принятие уголовно-процессуального решения, решение задач, решение проблем, выбор, поиск решения, принятие решения, процесс принятия решения.

Yuri V. Ovsiannikov

PhD in Law
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE ESSENCE AND LEGAL NATURE OF CRIMINAL PROCEDURAL DECISIONS

Summary: The article considers the legal nature of criminal procedure decisions. Describes the criminal procedure characteristics of decisions in criminal proceedings; it considers the norms of criminal procedure legislation when making criminal procedure decisions.

Key words: criminal procedure decision, legality and validity, criminal procedure decision-making, problem solving, problem solving, choice, solution search, decision-making, decision-making process.

В теории уголовного процесса общепризнанной является точка зрения, согласно которой уголовно-процессуальными признаются отношения (а значит, и действия и решения), которые урегулированы уголовно-процессуальным правом. Иные отношения, например связанные с регистрацией в органах внутренних дел информации о преступлениях, выставлением учетных и отчетных документов (например, статистических карточек), которые в своем большинстве определяются ведомственными нормативными актами, принято именовать организационными (непроцессуальными).

Если жестко придерживаться данной позиции, то решение следователя, например, о производстве судебно-медицинского обследования для установления характера вреда, причиненного здоровью пострадавшего, а также решение о проведении исследования веществ и объектов следовало бы отнести к числу организационных, поскольку

возможность и порядок производства этих проверочных действий определяется соответственно инструкцией, объявленной совместным приказом Министерства здравоохранения РФ и приказом МВД РФ.

Суть, наверное, в другом. Вопрос о том, могут ли именоваться уголовно-процессуальными, решения о производстве проверочных действий, необходимо рассматривать в ином ракурсе.

Не возникает сомнений в правовой природе таких решений, как истребование необходимых материалов, получение объяснений, производство осмотра места происшествия, освидетельствования, назначения и производства экспертизы, получение образцов для сравнительного исследования. Эти действия упомянуты в законе. Сложнее определить характер решений более частного порядка. Например, принимая решение о истребовании необходимых материалов (ч. 1 ст. 144 УПК), следователь должен представлять механизм осуществления этого действия: объект, формы воздействия и др. При этом возможно возникновение частных решений, например о форме истребования, форме фиксации произведенных действий и др. Прямых уголовно-процессуальных предписаний на этот счет не имеется. Однако из ряда положений закона следуют правила, которые могут быть использованы в рассматриваемых ситуациях. Так, в юридической литературе достаточно убедительно изложены соображения, основанные на смысле, духе закона, по поводу оформления факта истребования необходимых материалов протоколом [11, с.25], то есть можно признать, что и эти решения лежат в плоскости уголовно-процессуальных отношений.

В связи с обозначенными выше вопросами и, прежде чем, перейти к раскрытию сущности решений о производстве любых действий, считаем целесообразным сформулировать понятие уголовно-процессуальных решений, принимаемых в уголовном судопроизводстве, поскольку оно будет постоянно фигурировать в тексте статьи, более того, несет в ней основную смысловую нагрузку.

Чтобы определиться с этим, обратимся к семантике слова «решение», точкам зрения ученых-процессуалистов на сущность уголовно-процессуальных решений, и, наконец, на основе синтеза этих взглядов сформируем понятие и правовую природу принятия уголовно-процессуальных решений. Термин «решение» активно используется в целом ряде словосочетаний, таких как «решение задач», «решение проблем», «выбор, поиск решения», «принятие решения», «процесс принятия решения» и др. но, несмотря на необычайно широкое употребление, термин «решение» не имеет четкого и однозначного определения в мире науки. В самом общем смысле «решение» понимается как процесс и результат выбора цели и способа действия.

В русском языке слово «решение» употребляется в двух значениях. Во-первых, как мыслительный процесс по уяснению особенностей существующей ситуации, выявлению в ней проблемы, постановки цели, определению путей и средств ее достижения и т.д. Во-вторых, как один из необходимых моментов волевого действия, состоящий в выборе цели действия и способов его выполнения. Волевое действие предполагает предварительное осознание цели и средств действия, мысленное совершение действия, предшествующее фактическому действию, мысленное обсуждение оснований, говорящих за или против его выполнения и т.п. Этот процесс заканчивается принятием решения [12, с. 455].

В общем, употреблении «решение» понимается, как «выбор цели и способа ее достижения» [16, с. 164], «формирование последовательности действий для достижения определенной цели на основе преобразования некоторой информации об исходной ситуации» [4, с. 16], «момент выбора, когда из множества возможностей предпочитается одна, которая позволяет добиться наибольшей эффективности» [1, с. 7], «осознанное предвосхищение будущих результатов действия» [13, с. 82].

Решение – это составная часть любой деятельности человека. В теории социального управления под решением понимается: 1) нахождение ответа на какой-либо вопрос в процессе исследования в той или иной сфере человеческой деятельности; 2) волевой акт, выражающий осознанное намерение действовать определенным образом в личных интересах, это так называемое личное решение [20, с. 189].

Аналогичное определение принимается за исходное и в науке управления. «Под решением понимается, – пишет Г.А. Туманов, – один из необходимых элементов волевого действия, состоящий в выборе цели действия и способов ее достижения» [14, с. 143].

Возникает вопрос, какое же из приведенных определений более применимо к уголовно-процессуальной деятельности? Ответ на этот вопрос может быть получен путем анализа определений решения. В общем виде элементами решения являются: 1) мыслительный процесс; 2) волевое действие; 3) выбор цели действия; 4) принятие решения – конечный результат.

Выделенные элементы решения формулируются и при попытке охарактеризовать задачи, стоящие перед следователем в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: «осмысливание и анализ имеющейся информации; формирование цели решения задачи с учетом конкретной ситуации, а также уголовно-процессуальных и уголовно-

правовых требований; выявление всех возможных вариантов решения; выбор решения с применением соответствующих методов и его процессуальная регламентация; планирование исполнения решения»[3, с. 52].

Думается, при рассмотрении процесса принятия решения следует учитывать два момента. Первый заключается в том, что принимать решения вообще, как правило, легко. Все, что при этом делает лицо, уполномоченное на осуществление уголовно-процессуальной деятельности, сводится к выбору направления действий. Трудно принять правильное решение. Второй момент состоит в том, что принятие решения – это психологический процесс. Все мы по опыту знаем, что человеческое поведение не всегда логично. Иногда нами движет логика, иногда – чувства. Поэтому не удивительно, что способы, используемые следователем для принятия решений, варьируются от спонтанных до высоко логических. Принятие решения – это мыслительный процесс, в котором наиболее полно проявляется и выражается волевой акт, включающий в себя появление в сознании человека новых целей, оценок, мотивов, установок и смыслов.

Решения можно подразделить на интуитивные и основанные на суждениях. Интуитивное решение в чистом виде – это выбор, сделанный на основе только ощущения того, что он правилен. Лицо, принимающее решение, не занимается при этом сознательным взвешиванием «за» и «против» по каждой альтернативе и не нуждается даже в понимании ситуации. То, что мы называем озарением или шестым чувством, и есть интуитивное решение. Решение, основанное на суждениях, – это выбор, обусловленный знаниями и накопленным опытом. Человек использует знания о том, что случилось в сходных ситуациях ранее, чтобы спрогнозировать результат альтернативных вариантов выбора в существующей ситуации. Опираясь на здравый смысл, он выбирает альтернативу, которая принесла правильный результат в прошлом.

Первый этап решения – это возникновение вопроса (кто? когда? зачем? почему?). Поиск ответа на вопрос и есть начало формирования решения. Важность, актуальность, правильность и своевременность вопроса во многом определяет значимость, целесообразность и ценность совершаемой далее мыслительной работы. Постановка вопроса в сознании лица, осуществляющего уголовно-процессуальную деятельность, происходит не стихийно, а под влиянием какого-либо мотива, какой-либо потребности или обязанности. Иногда причиной его возникновения бывает также изменение условий или обстановки, в которых это лицо находится.

Вторым этапом является выработка гипотезы. Гипотеза здесь понимается как предварительный ответ на возникший вопрос. В ответственных видах деятельности, к которым, безусловно, относится уголовно-процессуальная, целесообразно, чтобы гипотеза была наиболее «угрожаемой», наиболее неблагоприятной для того, кто принимает решение, попросту говоря, лучше ожидать и готовиться к худшему. У лица, производящего дознание, следователя, прокурора, судьи в данном случае должна возникнуть гипотеза: «совершено преступление». При подобном предположении они вынуждены будут принять необходимые в таком случае меры. Эти меры не принесут вреда даже в той ситуации, когда сигнал был вызван какой-нибудь другой, менее значительной причиной. Было бы хуже, если бы они приняли в данном случае гипотезу, не связанную с нарушением закона.

Третий этап состоит в собирании материалов для проверки гипотезы. В рассматриваемом нами случае лицо, уполномоченное на ведение уголовно-процессуальной деятельности, делает это при помощи средств и способов, закрепленных в законе, а также при помощи средств и способов, выработанных практикой, не входящих в противоречие с законодательством.

Проверка гипотезы на основе собранных материалов является четвертым этапом решения. В зависимости от того, подтвердилась или не подтвердилась гипотеза, выводы о практических действиях реализуются в соответствующем решении.

При проверке гипотезы необходимо быть уверенным в достоверности и полноте собранных сведений. Если такой уверенности нет, неизбежны колебания, сомнения, а неправильные выводы и решения могут свести на нет всю проделанную работу и привести к крупным просчетам и ошибкам, что неизбежно повлечет за собой нарушение принципов законности, всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела и т.д.

Достоверность, как совершенно верно отмечает О.Н. Шекшуева: «это полученное следователем, органом дознания, прокурором или судом в рамках уголовно-процессуальных правоотношений и обусловленное выполнением задач конкретного этапа расследования или судебного рассмотрения, выраженное в предусмотренной уголовно-процессуальным законом форме обоснованное знание о существовании и характере уголовно-правового отношения» [17, с. 15].

Уголовно-процессуальное решение – это, как правило, выбор альтернативы, осуществленный лицом, производящим дознание, следователем, прокурором и судьей в рамках их должностных полномо-

чий и компетенции, направленный на достижение целей уголовного судопроизводства.

В первую очередь данный вывод относится к приговору, в котором даются ответы на основные вопросы любого уголовного дела – виновно ли лицо в совершении преступления, подлежит ли оно наказанию.

Уголовно-процессуальное законодательство не раскрывает понятие уголовно-процессуального решения. Вся деятельность по применению права выражается в правоприменительных актах, т.е. в промежуточных или завершающих юридических действиях уполномоченного на то органа (лица), порождающих те или иные последствия в ходе применения права. Причем наиболее активной формой реализации норм уголовно-процессуального права является применение их именно специально уполномоченными на то органами государства, должностными лицами (следователем, органом дознания, прокурором, судом). Остальные участники уголовного судопроизводства (обвиняемый, потерпевший, гражданский истец и др.), ставя вопросы о необходимости правоприменения, исполняя, соблюдая и используя нормы права, оказывают лишь вспомогательное воздействие в правоприменении.

В целом уголовно-процессуальная правоприменительная деятельность представляет из себя систему действий, но данная система достаточно неоднородна. В процессе расследования и разрешения уголовного дела следователь, орган дознания, прокурор, суд осуществляют очень широкий спектр деятельности. Как отмечалось ранее, условно ее можно подразделить на непроцессуальную (связанную с решением организационных вопросов) и процессуальную (выражающуюся непосредственно в применении уголовно-процессуальных норм).

Организационная деятельность, хотя и связана тесно с производством по делу, но имеет вспомогательный характер и в подавляющем большинстве случаев не регулируется уголовно-процессуальным правом. Поэтому было бы ошибочным данный вид деятельности рассматривать как применение права.

Процессуальная деятельность подразделяется на принятие процессуальных решений (например, о возбуждении уголовного дела, о применении меры пресечения, вынесение приговора) и осуществление уголовно-процессуальных действий. Последние, в свою очередь, представлены следственными, судебными и иными процессуальными действиями.

Кроме того, уголовно-процессуальное законодательство иногда устанавливает относительно жесткие связи в системе правоприменительной деятельности, определяет последовательное выполнение от-

дельных процессуальных действий. Например, производство следственных действий допускается только после принятия решения о возбуждении уголовного дела; после ознакомления лица с постановлением о привлечении его в качестве обвиняемого должен следовать допрос обвиняемого и т.п.

С учетом изложенного представляется, что термином «решение» в уголовном процессе следует обозначать только конечный результат определенной известной мыслительной деятельности, включающий в себя несколько характерных этапов. Поэтому мы поддерживаем точку зрения А.Б. Ломидзе, что «принятие решения» есть процесс, а «решение» – результат, конечный продукт этого процесса [6, с. 16].

Уголовно-процессуальное решение – это, как правило, выбор альтернативы, осуществленный дознавателем, следователем в рамках их должностных полномочий и компетенции, направленный на достижение целей уголовного судопроизводства [9, с. 14–16].

Все решения в уголовном судопроизводстве обладают определенными чертами, характерными для субъекта, их принимающего. П.А. Лупинская выделяет следующие черты, которые присущи всем процессуальным решениям, относящимся к решениям следователя:

– *выносятся только государственными органами и должностными лицами, ведущими уголовное судопроизводство, в пределах их компетенции. Решения следователя принимаются непосредственно следователем, а также прокурором и начальником следственного отдела в тех случаях, когда эти лица (прокурор и начальник следственного отдела) сами проводят расследование;*

– *выражают властное веление органов государства (прокуратуры, МВД), являются формой реализации своих (т.е. следователя) полномочий и в качестве таковых порождают, изменяют или прекращают уголовно-процессуальные отношения;*

– *содержат ответы на правовые вопросы;*

– *выносятся в установленном законом порядке и выражены в определенной законом форме [7, с. 9–18].*

В п. 33 ст. 5 УПК РФ разъясняется наименование отдельных процессуальных решений. Они могут быть выражены в форме постановления (п. 25 ст. 5 УПК РФ), определения (п. 23 ст. 5 УПК РФ), вердикта (п. 5 ст. 5 УПК РФ), определения (п. 27 ст. 5 УПК РФ), приговора (п. 28 ст. 5 УПК РФ). Их различают по органам, лицам, их принимающим, по кругу вопросов, по процессуальному порядку их принятия и форме изложения. Например, постановление – это любое решение, за исключением приговора, вынесенное судьей единолично; решение вы-

несенное президиумом суда при пересмотре соответствующего судебного решения, вступившего в законную силу; решение прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя, вынесенное при производстве предварительного расследования, за исключением обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления.

Решение в уголовном процессе – это основанный на праве акт. Большинство авторов, исследовавших данный вопрос, сходятся в утверждении о том, что решение следователя представляет собой акт правоприменительной деятельности [18, с. 49], [2, с. 71]. По мнению П.Е. Недбайло, решение – это индивидуальный акт применения права [10, с. 112].

Постановление следователя – наиболее распространенный вид процессуальных актов, содержащих или отражающих процессуальное решение по делу. УПК РСФСР (ч. 5 ст. 127), в свое время, устанавливал общие указания об обязательности вынесенных следователем постановлений при условии их соответствия закону. «Постановления следователя, вынесенные в соответствии с законом по находящемуся в его производстве уголовному делу, обязательны для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами».

Таким образом, постановление следователя обладает свойством общей обязательности для всех, однако при условии, если оно вынесено в соответствии с законом и удовлетворяет предъявленным к нему требованиям. Иначе оно не обязательно для тех лиц, в отношении которых оно вынесено.

Решения, принимаемые в ходе уголовно-процессуальной деятельности, по форме могут быть весьма различными. Наиболее распространенной формой их закрепления является постановление. Под постановлением принято понимать документ, в котором фиксируется решение следователя (постановление о возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого, о производстве обыска, выемки и т.д.). То есть в данном случае речь как раз идет об одном из процессуальных актов, составляемом в стадии возбуждения уголовного дела, в стадии предварительного расследования и являющемся письменнодокументальным выражением решения органа предварительного расследования.

По убеждению Ю.В. Манаева, к решениям можно также отнести представление (ст. 140 УПК РСФСР), обвинительное заключение (ст. 205 УПК РСФСР), поручение и указание (ст. 127 УПК РСФСР), так как

во всех этих процессуальных актах содержатся решения процессуальных и материально-правовых вопросов, возникающих в ходе расследования уголовного дела [5, с.6]. М.А. Чельцов именует «решениями» приговор, определение, постановление суда [15, с. 386]. Представляется, что в данном случае авторы ведут в большей степени речь о формах решений, которые могут выражаться в представлении, поручении и т.д.

П.А. Лупинская, раскрывая сущность решения, дает следующее его определение: «Под уголовно-процессуальным решением следует понимать правовые акты, облеченные в установленную законом процессуальную форму, в которых органы дознания, следователь, прокурор, судья или суд, в пределах своей компетенции, в определенном законом порядке дают ответы по возникающим по делу вопросам и содержат властное волеизъявление о действиях, вытекающих из установленных обстоятельств и предписаний законов, направленных на достижение задач уголовного судопроизводства»[8, с. 11].

Ю.В. Манаев сформулировал определение, согласно которому решение следователя – это направленные на достижение целей уголовного судопроизводства правоприменительные акты, которые отвечают требованиям законности и обоснованности и содержат обязательные для исполнения властные волеизъявления и выводы по правовым вопросам, возникающим в процессе возбуждения и расследования уголовного дела [5, с. 12].

В приведенных определениях авторы раскрывают лишь сущность формы решения как документа, находящейся в неразрывной связи с теми правовыми требованиями, которым должно отвечать содержание решения для признания его законным, обоснованным, справедливым. Содержание решения в уголовном процессе должно определяться совокупностью фактических обстоятельств, имеющейся в материалах дела, правовыми требованиями, предъявляемыми к нему, и процессуальной формой, установленной для правовых актов.

Сущность же уголовно-процессуальных решений, принимаемых в стадии возбуждения уголовного дела, на наш взгляд, состоит в том, что они представляют собой властное волеизъявление лица, ведущего уголовное судопроизводство, и в том, что составляет их процессуальную специфику. Она характеризуется тем, что в досудебных стадиях уголовного процесса наряду с решениями, требующими письменного выражения и оформления, имеется ряд решений, для которых законодатель не выдвигает никаких требований, но они от этого не теряют своего уголовно-процессуального значения. Такие решения могут быть либо устными, либо принимаемыми на основе ведомственных нормативных актов (приказы, инструкции, указания, распоряжения).

Под принятием уголовно-процессуальных решений в досудебных стадиях уголовного процесса необходимо понимать процесс мыслительной деятельности правоприменителя, направленный, прежде всего, на отыскание путей и средств достижения непосредственных целей уголовного судопроизводства. Иначе говоря, уголовно-процессуальные решения должны включать в себя определение целей реализации процессуальных норм, регулирующих порядок производства в в досудебных стадиях уголовного процесса.

Проанализировав уголовно-процессуальное законодательство, можно утверждать, что наиболее важные и существенные уголовно-процессуальные решения закреплены в УПК РФ. Это, прежде всего, решение о возбуждении уголовного дела (ст. 146 УПК РФ), решение об отказе в возбуждении уголовного дела (ст. 148 УПК), решение, принимаемое прокурором при осуществлении надзора за законностью возбуждения уголовного дела (ст. 37 УПК РФ); решение мирового судьи о приеме жалобы потерпевшего к производству (ст. 318 УПК РФ), об отказе в приеме жалобы к производству по делам частного обвинения, если она не отвечает требованиям, изложенным в ст. 319 УПК РФ и т.д.. Но с учетом особенностей законодательной регламентации досудебных стадий, принятия отдельных решений может и не быть. В этом случае в качестве критерия, позволяющего отнести решение к числу уголовно-процессуальных, будет выступать направленность этого акта на достижение непосредственных целей уголовного процесса.

Подытоживая сказанное, но не претендуя на формулирование определения, подчеркнем, что под уголовно-процессуальными решениями в досудебных стадиях уголовного процесса мы понимаем властные волеизъявления дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и судьи, направленные на достижение назначения уголовного судопроизводства.

Список использованных источников

1. Анохин, П.К. Проблема принятия решения в психологии и физиологии / П.К. Анохин // Проблемы принятия решения. – С.7.
2. Дубинский, А.Я. Исполнение процессуальных решений следователя. Правовые и организационные проблемы / А.Я. Дубинский. – Киев, 1978. – 26 с
3. Дулов, А.В. Основы психологического анализа на предварительном следствии / А.В. Дулов. – М., 1973.- С.52.
4. Завалишина, Д.Н. Уровни и этапы принятия решения / Д.Н. Завалишина, Б.Ф. Ломов, В.Ф. Рубахин // Проблемы принятия решения. – С.16.
5. Манаев, Ю.В. Законность и обоснованность процессуальных решений следователя в советском уголовном судопроизводстве / Ю.В. Манаев. – Волгоград, 1977. – С.6.

6. Ломидзе, А.Б. Прокурорский надзор за законностью и обоснованностью принимаемых следователем процессуальных решений / А.Б. Ломидзе. – М., 2000. – С. 16.
7. Лупинская, П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и форма / П.А. Лупинская. – М., 1976. – С. 9–18.
8. Лупинская, П.А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве / П.А. Лупинская. – М.: Юрайт, 2006. С.11.
9. Марфицын, П.Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект) / П.Г. Марфицын: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 14 – 16.
10. Недбайло, П.Е. Применение советских правовых норм / П.Е. Нелбайло. – М., 1960. – С.112.
11. Николук, В.В. Истребование предметов документов в стадии возбуждения уголовного дела / В.В. Николук, В.А. Кальницкий, В.Г. Шаламов. – Омск, 1990. – С. 25.
12. Ожегов, С.В. Словарь русского языка / С.В. Ожегов. – М., 1972. – С.626; Большая советская энциклопедия. – М., 1955. – Т. 63. – С.455.
13. Тихомиров, О.К. Принятие решения как психологическая проблема / О.К. Тихомиров // Проблемы принятия решения. – С.82.
14. Туманов, Г.А. Организация управления в сфере охраны общественного порядка / Г.А. Туманов. – М., 1972. – С.143.
15. Чельцов, М.А. Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов. – М., 1969.- С.386.
16. Швырков, В.Б. Нейропсихологические механизмы принятия решения // Проблемы принятия решения / В.Б Швырков. – М., 1976. – С.164.
17. Шекшуева, О.Н. Вероятность и достоверность в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования / О.Н. Шекшуева: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – М., 1998. – С.15.
18. Шейфер, С.А. Следственные действия: система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. – М., 1981. – С.49;
19. Якуб, М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве / М.Л. Якуб. – М., 1981. – С.8.
20. Яськов, Е.Ф.. Теория и практика социального управления: Словарь-справочник / Е.Ф. Яськов. – М., 1997. – С.189.

В.В. Петров

кандидат медицинских наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургский государственный университет

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ЯТРОГЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

В статье рассматриваются некоторые криминалистические аспекты стадии возбуждения уголовного дела при получении сведений о совершении ятрогенных преступлений. Затрагиваются вопросы о видах проверочных действий, необходимых в процессе проверки сообщений о преступлениях указанного вида.

Ключевые слова. ятрогенные преступления, расследование ятрогенных преступлений, криминалистические аспекты проверки сообщений о ятрогенных преступлениях

Vadim V. Petrov

Candidate Sci. in Medicine,
Associate Professor
Criminal procedure and Criminalistics Department
St. Petersburg State University

CRIMINALISTIC FEATURES OF THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE ON IATROGENIC CRIMES

Summary: The article deals with some criminalistic aspects of the stage of initiation of a criminal case when obtaining information about the commission of iatrogenic crimes. Questions are raised about the types of verification actions required in the process of verifying reports of crimes of this type.

Keywords: atrogenic crimes, investigation of iatrogenic crimes, forensic aspects of checking reports of iatrogenic crimes

Некоторые из видов преступных посягательств на жизнь или здоровье человека, осуществляемых медицинскими работниками, впервые были обозначены В.Д. Пристансковым в 1996 году термином ятрогенные преступления [1, с. 179 – 180]. Данный автор определил их как разновидность преступных посягательств на жизнь или здоровье человека, совершаемых медиками вследствие ненадлежащего оказания или неоказания медицинской помощи гражданам. [2, с. 7].

В настоящее время ятрогенные преступления встречаются довольно часто и представляют собой значительную проблему для правоохранительных органов. Так, например, в 2016 году в Следственный комитет поступило почти 5 тыс. сообщений о преступлениях, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской

помощи. В 2017 году – более 6 тысяч. В результате в 2016 году было возбуждено 878 уголовных дел против врачей, а в 2017 году таких дел было возбуждено уже 1791. [3, с. 20]. Кроме того, ятрогенные преступления обладают свойством повышенной значимости для населения, о чем справедливо пишет Е.В. Епифанова, делая вывод: "В силу большой общественной опасности с преступлениями в сфере здравоохранения нельзя не бороться." [4, с. 48].

Расследование любого из видов преступлений начинается с поступления в правоохранительные органы одного из поводов, предусмотренных ч. 1 ст. 140 УПК РФ, на базе которого начинается сбор данных, являющихся основанием для возбуждения уголовного дела. Данное положение в полном мере относится и к стадии возбуждения уголовного дела по ятрогенным преступлениям.

Так, доктор юридических наук, профессор А.И. Бастрыкин особо отмечает в числе поводов к возбуждению дела заявления и жалобы граждан или учреждений. Если при этом в поводах не содержится очевидных признаков преступления, то может быть проведена предварительная проверка, которая, как правило, заключается в истребовании документов, уточнении отдельных фактов, получении объяснений, ознакомлении с деятельностью предприятия или учреждения. [См.: 5, с. 696]. Указанное положение имеет особое значение на стадии возбуждения по делам о ятрогенных преступлениях. Ведь чаще всего факт совершения ятрогенного преступления проявляется именно в жалобах либо пострадавшего, либо его родственников, что и влечет необходимость осуществления проверки. При начале проверочных действий по заявлениям о преступных действиях врачей можно выделить следующие ситуации. 1. В заявлениях или жалобах граждан имеются сведения, которые с очень большой вероятностью указывают на факт совершения ятрогенного преступления. 2. В заявлениях или жалобах имеются сведения, которые могут указывать на противоправность действий врача. Но дать им однозначную оценку как преступным и именно ятрогенным без различных проверочных действий не представляется возможным. 3. Приводимые в заявлении или жалобе сведения таковы, что их в принципе возможно проверить только путем производства судебно-медицинской экспертизы и никакими иными проверочными действиями.

Следует отметить, что ятрогенные преступления часто отличаются сложностью в плане определения направлений сбора первоначальных сведений при осуществлении проверочных действий, предусмотренных ст. 144 УПК РФ. Значительные затруднения для следова-

теля часто представляет уяснение информации первичной чисто медицинского характера. Это вытекает из указанного обстоятельства, необходимость которого отмечает В.Д. Пристанков: "Криминалистическому анализу подвергается информация, содержащаяся в медицинских документах, его цель – установить объем МП [медицинской помощи – В. Петров] и ее адекватность состоянию пациента." [6, с. 606]. Заметим, что изучение такого рода информации уже с самого начала проверочных действий лучше всего производить совместно со специалистом в области соответствующих разделов медицинской науки.

Для того, чтобы яснее представить криминалистические аспекты проблемы, необходимо учитывать задачи уголовного процесса, решаемые на рассматриваемом этапе. Например, Г.Н. Ветрова так пишет о задачах доследственной проверки: "Задачи первоначального этапа процессуальной деятельности, каким является стадия возбуждения уголовного дела, не предполагают достоверного установления всех обстоятельств совершения преступления. Отсюда и необходимые ограничения допускаемых следственных действий." [7, с. 123]. Здесь можно видеть, что возникает некая странность. С одной стороны для принятия решения о возбуждении уголовного дела требуется хоть какая-то, пусть и относительная, но все же значительная степень достоверности сведений. А возможности для сбора таких сведений и проверки их достоверности законодатель применительно к этой стадии процесса резко ограничил. Поэтому напрашивается вывод о том, что на стадии возбуждения уголовного дела возникают затруднения, имеющие не только уголовно-процессуальный, но и явный криминалистический характер.

Несомненное криминалистическое значение имеет и увеличение общего количества преступлений в нашей стране по сравнению с ранее существовавшими цифрами. Так, А.И. Александров указывает на гигантский скачок регистрируемой преступности в РФ, который произошел по сравнению с СССР 1950 – 1960-х годов и приводит несколько причин этого явления [8, с. 152 – 159]. Одновременно при этом обращается внимание на то обстоятельство, что количество совершаемых преступлений значительно превышает количество зарегистрированных: "В 2005 г. количество зарегистрированных преступлений в нашей стране составило более 3,5 млн. (а это, как мы помним, почти в семь раз больше, чем в 1956 г. в целом по СССР). ... Реально же, по оценкам криминологов, в современной России ежегодно совершается порядка 10 – 12 млн. преступлений." [8, с. 160 – 161]. Очевидно, что это отмеченное А.И. Александровым соотношение между зарегистрированными

ми и реально совершенными преступлениями в полной мере относится и к ятрогенным преступлениям, о чем уже говорилось выше.

Ю.Ф. Ибатулина отмечает, что ""Теневой" медицинский бизнес и медицинские преступления являются интернациональной бедой ... в правоприменительной практике последних лет все чаще возникают уголовные и гражданские процессы против "человека в белом" и организаций здравоохранения ..." [9, с. 132]. Данное положение сочетается с другим, высказанным этим же автором. В нем Ю.Ф. Ибатулина утверждает об огромных масштабах распространения ятрогенных преступлений. "Проблема ненадлежащего оказания медицинской помощи сегодня сверхактуальна и в то же время на сегодняшний день недостаточно изучена с точки зрения клинических, экспертных и правовых позиций. Вместе с тем отдельные научные исследования, проведенные за рубежом и в нашей стране, выявили не просто высокий уровень распространенности этого негативного явления, а ... настоящую "молчаливую эпидемию"." [9, с. 132].

При проверке сообщений о преступлениях необходимо помнить о следующих важных свойствах такого часто используемого инструмента, как объяснения лиц. "... сведения, содержащиеся в объяснениях, в настоящий момент нельзя использовать для обоснования принимаемых процессуальных решений. Мы также высказываемся против признания объяснений иными документами по уголовному делу, так как сведения, зафиксированные в них, имеют характер показаний и должны обладать соответствующим статусом, только после чего их возможно использовать в качестве доказательств." [10, с. 15]. В целом можно согласиться с позицией этих авторов. Но с одной серьезной оговоркой. Ведь достаточно часто именно на основе сведений, содержащихся в объяснениях, принимается важное процессуальное решение в виде возбуждения уголовного дела. Поэтому нельзя исключать использование объяснений как основание для принятия процессуальных решений. А при осуществлении проверки сообщений о совершении ятрогенных преступлений целесообразно отдавать предпочтение таким способам проверочных действий, результаты которых в дальнейшем будут иметь процессуально значимый характер. Поэтому такие результаты можно будет использовать в качестве доказательств по возбужденному уголовному делу. Следовательно, на стадии возбуждения уголовного дела, методы проверки, сразу дающие доказательства, в дальнейшем на стадии предварительного расследования сократят затраты труда и времени следователя. А данное обстоятельство имеет первостепенное криминалистическое значение, в том числе, при расследовании ятрогенных преступлений.

Необходимо понимать, что деятельность по проверке сообщений о совершенных преступлениях, в том числе, ятрогенных, на стадии возбуждения уголовного дела носит уголовно-процессуальный характер. Приведенное положение вполне убедительно доказывается следующими обстоятельствами. 1. Эта деятельность осуществляется только должностными лицами, имеющими право принимать решения, носящие уголовно-процессуальный характер. 2. Данный вид деятельности в конечном итоге направлен на принятие решений, носящих уголовно-процессуальный характер. 3. Условия, при которых только и может начинаться проверочная деятельность, сформулированы в УПК РФ как поводы. 4. Ряд способов проверки сообщений о преступлениях прямо предусмотрены УПК РФ как следственные действия. 5. Отсюда, часть или значительное количество результатов деятельности по проверке указанных выше сообщений являются протоколами следственных действий, то есть имеют четко выраженную уголовно-процессуальную форму доказательств. Резюмируя это следует признать, что без использования положений криминалистической науки, нельзя осуществлять действия по проверке информации о совершении ятрогенных преступлений.

Следует согласиться с мнением В.А. Джемелинского и А.И. Натуры, которые подвергают обоснованной критике и считают ошибочными положения о том, что "рекомендации по рассмотрению первичных материалов и возбуждению уголовного дела должны относиться к науке уголовного процесса, а не к методике расследования и не к криминалистике вообще". [11, с. 86]. В своей работе указанные авторы приходят к принципиально важному выводу: "Подчеркивая уголовно-процессуальное значение проверочных действий, необходимо отметить и то, что они, по нашему мнению, носят также и криминалистический характер, поскольку направлены на исследование и оценку полученной информации о преступлении ..." [11, с. 85 – 86].

Следует понимать, что дела о ятрогенных преступлениях отличаются выраженными затруднениями в сборе достоверной доказательственной информации и, соответственно, большой сложностью доказывания события преступления. А это обстоятельство, в свою очередь, влечет за собой и серьезные проблемы для этапа возбуждения уголовного дела данной категории.

А.И. Дикунов и В.Я. Колдин придают особое значение при расследовании преступлений как живым людям, так и целым трупам, либо фрагментам последних, именно с точки зрения содержания в них необходимой для расследования информации. "Особыми источниками ве-

щественной информации являются живые лица, трупы и их части. В случаях, когда для решения задач розыска, диагностики, идентификации существенное значение имеют предметные свойства живых лиц и трупов, на них распространяется статус вещественных источников информации и правила их осмотра, фиксации, исследования." [12, с. 7 – 8]. Необходимо подчеркнуть, что живые люди, трупы и части трупов как носители информации имеют особо важное значение при расследовании ятрогенных преступлений, в том числе, на этапе возбуждения уголовного дела.

Совершенно очевидным для всех сотрудников следственных органов и очень важным составляющим их криминалистической деятельности в процессе доследственной проверки по делам о совершении ятрогенных преступлений является обнаружение идеальных следов. Данный вид следов обнаруживается в процессе получения объяснений от лиц, привлекаемых к проверочным действиям. При этом необходимо отметить следующее обстоятельство, важность которого проявляется уже с самого начала действий по проверке сообщения о преступлении. "Особой проблемой является определение истинности и ложности идеальных следов." [13, с. 487]. Здесь необходимо заметить, что трудность проверки сообщений о ятрогенных преступлениях заключается в следующем обстоятельстве. Многие осведомленные лица из числа врачей будут давать неискренние объяснения, то есть, ложные идеальные следы. В подобных случаях, даже предполагая ложность идеальных следов, многие следователи, исходя из специфики врачебных профессий, не знают, какие именно "недостающие данные" следует истребовать. То есть, можно утверждать, что серьезной проблемой является установление степени достоверности информации, содержащейся в объяснениях любого лица, получаемой в ходе доследственной проверки. Особенно это касается той информации, особенно медицинского плана, которая в дальнейшем послужит основанием для принятия процессуального решения как итога стадии возбуждения уголовного дела.

Р.С. Белкин с позиций опытного криминалиста подробно рассматривает вопрос о следственных ошибках, которые происходят на досудебном этапе уголовно-процессуальной деятельности [14, с. 175 – 186]. Но при этом данный автор ничего не пишет относительно тех ошибок, которые могут быть допущены на этапе доследственной проверки. На наш взгляд, результатами ошибок на этом этапе часто являются необоснованные (с позиции объективно существующей действительности, а не с формально-правовой) отказы в возбуждении уголовного дела. Следует отметить, что высокая латентность ятрогенных преступ-

лений, как представляется, должна обуславливать и большое количество ошибок такого рода именно в виде необоснованных (хотя и формально мотивированных) отказов в возбуждении уголовного дела.

Признаки преступления на стадии возбуждения уголовного дела нередко выявляются именно непроцессуальными средствами поиска этих признаков. Поэтому, в итоге, результаты такого поиска, полученные непроцессуальными средствами, в дальнейшем не могут использоваться как доказательства по уголовному делу на стадиях предварительного следствия и судебного рассмотрения дела. То есть, на стадии возбуждения уголовного дела процесс доказывания носит фрагментарный характер именно по причине ограниченной возможности использования следственных действий. Ведь на стадии возбуждения уголовного дела законодатель допускает производство не всех перечисленных в УПК РФ видов следственных действий, а только некоторых из них. При этом, с позиций криминалистики, поиск следов любого преступления, в том числе, ятрогенного, следует начинать сразу после получения любого вида сообщения о преступлении и продолжать на протяжении всей стадии возбуждения уголовного дела. И отдавать предпочтение именно тем видам проверочных действий, которые будут представляться наиболее результативными для целей сбора материальных и идеальных следов того вида ятрогенного преступления, совершение которого предполагается.

Согласно заслуживающей внимания точке зрения А. Золоева, большое количество медицинских специальностей и видов медицинских технологии влечет за собой и качественное многообразие видов ятрогении. Это обстоятельство усложняет проведение проверочных мероприятий. В то же время существующие общие закономерности в виде критериев и признаков ятрогении, а также специфических особенностей самой медицинской деятельности позволяют определить базовый алгоритм действий работника правоохранительных органов при проведении проверки по установлению ятрогении. [15, с. 25]. Иными словами, речь в данном случае идет о выработке именно криминалистических алгоритмов проверочных действий.

По нашему мнению, в ходе проверки сообщения о совершении ятрогенного преступления, разумеется, следует вести поиск информации о любых дефектах медицинской помощи. Но, при этом, наибольшее значение в первую очередь следует уделять тем дефектам медицинской помощи, сведения о которых будут явно достаточными для возбуждения уголовного дела. Информацию об остальных же, менее явных, дефектах медицинской помощи следует проверять уже после возбуждения уголовного дела, в процессе предварительного следствия.

Ч. 1 ст. 144 УПК РФ предусматривает. "... При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. (часть 1 в ред. Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ)" Из всех перечисленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ проверочных действий, наиболее целесообразными по делам о ятрогенных преступлениях будут: получение объяснений, истребование документов и изъятие их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначение судебно-медицинских экспертиз с получением заключения эксперта в разумный срок, производство осмотров документов, предметов, трупов, освидетельствований. В ряде случаев также будет необходимым требовать производства исследований документов с привлечением к участию в этих действиях специалистов.

Список использованных источников

1. Пристансков В.Д. Проблемы выявления неосторожных преступлений в медицине. // Проблемы прокурорской и следственной деятельности в сфере борьбы с преступностью в современных условиях. Международная научно-практическая конференция 5 – 6 июля 1996 г.: Тезисы выступлений. – СПб., 1996. – С. 179 – 180.
2. Пристансков В.Д. Криминалистическая теория расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи. Монография. – СПб., 2007. – 358 с.
3. Грацинская Ирина. Врачей предлагают судить за ошибки. Медбрак // Наша версия. № 29 (654). 30.07 – 05.08.2018. С. 20 – 20.
4. Епифанова Е.В. Общественная опасность преступлений в здравоохранении / В сб.: Медицина и право. Т. 3 / Под общ. ред. И.М. Акулина. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2012. – 268 с. – С. 45 – 48.
5. Криминалистика: Учебник / Под ред. И.Ф. Крылова, А.И. Бастрыкина. – М.: Дело, 2001. – 800 с.
6. Криминалистика: учебник / коллектив авторов; под ред. Т.А. Седовой, С.П. Кушниренко, В.Д. Пристанкова. – Москва: ЮСТИЦИЯ, 2019. – 712 с.

7. Ветрова Г.Н. Возбуждение уголовного дела в аспекте содержания уголовно-процессуальных функций обвинения и защиты / В кн.: Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексева (г. Санкт-Петербург, 28 – 29 июня 2014 года) / Под ред. Н.Г. Стойко. – СПб.: Издательство "Юридический центр", 2015. – 582 с. – С. 120 – 127.
8. Александров А.И. Философия зла и философия преступности. Вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2013. – 598 с.
9. Ибатулина Ю.Ф. Разграничение врачебной ошибки и ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей медицинскими работниками // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 1(13). С. 132–135.
10. Гайдышева М. Г., Воскобойник И.О. Актуальные проблемы реализации некоторых новых положений УПК РФ в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2(32). С. 14 – 18.
11. Джемелинский В. А., Натура А.И. Первоначальный этап расследования надругательства над телами умерших и местами их захоронений. Учебно-практическое пособие / Под общ. ред. А.И. Натура. – М.: Издательство "Юрлитинформ", 2006. – 160 с.
12. Вещественные доказательства: Информационные технологии процессуального доказывания / Под общ. ред. д. ю. н., проф. В.Я. Колдина. – М.: Издательство НОРМА, 2002. – 768 с.
13. Петров В.В. Классификация идеальных следов в криминалистике / В кн.: Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексева (г. Санкт-Петербург, 28–29 июня 2014 года) / Под ред. Н.Г. Стойко. – СПб.: Издательство "Юридический центр", 2015. – 582 с. – С. 486 – 492.
14. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М), 2001. – 240 с.
15. Золоев А. Алгоритм проверочных мероприятий по установлению ятрогении // Законность. 2009. № 5. С. 25 – 28.

Я.М. Плошкина

канд. юрид. наук,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики ЮИ СФУ (Красноярск)

О ПОНЯТИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются различные подходы к пониманию уголовно-правового конфликта и предлагается авторское определение уголовно-правового конфликта как сложного и комплексного явления, состоящего из двухуровневых отношений: отношения между лицом, совершившим преступление, и пострадавшим, который может и не стать потерпевшим в уголовно-процессуальном смысле, и отношения между лицом, совершившим преступление, и государством (обществом). Наличие двухуровневой системы отношений участников уголовно-правового конфликта обусловлено публичной природой самого конфликта. Полагаем, что рассмотрение конфликта через призму двухуровневых отношений – это возможность для поиска баланса между публичными и частными интересами в уголовном процессе, который можно достичь посредством внедрения в российский уголовный процесс некоторых элементов восстановительной юстиции в части способов урегулирования конфликта между лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние, и пострадавшим (например, медиация и пр.), а также усиления принципа целесообразности в части прекращения уголовных дел.

Ключевые слова: уголовно-правовой конфликт, обвиняемый, потерпевший, пострадавший, баланс интересов.

THE CONCEPT OF THE CRIMINAL CONFLICT IN THE CRIMINAL PROCEDURE

Summary: The article discusses various approaches to understanding a criminal-legal conflict and there is the author's definition of a criminal-legal conflict as a complex phenomenon, consisting of two-level relations: the relationship between a person who committed a crime and a victim, who may not become a victim in criminal procedural sense, and the relationship between the person who committed the crime and the state (society). The presence of a two-level system of relations between participants in a criminal-legal conflict is due to the public nature of the conflict itself. We believe that considering the conflict through the prism of two-level relations is an opportunity to find a balance between public and private interests in the criminal process, which can be achieved by introducing into the Russian criminal process some elements of restorative justice in terms of ways to resolve the conflict between a person who has committed a criminal offense, and victims (for example, mediation, etc.), as well as strengthening the principle of expediency in terms of termination of criminal cases.

Keywords: criminal law conflict, accused, victim, balance of interests, person, who committed a crime.

«И вечный бой. Покой нам только снится», – строчки из стихотворений двух русских поэтов: А.А. Блока «На поле Куликовом» и одноименного стихотворения И. Бродского. В лексическом понимании термин «конфликт» в переводе с латинского *conflictus* означает «столкновение, серьезное разногласие, спор» [10, с. 292]. Древние утверждали, что именно «в споре рождается истина»; пословица гласит: «худой мир лучше доброй ссоры». В природе и обществе существует всеобщий закон борьбы противоположностей. Конфликты в жизни неизбежны, и они всегда притягивали к себе внимание человека.

Понятие «конфликт» по-разному трактуется в различных областях знаний. Статья посвящена понятию уголовно-правового конфликта, являющегося разновидностью юридического, в связи с этим считаем необходимым выделить основные признаки, присущие данному родовому термину.

Юридический конфликт является разновидностью социального конфликта. Несмотря на различные определения юридического конфликта большинство исследователей выделяют следующие его признаки:

противостояние, т.е. стороны конфликта имеют противоположные, несовместимые интересы, которые лежат в основе правоотношений;

наличие носителей конфликта; участниками конфликта являются субъекты права, обладающие определенным статусом; в качестве таковых могут выступать государственные органы, органы местного самоуправления, организации и физические лица;

противоборство, направленное на преодоление противоречия [2, с. 18], [4, с. 32–40];

наличие юридических процедур его разрешения, в результате чего возникают правовые последствия. Главная задача права состоит в ограничении негативного проявления конфликта, создании системы процессуальных гарантий для разрешения конфликта [12, с. 115–120].

Таким образом, противоречие трансформируется в конфликт в тот момент, когда обе стороны вступают в противоборство, оценивают друг друга в качестве соперников и предпринимают действия, направленные на предотвращение достижения противоположной стороной намеченных целей [4, с. 32–40]. Следовательно, юридический конфликт – противоборство субъектов права с противоположными пониманием и действиями по отношению к принципам и нормам права с целью изменения своего статуса и юридического состояния [12, с. 115–120].

Одной из разновидностей юридического конфликта является уголовно-правовой, который определяется в науке по-разному. Так, А.А. Арутюнян понятие уголовно-правового конфликта употребляет для обозначения правового спора, возникающего между лицом, совершившим преступление, государством и лицом, в отношении которого преступление совершено [3, с. 1]. Е.В. Попаденко трактует уголовно-правовой конфликт как «столкновение биполярных интересов лица, совершившего преступление (с одной стороны), и потерпевшего, общества, государства (с другой стороны) в сфере гарантирования и реализации общественных отношений, охраняемых уголовным законом» [11]. Следовательно, участниками конфликта являются лицо, совершившее преступление, и лица, пострадавшие от преступной деятельности виновного. При этом потерпевшим может быть как конкретный гражданин или юридическое лицо, так пострадавшим может стать государство или общество в целом в зависимости от того, публичный или частный интерес был нарушен преступлением [12, с. 115–120].

Однако согласно другой позиции в уголовном процессе, в рамках которого предусмотрены процедуры, направленные на выяснение виновности обвиняемого, отсутствуют горизонтальные правоотноше-

ния между обвиняемым и потерпевшим; у каждой из сторон возникают отношения с государством. Следовательно, уголовно-правовой конфликт означает (за исключением ограниченного перечня дел частного обвинения) конфликт лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, с государством [8].

В случае рассмотрения понятия уголовно-правового конфликта с точки зрения классической школы уголовного права, когда его сторонами являются лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, и государство, фигура потерпевшего остается за рамками конфликта, и его реальные нужды оказываются на периферии внимания органов уголовного преследования и суда. По мнению Н.Г. Стойко, государство в лице своих представителей замещает реального субъекта и становится псевдостороной конфликта, не способной к его урегулированию. В результате можно говорить лишь о смягчении негативных последствий преступления и процессуального принуждения (для одной или обеих сторон) или в худшем случае о провоцировании новых конфликтных актов с вовлечением новых участников [14, с. 42–48].

Как отмечают некоторые исследователи, учет данных обстоятельств приводит к тому, что понятие уголовно-правового конфликта предполагает рассмотрение более сложной конфигурации позиций и структуры взаимоотношений и правоотношений, нежели указание на две стороны с противоположными интересами: по одну сторону баррикад обвиняемый, по другую – потерпевший, общество и государство. Не всегда интересы потерпевшего и государства совпадают, иначе закон не вводил бы норму о необязательности заявления потерпевшего для официального принятия решения о прекращении уголовного дела. Не всегда конкретные государственные институты отвечают интересам общества. Поэтому понятие уголовно-правового конфликта требует дальнейшей разработки [7, с. 83].

На наш взгляд, уголовно-правовой конфликт как комплексное и сложное явление состоит из двухуровневых отношений: конфликт между лицом, совершившим преступление, и пострадавшим, который может и не стать потерпевшим в уголовно-процессуальном смысле, например, в случае разрешения конфликта путем, в том числе возмещения ему причиненного преступлением вреда, до возбуждения уголовного дела и конфликт между лицом, совершившим преступление, и государством (обществом). Наличие двухуровневой системы отношений участников уголовно-правового конфликта обусловлено природой самого конфликта, относительно которого в литературе существуют различные точки зрения.

Так, А.М. Ларин считает, что преступление является самым уголовно-правовым конфликтом [16, с. 111]. Однако преступлением уголовно-правовой конфликт не исчерпывается, поскольку любой конфликт предполагает наличие процедур по его разрешению. В связи с этим Е.В. Попаденко рассматривает преступление в качестве предмета уголовно-правового конфликта, под которым понимает столкновение интересов между лицом, совершившим преступление, и государством, обществом или частным лицом по поводу противоправного поведения виновного. Целью разрешения уголовно-правовых конфликтов является нейтрализация негативных последствий преступления [12, с 115–120].

Полагаем, что преступление не есть предмет уголовно-правового конфликта. В лексическом понимании предмет – это всякое материальное явление, вещь; то, на что направлена мысль, какое-либо действие [10, с. 385]. Факт признания уголовным законом того или иного деяния преступлением означает фиксацию существования таких интересов, ценностей и норм, которые являются антиобщественными, опасными для общества в целом. Уголовное право, оценивая поведение (деяние) как преступное, определяет не уголовно-правовой конфликт, а его основание, т.е. уголовный закон указывает на противоречие между преступными и общественными интересами, ценностями и нормами, которое проявляется в конкретных поступках людей, в их столкновениях, представляющих уголовно-правовой конфликт как явление. Уголовно-правовой конфликт выражается в основном в межличностном взаимодействии [15, с. 86]. В связи с этим уголовно-правовой конфликт включает в себя не только преступление, т.е. криминальную, но и предкриминальную, а также посткриминальную ситуации, регулирование которых может осуществляться как в правовой сфере посредством криминальных (уголовного, уголовно-процессуального, пенитенциарного права) и иных отраслей права (гражданского, права социального обеспечения и пр.), так и вне правовой сферы [14, с.42–48], [15, с.86–87]. При переходе уголовно-правового конфликта в правовую сферу одним из основных в настоящее время средств, механизмов его разрешения является уголовный процесс. Не случайно многие исследователи рассматривают уголовно-юрисдикционную деятельность как особый вид государственно-властной деятельности уполномоченных на то органов и их должностных лиц по устранению уголовно-правовых конфликтов, возникающих в уголовно-правовой сфере, путем реализации правовых норм в установленной процессуальной форме в рамках рассмотрения и разрешения дел о преступлениях и испол-

нения наказания [5]; уголовное правосудие предназначено для разрешения уголовно-правовых конфликтов [1, с. 87].

Таким образом, на наш взгляд, уголовно-правовой конфликт – сложное, комплексное явление, представляющее собой столкновение сторон конфликта как противостояние и противоборство его участников на различных уровнях, обусловленное совершением преступления, включающее в себя не только преступление, но и то, что предшествовало ему, а также последующую посткриминальную ситуацию, где наиболее распространенным средством его разрешения в правовой сфере является уголовно-процессуальная деятельность.

Возникает два вопроса: почему предлагается рассматривать уголовно-правовой конфликт в аспекте двухуровневых отношений: лицо, совершившее преступление, и пострадавший; лицо, совершившее преступление, и государство (общество); и какой уровень отношений является решающим для окончания конфликта в правовой сфере? Уголовно-правовой конфликт, развивающийся в правовом поле, возникает в результате совершения преступления. Еще русский государственный деятель судебной реформы 1864 г., юрист В.К. Случевский рассматривал преступление как «посягательство, направленное против охраняемых уголовной карой, в интересах публичных, правовых норм» [13, с. 55–56]. Вопрос о совершении преступления, т.е. деяния, признаваемого уголовным законом общественно опасным, составляет содержание уголовного дела, что характеризует публично-правовую природу уголовного процесса. Ведь любое уголовно наказуемое деяние даже тогда, когда оно внешне выглядит как посягательство исключительно на интересы частного лица (кража, нанесение телесных повреждений и т.п.), на самом деле наносит вред интересам общества в целом, поскольку подрывает охраняемые государством под страхом наказания общественный порядок и общественное спокойствие. Поэтому принцип публичности является системообразующим и одним из основополагающих уголовно-процессуальных принципов, в силу которого специальные государственные органы обязаны по долгу службы (**ex officio**) в силу возложенных на них должностных полномочий реагировать на преступления как общественно опасные деяния (возбуждать уголовное дело, вести производство по уголовному делу, совершать процессуальные действия и принимать процессуальные решения) независимо от желания потерпевшего; действовать от имени государства и общества в публичных интересах [9, с. 138]. За исключением ограниченного перечня дел частного обвинения, и прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба, решающее слово в разрешении

уголовно-правового конфликта остается именно за государством в лице его должностных лиц и уполномоченных органов, обладающих соответствующими дискреционными полномочиями. Например, несмотря на примирение сторон, деятельное раскаяние, заглаживание причиненного преступлением вреда решение о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям по делам частного-публичного и публичного обвинения принимает государство в лице своих уполномоченных органов, поскольку освобождение от уголовной ответственности согласно ст. 75, 76 и 76.2 УК РФ является правом, а не обязанностью суда (п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (далее – постановление Пленума ВС РФ № 19)).

Таким образом, для разрешения конфликта в правовом плане решающими являются отношения между лицом, совершившим преступление, и государством (обществом). Однако вместе с тем необходимо учитывать интересы пострадавшего, его реальные нужды.

Соотношение публичных и частных (личных) интересов в уголовном процессе порождает конфликт, ведь обеспечение интересов общества и государства в уголовном процессе, как правило, связано с ограничением прав и свобод личности, вовлеченной в процесс. В связи с этим ключевым моментом в уголовном процессе является поиск оптимального соотношения публичных и частных интересов. Рассматривая назначение уголовного судопроизводства в свете защиты прав личности, возникает дилемма: в первую очередь речь должна идти о защите прав и законных интересов потерпевшего или лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Как найти баланс между ними?

Считаем, что рассмотрение уголовно-правового конфликта через призму двухуровневых отношений между лицом, совершившим преступление, и пострадавшим, а также между обвиняемым (подозреваемым) и государством (обществом) и урегулирование конфликта (хотя бы частичное) на данных уровнях предоставляет возможность для поиска баланса между публичными и частными интересами и «примирить две непримиримые» модели построения процесса (парадигму наказания и парадигму восстановления). Для достижения баланса между публичными и частными интересами в уголовном процессе полагаем возможным внедрить в российский уголовный процесс некоторые элементы восстановительной юстиции в части способов урегулирования конфликта между лицом, совершившим уголовно наказуемое дея-

ние, и пострадавшим (например, медиация и пр.), а также усилить принцип целесообразности в части прекращения уголовных дел.

Согласны с А.А. Арутюнян, что, с одной стороны, недопустимо чрезмерное умаление роли государства в сфере уголовного судопроизводства, где осуществление уголовного преследования является одной из важнейших функций, так и, с другой стороны, не менее опасно умаление интересов потерпевшего в рамках уголовного судопроизводства, как и их превознесение. Полагаем возможным рассматривать восстановительную юстицию не столько как альтернативную уголовному судопроизводству концепцию, сколько как комплементарную, дополнительную, направленную на достижение тех целей, которые существенны в каждом конкретном случае совершения преступления, но которые труднодостижимы при унифицированном подходе к уголовному судопроизводству. Восстановительный подход в уголовном судопроизводстве должен быть своего рода дополнительной гарантией достижения целей правосудия. Медиация и иные меры восстановительной юстиции могут стать дополнительным механизмом, позволяющим, с одной стороны, воздействовать на лицо, совершившее деяние, наглядно демонстрируя ему последствия своего деяния, с целью его реинтеграции в общество, а с другой – наиболее полно учесть интересы лица, которому деянием причинен вред, не причиняя при этом ущерба уголовно-правовой системе. Иными словами, первоочередная задача государства – обезопасить общество от возможных преступных действий, покарать лицо, совершившее преступление и оградить от него общество. Что же касается интересов лица, которому был причинен вред, то они не всегда могут быть удовлетворены в полном объеме посредством тех механизмов, которые предусмотрены процессуальным законодательством. В связи с этим в процессуальное законодательство могут быть введены положения, закрепляющие институты, которые, не подменяя собой традиционный уголовный процесс и не противореча ему, тем не менее позволят расширить круг тех задач, которые разрешаются в ходе производства по уголовному делу¹.

Список использованных источников

1. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции РФ: учебник / под ред. В.М. Бозрова. М. 2017.
2. Альтернативное разрешение споров: учебник / под ред. Е.А. Борисовой. М., 2019.
3. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе. М., 2013.

---

¹ Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С.23.

4. Герасимова С.И. О понятии примирительной процедуры // *Мировой судья*. 2019. N 3. С. 32–40.
5. Голованова Н.А., Гравина А.А., Зайцев О.А. и др. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография. М., 2019.
6. Калиновский К.Б. Уголовное судопроизводство как сфера использования положений конфликтологии // *Юридическая мысль*. 2002. № 1.
7. Карнозова Л.М. Медиация как способ реагирования на деяния, запрещенные уголовным законом / *Уголовно-процессуальное законодательство РФ 2001 – 2011 гг.: сборник научных статей / под ред. И.Б. Михайловской*. Москва, 2012.
8. Касаткина С.А. Признание обвиняемого. М., 2010.
9. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2017.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. 2001.
11. Попаденко Е.В. Альтернативные средства разрешения уголовно-правовых конфликтов: российский и зарубежный опыт. Автореферат дис. ... канд. юрид. Наук. Краснодар, 2008.
12. Попаденко Е.В. Уголовно-правовой конфликт: понятие и способы преодоления / Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей. Вып. 1 / Отв. Ред. Л.Л. Кругликов. Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 115–120.
13. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. I: Судостроительство / Под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008.
14. Стойко Н.Г. Принуждение в уголовном процессе и личностно-ориентированная модель его организации // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 5 С. 42–48.
15. Танцеров М.В., Стойко Н.Г. Потерпевший и его функция в уголовном процессе РФ. Красноярск. 2003.
16. Юридическая конфликтология – новое направление в науке («Круглый стол» журнала) // *Государство и право*. 1994. № 4. С. 18.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МЕТОД НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Концепция криминалистического научного познания события преступления определяется точной постановкой цели и задач его изучения как криминального явления действительности, произошедшего в прошедшем временном периоде, и логическим обоснованием стратегии его исследования. Использование ретроспективного моделирования как универсального метода изучения криминального события путем создания трех уровней моделей: концептуальной (понятийной), информационной (описательной) и логической (факторной) позволяет структурировать перечень событийных компонентов криминального явления как цельного и единого объекта познания, осуществить описание понятий системных элементов структуры и выявить и проанализировать многоуровневую систему внутренних и внешних взаимосвязей, обуславливающих закономерные процессы его развития и следообразования.

Ключевые слова: концепция познания события преступления; криминалистическое моделирование как метод научного познания криминального события; концептуальная, информационная и логическая модели события преступления; закономерности развития криминального события.

FORENSIC SIMULATION AS A UNIVERSAL METHOD OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE OF A CRIME

Summary: The concept of forensic scientific knowledge of a crime event is determined by the precise setting of the goal and objectives of its study as a criminal phenomenon of reality that occurred in the past time period, and the logical justification of the strategy of its research. The use of retrospective simulation as a universal method for cognition a crime as event by creating three levels of models: conceptual (conceptual), informational (descriptive) and logical (factorial) allows you to structure the list of event components of a criminal phenomenon as an integral and unified object of knowledge, to describe the concepts of system elements of the structure and to identify and analyze a multilevel system of internal and external relationships that determine the regular processes of its development and trace formation.

Keywords: the concept of cognition of a crime event; forensic modeling as a method of scientific knowledge of a criminal event; conceptual, informational and logical models of a crime event; patterns of development of a criminal event.

Концепция любого научного исследования *по существу* представляет собой точное определение цели и задач исследования и обоснование рабочей гипотезы в рамках исследовательского замысла. Формирование же задач по достижению цели вытекает из специфики конкретной предметной области исследования и проблем, актуальных для ее познания. *По содержанию* концепцию можно определить как методику системного исследования предметной области, нужное направление которому придает четкая формулировка его цели и поставленных задач. **Методика** (концепция) – это совокупность разработанных методов исследования, правил их применения и интерпретация полученных результатов.

В криминалистической науке концептуализация как методологическая процедура, обеспечивает теоретическую организацию криминалистических знаний, включая в себя, в том числе, процесс определения когнитивных признаков объектов реального мира, познаваемых криминалистикой.

Особый интерес для криминалистической науки представляет прикладная направленность системного анализа, который применяется как инструмент для решения проблем по изучению различных явлений реальной действительности, в том числе имеющих криминальную

направленность, к которым, прежде всего, относится событие преступления (п.1 ч.1 ст. 73 УПК). Следует особо отметить, что с позиции системного подхода, криминальная деятельность, как системный процесс, обладающий пространственно-временной категорией, объективируется в реальной действительности в структуре целостного завершенного явления действительности – события преступления. На всех стадиях уголовного судопроизводства именно оно является постоянным объектом криминалистических исследований, проводимых на основе применения системного анализа.

Методология криминалистического познания события преступления – это системное исследование, предполагающее решение двух взаимосвязанных задач: во-первых, изучение системных элементов структуры криминального факта как динамично развивавшегося реального явления, имеющего определенные закономерности возникновения, функционирования и прекращения, а также отражения на объектах окружающей среды; во-вторых, конструирование системы понятийных категорий, обуславливающих системные связи изучаемого объекта и делающих упорядоченным сам процесс его познания.

Событие преступления как реально произошедший факт действительности, представляет собой совокупность фактических обстоятельств, полное и всестороннее ретроспективное исследование которых позволяет получить информационное подтверждение наличия элементов состава преступления или их отсутствия. Именно установление фактических событийных обстоятельств совершения преступления предопределяет обоснованность квалификации содеянного и позволяет изобличить обвиняемого или защитить невиновного от необоснованного обвинения.

Являясь объектом научного криминалистического исследования, событие преступления познается как реальное явление, отразившееся в прошедшем временном периоде на объектах окружающей среды в виде следовой картины, запечатлевшей закономерный процесс его развития.

К такому пониманию значения криминального события (происшествия с признаками элементов состава преступления) и фактическому событийно – системному определению преступного деяния, как центрального конструктивного блока криминального явления реальной действительности, подошли многие ученые криминалисты в своих работах, посвященных криминалистической характеристике преступления или криминалистическому понятию преступления [5, с.78–85; 10, с. 8–16; 12, с.156–160].

Так Г.А. Густов в элементы «криминальной (реальной) системы преступления» включает вовлеченных в процесс преступной деятель-

ности людей, предметы, процессы, явления и т. д. Также он отмечает, что «в отличие от уголовно правовых элементов состава преступления (объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны), являющихся юридическими понятиями, элементы реальной системы преступления существуют фактически и обладают всеми качествами, присущими объектам материального мира» [5, с. 51].

Аналогичной точки зрения придерживается и Н.П. Яблоков. В систему структурных элементов он включает: «субъекты (основные и второстепенные участники деяния), предмет (жертва) посягательства, его цель (вся субъективная сторона состава преступления), само преступное поведение (способы и средства, уловки и ухищрения, используемые преступниками), обстановка совершения (все окружающие субъекта условия, в которых совершается преступная деятельность) и результат (физический, имущественный и моральный вред, причиненный потерпевшему, охраняемым законом отношениям» [13, с. 26].

В.А. Образцов выделяет более широкий перечень системных элементов: преступника (группу преступников), предмет посягательства (человек, вещь и т. д.), цель, мотив, средства достижения преступной цели (орудие, действия, транспорт, способ совершения преступления и т. д.), механизм преступления, последствия содеянного, место и время совершения преступления, обстановку места и вокруг места происшествия (погодные условия, вид и назначение объекта социального характера и т. д.), материально фиксированные следы преступления и преступника, носители следов памяти и сообщаемые ими сведения, внутренние и внешние связи преступления, включая причинную связь действий и наступивших последствий. По его мнению, указанные объекты «образуют сложный и хотя не однородный, но взаимосвязанный комплекс обстоятельств как потенциальных носителей информации о преступлении и преступнике»[8, с. 39, 50].

Выйдя за рамки изложения криминалистической характеристики преступления ученые фактически перешли к описанию системных обстоятельств события преступления, как четко структурированного реального явления. Нельзя не отметить и фактор, обусловивший во многом такой подход, а именно: криминалистическая характеристика преступления как элемент криминалистической методики расследования преступлений не оправдала возлагаемой на нее методологической функции. На этот познавательный дефект первым обратил внимание Р.С.Белкин, назвав криминалистическую характеристику фантомом, он предложил отказаться от нее как криминалистической категории «не способной на практике служить даже ориентиром в расследовании»[1, с. 223].

А.Ф. Лубин высказал сомнение в полезности для следственной практики криминалистической характеристики, как понятия, не имеющего никакого научно-методического значения [7, с. 97].

Это подтверждают и результаты проведенного нами интервьюирования более 100 следователей и прокуроров, надзирающих за следствием, в 2002–2007г.г. и в 2017–2019г.г., из которых более 90% высказались, что криминалистическая характеристика преступлений в методиках расследования преступлений или в научно-практических рекомендациях по криминалистической методике расследования конкретных видов преступлений, мало информативна, и ими в практической работе не используется. Для получения представления о конкретном виде преступления, они отдают предпочтение уголовно-правовой характеристике или комментариям к конкретным статьям Уголовного кодекса РФ. Для выдвижения следственных версий и планирования расследования и проведения следственных действий считают более полезным описание обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию.

Результаты указанного исследования только лишь еще раз подтверждают предложение Р.С. Белкина включать в конкретную частную методику «в качестве первого ее элемента» описание специфических особенностей предмета доказывания по конкретной категории уголовных дел [2, с.11–12]. Напомним, что первым в этом перечне указано событие преступления.

Научное познание события преступления осуществляется с использованием различных методов, адаптированных для этой цели. Из них для изучения события криминального происшествия, закономерностей развития его в целом и в отдельности структурообразующих системных элементов (обстоятельств), а также образования его следовой картины и ее обнаружения и исследования наиболее универсальным является метод криминалистического моделирования. Исторический обзор применения моделирования как метода научного познания в криминалистике свидетельствует о том, что потенциал возможностей его применения далеко еще не исчерпан. Без преувеличения гносеологического значения моделирования следует отметить, что разработка моделей объектов, познаваемых криминалистической наукой, позволяет решать многие сложные криминалистические задачи на стадиях поисково-познавательной и познавательно-аналитической деятельности следователя по установлению и исследованию обстоятельств события преступления и системному формированию судебных доказательств.

Принимая во внимание иерархическую структуру системы события преступления познать все аспекты его развития в одноуровневой

модели довольно сложно. Поэтому для оптимизации научного познания криминального события, на наш взгляд, должно осуществляться последовательное использование трех уровней создания его моделей: концептуального (понятийного), информационного (описательного) и логического (факторного).

В методике научного криминалистического познания события преступления концептуальный подход как конструктивный принцип позволяет на основе изученных событийных фактов создать первоначальное образное представление концептуальной модели события преступления и построить его иерархическую структуру.

Концептуальный уровень модели отражает предметную область в самом общем виде. В криминалистическом познании на этом уровне определяется содержание и структура криминального события как ретроспективной модели общего значения безотносительно к видам или группам преступлений.

В качестве такой *концептуальной модели* события преступления как системы элементов, обеспечивающих своими свойствами и отношениями его цельность и динамику развития, считаем, наиболее подходит структурированный перечень событийных компонентов криминального явления, предложенный Г.А. Густовым: субъект, предмет посягательства, физическая деятельность, психическая деятельность, факты-последствия, место, время и обстановка. Составляя указанный перечень, Г.А. Густов исходил из следующих принципов: «необходимости (т.е. без данного элемента система преступления как целое реальное явление существовать не может); общности для всех преступлений или для определенного вида; значимости для решения криминалистических и правовых задач» [6, с. 51]. «Каждый из перечисленных элементов необходим, но только все они в совокупности образуют целостность» криминального явления [6, с. 51]. .

Анализ выделенных событийных компонентов по уровням иерархической структуры осуществляется путем применения структурно-аналитической формулы как инструмента познания системных элементов события преступления (по Г.А. Густову). Указанная формула включает в себя:

$$\text{СбтПр} \rightarrow [\text{Прд} \cdot \text{Сб} \cdot (\text{ФзД} \rightarrow \text{ПсхД} \rightarrow \text{ФПсл}) \cdot \text{Мст} \cdot \text{Вр}] \leftrightarrow \text{Обст},$$

где:

СбтПр – событие преступления;

Прд – предмет (жертва) преступного посягательства (имущество, здоровье и жизнь человека и др.);

Сб – субъект – преступник;

ФзД – физическая деятельность – трехэтапная деятельность преступника: действия до совершения посягательства; система действий как способ преступного деяния; действия после совершения преступления;

ПсхД – психическая деятельность (мотив, целеполагание, цель);

ФПсл – факты-последствия – события, возникшие вследствие совершенного преступного деяния, или события, на которые повлиял факт преступления;

Мст – место совершения действий по каждому из этапов деятельности преступника;

Вр – время совершения действий по каждому из этапов деятельности преступника;

Обст – обстановка – причины, способствовавшие преступной деятельности и условия, в которых событие преступления развивалось.

В продолжение развития выше указанных положений, относящихся к системным элементам структуры событийного криминального явления представляется важным также отметить, что перечисленные авторами объекты «криминальной (реальной) системы преступления» также требуют самого четкого и выверенного понятийного определения, что диктуется спецификой, как предмета посягательства, так и тех процессов и явлений, которые выступают в качестве детерминант внутреннего механизма совершения посягательства. В структуре преступного посягательства кроме способа совершения преступления, как формы внешнего проявления конкретных действий субъекта, присутствует еще и процесс, возникающий вследствие этих действий. Например, развитие патологического процесса в организме жертвы вследствие причиненных ей колото-резанных ран, или отравления, или вследствие дефекта – повреждающего фактора, возникшего по причине ненадлежащего исполнения медиком своих профессиональных обязанностей. В указанных процессах также участвуют отдельные явления, требующие своего понятийного объяснения их признаков (свойств, отношений) и причин возникновения. Без уяснения смысла понятия любого фактора – детерминанта в структуре посягательства невозможно обоснованно установить причинно-следственную связь, как важный элемент объективной стороны состава преступления.

Осуществить на основе системного анализа описание понятий структурных элементов события преступления и возникающих между ними причинно-следственных отношений (внутренних связей) и их взаимодействие с объектами окружающей среды (внешние связи) призваны информационная и логическая модели.

Создание *информационной модели* применительно к конкретному виду или определенной группе преступлений позволяет «раскрыть» внутреннее содержание каждого из системных элементов криминального события с учетом специфики предмета, характера и механизма посягательства.

Информационная модель события преступления как совокупность информации, характеризующей существенные его свойства и состояния в процессе развития, требует разработки понятийного аппарата, используемого для описания каждого событийного элемента и тех операционных актов и процессов, которые выступают детерминантами непосредственно механизма посягательства.

Строится информационная модель события преступления на основе ретроспективного анализа следовой картины физической деятельности преступника и его сообщников и результатов криминалистических исследований обстоятельств криминального происшествия, проведенных с применением системного анализа каждого из них как самостоятельной структурированной микросистемы в системе события (макросистемы). Методика (концепция) как способ понимания и трактовки информации о признаках системных элементов структуры события преступления, позволяет определить комплекс оптимальных научных методов их полного и всестороннего изучения. При создании информационной модели востребован помимо криминалистического моделирования системно-структурный метод. Особенно важно его применять при научном познании криминального события, совершенного в сфере профессиональной деятельности вследствие использования субъектом дефектов организационного или технологического аспекта или ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей. В качестве примера можно привести разработанную Г.А. Густовым структуру события хищения, в которую им были включены: субъект, предмет хищения, источник хищения (подотчетные, резервные, сторонние ценности, неучтенная продукция); операция производственная (технологическая), используемая для совершения посягательства; способ завладения ценностями; размер посягательства; умысел на хищение, факты-последствия хищения; место и время хищения; обстановка хищения [3, 4]. Или рассмотрим структуру события ятрогенного преступления, совершаемого медиком по причине неадекватного оказания профессиональной помощи пациенту: субъект (медицинский работник); жертва посягательства (пациент); процесс оказания медицинской помощи (МП); нарушение правил оказания МП; мотивация (мотив, целеполагание, цель); ятрогенный дефект (повреждение, отравление

заражение и др.); ятрогения (симптом, синдром, конкурирующая патология, болезнь отдаленного периода); неблагоприятные последствия (причинение вреда здоровью, смерти); место и время посягательства; обстановка [9, с. 131].

Описание понятий системных элементов события специфических преступления, требующих применения специальных знаний, понимания используемых терминов, а именно создание понятийного аппарата является важной частью криминалистического обеспечения процессов выявления и расследования таких криминальных явлений. Следует также принимать во внимание при изучении системных элементов структуры события, что каждый из них также имеет свою внутреннюю иерархичную структуру. Продемонстрируем внутреннюю структуру системного элемента на примере «ятрогенного дефекта»; его модельная структура включает: повреждение, заражение, отравление, нарушение восприятия, оставление инородного предмета в организме, развитие патологии на фоне неадекватного врачевания. Каждый из указанных элементов имеет также свою понятийную структуру, например, повреждение включает в себя систему понятий его признаков: механический (порез, перелом, разрыв, ушиб и др.); физическим (термический, электрический или лучевой ожог, тепловой или электрический удар, отморожение и др.); химический (ожег и др.); аллергический (асфиксия); психологический (травматический невроз в результате эмоционально болезненного и вредного события). Среди выделенных элементов некоторые из них также могут иметь свою особую структуру элементов, системный анализ которых позволит также построить системную конструкцию следующего уровня, требующую описания их понятий. Каждый из системных элементов многоуровневой (иерархичной) структуры события имеет определенные свойства, благодаря которым он вступает с другими элементами в причинно-следственные отношения линейного характера. Таким образом, возникает многоуровневая система отношений, требующая своего анализа, описания и комплексной оценки на предмет их влияния на объективную сторону состава преступления в целом и в частности на механизм посягательства. В таких ситуациях следственная модель причинно-следственной связи выстраивается на экспертной модели (выводах эксперта), однако, последняя в структуре экспертного заключения является объектом следственной оценки ее обоснованности и логичности. Такой системный подход к углубленному научному познанию обстоятельств события преступления для полноты и чистоты его осуществления нуждается в разработке отдельной модели причинно-следственных отношений и

связей (внутренних и внешних), а также создания криминалистической классификации закономерностей развития события преступления отдельного вида или группы, т.е. ретроспективной логической модели криминального события.

Логический уровень моделирования требует помимо моделирования применения поэлементно-факторного анализа, который позволяет выявить логические внутренние (между элементами события) и внешние (между событием или его элементами и объектами окружающей среды) связи, обуславливающие закономерности динамики события преступления в целом и процесса развития непосредственно посяательства в частности. Выявление и познание этих закономерностей позволяет создать *логическую модель* многоаспектной системы развития события преступления, а также выявить и системно описать не только факторы, непосредственно детерминирующие причинно-следственную связь между деянием субъекта и наступившими общественно опасными последствиями, но и четко описать различные варианты характера и механизма ее развития, и таким образом создать криминалистическую классификацию типичных причинно-следственных связей, характерных для событий отдельных видов или групп преступлений [11, с. 87–99].

Познание события преступления путем применения трехуровневого моделирования с использованием, адаптированных для криминалистических исследований специальных методов, безусловно, расширит стратегию совершенствования и разработки новых направлений научного изучения событийных элементов структуры криминального явления, характера и механизма причинно-следственных внутренних и внешних связей и порождаемых ими закономерностей развития криминальных происшествий. Также, надеемся, что постановка научных проблем в совершенствовании криминалистических исследований обстоятельств события преступлений даст соответствующий импульс для активизации междисциплинарного сотрудничества по созданию адекватного понятийного аппарата, необходимого для создания новых инновационных исследовательских технологий по установлению криминального события и изобличению лиц, причастных к его совершению.

Список использованных источников

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма-Инфа-М, 2001. С. 223.
2. Белкин Р.С. Понятие, ставшее криминалистическим пережитком // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. Тула: ТГУ, 2000. С. 11–12;

3. Густов Г.А. Построение модели события хищения / Вопросы совершенствования предварительного следствия. Вып. 3. Л., 1974;
4. Густов Г.А. Обнаружение способа должностного хищения в сложной ситуации. Факторный анализ: Учебное пособие Л., 1985.
5. Густов Г. А. К определению криминалистического понятия преступления // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2000, № 2. – С. 78–85
6. Курс криминалистики: в 3 т. Т.1. Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика. СПб.: Издательство «Юридический центр». 2016. С. 51.
7. Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Н. Новгород: НЮИ МВД России, 1997. С. 97.
8. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. М.: Юристъ. 1995. С. 39, 50.
9. Пристансков В.Д. Криминалистическая теория расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи: монография. СПб.: Академия менеджмента и агробизнеса нечерноземной зоны РФ (АМА НЗ РФ). 2007. С.131.
10. Пристансков В.Д. Криминалистическое понятие преступления // Криминалист первопечатный. – 2013. – №6. – С. 8–16.
11. Пристансков В.Д. Методологические проблемы установления причинно-следственных связей при расследовании неосторожных преступлений, совершаемых медицинскими работниками. Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 14. Право. 2015. № 3. С. 87–99.
12. Серова Е. Б. К вопросу о криминалистическом понятии преступления // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. Вып. 2, 2009. С. 156–160.
13. Яблоков Н.Л. Криминалистика: учебник. М.: Юристъ. 2005. С. 26.

В.Д. Пристансков

кандидат юридических наук, профессор
кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

Е.В. Елагина

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета прокуратуры РФ

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ МОТИВА И ЦЕЛИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье рассматриваются проблемные вопросы подготовки и назначения судебных экспертиз по исследованию мотивации преступной деятельности экстремистской направленности и оценки выводов экспертов. Внимание уделено недостаткам судебных экспертиз гуманитарного характера, что создает сложности при оценке полноты и всесторонности проведенного исследования и объективности процесса формирования судебных доказательств по уголовным делам.

Ключевые слова: Мотивы, цели преступлений экстремистской направленности, судебные экспертизы гуманитарного характера, оценка выводов заключения эксперта, выявление и устранение экспертной ошибки.

Vladimir D. Pristanskov

*PhD in Law, Professor of the chamber of
criminal procedure law and criminalistics,
St. Petersburg State University*

Elena V. Elagina

Saint-Petersburg law Institute (branch)
Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation
associate Professor of criminal process and criminalistics,
candidate of legal Sciences, associate Professor;

FEATURES OF ASCERTAINMENT A MOTIVE AND AIM IN CASES OF EXTREMIST CRIMES

Summary: The article deals with the problematic issues of preparing and assigning forensic examinations to study the motivation of criminal activity of extremist orientation and evaluating the conclusions of experts. Attention is paid to the shortcomings of forensic examinations of a humanitarian nature, which creates difficulties in assessing the completeness and comprehensiveness of the study and the objectivity of the process of forming judicial evidence in criminal cases.

Keywords: Motives, goals of extremist crimes, forensic examinations of a humanitarian nature, assessment of the conclusions of the expert opinion, identification and elimination of expert errors.

При исследовании обстоятельств события преступления экстремистской направленности (ст. ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ) основной целью является установление наличия в действиях субъекта направленности на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо группе меньшинств и т.д. Для достижения указанной цели требуется решение конкретных криминалистических задач путем проведения ряда *судебных экспертиз гуманитарного характера*, для методики их проведения характерно, во-первых, соотнесение нормативно-ценностных комплексов различного уровня: национального, этнического, конфессионального и т.д., и, во-вторых, использование таких методов, как контент- [4] и интент-анализ [5], метод семантического дифференциала и информационно-целевой анализ, логический и психологический анализ и т.д.

Указанные экспертизы имеют комплексный и междисциплинарный характер, для их производства должны привлекаться, помимо лингвистов, специалисты соответствующей области специальных знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.) [1].

Как правило, с целью установления экстремистского мотива назначается комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (СППЭ), что позволяет получить более обоснованные и убедительные выводы экспертов об особенностях психической деятельности преступников. Исследования, проводимые экспертом-психологом, направлены на установление: индивидуальных особенностей личности субъекта; мотивов и целей его поведения; склонностей к агрессивным и насильственным действиям в отношении представителей других рас, национальностей, религиозных течений и др.

М.Л. Подкатилина, анализируя правоприменительную и экспертную практику, указывает более 20 видов таких экспертиз: лингвистическая, социогуманитарная, психолого-лингвистическая, этико-лингвистическая, политическая, семиосоциопсихологическая экспертизы и др. [15, с. 21]. Данные экспертизы, как правило, имеют комплексный и междисциплинарный характер, поскольку при их производстве интегративно соотносятся психологические, лингвистические, этические, культурологические, религиоведческие, теологические, политические, философские, антропологические и другие гуманитарные знания [1].

Непосредственным объектом экспертного исследования являются слова, отдельные высказывания, тексты, изображения, имеющие помимо смыслового, также и определенный ассоциативный и эмотивный компоненты, когда они выступают как раздражитель, способный вызвать определенную поведенческую реакцию. Поэтому абсолютно обоснован вывод Т.В. Губаевой о том, что по делам об экстремизме не мысли являются наказуемыми, а «с учетом знаковой природы слова последствия речевых действий закономерно приравниваются к последствиям действий фактических» [3].

Выводы экспертов являются едва ли не основным источником получения криминалистически значимой информации, позволяющей установить экстремистскую мотивацию совершения определенных действий, что делает заключения указанных экспертиз важным звеном в системе собранных по делу доказательств.

По материалам дел о возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижении человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) важно определить направленность текстов, для чего проводится *социально-психологическая экспертиза*, позволяющая конкретизировать цель совершения криминального события, что является обязательным элементом субъективной стороны состава преступления.

В отдельных случаях требуется проведение *экспертиз социогуманитарного класса*, цель которых – разграничить результаты науч-

ных исследований и высказывания экстремистского характера, как не имеющие фактического подтверждения и научного обоснования. Важной задачей является установление связи между воззрением и поведением подозреваемого и общественными ценностями. В основе классификация таких экспертиз лежит область знаний конкретных наук, поэтому для их проведения привлекаются в качестве экспертов социологи, историки, этнографы, этносоциологи, психологи и другие сведущие лица, имеющие гуманитарные знания.

Принимая во внимание, что одним из важных побудительных факторов современного экстремизма в большинстве своих проявлений – это религиозно мотивированное поведение его организаторов и исполнителей, *религиоведческая экспертиза* имеет большое значение для формирования судебных доказательств по уголовным делам. Эксперт-религиовед, проанализировав вероучение, должен обосновать наличие в нем положений, побудивших к осуществлению противоправных экстремистских действий с целью разжигания межнациональной и межрелигиозной розни.

Однако, несмотря на значимость религиоведческой экспертизы для правоприменительной практики, следует отметить ряд серьезных проблем, возникающих при ее назначении, проведении и оценки объективности исследования и обоснованности выводов экспертов. Прежде всего, это недостаточное теоретическое осмысление ее природы. Как отмечает С.А. Бурьянов: «Главный парадокс заключается в том, что единого правового и даже религиоведческого определения религии нет (их более 200)» [7, с. 58–60]. Это позволяет экспертам делать выводы в соответствии с собственными представлениями о религии, и таким образом содержание экспертного заключения во многом будет зависеть от их персонального состава. Также следует отметить отсутствие достаточного научного обоснования специальных методов проведения такой экспертизы и их апробации на практике, а также определения пределов применения специальных знаний принимая во внимание современное состояние российского религиоведения как науки [16, с. 19].

Часто для полноценного компетентного решения криминалистических задач по установлению обстоятельств события преступления экстремистской направленности целесообразно привлекать не только религиоведов, но и специалистов в области психологии, психологии религии, этнологии. Для этого проводятся комплексные *психолого-религиоведческие, психолого-этнологические экспертизы*. Такой подход обеспечивает всестороннее и полное экспертное исследование со-

бренных по делу экстремистских материалов и гарантирует обоснованное принятие процессуальных решений и объективное формирование доказательственной базы.

В качестве недостатка судебных экспертиз гуманитарного характера многие авторы отмечают тот факт, что они не имеют надежных методик исследования, что создает большие сложности для оценки их объективности при формировании судебных доказательств по уголовным делам. Данное обстоятельство порождает проблему экспертной ошибки, понятие которой Г.Л. Грановский определяет как «... выводы эксперта (основные и промежуточные), не соответствующие действительности, а также неправильности в действиях или рассуждениях, отражающих процесс экспертного исследования – в представлениях, суждениях, понятиях» [9, с. 2]. Р.С. Белкин, объясняя причину возникновения экспертной ошибки, указывал, что она «... может быть допущена при познании сущности, свойств, признаков объектов экспертного исследования, отношений между ними, а также и при оценке результатов содержательного познания, итогов экспертного исследования, их интерпретации» [6, с. 338].

При выявлении экспертной ошибки заключение судебной экспертизы, подтверждающей экстремистский мотив, признается недопустимым доказательством и тем исключается факт преступного экстремизма. В противном случае экспертная ошибка со всей неизбежностью порождает необоснованность обвинения и незаконность судебного обвинительного приговора.

Выводы судебных экспертов должны быть обоснованы результатами полного, объективного и непосредственно ими проведенного исследования и сформулированы с соблюдением законов логики. Логические дефекты, порожденные нарушением законов и правил логики или «некорректным применением логических приемов и операций» [17, с. 322], содержащиеся в изложении выводов экспертов, могут являться основанием для непризнания заключения эксперта доказательством.

Несмотря на то, что заключение эксперта в системе доказательств, собираемых по уголовному делу, обоснованно занимает важное место, поскольку от содержания экспертных выводов зависит законность принимаемых в последующем процессуальных решений, необходимо помнить, что оно является предметом оценки наряду с другими доказательствами. Специфика оценки заключения эксперта состоит в том, что должно быть проверено соблюдение процессуальных норм на всех этапах производства судебной экспертизы: от подго-

товки материальных объектов до дачи экспертом заключения. Так, С.Э. Воронин справедливо отмечает, что следователи, не подходя ответственно к предоставлению в полном объеме объектов, требуемых для качественного и объективного экспертного исследования, или не имеющих отношение к делу, или фальсифицированных, тем самым исходно инициируют экспертную проблемную ситуацию – необъективность выводов экспертов [8]. На это указывает и М.В. Песчаный, подчеркивая важность правильного определения объектов экспертных исследований, так как «от этого во многом зависит качество проведенной экспертизы, а значит, перспектива всего расследования» [14, с. 207].

При исследовании обстоятельств события преступления экстремистской направленности нередко возникает проблема определения природы требуемых специальных знаний, необходимых для установления самого факта его совершения (чаще всего это касается мотивации криминальной деятельности). Поэтому следователю важно изначально правильно определить область специальных знаний, необходимых для проверки следственных версий относительно мотива и цели преступного деяния, как на стадии предварительной проверки сообщения о нем, так и на стадиях последующего предварительного расследования, поскольку непродуманное и необоснованное решение о привлечении для производства экспертного исследования некомпетентного сведущего лица в качестве эксперта влечет не только финансовые затраты, но и растрату временного ресурса, предусмотренного уголовно-процессуальным законом. Необходимость и значимость² установления компетентности сведущего лица, не являющегося государственным экспертом, привлекаемого в качестве эксперта подтверждается и позицией Пленума Верховного Суда РФ, выраженной в постановлении от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» – при поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, суду следует предварительно запросить сведения, касающиеся возможности производства данной экспертизы, а также сведения об эксперте, в том числе его фамилию, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации, о чем указать в определении (постановлении) о назначении экспертизы, и при необходимости при-

---

² Несмотря на то, что и в данном пункте, и в преамбуле постановления в качестве адресата указывается суд анализ полного текста документа позволяет утверждать, что его положения должны применяться на всех стадиях уголовного судопроизводства.

общить к материалам уголовного дела заверенные копии документов, подтверждающих указанные сведения.

Считая обязательным использование при расследовании преступлений экстремистской направленности экспертных возможностей, Генеральная прокуратура РФ в указаниях «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности» от 21 сентября 2018 г. № 602/27 особо обращает внимание на то, что вопросы, выносимые на разрешение судебной экспертизой, должны быть правильно и обоснованно сформулированы с учетом специфики совершенного события экстремистского характера.

Перед принятием решения о назначении судебной экспертизы целесообразно вначале пообщаться со сведущим лицом для научного консультирования или привлечь его в качестве специалиста для получения заключения, а при необходимости потом и допросить. Заключение специалиста позволяет получить предварительные данные о наличии «в конкретной информации отрицательных и оскорбительных характеристик нации, расы, религии, негативных установок» [14, с. 208]. Проведя предварительную оценку имеющейся информации о событии с точки зрения наличия в ней криминальной составляющей, консультант (специалист) может высказать рекомендации о характере специальных знаний, необходимых для проведения экспертного исследования и поможет профессионально грамотно сформулировать вопросы, выносимые на разрешение экспертизой.

Так Т.В. Губаева отмечает, что при формулировании вопросов экспертам нельзя смешивать вопросы факта и вопросы права, так как вывод об экстремистском характере материалов требует специальных юридических познаний. Вопросы факта – прерогатива эксперта, а вопросы права – исключительная компетенция правоприменителя. Однако «по делам об экстремизме подменить эти понятия особенно легко» [3]. Так как противоправные действия являются речевыми, на разрешение эксперта неправильно ставить вопросы: «содержатся ли в представленной литературе данные, направленные на разжигание религиозной, межнациональной розни; призывы к свержению государственного строя, к незаконным вооруженным действиям, организацию и вовлечение в экстремистскую деятельность»; «имеются ли в содержании книги признаки возбуждения национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства граждан по признаку их отношения к религии». Правильно: «какой тип информации представлен в тексте»,

«какова содержательно-смысловая направленность текста», «каково идейно-тематическое содержание текста», «содержится ли в тексте негативная информация в отношении определенных социальных групп» [10, с. 303–315].

Привлекая к расследованию лиц, владеющих специальными знаниями, в качестве экспертов не следует полностью полагаться на их компетентность. Кроме того, поскольку для производства, ряда экспертиз, в первую очередь, так называемых, гуманитарных привлекаются в качестве экспертов лица, не являющиеся сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений, то их компетентность (квалификация) должны быть предметом оценки субъекта иницирующего экспертное исследование [11, с. 206–210]. Представляется, что позиция Пленума Верховного Суда по данному вопросу, выраженная в Постановлении «О судебной экспертизе по уголовным делам» – при поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, суду следует предварительно запросить сведения, касающиеся возможности производства данной экспертизы, а также сведения об эксперте, в том числе его фамилию, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации, о чем указать в определении (постановлении) о назначении экспертизы, и при необходимости приобщить к материалам уголовного дела заверенные копии документов, подтверждающих указанные сведения – в полной мере должна учитываться и на досудебных стадиях уголовного судопроизводства;

Заключение эксперта (вне зависимости от вида экспертизы и субъекта, привлекаемого в качестве эксперта) должно соответствовать требованиям ст. 204 УПК РФ. Оценивая допустимость экспертного заключения, субъект оценки, в первую очередь, должен руководствоваться федеральными законами, регулирующими производство судебной экспертизы (УПК РФ, ФЗ–73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и иными»), а также отдельными ведомственными нормативными актами. Кроме того, в ходе анализа заключения эксперта важно оценить полноту и всесторонность проведенного исследования, а также обоснованность и логичность сделанных выводов, которые должны базироваться на результатах исследования и излагаться с соблюдением законов логики.

Результаты обобщения эмпирического материала свидетельствуют о том, что в судебно-следственной практике по делами указанной категории преступлений существует, как справедливо отмечает

С.Э Воронин, серьезная проблема оценки экспертного заключения на предмет его достоверности и истинности [8].

Изучение материалов уголовных дел показывает, что эксперты не всегда дают полноценное и объективное заключение. В связи с этим Генеральная прокуратура РФ указывает на необходимость «тщательным образом изучать заключения специалистов и экспертов, уделяя особое внимание соответствию изложенных в них выводов содержанию исследовательской части и отраженным в постановлении о назначении экспертизы (исследования) вопросам, полноте и всесторонности выводов, наличию в них противоречий, квалификации экспертов (специалистов) и наличию у них полномочий давать оценку изложенным фактам» [2]. Это указание весьма актуально, так как следователи часто при составлении процессуальных документов автоматически копируют выводы экспертов, считая, что нет оснований сомневаться в их компетенции.

Оценка заключения эксперта в обязательном порядке предполагает его сопоставление с другими собранными по делу доказательствами, проверку достоверности объектов исследования и правильности содержащихся в заключении выводов.

Качество и эффективность оценки заключения эксперта обеспечиваются посредством того, что субъектом оценки проверяется следующее:

- соблюдение и правильность применения процессуального закона на всех этапах подготовки материалов для исследования, назначения и проведения, а также оформления результатов экспертизы;

- компетентность эксперта (в случае проведения комиссионной экспертизы оценивается компетентность каждого члена комиссии);

- научная обоснованность заключения, т.е. научная состоятельность тех принципов, которые положены в основу исследований;

- соответствие исследовательской части заключения резолютивной (выводам).

Оценка заключения эксперта в научно-фактическом аспекте предполагает последовательное изучение всех частей заключения: первоначально сопоставляются сделанные выводы и поставленные вопросы (если выводы не корреспондируют вопросам, сформулированным в постановлении о назначении экспертизы, в зависимости от существенности «дефекта» назначается дополнительная или повторная экспертиза); далее оценивается достаточность приведенной в заключении аргументации, а также обусловленность сделанных выводов содержанию исследовательской части; в обязательном порядке оценивается доказа-

тельственное значение факта, установленного экспертом – выводы эксперта сопоставляются с установленными обстоятельствами и имеющимися доказательствами; и только на основании такого сопоставления и комплексной оценки всех доказательств принимается конкретное решение по делу.

Обязательными критериями оценки экспертного заключения могут быть названы допустимость, объективность, полнота, научная обоснованность

По результатам оценки заключения эксперта может быть принято одно из следующих решений: о возможности / невозможности использования в доказывании; о допросе эксперта; о необходимости назначения дополнительной или повторной экспертизы.

Анализ материалов судебно-следственной практики позволяет выделить в деятельности субъекта, инициирующего судебные экспертизы, дефекты, препятствующие полнообъемному использованию возможностей судебных экспертиз в ходе предварительного следствия, и предложить меры по их недопущению:

при проверке следственных версий и исследовании обстоятельств события преступления экстремистской направленности судебные экспертизы не всегда назначаются в сочетании, необходимом для установления объективной картины криминального явления, то есть экспертные возможности используются недостаточно, что, безусловно, снижает не только объем, но и качество доказательственной информации. Также этот следственный дефект часто приводит к оспариванию в суде стороной защиты объективности выдвинутого обвинения, заявлению ходатайств о проведении дополнительных и повторных судебных экспертиз, о приобщении к материалам дела сомнительных заключений специалистов и т.п., что затягивает рассмотрение уголовного дела по существу. Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы на предварительном следствии каждое обстоятельство события преступления подвергалось исследованию с привлечением специальных знаний и подтверждалось в выводах соответствующего экспертного заключения или заключения специалиста. Доказательственная база по экстремистским делам не должна основываться на заключении одной судебной экспертизы; системный анализ с применением специальных знаний должен охватывать все обстоятельства события, в противном случае, как показывает практика, делает уязвимой всю систему доказательств;

несоблюдение при подготовке и назначении судебной экспертизы криминалистических рекомендаций (например, не обеспечение требуемого количества или репрезентативности сравнительных образцов)

является существенным препятствием для обеспечения полноты и объективности экспертного исследования, а в ряде случаев приводит или к сокращению перечня задач, или к невозможности их решения; несоблюдение же требований уголовно-процессуального закона влечет признание заключения эксперта недопустимым доказательством [12, с. 31–35];

как серьезный дефект следует рассматривать вынесение на решение экспертизой вопросов, которые по своему существу касаются правовой оценки обстоятельств события преступления (в пункте 4 постановления ПВС РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» подчеркивается, что «постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда < >, как не входящих в его компетенцию, не допускается»); кроме того, недостаточно грамотно и профессионально сформулированные вопросы эксперту влекут получение ответа, базирующегося на принципе «каков вопрос, таков и ответ», поэтому формулировка и содержание вопросов должны согласовываться с опытными специалистами соответствующего профиля специальных знаний или с предполагаемым экспертом;

отсутствие полнообъемной качественной оценки следователем выводов экспертов, предполагающей наряду с оценкой допустимости экспертного заключения также проверку их обоснованности результатами проведенного исследования, а также соответствие формулировок законам логики. В тех случаях, когда свои выводы эксперты обосновывают «рассуждениями» вместо конкретных доводов, экспертное заключение полностью утрачивают свою доказательственную значимость. Выявить факт недостаточного обоснования выводов экспертов может помочь следователю специалист-консультант в ходе непроцессуального взаимодействия. Возможно и получение по этому факту заключения специалиста, которое послужит основанием для проведения повторной экспертизы или поводом для допроса эксперта.

Успешное расследование преступлений экстремистской направленности в значительной степени зависит от активного привлечения следователем сведущих лиц, обладающих достаточным объемом специальных знаний, для проведения судебных экспертиз. Использование их заключений обеспечит объективность доказывания факта события преступного экстремизма и установление лиц, причастных к его совершению.

Список использованной литературы.

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», п.23.
2. Указание Генеральной прокуратуры РФ от 21 сентября 2018 г. № 602/27 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности» // Garant.ru. 2018. Дата обращения 11 октября 2019 года.
3. <https://www.stud24.ru/criminal-procedure/jekspertiza-materialov-jekstremistskoj-napravlenosti/96414–289022-page2.html>: (Дата обращения 27.12.2019.)
4. <http://mir.zavantag.com/informatika/12225/index.html>: (дата обращения: 25. 12. 2019).
5. <https://studfile.net/preview/1811635/page:7/>: (дата обращения: 25. 12. 2019).
6. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 1997. Т.2, с. 338.
7. Бурьянов С.А. Реализация конституционной свободы совести и свободы вероисповедания в Российской Федерации. М., 2009 с. 58–60
8. Воронин С.Э. «Актуальные вопросы производства судебно-религиоведческой экспертизы» <http://avtor.tululu.org/product/7413/>. (дата обращения: 24. 12. 2019).
9. Грановский Г.Л. Природа, причины экспертных ошибок и пути их устранения / В сб.: Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. М., 1983. С. 2.
10. Губаева Т.В. «Судебная экспертиза по делам об экстремизме», Вестник Института экономики, управления и права. Сер. 2. Право. Вып. 7. Казань, 2006. С. 303–315.
11. Елагина Е.В., Николаева Т.Г. Некоторые проблемы привлечения для производства судебных экспертиз сведущих лиц, не являющихся государственными экспертами. // В сборнике: Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. Ред.-сост.: М.А. Лушечкина. 2015. С. 206–210.
12. Елагина Е.В., Харатишвили А.Г. Качество подготовки судебной экспертизы – условие обеспечения качества ее производства / Российский следователь. – 2015. — № 20. – С. 31–35.
13. Песчаный М.В. «Особенности применения судебных экспертиз при расследовании преступлений экстремистской направленности» // Вестник Московского университета МВД России, №3. – 2009. – С. 208.
14. Песчаный М.В. «Особенности применения судебных экспертиз при расследовании преступлений экстремистской направленности» // Вестник Московского университета МВД России, №3. – 2009. – С. 207

15. Подкатилина М.П. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов : теоретические и методические аспекты : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность. – М., 2013. С. 21.
16. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. М., 2000. с. 19.
17. Философский энциклопедический словарь. М. 1983. С. 322.

В.В. Ромицын,

Заместитель директора
Дирекции корпоративной защиты,
Газпром Медиа (Москва)

ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

На начальном этапе расследования вопрос о наложении ареста на имущество может разрешаться в условиях недостаточно высокой степени доказанности соответствующих обстоятельств. Срок применение этой меры всегда ограничен во времени, а его продление всякий раз предполагает более высокую степень доказанности этих обстоятельств. В противном случае возрастают риски как необоснованности принятых ограничений права собственности, так и утраты имущества или его сокрытия.

Ключевые слова: арест, имущество, обоснованность, право собственности.

Vladimir V. Romitsyn,

Deputy Director of the Corporate Protection Directorate,
Gazprom Media (Moscow)

PROTECTION OF RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS IN THE IMPOSITION OF ARREST ON PROPERTY IN CRIMINAL CASES

At the beginning of the investigation, the question of the seizure of property may be resolved in the context of insufficiently proven circumstances. The duration of this measure is always time-limited, and its extension each time implies a greater degree of proof of these circumstances. Otherwise, the risks of both the unreasonableness of the accepted restrictions on property rights and the loss of property or concealment of property increase.

Keywords: arrest, property, validity, property rights.

Наложение ареста на имущество по уголовным делам в качестве обеспечительной меры процессуального принуждения, применяемой для возмещения вреда, причиненного преступлениями, исполнения наказания в виде штрафа, приговора в части других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, с каждым годом применяется все чаще. Очевидно, что применение этой меры связано с ограничением собственников (или владельцев) по владению, распоряжению или пользованию вещами, включая: наличные денежные средства и документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, находящиеся на счетах и во вкладах в банках и иных кредитных организациях; бездокументарные ценные бумаги, права на которые

учитываются в реестре владельцев бездокументарных ценных бумаг или депозитарии; имущественные права, включая права требования и исключительные права, в значительных объемах и суммах .

Так, только подразделениями Главного следственного управления Следственного комитета России по Санкт-Петербургу ежегодно наложением ареста ограничивается в обороте имущество, стоимость которого составляет в среднем порядка 2,5 млрд. рублей. В этой связи, только исходя из усредненного исчисления суммы общеэкономического ущерба, с учетом инфляции и минимально возможной доходности (инфляция за 2018 год составила по данным Росстата 4,3%, ключевая ставка – 7.5 %), экономический ущерб от каждого миллиарда арестованного имущества составляет от 43 до 75 миллионов рублей ежегодно. Это представляется весьма существенным даже без включения в расчет затрат на содержание имущества, текущие доходы от него, частичная утрата имуществом своих качеств и свойств, моральное старение, ценовые изменения его стоимости, упущенная выгода и др [2, С. 7; и др.].

Гипотетически, учитывая цели наложения ареста на имущество, его можно оправдать необходимостью обеспечения социальной справедливости, восстановления нарушенного преступлением права, что не может измеряться в денежном выражении. Ведь права потерпевших от преступлений охраняются законом, а обеспечение потерпевшим доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба является обязанностью государства. В этом смысле справедливость и правосудие дороже (ценнее) денег.

Вместе с тем, уголовное судопроизводство имеет своим назначением не только защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ст. 6 УПК РФ).

Соответственно, к применению такой принудительной меры процессуального принуждения как наложение ареста на имущество необходимо подходить весьма взвешенно, особенно учитывая текущие сложные экономические условия, в которых осуществляется экономическая деятельность.

Наложение ареста на имущество по уголовным делам относится к мерам по ограничению конституционного права собственности. Вот

почему основания, условия и порядок этого процессуального действия должен быть регламентирован законом, отвечающим критерию определенности правового регулирования, дифференциации и соразмерности допускаемых им ограничений защищаемым (охраняемым) ценностям. Вместе с тем, существующий уровень определенности решения законодателем вопросов, возникающих в уголовном процессе в связи с имуществом, не является достаточным [1, С. 25; 2, С. 7–8]. Свидетельством тому служат множественные обращения в Конституционный Суд Российской Федерации, затрагивающие различные аспекты ареста имущества, в том числе смысла норм, который им придает правоприменительная практика, неоднозначная и разнообразная, не являющаяся общепринятой [3; 4; и др.].

Необходимо учитывать, что уголовно-процессуальный закон не определяет четкие основания наложения ареста на имущество, а определяет лишь целевое назначение ареста имущества. При разрешении данного вопроса суд должен указать на конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение, а также установить ограничения, связанные с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом (ч. 1 ст. 115 УПК РФ). Но объективно определить наличие или отсутствие таких обстоятельств (при наложении ареста на имущество) практически невозможно до окончательного формулирования обвинения и определения круга участников судебного разбирательства по уголовному делу. В тоже время, не прибегая к аресту имущество (на основе лишь предполагаемых, а не установленных обстоятельств), можно утратить саму возможность обеспечения и исполнения приговора в части гражданского иска, и взыскания штрафа, и других имущественных взысканий, и возможной конфискации имущества, делая тем самым приговор неисполнимым в соответствующей части, а потому бессмысленным.

Необходимо учитывать и то, что в случае признания незаконности или необоснованности наложения ареста на имущество, могут последовать иски о возмещении вреда, причиненного собственнику или владельцу имущества в части ограничения имущественных прав.

Таким образом, могут быть поставлены под угрозу интересы уголовного судопроизводства и правосудия, а также тех, чьи права затрагиваются наложением ареста на имущество. Это подозреваемые, обвиняемые или лица, несущие по закону материальную ответственность за их действия, потерпевшие, гражданские ответчики, гражданские истцы, другие лица, не являющиеся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия.

Наиболее острой проблемой является проблема ареста имущества, находящегося у третьих лиц, то есть определение обвиняемого или гражданского ответчика как реального собственника имущества и применение к ним ограничительных мер. В правоприменительной практике иногда арест накладывается на имущество третьих лиц без признания данных лиц гражданскими ответчиками по делу. В связи с этим они лишаются специальных процессуальных прав, не могут участвовать в доказывании и др. Вместе с тем, институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве работает только в части его обеспечения и должен рассматриваться с учетом положений гражданского законодательства, согласно которому исковые требования предъявляются конкретному лицу – выступающему ответчиком по делу [5, С. 5–10; и др.].

В силу прямого предписания ст. 54 УПК РФ в уголовном судопроизводстве таким ответчиком может выступать физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с ГК РФ несет ответственность за вред, причиненный преступлением. Соответственно арест имущества лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, может носить лишь временный характер и лишь в отношении имущества, предположительно полученного в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использованного или предназначенного для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Если уголовно-процессуальным путем не доказано такое происхождение или предназначение имущества, решение об аресте подлежит отмене.

Разумеется, уголовный процесс в принципе не нацелен на решение вопросов гражданско-правового характера, отнесенных к подведомственности судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Вместе с тем, установление факта совершения преступления определенным лицом в уголовном судопроизводстве, очевидно, может служить основанием для определения гражданско-правовых последствий действий такого лица (если в его отношении вынесен приговор). Сказанное означает, что вступивший в законную силу приговор (или иное решение суда по уголовному делу) имеет заранее установленную силу (является обязательным) для гражданских судов общей юрисдикции и арбитражных судов в отношении указанного факта (ч. 4 ст. 61 ГПК РФ, ч. 4 ст. 69 АПК РФ).

Тем самым обвинительный приговор, а также арест имущества, наложенный в рамках производства по уголовному делу, выступают одной из гарантий для обеспечения потерпевшему возможности получить денежное возмещение причиненного ему ущерба или вреда. Именно поэтому (с учетом назначения уголовного судопроизводства) правоприменительные органы не вправе отказывать в признании гражданским истцом физического или юридического лица, предъявившего требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением.

Наложение ареста на имущество по уголовным делам по своему предназначению применяется как в публичных целях (для обеспечения санкций – штраф, конфискация, иных изъятий в пользу государства), так и в целях обеспечения прав и имущественных интересов лиц, которым нанесен вред в результате совершения преступления.

В обоих случаях, к числу разрешаемых относится вопрос об объеме имущества, подлежащего аресту, который выражается, как правило, через его стоимость (с учетом потребности возмещения ущерба, цены иска, возможного штрафа, имущественных взысканий и др.). В данной связи, во-первых, необходимо оценить существо нарушений материального уголовного, гражданского, налогового и административного права, установить круг ответчиков по соответствующим обязательствам, объем и правовой статус имущества с точки зрения возможности обращения на него взыскания. Во-вторых, на этой основе нужно определить размер возмещения вреда, причиненного преступлением, причастность к преступлению конкретного лица, обосновать и мотивировать соответствующее процессуальное решение. Причем в зависимости от обстоятельств дела и существа преступления может потребоваться анализ не только положений уголовного закона, но и норм гражданского, налогового, таможенного, административного или иных отраслей права. Применительно, например, к уголовным делам об экологических преступлениях расчет размера ущерба носит нормативный, вмененный характер. Что же касается налогов, то необходимо учитывать разницу между конкретной суммой умышленно не оплаченного налога и «доначисленной» его недоимкой, что обязывает следователя предварительно объективно разобраться в этом вопросе.

При наложении ареста на имущество весьма важным является вопрос об определении характера ограничений правомочий собственника или владельца арестованного имущества, а также вопрос о передаче имущества на хранение или в пользование. Практика разрешает

его в большинстве случаев, не радикальным путем. Имущество остается у того лица, которое владело им к моменту ареста, и только суд уполномочен окончательно определить судьбу этого имущества. Вместе с тем, данный вопрос подлежит разрешению с учетом специфики самого имущества, его предназначения, существа преступного деяния. Ведь именно в рамках расследования преступления осуществляется арест имущества и выяснение того, являлось ли оно предметом преступного посягательства, служило ли орудием или средством совершения преступления, сохранило ли на себе следы преступления, подлежит ли хранению в качестве вещественного доказательства, и др.

Например, по рейдерским уголовным делам, где захвачено и сдается в аренду коммерческое имущество, извлекается регулярный доход, который идет в пользу обвиняемой или третьей стороны (иногда добросовестного приобретателя). В Главном следственном управлении Следственного комитета России по Санкт-Петербургу есть практика наложения ареста на арендные платежи. Разрешение вопроса о наложении ареста на такое имущество сопровождается и возникающими вопросами оплаты содержания имущества, коммунальных платежей, неуплата которых может повлечь и пени, и штрафы, а равно ухудшение состояния этого имущества, подлежит такое имущество передаче на хранение, может быть оставлено у добросовестного приобретателя или же подлежит возврату собственнику.

Иначе говоря, следственные органы вынуждены брать на себя дополнительную нагрузку, что увеличивает временные затраты, обусловленные необходимостью доказывания дополнительных обстоятельств (непосредственно не связанных с доказыванием самого преступного деяния и причастности к нему конкретного лица), а также разрешения связанных с их установлением процессуальных вопросов.

По смыслу положений уголовно-процессуального закона принятие решения о наложении ареста на конкретное имущество по уголовным делам и сам арест предполагают выполнение органами следствия и суда определенных требований.

Ходатайство следователя перед судом перед судом о наложении ареста на имущество должно включать в себя:

- обоснование наличия преступления и причастности к нему конкретного лица;
- сведения о причиненном преступлением конкретном ущербе;
- информацию о наличии заявленного гражданского иска, о принадлежности имущества;
- данные о других обстоятельствах, на основании которых суд может принять такое решение;

- указание на ограничения, которые необходимо установить на владение, пользование, распоряжение арестованным имуществом.

Суд по ходатайству следователя обязан определить доказаны ли совершение преступного деяния и причастность к нему лица, на имущество которого налагается арест, правильно ли квалифицировано это деяние, есть ли причинная связь между деянием конкретного лица и причиненным вредом (ущербом). Кроме того, суд должен дать надлежащую имущественную оценку причиненному ущербу (необходима оценка адекватности суммы, так как некоторые гражданские иски носят компенсационный характер), а также надлежащую оценку имущества, на которое накладывается арест.

По результатам анализа этих и иных обстоятельств и доказательств, представляется возможным оптимальным образом разрешить вопрос о соразмерности и характере ограничений правомочий в отношении имущества.

Учитывая, что на начальном этапе расследования данный вопрос может разрешаться в условиях недостаточно высокой степени доказанности соответствующих обстоятельств, дающих основания для наложения ареста на имущество, срок применения этой меры всегда ограничен во времени, а его продление всякий раз предполагает более высокую степень доказанности этих обстоятельств. В противном случае возрастают риски как необоснованности принятых ограничений права собственности, так и утраты имущества или его сокрытия, в случае отмены ареста на него.

Полагаю, что такой, основанный на применении взаимосвязанных положений уголовно-процессуального закона, взвешенный подход к разрешению вопроса о наложении ареста на имущество обеспечивает и публичные интересы уголовного судопроизводства и правосудия, и частные интересы участников уголовного судопроизводства (или других лиц), чьи права затрагиваются наложением ареста на имущество.

Список использованных источников

1. Иванов Д.А. Возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, в досудебном производстве по уголовным делам. М., 2016.
2. Ионов В.А. Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях. М., 2012.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2018 № 1-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 81¹ и п. 3¹ ч. 2 ст. 82 УПК РФ в связи с жалобой ООО «Синклит» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.04.2019 № 18-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 73, ч. ст. 299 и ст. 307 УПК РФ в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Прасковьян Д.А. Обеспечение гражданского иска: правовая природа и система средств. М., 2006.

Я.П. Ряполова

канд. юрид. наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юго-Западного государственного университета

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЭТАПЕ ПРИЕМА И РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ *

В статье рассматриваются перспективы внедрения информационных технологий в ходе реализации уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела, формулируются предложения по закреплению процессуальных возможностей подачи и регистрации заявлений (сообщений) о преступлении в электронной форме, создания, оформления и использования электронных документов – материалов проверки. Автор также исследует барьеры, которые необходимо преодолеть на пути информационного совершенствования стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, проверка сообщения о преступлениях, информационные технологии, повод, цифровизация, досудебное производство.

Yaroslava P. Ryapolova

*PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
and Forensic Science
Southwest State University*

THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGY AT THE STAGE OF ADMISSION AND CONSIDERATION OF CRIME REPORTS: THE CURRENT STATE OF THE PROBLEM

Summary: The article discusses the prospects for the introduction of information technologies in the course of the implementation of criminal procedural activities at the stage of initiating a criminal case, formulates proposals to consolidate the procedural possibilities for filing and registering statements (messages) about a crime in electronic form, creating, processing and using electronic documents – verification materials. The author also examines the barriers that need to be overcome on the way of informational improvement of the stage of criminal proceedings.

Keywords: initiation of a criminal case, verification of reports of crimes, information technology, pretext, digitalization, pre-trial proceedings.

[*] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00088).

Как известно, происходящие изменения уголовно-процессуального законодательства не отражают темпа развития современных телекоммуникационных отношений, ни для кого не секрет, что действующие нормы УПК РФ в этой части отражают преимущественно тот уровень техники, который был характерен для общества 70-х годов прошлого столетия, что совершенно не соответствует современному состоянию отношений «человек-техника». Только отдельные последние изменения законодательства (федеральные законы от 04.03.2013 г. №23-ФЗ, от 03.07.2016 г. №323-ФЗ, от 27.12.2018 г. №533-ФЗ и др.) направлены на восполнение известного пробела. При этом исследователями справедливо отмечается «отсутствие внятной концепции, системности и полноты в регулировании цифровых элементов уголовного судопроизводства» [8, с. 57].

Как полагают многие исследователи, цифровизация досудебного уголовного судопроизводства в России происходит непоследовательно и неоперативно, законодатель медлит с интегрированием в уголовный процесс предлагаемых «электронных новинок», не обращая внимания даже на тот факт, что УПК РФ в этом вопросе заметно отстает от других российских процессуальных законов [10, с. 642], не говоря уже об отрыве от ведущих мировых практик, где достаточно давно и успешно интегрируются технологические решения в правоохранительную деятельность (США, Казахстан, Турция, Эстония, Канада, Германия, Бельгия, Южная Корея и пр.) [9, с. 97–129], [4, с. 728–751], [17 с. 81–87].

Важно отметить, теоретические изыскания в сфере обеспечения технологичности уголовного процесса активизировались относительно недавно, этой проблематике были посвящены ряд прошедших конференций в ведущих научных школах (Например, круглый стол «Информационно-технологическое обеспечение уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности в условиях цифровизации общества» (Пермь, 27 октября 2018 года), совместная секция XVI конференции ФПА РФ «Адвокатура. Государство. Общество» и XVIII Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» (26 ноября 2020 г.) и ряд других тематических конференций), эпидемия коронавирусной инфекции определила новую повестку обсуждений в научных кругах о необходимости скорейшего перехода российского уголовного судопроизводства в электронный формат [2, с. 5–15], [12, с. 84–90], как правило, внимание научной общественности сконцентрировано на принципах, пределах и основных направлениях использования современных информационных технологий в уголовном судопроизводстве, включая цифровые. При этом работы, имеющие соответ-

ствующую направленность применительно к стадии возбуждения уголовного дела, имеют единичный либо фрагментарный характер, что в свою очередь говорит о необходимости дальнейших исследований в этой области.

Зачастую под видом разработки прогрессивной нормативной модели поэтапного перестроения досудебного производства в условиях развития цифровых технологий предлагаются радикальные организационные изменения досудебного производства, так, принято считать, что высокая зрелость IT-технологий настоятельно требует трансформации существующих процессуальных порядков [1, с.200], в частности, все чаще возвращаются к идее об исключении стадии возбуждения уголовного дела [5, с. 9–18].

Рассуждения в подобном ключе оправданы стремлениями реализовать желаемые цели – решение проблем и противоречий начальной стадии – без учёта объективных обстоятельств и возможных неблагоприятных последствий предлагаемой модернизации. Однако, видится, новая цифровая реальность по определению способна обогащать нормативные комплексы уголовно-процессуального и любых других отраслей права, даже если они представляются несовершенными при традиционных оценках их законодательной эффективности, следовательно, выглядит нелогичной расстановка приоритетов, когда вначале предлагается преобразовать досудебное производство по «эффективному сценарию», а уже потом приносить «цифру» в реорганизованный институт начала досудебного расследования. Кроме того, как верно отмечено П.П. Ищенко, цифровизация уголовного судопроизводства согласно мировому опыту вовсе не предполагает разрушительного реформирования законодательства [11, с. 97]. Законодательство развитых зарубежных стран выдержано вполне в классическом гуманитарном правовом формате, содержит действенные уголовно-процессуальные гарантии, которые не подменены цифровыми технологиями, а усилены ими [7, с. 31].

Не вдаваясь в дискуссию о предпочтительных путях преобразования досудебного производства, будем исходить из того, что проверочная деятельность на этапе приема сообщений о преступлении и реагировании на них функционально, объективно необходима независимо от реализуемых уголовно-процессуальных порядков [18, с. 273–278] и предпочтительнее, если она будет облачена в процессуальную форму.

Если обобщить обсуждаемые перспективы совершенствования уголовно-процессуальной регламентации начальной стадии процесса в условиях внедрения современных информационных технологий,

наиболее востребованные и ожидаемые вскорости изменения касаются замены устаревшего письменного делопроизводства электронным документооборотом, а также введения автоматизированного порядка приема, регистрации, обработки сообщений о преступлениях [21, с. 110].

На сегодняшний день УПК РФ предусмотрена возможность использования электронных документов в ходе уголовного судопроизводства (ст. 474.1 УПК РФ, однако такая возможность реализуется исключительно в ходе судебной стадии уголовного процесса, на уровне отдельных субъектов РФ налажено активное межведомственное взаимодействие с использованием электронного документооборота судов с органами МВД, прокуратуры, судебного департамента, налоговой службы, федерального казначейства, Росимущества, Росреестра, Почты России и других государственных органов, информация или содействие которых необходимы для быстрого и беспрепятственного осуществления правосудия [23, с. 117–131]. При этом следует согласиться с проф. Масленниковой Л.Н. в том, что на федеральном уровне пока нет единой платформы, объединяющей госорганы, осуществляющие уголовное судопроизводство, как по вертикали, так и по горизонтали, в рамках такой платформы нет связи и с населением [15, с. 214–224].

Идея электронного документооборота на этапе рассмотрения сообщения о преступлении заключается в создании программного обеспечения (платформы), позволяющего заявителям осуществлять передачу в правоохранительные органы сообщений о преступлениях в интерактивной форме (онлайн), а субъектам проверки – осуществлять прием, регистрацию и дальнейшее производство по заявлениям (сообщениям) о преступлениях в электронной форме с возможностью создавать электронные документы с четкой структурой и реквизитами (вкладками, полями, обязательными для заполнения), подписывать их посредством электронно-цифровой подписи, хранить. Такая платформа предполагает также возможность своевременного и беспрепятственного доступа к ней должностных лиц, осуществляющих ведомственный контроль. Все поступающие материалы проверки, не являющиеся электронными документами, должны быть оцифрованы и приобщены к так называемому «электронному досье» в виде файлов, оцифровка документов при этом производится посредством сканирования, фотографирования или видеозаписи. По итогам завершения проверки сообщения о преступлении система оповещала бы в электронном виде заявителя и лица, в отношении которого велась проверка, о принятом решении путем отправки электронной копии процессуального решения. В случае несо-

гласия с принятым по итогам проверки решением заинтересованное лицо может обжаловать его также путем подачи жалобы прокурору, руководителю следственного органа или в суд в электронном виде.

Внедрение электронного документооборота позволит существенно снизить количество нарушений в учетно-регистрационной работе правоохранительных органов, объективизировать криминальную статистику и искоренить порочную практику укрывательства преступлений. Ученые-процессуалисты видят преимущество электронного документооборота в устранении избыточного формализма уголовного судопроизводства, в повышении открытости, доступности, экономичности и оперативности правосудия, автоматической систематизации и структурировании материалов уголовного дела, обеспечении удаленного взаимодействия между органами дознания, другими следственными подразделениями, органами прокуратуры, судами, усилении гарантий лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство [20, с. 70–79].

Самостоятельными направлениями цифровизации начальной стадии являются разработка и применение дистанционных форм проведения следственных и иных процессуальных действий и сохранение результатов в электронном виде [16, с. 159–168]; информационные технологии также могут внедряться в целях оптимизации судебного контроля на начальном этапе уголовного судопроизводства [14, с. 43]. В контексте долгосрочных перспектив цифровых преобразований процессуальной формы досудебной стадии процесса заслуживает внимания идея создания компьютерных программ для правоприменителя, способной к анализу, а именно в автоматическом режиме соотносить содержание сообщения о происшествии с имеющимися описаниями признаков преступления, отыскивать и предлагать правоприменителю возможные варианты соответствия [6, с. 65].

Говоря о возможных рисках предстоящей цифровизации, чаще имеют в виду проблему обеспечения информационной безопасности в сфере идентификации личности, угрозы несанкционированного доступа и фальсификации извне сохраненных электронных документов. Для решения этого вопроса потребуется качественное техническое решение, ведь эффективность любых правовых норм находится в прямой зависимости от уровня технического обеспечения правоохранительных органов и населения. В этой связи предстоит адаптировать стандарты обеспечения информационной безопасности и защиты информации в существующих системах электронного документооборота, как-то: аутентификация пользователя системы, распределение прав доступа для пользователей системы, поддержка электронной подписи, шифро-

вание данных, протоколирование и аудит работы пользователей в системе в режиме реального времени [3, с. 64–65], [19, с. 44]. Ввиду того что в ходе формирования электронных материалов проверки будут производиться операции с персональными данными участвующих лиц, следует предусмотреть возможность сохранять личные данные участников втайне, в отдельных зашифрованных компьютерных файлах, изменять и использовать их, если этого требуют доследственная ситуация в интересах защиты будущих свидетелей, подозреваемых и пр.

Существует неопределенность в вопросе о возможности оформления электронной цифровой подписи для документов, когда участвующее лицо обязано собственноручно подтвердить правильность изложенных в нем сведений и свое личное отношение к ним. Механизм выполнения собственноручной подписи обусловлен психофизическими характеристиками организма человека, в силу чего эта подпись неразрывно связана с биологической личностью подписывающего [22, с. 43]. В этой связи практически невозможно заверить электронной цифровой подписью и другими аналогами собственноручной подписи текст полученных объяснений, явки с повинной, протоколы следственных действий (для непрофессиональных участников – заявителя, очевидца, адвоката, опрашиваемого лица и пр.), электронный формат таких документов, как представляются, может обеспечиваться посредством создания сканированных копий соответствующих бумажных экземпляров либо адаптировать для этих целей зарекомендовавший себя институт видеоконференцсвязи.

Немаловажным фактором, который необходимо учитывать в ходе внедрения высоких технологий в уголовно-процессуальную форму – это явно недостаточный уровень доверия населения к информационным технологиям на текущий момент [7, с. 31], не добавляет оптимизма и нарастающий вал преступлений, инструментом которых выступают цифровые технологии, а это значит современные цифровые технологии чреваты высокими рисками фальсификации.

По-прежнему открыт вопрос так называемого «цифрового неравенства», когда для отдельных лиц все еще остаются недоступными для понимания или использования достижения электронных технологий. Конечно, это не должно стать препятствием для доступа к правосудию, ввиду этого прием и регистрацию сообщений о преступлениях в электронной форме целесообразно развивать как альтернативную модель формирования повода для возбуждения уголовного дела, наряду с традиционным. Представляется, каждое вводимое законодателем технологическое решение в ходе пилотных проектов, в рамках экспе-

римента в среднесрочной перспективе должно реализовываться наравне с возможностью применения прежнего порядка производства тех или иных процессуальных действий по ходатайству заинтересованных лиц (с их согласия). Такое дублирование может вызывать и вызывает негативное отношение к цифровизации в целом, ибо не оптимизирует, а, напротив, усложняет ее, делая более затратной. Тем не менее, как справедливо замечено Л.Н. Масленниковой, на начальном этапе это неизбежно [15, с. 224].

Проф. Воскобитова Лидия Алексеевна, анализируя попытки автоматизировать начальный этап уголовного судопроизводства в российской практике справедливо акцентирует внимание на преобладании ведомственного подхода в такой цифровизации, когда «цифровые технологии «вписываются» в общую работу того или иного ведомства» [6, с. 64]. И это важное замечание: в системе правоохранительных органов сейчас, пожалуй, не осталось ни одного ведомства, которое еще не внедрило бы собственные модернизированные специальные программы и сервисы, аппаратные комплексы и т.п., позволяющие создавать, подписывать защищенные электронные документы, обеспечивать их хранение, обмен, передачу, консолидацию разнородных данных, поддерживать информационное взаимодействие при решении служебных задач и т.п. При этом сложно возразить уважаемому автору в том, что цифровизация уголовного судопроизводства должна происходить на единой платформе, обеспечивающей функциональное взаимодействие должностных лиц между разными ведомствами, реализующих отдельные этапы уголовно-процессуальной деятельности. В этой связи обоснованной видится идея о возложении на прокуратуру функции администрирования онлайн-платформы (портала) приема и регистрации сообщений о преступлениях [6, с. 61].

Таким образом, цифровизация начальной стадии уголовного процесса является приоритетной задачей развития российского уголовно-процессуального законодательства в современный период, применение технических средств и технологий способствует своевременности и оперативности реагирования на поступившие сигналы о преступлении, придает оптимизируемым процедурам прозрачность и контролируемость и имеет большой потенциал в целях объективизации уголовно-процессуальной деятельности при возбуждении уголовных дел, повышения ее эффективности. При этом одинаково важны дальнейшая разработка вопросов принципов и определения допустимых пределов внедрения цифровых элементов в уголовно-процессуальные отношения при сохранении и даже усилении существующих гарантий прав участвующих лиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019. №448. С. 199–207. DOI: 10.17223/15617793/448/.
2. Андреева О.И., Качалова О.В. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени// Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36 С. 5–15. DOI:10.17223/22253513/36/1.
3. Баранов А.Н. Анализ уязвимостей современных систем электронного документооборота // Известия ТулГУ. Технические науки. 2018. №10 С. 74–65;
4. Вилкова Т. Ю., Масленникова Л.Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов – к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 728–751;
5. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности //Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – № 1. – С. 9–18.
6. Воскобитова Л.А. Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства как необходимое средство обеспечения прав потерпевших //Lex Russica. – 2020. – №. 4 (161). С. 64.
7. Гаврилин Ю. В., Победкин А.В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. №3 (51). С. 31.
8. Григорьев В.Н. Тенденции и проблемы развития законодательства в области информационных технологий, регулирующего уголовное судопроизводство // Академическая мысль. 2019. №3 (8).
9. Гриценко Е.В., Ялунер Ю.А. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3. С. 97 – 129;
10. Добровлянина О.В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 641–649.
11. Ищенко П. П. О путях реформирования и цифровизации начального этапа предварительного расследования //Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. – 2019. – №. 8 (60). С. 89–99.
12. Лазарева В.А. Уголовный процесс в условиях пандемии и потом //Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – №. 3. С. 84–90.
13. Макарова О.В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 159 – 168.
14. Масленникова Л. Н., Сушина Т.Е. Оптимизация судебного контроля на начальном этапе уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2019. № 3. С.41–44.

15. Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 214 – 224. DOI: 10.17803/1994–1471.2020.115.6.214–224
16. Овчинникова О.В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – №. 1 (47). С.108–116.
17. Пастухов П.С. Электронный документооборот в уголовном процессе США //Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – №. 4 (19).С.81–87.
18. Рябинина Т.К., Ряполова Я.П. Сохранение стадии возбуждения уголовного процесса: новые аргументы в старой дискуссии // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции. Издательство: Академия Следственного комитета Российской Федерации 2014. С. 273–278.
19. Соколов С.С., Карпина А.С., Гаскаров В.Д. Методы и модели построения защищенной системы электронного документооборота в транспортно-логистическом кластере // Вестник АГТУ. Серия: Управление, вычислительная техника и информатика. 2016. №3. С. 40–52
20. Торбин Ю.Г., Усачев А.А., Плеснева Л.П. Формы взаимодействия следователя с органами дознания на начальном этапе досудебного производства // Lex russica. 2020. № 3. С. 70 – 79.
21. Усачев А.А. Цифровизация начального этапа досудебного производства и правовая определенность российского уголовного процесса //Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2019. – №. 8 (60). С. 100–111.
22. Фаткулин С.Т. Проблемы применения электронных документов в уголовном и арбитражном процессе //Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – №. 4 (19). С.40–44.
23. Шереметьев И.И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы // Lex russica. 2019. № 5. С. 117 – 131.

СМЕНА НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА НА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВУЮ

В статье анализируется влияние пенетрации международно-правовых элементов на сущность уголовно-процессуального права и регулируемой им деятельности. Сформулированы характерные черты национально-государственной парадигмы уголовного процесса. Представлено видение поэтапной смены данной парадигмы. Автор приходит к выводу, что с развитием правового государства парадигма уголовного процесса сменяется с национально-государственной на международно-правовую.

Ключевые слова: парадигма уголовного процесса, международно-правовая парадигма, глобализация, международный договор, международная правовая помощь по уголовным делам.

Vadim I. Samarin

PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure and
prosecutor supervision
Belarusian State University

CHANGING PARADIGM OF NATIONAL STATE OF CRIMINAL PROCESS FOR INTERNATIONAL LEGAL

Summary: The article reveals the influence of the penetration of elements of international law on the essence of criminal procedure law and the activities regulated by it. The characteristic features of the national-state paradigm of the criminal procedure are formulated. A vision of a phased change of this paradigm is presented. The author comes to the conclusion that with the development of the rule of law, the paradigm of the criminal procedure changes from the national-state to the international-legal one.

Keywords: paradigm of criminal procedure, international legal paradigm, globalisation, international treaty, international legal assistance in criminal matters.

С появлением инквизиционного типа уголовного процесса уголовное преследование становится прерогативой государства. Утверждение, что право наказывать, как составляющая судебной власти, является неотъемлемым элементом суверенитета государства, приобрело абсолютный характер, что, в отличие от частно-правовой сферы, не позволяло международно-правовым элементам активно проникать в регулирование уголовно-процессуальных отношений. Такой подход

закономерно вызывался неотъемлемым правом суверена на уголовное судопроизводство, недопустимостью его ограничения. Опыт последних десятилетий показывает, что глобализация связана не только с экономическими отношениями и проявляется в различных сферах человеческой деятельности. Глобализация создает возможность для расширения образа мыслей человека. Тем самым, глобализация приближает правовые системы к тому, что происходит в других государствах, и нельзя отрицать тот факт, что глобализация оказывает все большее влияние на расследование преступлений и отправление правосудия на национальном уровне.

В закрытом уголовном процессе, присущем национально-государственной парадигме, можно выделить ряд характерных черт:

- ограничение вторжения в свою уголовно-процессуальную юрисдикцию (пределы деятельности судов и органов уголовного преследования по возбуждению, расследованию и разрешению уголовных дел);

- низкий уровень имплементации норм международного права прав человека в национальный уголовно-процессуальный закон;

- единичные случаи оказания международной правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности и отсутствие соответствующих законодательных предписаний;

- ограниченное взаимное доверие с другими государствами при оказании правовой помощи, что препятствует взаимному признанию процессуальных решений по уголовным делам. Такое признание рассматривается как вторжение в сферу национальных интересов (безопасности). Данная черта прослеживается, например, при сравнительном анализе соответствующих норм в Конвенциях СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. и 2002 г.;

- отсутствие возможностей для перехода из национального уголовного процесса в органы международной судебной (правовой защиты), а равно неисполнение решений юрисдикционных органов международных организаций даже при признании их компетенции. Достаточно вспомнить сложности с предоставлением Европейскому Суду по правам человека обязательной юрисдикции и наличием изначально промежуточной Европейской комиссии по правам человека;

- отсутствие в доктрине проработанности вопроса о международном договоре как источнике уголовно-процессуального права.

Нельзя не заметить активную пенетрацию в последние десятилетия международно-правовых предписаний через уголовно-

процессуальное право в деятельность по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел. Необходимость учета международно-правовых норм правоприменителем отмечают и немецкие процессуалисты, говоря об интернационализации уголовно-процессуального права [5, р. 23, 27]. В результате подобной интернационализации, на наш взгляд, складывается международно-правовая парадигма современного уголовного процесса, то есть парадигма, основанная на нормах международного права.

Международно-правовая парадигма уголовного процесса пришла на смену закрытому уголовному процессу, национально-государственной парадигме после того, как государство стало постепенно «уступать» суверенитет в самой деликатной сфере – уголовной юстиции. Она стала ответом на проявления инквизиционного процесса «закрытого государства» в худших его качествах в XX веке. Национально-государственной парадигме уголовного процесса нередко было свойственно позитивистское правопонимание, когда право считается закрытой системой, «образованной прежде всего нормами права, содержащимися в национальных правовых актах», принятыми органами государственной власти» [2, с 47]. Однако смена парадигмы на законодательном уровне, в науке уголовного процесса во многом идет впереди правоприменительной деятельности. Это обусловлено необходимостью смены ментальности правоприменителя.

Необходимость проникновения наднациональных предписаний в национальное уголовно-процессуальное законодательство не всегда вызвана предписанием международного правового акта о внутригосударственной имплементации. Нам кажется, что законодатель исходил из того, что правоприменители на местах не всегда перепроверяют договорную базу между государствами (особенно в доцифровую эпоху), и им необходимо определить реальную волю суверена.

В ходе исследования нами условно выделено пять этапов интерференции надгосударственного в национальный уголовный процесс – пять этапов отступления национально-государственной парадигмы перед международно-правовой:

- 1) связанный с развитием дипломатического права после 1815 г.;
- 2) первое проникновение института международной правовой помощи по уголовным делам в национальное законодательство (после издания Закона Бельгии о выдаче 1833 г.);
- 3) ответ на злодеяния режима национал-социализма в Германии. Появляются общепризнанные нормы международного права о правах человека в сфере уголовного процесса, которые постепенно адсорби-

руются национальным уголовным процессом, становятся его принципами;

4) развитие с 1950-х гг. института международной судебной защиты (уголовное дело может быть пересмотрено по новым обстоятельствам – обоснованным надгосударственным юрисдикционным органом);

5) прямая гармонизация норм уголовно-процессуального права в рамках интеграционных образований (с 1990-х гг.).

Некоторые государства пытаются сопротивляться взятым на себя международно-правовым обязательствам. Это закономерно: правоприменители многих государств-членов Европейского Союза изначально не хотели признавать верховенство наднационального права (достаточно вспомнить, например, дело *Solange I* Федерального конституционного суда ФРГ). В этом смысле показательна норма, изложенная в п. б) ч. 5.1 ст. 125 Конституции Российской Федерации (в ред. 2020 г.): Конституционный Суд Российской Федерации может принимать решение о возможности реализации решений межгосударственных органов, принятых на основании международных договоров, в их толковании, противоречащем Конституции, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда..., которое налагает обязательства на Российскую Федерацию в случае, если это решение противоречит принципам публичного права этого государства. Данная норма была приложена к сфере уголовного процесса Федеральным законом Российской Федерации № 419-ФЗ от 08.12.2020. В этом плане Республика Беларусь отличается тем, что не берет на себя обязательства, которые не сможет выполнить на данном этапе своего развития.

Международно-правовая парадигма уголовного процесса приводит к необходимости постоянного соотнесения норм национального уголовно-процессуального права с indefinitными расплывчатыми международными стандартами, которые не закреплены четко в каком-либо одном международном правовом акте, что позволяет каждому исследователю ссылаться на различные предписания. Сквозь призму норм международного права (не всегда действующих для Республики Беларусь) анализируют нормы национального уголовно-процессуального права не только ученые-процессуалисты, но и судьи Конституционного Суда Республики Беларусь. Так, в большинстве своих решений, связанных с рассмотрением вопроса о соответствии Конституции Республики Беларусь предписаний Уголовно-процессуального кодекса, последний ссылается на Всеобщую деклара-

цию прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах. В решении № Р–1167/2019 от 23.04.2019 «О правовом регулировании производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам» Конституционный Суд Республики Беларусь сослался на ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая не действует в отношении нашего государства.

При этом мы признаем, что пенетрация, а также влияние международно-правовых норм на внутреннее уголовно-процессуальное право не устраняет границу между двумя самостоятельными правовыми системами [3, с. 222–224], ведь международное публичное право представляет собой, прежде всего, «совокупность обычных и конвенционных норм, юридически связывающих цивилизованные государства и другие общности, обладающие международной правосубъектностью, в их взаимоотношениях друг с другом» [6, р. 253], оно функционирует как самостоятельная система по отношению к внутреннему праву любого государства [1]. Нормы международного публичного права регулируют отношения, прежде всего, между государствами, а также созданными ими субъектами (например, международными организациями). Однако необходимость приложения таких норм в рамках национальной правовой системы, закономерно приводит к размыванию указанной границы.

На наш взгляд, международно-правовая парадигма подразумевает систему представлений законодателя, правоприменителя и общества о праве и основанной на нем деятельности, а также соответствующих ценностей в контексте общепризнанных принципов и норм международного права. Данную парадигму можно рассматривать и в отраслевом аспекте. Так, учитывая, что уголовный процесс представляет собой урегулированную уголовно-процессуальным законом деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда по расследованию преступлений, рассмотрению уголовных дел и их разрешению, а также, частично, по исполнению приговора [4], то опосредование в соответствующем законодательстве принципов, закрепленных в международных правовых актах, допущение прямого применения в уголовно-процессуальной деятельности международных договоров предполагает проявление международно-правовой парадигмы в национальном уголовном процессе.

Полагаем, что с развитием правового государства парадигма уголовного процесса сменяется с национально-государственной на международно-правовую. Соответствующую тенденцию можно заметить в уголовном процессе Республики Беларусь и Российской Федерации. Хотя в них эта трансформация и разносторонняя.

Список использованных источников

1. Данилевич, А.А. Уголовный процесс : учеб.-метод. пособие / А.А. Данилевич, О.В. Петрова, В.И. Самарин. – Минск : БГУ, 2016. – 351 с.
2. Ершов, В.В. Универсальное в национальном и международном праве / В.В. Ершов // Журнал российского права. – 2018. – № 7. – С. 46–61.
3. Зивс, С.Л. Источники права / С.Л. Зивс. – М.: Изд-во «Наука», 1981. – 240 с.
4. Система советского права и перспективы ее развития: круглый стол журнала «Советское государство и право»: Э.А. Пушмин // Советское государство и право. – 1982. – № 8. – С. 67–69.
5. Die Strafprozeßordnung und das Gerichtsverfassungsgesetz : Großkommentar / Hrsg. P. Rieß. – 25., neubearbeitete Auflage. Bd. 1: Einleitung; §§ 1–71. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1999. – 274 S.
6. Wortley, B.A. The interaction of public and private international law today / B.A. Wortley // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. – 1954. – Vol. 85. – P. 239–338.

Е.В. Сидоренко,

канд. юрид. наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Российского государственного университета правосудия,
Почетный работник прокуратуры

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО) ПРИ УЧАСТИИ ЗАЩИТНИКА

Статья посвящена тактическим особенностям, которые должен учитывать следователь при проведении допроса обвиняемого с участием адвоката

Ключевые слова: допрос, адвокат, подзащитный, обвиняемый, следователь.

Sidorenko Elena Vasilevna

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of criminal procedural law of The North Western branch of "The Russian State University of Justice", Senior Counselor of Justice

TACTICAL FEATURES OF THE INTERROGATION OF THE ACCUSED (SUSPECT) WITH THE PARTICIPATION OF THE DEFENDER

Summary: The article is devoted to the tactical features that an investigator should take into account when conducting an interrogation of the accused with the participation of a lawyer

Keywords: interrogation, attorney at law, defendant, accused, investigator

Для того, чтобы получить максимальный результат от проведенного следственного действия, чтобы добиться максимального эффекта, следователь должен действовать профессионально, подготовлено, инициативно.

Допрос обвиняемого (подозреваемого) с участием защитника повышает требования к следователю, который должен проявить высокий профессионализм, должен обладать большим арсеналом тактических навыков.

Факт участия защитника в допросе может оказать существенное влияние на расследование.

Большинство авторов указывает, что участие защитника в допросе создает особые трудности у следователя. Однако, роль защитника в ходе допроса может быть оценена положительно, так как неизбежное продумывание следователем тактики, планирование и дополнительное изучение материалов уголовного дела перед допросом неизменно должно привести к повышению качества расследования в целом.

Зная, что допрос будет проводиться с участием защитника, следователь волей-неволей должен тщательно подготовиться к следственному действию: определить цели и характер своего поведения с учетом сложившейся следственной ситуации; еще раз тщательно изучить материалы уголовного дела, имеющуюся доказательственную базу. Информация, почерпнутая из материалов уголовного дела, которая поможет следователю воспользоваться необходимым тактическим приёмом во время допроса, должна быть «под рукой». Кроме того, следователь заранее должен продумать тактику, как он будет налаживать взаимодействие с допрашиваемым и его защитником.

Яблоков Н.П. и Маевский С.С. справедливо указывают, что «налаживание продуктивного взаимодействия следователя со всеми участвующими в следственных действиях лицами и в большей мере с обвиняемыми и подозреваемыми и их защитниками, могут существенным образом сказаться на эффективности следственных действий» [7, с. 34].

Но, очевидно, что допрос с участием защитника зачастую лишает следователя возможности наладить и постоянно обеспечивать доверительное психологическое общение с обвиняемым (подозреваемым). Не всегда защитник позволит следователю без помех перестраивать свою тактику в ходе допроса, использовать некоторые тактические приёмы (например, такие, как использование слабых мест в психике допрашиваемого; следственная хитрость; форсированный или замедленный темп допроса и др.)

Маевский С. С. и Дударев В. А., анализируя особенности допросов несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) с участием защитника, предлагают начать именно с защитника, полагая необходимым «еще до начала допроса подозреваемого налаживать нормальные деловые отношения с защитником и стараться не обострять без нужды отношения с его подзащитным. В этих целях следователь должен своевременно проинформировать защитника о времени и месте допроса, о примерной его продолжительности, согласовать это время с возможностями защитника. Необходимо обеспечить свидание защитника со своим подзащитным в нормальных условиях. Можно согласовать также использования защитником средств звуко- и видеозаписи при допросе» [5, с. 91–92].

Думается, что эти предложения в полной мере можно и нужно использовать при подготовке и планировании допроса любого обвиняемого (подозреваемого) с участием защитника, не только несовершеннолетнего.

Если допрашиваемое лицо готово к сотрудничеству со следствием, отвечает на все вопросы правдиво и подробно, участвующий в допросе защитник только помогает следователю уточнить какие-то обстоятельства, которые, как правило, смягчают положение подзащитного. В такой ситуации следователю только остаётся уточнять детали и устранять противоречия.

Если в ходе допроса обвиняемый (подозреваемый) пытается ввести следствие в заблуждение, признает вину не в полном объеме, или совсем не признает, пытается увести следствие на ложный след, тогда следователь должен применить все знания криминалистики и психологии, чтобы добиться необходимого результата.

Но даже в этом случае участие защитника, который действует, хоть и в интересах своего подзащитного, но в рамках закона, может помочь следователю объективнее и полнее провести расследование.

При участии в расследовании такого защитника следователь должен «тактически продуманно использовать помощь защитника в процессе проведения допроса» [7, с. 39].

При этом следователь должен внимательно относиться ко всем просьбам и ходатайствам добросовестного защитника и своевременно их удовлетворять. «Информация, полученная в ходе удовлетворения ходатайств защитника может дать основания для формирования представлений о возможной версии защиты или хотя бы о её отдельных элементах» [1, с. 13]. И не только. Следователь, отвечая на вопросы адвоката, удовлетворяя его ходатайства, может вовремя обнаружить и исправить допущенные в ходе расследования ошибки.

Наибольшую сложность следователь может испытать, если в ходе допроса адвокат злоупотребляет нормами адвокатской этики и нарушает уголовно-процессуальное законодательство.

Если перед допросом предполагается, что адвокат готов оказывать незаконное противодействие (например, еще в ходе согласования времени и места допроса, примерной его продолжительности, адвокат проявляет признаки агрессивности), следователь должен поставить себя на место адвоката, вспомнить все известные факты по делу и «с позиции защитника, критически проанализировать их доказательственное значение» [3, с. 88].

Следователю нужно продумать возможное поведение участников допроса, предположить возможную позицию защиты, применить метод рефлексии, при котором следователь встает на позиции участников допроса и пытается думать и рассуждать за допрашиваемого и его защитника [6].

Какие действия защитника в ходе допроса можно считать законным влиянием на следователя и следствие?

Следует согласиться, например, с Ю.П. Гармаевым, который так определяет критерии законного влияния защитника на показания своего подзащитного: «Правомерное консультирование не может содержать советов и примеров, связанных с нарушением закона, обманом, безнравственными и неэтичными поступками, в противном случае это завуалированное незаконное воздействие; правомерное консультирование, равно как и любое другое воздействие на подзащитного, не может хоть как-то ограничивать, подавлять или заменять его свободное волеизъявление; адвокат должен обеспечить полную свободу и самостоятельность выбора поведения подзащитным» [2, с. 390].

В случае противодействия защитника следователь, кроме использования тактических приёмов, должен вовремя применять властные полномочия, которые ему предоставлены уголовно-процессуальным законом, так как он является организатором и руководителем расследования

Следователь должен помнить, что он и только он осуществляет предварительное расследование по уголовному делу (п.41 ст.5 УПК РФ), ему даны полномочия самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий (п.3 ч.2 ст. 38 УПК РФ). Он не должен психологически подчиняться адвокату, а, напротив, подчинить себе последнего.

Важно максимально обеспечить конфиденциальность расследования. В случае заявления ходатайства защитника об ознакомлении с материалами дела, предоставлять ему только те материалы, которые по закону должны предъявляться обвиняемому (подозреваемому): протокол задержания, постановление о применении меры пресечения, протоколы следственных действий, произведенных с участием допрашиваемого подзащитного.

В случае ненадлежащего поведения, противоречащего закону или этическим нормам, следователь должен сделать адвокату замечания, занести эти замечания в протокол, предупредить о возможности направления соответствующего представления в адвокатскую палату в порядке ст.158 УПК РФ.

В протоколе допроса также должны фиксироваться все попытки подсказать ответ, задать вопрос без разрешения, иным образом воздействовать на показания допрашиваемого.

Как контрдействие против «адвоката-скандалиста» следует использовать в ходе допроса видеозапись.

Какие тактические приёмы рекомендуется применять в ходе допроса обвиняемого (подозреваемого), осуществляемого в атмосфере конфликта и возможного незаконного противодействия адвоката?

К тактическим приемам научные и практические работники относят следующие: «Максимальная детализация и конкретизация показаний; – метод косвенного допроса с целью формирования в сознании обвиняемого определенных представлений; – допущение проговорки допрашиваемого лица; – допущение легенды; – предложение повторить интересующие следователя факты; – оставление в неведении относительно отдельных известных следствию обстоятельств; – нейтрализация неправомерных действий защитника» [1, с. 14].

Следует обратить внимание, что следователи редко вносят замечания, сделанные адвокатам, в протокол.

Например, И.П. Кибардин приводит интересные примеры, полученные в ходе изучения судебной практики. «Обвиняемый по п. «в» ч.2 ст. 158 УК РФ, имеющий неполное среднее образование, всю жизнь работающий водителем и не имеющий юридической подготовки, на вопрос следователя: «Осознавали ли Вы противоправность своих действий в момент завладения сотовым телефоном?» заявил: «в моих действиях отсутствует субъективная сторона преступления, так как я не осознавал противоправность действий и не предвидел общественную опасность последствий».

Лишь в двух уголовных делах (из 152) удалось обнаружить в протоколе допроса замечания следователя о том, что на поставленный вопрос ответ от обвиняемого не получен, при этом защитник требовал внесения в протокол сформулированный им ответ» [4, с. 227].

Среди ученых существует мнение о том, что ряд тактических приемов неприемлем или неэффективен при производстве допроса с участием защитника, так как защитник, являясь профессионалом, хорошо знаком с тактическими способами расследования. При этом называются такие тактические приёмы, как разжигание конфликта, например, использование слабых мест в психике допрашиваемого; следственная хитрость; форсированный или замедленный темп допроса; инерция; демонстрация возможностей расследования. Однако, всё зависит от конкретной ситуации, от того, как следователь подготовился к допросу, изучил не только допрашиваемого, но и по возможности защитника.

Список использованных источников

1. Алхимина И.А. Актуальные вопросы совершенствования тактики допроса обвиняемого при участии защитника. Актуальные проблемы юридического обеспечения прав человека. Сборник научных статей по материалам международного круглого стола. Витебский государственный университет. 2015. С.13
2. Гармаев Ю.П. Пределы прав и полномочий адвоката в уголовном судопроизводстве и типичные нарушения // Иркутский институт повышения квалификации прокурорских работников. Иркутск. 2004. С.390
3. Игнатенко Е.А. Тактика досудебного допроса подозреваемого (обвиняемого) при участии защитника: процессуальные и криминалистические аспекты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7–1 (21). С. 88
4. Кибардин И.П. О некоторых аспектах противодействия защитника в ходе проведения допроса. Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2014. № 2. С. 227.
5. Маевский С.С., Дударев В.А. Ситуационные особенности допросов несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых с участием защитника // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований Брянского государственного университета. Брянск. 2019. С.91–92
6. Ратинов А.Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике. Правовая кибернетика. М., 1970
7. Яблоков Н.П., Маевский С.С. Общетактические основы взаимодействия следователей с защитниками при проведении следственных действий в разных ситуациях. Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. № 2. С. 34

К.И. Сотников

Канд. юрид. наук, доцент
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доцент кафедры криминалистики,
Санкт-Петербургский университет МВД России,

Г.В. Парамонова

канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры криминалистических экспертиз и исследований,
Санкт-Петербургский университет МВД России

НЕКОТОРЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье рассматриваются проблемы принятия решения о назначении судебных экспертиз на стадии предварительного расследования. Авторами анализируется с научной, правовой и практической позиции понятие «усмотрение следователя» при принятии решения о назначении судебной экспертизы. Усмотрение, как повод для назначения судебной экспертизы, увязывается с положениями о целесообразности и законности, достаточности доказательств и действительной потребности в проведении экспертных исследований. Авторы излагают критерии, которые необходимо учитывать при назначении судебных экспертиз, обращая внимание на оптимизацию предварительного расследования и экономию процессуальных издержек, которые несет государство.

Ключевые слова: поводы и основания назначения судебной экспертизы, признав необходимым, принятие решения, тактика назначения судебных экспертиз, усмотрение следователя.

Konstantin Ivanovich Sotnikov

Associate Professor of the Department of Criminalistics,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate
of Law,
Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Galina Vladimirovna Paramonova

Associate Professor of the Department of Forensic Expertise and Research,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ph.D. in Law, Associate Professor

SOME TACTICAL APPROACHES MAKING A DECISION ON THE APPOINTMENT OF A FORENSIC EXAMINATION

Summary: The article examines the problems of making a decision on the appointment of forensic examinations at the stage of preliminary investigation. The authors analyze from a scientific, legal and practical standpoint the concept of "discretion of the investigator" when deciding on the appointment of a forensic examination. Discretion, as a pretext for the appointment of a forensic examination, is linked to the provisions on expediency and legality, sufficiency of evidence and the actual need for expert research. The authors outline the criteria that must be taken into account when assigning forensic examinations, paying attention to the optimization of the preliminary investigation and the economy of procedural costs incurred by the state.

Key words: reasons and grounds for appointing a forensic examination, having found it necessary, making a decision, tactics of appointing forensic examinations, discretion of the investigator.

Следователи, дознаватели при расследовании преступлений активно используют помощь специалистов в различных областях научных знаний. Заключение экспертов по уголовным делам являются распространенным источником доказательств. Судебная экспертиза значительно расширяет познавательные возможности следствия, суда, нередко является первостепенным источником информации по установлению преступного события.

Экспертиза стала неотъемлемой частью криминалистической и уголовно-процессуальной деятельности при расследовании большинства преступлений. Заключение эксперта оправданно занимает ведущее место в процессе доказывания и установлении истины по делу. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 21.12.2010 №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» обращает внимание судов на необходимость наиболее полного использования науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства судебной экспертизы.

В последнее время появились новые виды экспертиз, разработаны современные методики проведения экспертных исследований, возросло количество проводимых судебных экспертиз. Интеграция достижений научно-технического прогресса во все сферы жизни общества, внедрение инновационных и цифровых технологий, качественное изменение преступности как разновидности деструктивной деятельности человека вызвали появление новых объектов исследования и, соответственно, формирование новых видов судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве. Отмечается значительный рост производства различных видов экспертиз в уголовном процессе.

Следственная практика активно использует возможности так называемых традиционных криминалистических экспертиз: баллистической, трасологической, дактилоскопической и др. Помимо традиционных криминалистических экспертиз в последние годы стали востребованы компьютерно-технические, психолого-лингвистические, генетические, фоноскопические, финансово-экономические экспертизы и др. Растет потребность в судебных оценочных экспертизах, позволяющих установить стоимость объектов имущественных прав в денежном выражении.

В последние годы экспертной деятельностью занимаются негосударственные судебно-экспертные учреждения, успешно конкурирующие с государственными экспертами.

Таким образом, следственные органы располагают широкими возможностями по выбору и назначению самых различных видов судебных экспертиз. Все это, бесспорно, способствует повышению эффективности раскрытия и расследования преступлений. Вместе с тем существует проблема, связанная с пределами и обоснованностью назначения и проведения судебной экспертизы по конкретному уголовному делу. Эти пределы диктуются сроками предварительного расследования, действительной потребностью проведения судебной экспертизы, ее значимостью и отношением к предмету доказывания. Нельзя не забывать об экономической составляющей судебной экспертизы. Современные экспертные исследования достаточно трудоемки, требуют значительных финансовых издержек, которые в рамках уголовного судопроизводства возлагаются на бюджетные источники. Мы не располагаем сведениями о затратах на проведение той или иной экспертизы в государственных учреждениях системы МВД, Минюста России. Собственно, там и не производится такой расчет. О затратах можно судить лишь по выделяемым бюджетным средствам. В негосударственных экспертных учреждениях преysкуранты стоимости су-

дебных экспертиз достаточно высокие, позиционируются десятками тысяч рублей. С другой стороны, рост назначаемых судебных экспертиз отражается на загруженности государственных экспертных учреждений, что влечет затягивание сроков их производства, отложение проведения действительно нужных судебных экспертиз по другим делам.

В этой связи представляется актуальным рассмотреть вопрос о тактике назначения судебных экспертиз в контексте обоснованности принятия такого решения и критериях, которые должны учитываться следователем в описываемой ситуации.

В ст. 195 УПК РФ о порядке назначения судебной экспертизы сказано: признав необходимым назначение судебной экспертизы, следователь выносит об этом постановление. Закон не раскрывает содержание понятия «признав необходимым...». Лишь только семантическое толкование формулировки закона и системный анализ УК РФ, УПК РФ о составе преступления, понятии предмета доказывания, положения криминалистики о тактике назначения судебных экспертиз, методике расследования преступлений позволяют сформулировать содержание этого понятия.

Под необходимостью в общеупотребительном смысле слова понимается надобность, потребность. В философии необходимым считается такое явление, которое неизбежно должно наступить, если имеются в наличии определенные условия, или должно произойти, если последует нечто. В уголовном процессе под такими условиями понимают объективные данные, фактически установленные обстоятельства дела, в криминалистике под ними понимают определенную ситуацию.

Соответственно, поскольку речь идет об уголовно-процессуальном решении, можно говорить об основаниях и условиях принятия такого решения. Поэтому, применительно к производству судебной экспертизы можно выделить: основания назначения судебной экспертизы, а также условия, учитываемые при назначении судебной экспертизы. Основания назначения судебной экспертизы можно подразделить на правовые и фактические. Правовые основания вытекают из требований уголовно-процессуального закона, а фактические основания связаны с конкретными обстоятельствами дела. Правовым основанием назначения судебной экспертизы являются положения гл.27 УПК РФ. Фактическим основанием назначения судебной экспертизы является необходимость применения специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле, для установления с их помощью обстоятельств уголовного дела, подлежащих доказыванию

(ст.73 УПК РФ), которые, по оценке следователя, не могут быть установлены иным путем [4. С. 215–217].

Попутно отметим, что закон (ст.196 УПК РФ) предусматривает основания обязательного назначения судебной экспертизы для выяснения: причин смерти; характера и степени вреда, причиненного здоровью; психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда возникает сомнение в их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания; возраста подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение. В следственной практике обязательно проводятся судебные экспертизы для установления вида наркотических средств, признания огнестрельным либо холодным оружием, отнесения похищенных предметов к художественным или культурным ценностям и др.

Для процессуальной деятельности следователя присуще урегулированных законом предписаний поведения субъектов, ведущих уголовное судопроизводство. Вместе с тем законодатель не может предусмотреть и регламентировать каждое действие следователя применительно к конкретной жизненной ситуации. Поэтому законодатель он оставляет возможность для усмотрения (альтернативу, выбор варианта поведения) при принятии решений в процессе расследования уголовных дел. Усмотреть – значит установить, обнаружить, признать необходимым именно такой вариант решения. Как подчеркивал В.А. Дубровиный, обязательное выполнение закона не лишает следователя свободы в выборе действий и решений, однозначно в любом случае они должны согласовываться с целями расследования и не нарушать права и законные интересы участников предварительного следствия [1. С. 6–7].

Применительно к решению вопроса о назначении той или иной судебной экспертизы следователем может быть дана оценка достаточности имеющихся доказательств, существующей действительной потребности исследования объектов события преступления, а также возможности их исследования и получения дополнительных доказательств в рамках судебной экспертизы. Важным логическим инструментом является усмотрение следователя в конкретной следственной ситуации, опирающееся на следственную практику, его жизненный и профессиональный опыт. Может быть использован здравый смысл, под которым понимается оценка с позиции логики, правильное понимание причинно-следственных связей и т.п. Довольно подробно этот аспект исследуется в диссертационном исследовании П.Г. Марцифина [3].

С усмотрением следователя связано понятие «целесообразности» принятия решения о проведении судебной экспертизы. Вопрос о целесообразном применении права возникает, когда закон предоставляет усмотрению лица выбор решения, которое при установленных обстоятельствах будет целесообразным, с точки зрения поставленных задач, т.е. следователь обязан из всех возможных решений избрать такое, которое обеспечивает максимально полное и точное достижение цели закона при данных конкретных условиях места и времени [2. С. 137].

Законодатель, предоставляя следователю возможность осуществлять выбор варианта поведения, в законе выражает это словами «признав необходимым», «может», «вправе», «по усмотрению» и т.п. Процессуальная свобода следователя в таких случаях будет выражаться в том, насколько правильно и объективно следователь оценит фактические обстоятельства дела и примет наиболее верное решение по данной ситуации. Однако усмотрение не должно быть абсолютным. Должны быть определенные границы, в которых следователь может позволить себе выбор тот или иной вариант поведения. Эти границы определяются критериями законности, обоснованности выбранного следователем поведения.

При этом должны учитываться объективные и субъективные факторы, которые определяют варианты решения. К объективным факторам следует отнести: вид совершенного преступления и сложность расследуемого события, следовая картина, изъятые объекты и полнота источников доказательств; интенсивность противодействия со стороны участников преступления и иных лиц; возможности судебных экспертиз и реальные сроки их проведения; сложившаяся правоприменительная практика и др. К субъективным факторам относятся: уровень организации расследования; квалификация следователя и дознавателей; профессиональная подготовка судебных экспертов и состояние организации деятельности экспертных учреждений и др.

Механизм усмотрения следователя как формы реализации мыслительной деятельности включает в себя несколько основных этапов правоприменительного процесса: юридическую формулировку события преступления; оценку фактической основы дела, наличие достаточности доказательств, выдвижение версий и диагностику следственной ситуации; принятие решения о назначении судебной экспертизы.

При принятии решения о назначении судебной экспертизы должны учитываться такие важные требования и критерии как:

- Отнесение данной судебной экспертизы к предмету доказывания;

- Наличие достаточных по объему и качеству объектов предстоящего экспертного исследования;
- Представление судебному эксперту оптимального количества объектов, подлежащих исследованию;
- Постановка на разрешение судебной экспертизы только необходимых в данном случае вопросов, относящихся к предмету доказывания и учитывающих возможности данного вида экспертного исследования;
- Возможности научных методик назначаемой экспертизы и получения обоснованного заключения;
- Трудоемкость и сроки проведения судебной экспертизы, их влияние на сроки расследования и применение процессуальных мер принуждения.
- Предполагаемые значительные материальные и организационные затраты на проведение судебной экспертизы, не вызываемые тяжестью и степенью общественной опасности расследуемого преступления.
- Возможность полноценного доказывания путем проведения иных следственных действий, дачи заключения и допроса специалиста.
- Своевременность назначения судебной экспертизы, равно как и исключение чрезмерной спешки при назначении экспертизы при недостатке качественных объектов предстоящего исследования.

Исключение фактов назначения судебных экспертиз по формальным основаниям, в целях создания видимости собирания доказательств и обвинительного уклона с целью незаконного обвинения и привлечения в качестве обвиняемого.

Учет позиции защиты и консультаций специалистов о стороны защиты.

Таким образом, для усмотрения следователя присущи такие черты как: альтернативность выбора; законность и правомерность, обоснованность и целесообразность; логичность и здравый смысл; учет объективных и субъективных факторов конкретной следственной ситуации. Взвешенное решение следователя о назначении судебной экспертизы, правильная постановка вопросов на разрешение эксперта будут способствовать соблюдению сроков расследования, процессуальной экономии, разумному использованию материальных, научных и человеческих ресурсов экспертных учреждений.

Список использованных источников

1. Дубривный В.А. Деятельность следователя по расследованию преступлений. Саратов, 1987. – С. 6–7.
2. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: их виды, содержание и формы. – М., 1976. – С. 137.
3. Марцифин П.Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект): дис. ...докт. юрид. наук . Омск, 2002.- 236 с.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе – М.: Норма, 2006. – 656 с.

СИСТЕМА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ США

Статья имеет целью показать особенности построения американской полиции, прокуратуры, адвокатуры и судов (с учетом их происхождения и государственного устройства страны). Автор приходит к следующим выводам: 1. полиция и прокуратура (атторнейские службы) организованы на трех независимых административно-территориальных уровнях – федерации, отдельных штатов и местном уровне; адвокатура (институт защитников) – на уровне федерации и отдельных штатов; суды – на уровне федерации, штатов и индейских резерваций; 2. полиция, прокуратура и суды представляют собой профессиональные корпорации и имеют собственные организационные формы; 3. адвокатура (институт защитников) является профессиональной корпорацией, но не имеет собственной организационной формы (представлена в органах юридического сообщества); 4. полицейские органы разных уровней находятся в отношениях координации; 5. федеральная полиция не обладает организационным единством, ее органы связаны между собой отношениями координации; 6. полиция штатов и местная полиция имеют организационное единство, местная полиция находится под контролем полиции штатов; 7. прокуратура каждого уровня обладает организационным единством; 8. федеральные суды, суды штатов и суды индейских резерваций представляют собой иерархические системы; 9. единство каждой судебной системы обеспечивается высшими судебными инстанциями; 10. Верховный Суд США является высшей судебной инстанцией по отношению ко всем судам страны и обеспечивает единство всех судебных систем.

Ключевые слова: США, правоохранительная система, полиция, прокуратура, адвокатура (институт защитников), суд.

LAW ENFORCEMENT SYSTEM IN UNITED STATES

Article purports to show the characteristics of building American police, attorney services, advocacy (Institute of defence counsel or Institute of attorney in law) and the courts (in view of their origin and in context of polity of the country). The author comes to the following conclusions: 1. Police and Attorney services arranged on three independent administrative and territorial levels – Federal level, State’s level and local level; Advocacy – Federal level and State’s level; Courts – Federal level, State’s level and level of the Indian reservations; 2. Police, Attorney services and Courts represent the professional corporations and have their own organizational forms; 3. Advocacy (Institute of defence counsel) is a professional corporation, but does not have its own organizational forms (represented in the bodies of the legal profession); 4. police authorities of different levels are in relationships coordination; 5. Federal Police has no organizational unity, its organs entwined relations coordination; 6. State police and local police have organizational unity, the local police is under the control of the State police; 7. Attorney services of each level has organizational unity; 8. Federal courts, State courts and the courts of Indian reservations represent hierarchical system; 9. unity of each of the judiciary is ensured by the highest judicial authorities; 10. United States Supreme Court is the highest judicial body in relation to all the courts of the country and ensures the unity of all judicial systems.

Keywords: United States, law enforcement system, Police, Attorney services, Advocacy, Court.

В российской юридической литературе на протяжении уже достаточно длительного времени много внимания уделяется различным аспектам организации и деятельности правоохранительных органов США, к числу которых традиционно относят полицию, прокуратуру, суды и адвокатуру [3; 4; 6; 9; 12; и др.]. Не являются большой редкостью и публикации оригинальных американских источников в переводе на русский язык [2; 7; 13; и др.]. Тем не менее, даже в работах обзорного типа далеко не всегда обращается внимание на особенности построения во многом уникальной системы американских правоохранительных органов.

Полиция

На сегодняшний день в США не существует единой централизованной полицейской организации. Функции защиты правопорядка выполняют многочисленные независимые органы и организации (в рам-

ках отведенной им компетенции). В целях обеспечения качества работы все организации, наделенные полицейскими полномочиями, обязаны пройти аккредитацию в Комиссии по аккредитации органов обеспечения правопорядка (Commission on Accreditation for Law Enforcement Agencies – CALEA) [16], и соответствовать международным стандартам в этой области. Сегодня на территории США действует более 600 органов защиты правопорядка, аккредитованных вышеуказанной комиссией [17]. Тем не менее, стандартизация полицейской работы, ее функциональная однородность (в сочетании с неизбежным во многих случаях взаимодействием) позволяет говорить о том, что эти органы образуют полицейскую корпорацию. Причем в отличие от других правоохранительных органов США она не является частью юридического сословия.

В США выделяют три независимых друг от друга уровня органов полиции: федеральный, штата и местный. Каждый орган (на любом уровне), наделенный полномочиями охраны правопорядка, имеет четко определенную сферу полномочий и действует на основании правовых актов, определяющих цели, задачи, функции и порядок их выполнения и не выходит за пределы отведенной ему компетенции.

В настоящее время **на федеральном уровне** функции охраны правопорядка в США выполняет более 90 федеральных агентств и ведомственных подразделений (действующих, как правило, в составе министерств), сотрудники которых наделены полномочиями по охране правопорядка (пресечение правонарушений, осуществление задержаний и арестов, патрулирование, инспектирование, обеспечение безопасности дорожного движения, расследование преступлений, исполнение решений суда и т.п.). Среди наиболее крупных агентств такого рода можно назвать, к примеру, Бюро таможенного и пограничного контроля, Береговую охрану США, Секретную службу США (действуют в составе Министерства национальной безопасности), Федеральное бюро расследований, Федеральное бюро тюрем, Служба ювенальной юстиции и предупреждения преступности, Служба федеральных маршалов (действуют в составе Министерства юстиции). Большая часть перечисленных и других агентств жестко централизована и имеет свои подразделения на уровне штатов. Однако федеральные учреждения редко занимаются поддержанием правопорядка на местах (хотя и имеют весьма широкие полномочия), сосредотачиваясь на обеспечении эффективного применения федеральных законов [14, С. 167–173].

Полиция штата действует только в пределах территории штата. Ее организация, компетенция и бюджет определяются законами штата.

На сегодняшний день в США на уровне штатов и местном уровне насчитывают более 17000 различных органов, наделенных полицейскими функциями. Число сотрудников в них может колебаться от одного офицера до 30 тысяч служащих. Полицейские органы штата всечески поддерживают и сотрудничают с местной полицией (муниципальной, районной), на которую в США приходится основная нагрузка в области охраны правопорядка [5, С. 66–68; 8, С. 8–17; 11, С. 38–41; и др.].

Организация, функции и даже наименование полицейских учреждений отличаются от штата к штату. Так, двадцать два штата США используют наименование «Полиция штата» ("State Police"), пятнадцать – «Дрожный патруль» ("Highway Patrol"), семь – «Патруль штата» ("State Patrol"), три – «Дорожный патруль штата» ("State Highway Patrol"). На Аляске полицейская организация называется «Аляскинское подразделение полицейских штата» ("Division of Alaska State Troopers"), в то время как в Аризоне и Техасе она носит название «Отдел общественной безопасности» ("Department of Public Safety"). А в таком штате как Гавайи вообще нет полиции данного уровня (лишь полицейские формирования местного уровня).

Зачастую полиция штата выполняет функции, не отнесенные к юрисдикции местных шерифских офисов и местной полиции. В основном она занимается расследованием уголовных дел и следит за порядком на дорогах, хотя в ряде штатов расследование уголовных дел отнесено к компетенции бюро расследования преступлений. Название полицейской организации не всегда точно отражает ее функции. К примеру, Калифорнийский дорожный патруль – это полиция штата, которая не только следит за порядком на дорогах, но и занимается расследованием преступлений, обеспечением судопроизводства по делу и прочим.

Полиция штата обеспечивает координацию действий различных органов при расследовании сложных дел, а также по необходимости обеспечивает научно-технологическую поддержку следствия и обучение персонала местной полиции.

Бюро расследований штатов (State Bureau of Investigation (SBI)) действуют в рамках полиции штата или как независимая организация на уровне штата (зависит от штата) и работают как по уголовным, так и по гражданским делам. Сфера компетенции таких бюро определяется законодательством штата.

Во многих полицейских организациях штатов есть специальные подразделения полиции особого назначения, которые обеспечивают

безопасность и правопорядок на специализированных объектах, таких как школы, госпитали, парки, государственные здания и т.д. [10, С. 413–414].

Местная полиция формально независима от полиции штата и создается органами местного самоуправления. Она включает в себя полицию муниципалитета, района, племени, региона и обеспечивает исполнение законов, принятых местными органами власти. К основным задачам местной полиции относят расследование местных преступлений, патрулирование и обеспечение правопорядка [11, С. 39–40].

Нужно также отметить, что в США на местном уровне также действуют специальные полицейские подразделения, деятельность которых направлена на защиту правопорядка в определенных районах (*Neighborhood Improvement District Act*, Act of Dec. 20, 2000, P.L. 949, No.). Эти полицейские органы действуют и финансируются в рамках местных программ по развитию добрососедских отношений, предупреждения преступлений и обеспечения безопасности граждан, проживающих в соответствующих районах. Организация таких органов осуществляется по инициативе граждан, проживающих в соответствующих районах и изъявивших о такой необходимости (2/3 собственников домов района города должны проголосовать за такую необходимость) [10, С. 414].

Одним из старейших институтов обеспечения правопорядка в США является институт шерифов, который действует в 48 из 50 штатов США. Исключение составляют штаты Аляска и Коннектикут. Должность шерифа выборная и, как правило, он избирается местным населением из числа рядовых граждан, но в ряде штатов (например, в Калифорнии) на сегодняшний день введено требование о наличии у него специального юридического образования. Срок полномочий шерифа также варьируется от штата к штату. В 42 штатах этот полицейский служащий избирается на четырехлетний срок, в Арканзасе и Нью-Гемпшире – на 2 года, в Нью-Джерси – на 3 года, а в Массачусетсе – на 6 лет. Шериф обычно приводится к присяге местными органами власти. Число сотрудников его офиса также может сильно отличаться – от одного-двух человек до нескольких тысяч. Так, самым крупным офисом шерифа в США является офис шерифа Лос-Анджелеса, который насчитывает 16400 работников.

Офисы шерифов действуют на местном уровне в целях обеспечения действия законов штата на местном уровне. Юрисдикция шерифов отличается от штата к штату и от района к району. В основном в их юрисдикцию входит исполнение решений и наказаний, назначенных судом по гражданским и уголовным делам, обеспечение работы тюрем,

а также выполнение различных обязанностей по охране правопорядка, которые не отнесены к юрисдикции местной полиции. В некоторых штатах, где полиция наделена широкими функциями, офисы шерифов занимаются лишь исполнением решений по гражданским делам. В других – шериф может быть главой местной полиции.

В зависимости от юрисдикции выделяют три категории офисов шерифов:

- Офисы минимальной юрисдикции. Здесь функции шерифов сведены к обслуживанию местной тюрьмы, перевозке осужденных, обеспечению безопасности в зале судебных заседаний, исполнению решений местных судов и судов штатов. Они также могут проводить местные аукционы по продаже частной собственности с целью погашения долгов, конфискацию имущества. К числу таких офисов относится офис шерифа г. Филадельфия в штате Пенсильвания.

- Офисы ограниченной юрисдикции. На такие офисы, наряду с вышеуказанными функциями, могут возлагаться некоторые обязанности по расследованию и патрулированию. На контрактной основе, их сотрудники также могут выполнять обязанности по охране безопасности на объектах, находящихся в собственности власти на местах.

Офисы полной юрисдикции. Эти офисы шерифов, которые выполняют полный спектр работ по обеспечению правопорядка в районе, исполнению наказаний и судебных решений, расследованию преступлений и патрулированию [10, С. 414–415; и др.].

Таким образом, можно сказать, что:

1. полиция США представляет собой систему полицейских органов (полицейскую корпорацию или сословие), организованную на трех уровнях – федеральном, отдельных штатов и местном, на каждом из которых полиция действует независимо друг от друга (в рамках предоставленных им полномочий);

2. полицейская корпорация США не является частью юридического сословия (полицейская работа не относится к профессиональной юридической деятельности);

3. основные функции американской полиции – обеспечение правопорядка, расследование преступлений и других правонарушений;

4. взаимодействие полиции разного уровня строятся на отношениях координации и строгом разделении предметной и территориальной юрисдикции в соответствии с согласованными между собой законами США, штатов и местных органов власти;

5. федеральная полиция не централизована и действует на территории всей страны в составе многочисленных специализированных

служб (не соподчиненных между собой), координация деятельности которых осуществляется на уровне правительства США;

6. полиция штатов является в целом единой централизованной организацией (не исключающей создания в большинстве случаев непосредственно не подчиненных ей самостоятельных специализированных полицейских органов), действующей в пределах территории соответствующего штата;

7. местная полиция образуется на территории, относящейся к сфере ведения местных органов власти, при непосредственном участии населения в ее организации (как правило, через выборы) и деятельности (путем исполнения в некоторых случаях функции поддержания общественного порядка), находится под опосредствованным контролем полиции штата, играющей по отношению к ней роль координирующего центра.

Прокуратура (служба атторнеев)

Прокуратура (атторнейская служба) в США – исполнительно-распорядительный орган, не имеющий точного аналога в правовых системах других стран. Являясь институтом исполнительной власти, атторнейская служба осуществляет не только сходные с другими государствами полномочия по уголовному преследованию. Она консультирует правительство по правовым вопросам, представляет его интересы в судах, а также обеспечивает исполнение закона. Именно поэтому государственный атторней может выступать как адвокат в гражданском деле и как обвинитель в уголовном деле. Кроме того, атторнейская служба управляет тюрьмами и занимается делами иммигрантов. Ее сотрудники действуют как следователи и сыскные агенты [10, С. 411; и др.].

Атторнейские службы США действуют на трех независимых друг от друга уровнях: федеральном, штата и местном. Юрисдикция каждого уровня четко определена законодательством. Отношения между атторнейскими службами различных уровней строятся на основе координации [11, С. 44–46; и др.].

Атторнеи всех уровней входят в состав юридического сословия страны.

Федеральная атторнейская служба возглавляется Генеральным Атторнеем [11, С. 49–52; и др.].

Он назначается на должность Президентом США и утверждается Сенатом США на неопределенный срок. Однако при необходимости Президент США может снять его с должности или Сенат может начать процедуру его импичмента [26].

Генеральный Атторней США обладает широкой юрисдикцией. Он является советником Президента США и правительства по правовым вопросам, входит в состав президентского комитета, возглавляет Министерство Юстиции США, а также руководит службой исполнения наказания США. Генеральный Атторней США обеспечивает исполнение федерального законодательства США, представляет государственные интересы США во всех правовых вопросах, в том числе в Верховном Суде США [20].

В сфере уголовного законодательства к функциям американской атторнейской службы относятся возбуждение и расследование уголовных дел федерального значения, поддержание государственного обвинения и защита федеральных интересов в суде, а также приведение в исполнение приговоров и иных судебных решений [20].

Для решения поставленных задач, Федеральная атторнейская служба США на территории страны имеет 94 федеральных округа.

Сотрудники аппарата Генерального атторнея организуют работу окружных прокуратур и выполняют собственно прокурорские функции, в том числе подготовку материалов обвинительного досье, используемого при поддержании обвинения в судах.

Окружные прокуроры назначаются на должность в том же порядке, как и Генеральный атторней США. Они располагают аппаратом помощников и осуществляют свою деятельность, включая уголовное преследование, на территориях, подпадающих под юрисдикцию федеральных властей (судебный округ, национальные парки, заповедники, военные объекты и др.) [10, С. 411–412].

Атторнейская служба штата действует независимо от федеральной службы и возглавляется Генеральным атторнеем штата. Во многом функции служб атторнеев штатов схожи с федеральной службой.

В 43 штатах Генеральный атторней избирается населением на срок 4 года (исключение составляет Вермонт, где этот срок составляет 2 года). В остальных штатах он назначается на должность. На Аляске, Гавайях, в Нью Гемпшире, Нью-Джерси и Вайоминге – губернаторами на тот же срок, в Теннесси – Верховным судом штата на срок 8 лет, а в штате Мэн – Законодательным собранием штата на срок 2 года.

Традиционно Генеральный атторней штата является основным советником губернатора и правительства штата по правовым вопросам, возглавляет управление юстиции штата и службу исполнения наказания штата. Атторнейские службы штатов следят за исполнением законов штата, в том числе законностью уголовного преследования и обвинения. В соответствии с законодательством штатов, штат подразделя-

ется на округа, в каждом из которых работает окружное подразделение атторнейской службы штата [10, С. 412; 11, С. 56–57; и др.].

На местном (районном) уровне также действуют атторнейские службы, которые подконтрольны местным органам власти, и независимы друг от друга и от властей штата. Их юрисдикция определяется местным законодательством и отличается от района к району. Уголовное преследование они осуществляют по делам, в производстве которых не принимает участия аппарат Генерального атторнея штата.

Местные прокуроры избираются населением, но в отдельных штатах избираются или назначаются органами местного самоуправления. В организационном отношении местные атторнеи независимы друг от друга даже в пределах одного штата.

Обычно, местные атторнейские службы занимаются уголовным преследованием преступлений, совершенных на территории района и не подпадающих под юрисдикцию Генерального атторнея штата. Однако местные прокуроры могут осуществлять производство по делам, подведомственным штатам, если генеральные атторнеи или их помощники уступают им свои полномочия по взаимной договоренности. Кроме того, они представляют интересы местной власти в гражданских делах, а также консультируют их по различным юридическим вопросам [10, С. 412; 11, С. 57–58; и др.].

Таким образом, можно сказать, что:

1. прокуратура США представляет собой систему атторнейских служб, организованную на трех уровнях – федеральном, отдельных штатов и местном, на каждом из которых органы прокуратуры действуют независимо друг от друга (в рамках предоставленных им полномочий);

2. основные функции американской прокуратуры – обеспечение реализации законодательства на практике, расследование уголовных дел, представление интересов соответствующего уровня власти в судах и руководство исполнением наказаний;

3. взаимоотношения атторнейских служб разного уровня построены на принципе координации и сотрудничества в сочетании с разделением их предметной и территориальной юрисдикции, основанной на соответствующем законодательстве (США, штатов и местных органов власти);

4. Федеральная атторнейская служба США является единой системой органов, действующей на территории всей страны (по федеральным округам) на началах централизации, основанной на принципах назначения на должность и субординации;

5. атторнейская служба штатов действует в пределах территории соответствующего штата (по округам) и в целом организована на тех же началах и принципах, что и федеральная служба (исключение составляет принцип выборности высших должностных лиц, характерный для большинства штатов);

6. местные атторнейские службы подконтрольны органам власти на местах, автономны по отношению друг к другу и независимы от атторнейской службы штата, на территории которого находятся.

Адвокатура

Под адвокатом в США понимается любой защитник чьих-либо интересов в обществе (социуме) и государстве. Так, родители могут выступать адвокатами прав и интересов своих детей в школе, или общественные организации могут быть адвокатами прав определенных социальных групп, например, мексиканских эмигрантов. Действия таких адвокатов не ограничиваются юридической практикой и не требуют профессионального юридического образования.

Сказанное не означает, что в США нет института профессиональной юридической защиты интересов граждан и юридических лиц. Функцию такой защиты в США выполняют атторнеи в законе (*attorneys-at-law*). Они образуют адвокатское сословие страны, состоящее, главным образом, из частнопрактикующих адвокатов, работающих индивидуально либо в адвокатских фирмах (конторах). Часть адвокатов работает в публичных (государственных) агентствах и частных организациях, оказывающих бесплатную или частично платную юридическую помощь малоимущим гражданам [2, С. 259—269, 276—281; и др.]. В большинстве случаев атторнеи в законе специализируются на определенной отрасли права, например, семейное, иммиграционное, гражданское, страховое право и т.д. Они являются независимыми представителями интересов своего клиента во всех юридических вопросах, в том числе в суде [2, С. 257; и др.]. При этом важно понимать, что осуществляющие юридическую защиту адвокаты являются частью юридического сословия, имеющей свои корпоративные интересы, но не имеющей своей собственной корпоративной организации. В этом состоит их отличие от прокуратуры и судов, корпоративно обособленных по факту их законодательно урегулированного учреждения и существующего в них порядка назначения или избрания на соответствующие должности из числа действующих юристов.

Представительство интересов адвокатов-защитников и регулирование практики юридической защиты осуществляется через Амери-

канскую Ассоциацию Юристов (American Bar Association – ABA) [15] – на общенациональном уровне, и через ассоциации юристов и/или высшие (верховные) суды – на уровне штатов.

АВА является частной организацией, которая занимается разработкой профессиональных юридических стандартов (правил профессионального поведения для всех видов юридической практики), имеющих рекомендательный характер. Кроме того, она проводит аккредитацию учебных заведений профессионального юридического образования и лицензирует деятельность отдельных атторнеев. Следует отметить также, что соблюдение правил профессионального поведения АВА все чаще становится юридическим обязательством в силу признания их законодательными органами штатов и требований отдельных судов [2, С. 236, 285].

Ассоциация юристов штата является добровольным профессиональным объединением, которому власти соответствующего штата предоставляют полномочия по допуску к профессии, разработке профессиональных стандартов, привлечению к дисциплинарной ответственности своих членов (надзор за профессией) и некоторые другие вопросы. Контроль за надлежащим исполнением надзорных полномочий ассоциаций осуществляют высшие (верховные) суды штатов. В ряде штатов на эти суды возлагаются все надзорные обязанности по регулированию профессиональной адвокатской деятельности. Поэтому их влияние на адвокатскую практику можно считать определяющим. Значение же ассоциации юристов штата выражается в том, что в США нельзя стать практикующим атторнеем в законе (получить лицензию или патент), не войдя в состав ассоциации юристов штата (при условии приобретения профессионального юридического образования в аккредитованном учебном заведении и сдачи экзамена по юриспруденции). Причем для ведения юридической деятельности на территории каждого отдельно взятого штата надо сдать свой экзамен по юриспруденции (проводится по всем отраслям права штата и федерации, обычно занимает 2–3 дня), получить лицензию (патент) и членство в ассоциации юристов именно этого штата. Сказанное объясняется тем, что законодательство одного штата сильно отличается от законодательства другого штата. Патент выдается на все виды адвокатской деятельности, включая участие в рассмотрении дел в судах штата. Что касается федеральных судов, то допуск в них атторнеев в законе осуществляется по решению соответствующего суда (чаще всего носит формальный характер и совпадает по времени с выдачей патента). Между некоторыми штатами существуют соглашения, позволяющие ведение юридической

практики юристами одного штата в другом штате. Однако, в целом, ведение юридической практики в США без лицензии (патента) ассоциации юристов штата запрещено и наказывается по закону. При выявлении нарушений в деятельности атторнея ассоциация штата может отозвать лицензию, дающую право на ведение юридической деятельности [2, С. 247–250].

Таким образом, можно сказать, что:

1. американские атторнеи в законе (защитники) не образуют организационно обособленной корпорации и интегрированы в юридическое сообщество на уровне ассоциаций юристов штатов, членство в которых является обязательным;

2. ассоциации юристов штатов являются независимыми профессиональными добровольными объединениями, принимающими активное участие в регулировании адвокатской практики (при ведущей роли в этом регулировании органов судебной власти);

3. Американская Ассоциация Юристов, действующая на федеральном уровне, влияет на регулирование адвокатской практики, главным образом, через разработку национальных профессиональных стандартов и аккредитацию профессиональных юридических учебных заведений;

4. допуск к профессии адвоката контролируется высшими (верховными) судами штатов, а в некоторых штатах полностью осуществляется ими (при участии федеральных судов путем выдачи разрешений лицензированным адвокатам на ведение юридических дел в этих судах).

Суды

Отличительной особенностью судебной системы США является ее двойственность, которая характеризуется тем, что в стране параллельно действуют две основные судебные системы: федеральных судов и судов штатов. Наряду с ними существует еще одна судебная система (не всегда упоминаемая) – судов индейских резерваций [14, С. 150]. Каждая судебная система занимается только делами, отнесенными по закону к ее юрисдикции. Все американские судьи образуют судейское сообщество (корпорацию) по факту осуществляемой ими однородной функции правосудия. Подавляющее большинство из них является профессиональными юристами и входит в состав юридического сословия страны. Исключение – судьи нижестоящих судов штатов и судьи судов индейских резерваций, которые могут не иметь юридического образования и соответственно патента на ведение юридической практики.

Система федеральных судов Соединенных Штатов Америки

Система федеральных судов США включает в себя федеральные суды общей и специальной юрисдикции (военные, транспортные и т.д.), иерархична и состоит из судов трех уровней. Первый уровень образуют федеральные районные суды. На сегодняшний день в США действуют 94 федеральных районных суда. Они рассматривают дела о преступлениях федерального уровня [19]. При них действуют федеральные магистраты, исполняющие роль помощников судей районных судов и рассматривающие дела о малозначительных преступлениях [14, С. 154–155].

Все федеральные районные суды распределены по округам. Двенадцать из них образованы по территориальному принципу, и закреплены за одним из двенадцати федеральных апелляционных судов, которые образуют второй уровень федеральной судебной системы США (28 U.S.C., § 41–48) [25]. Тринадцатый апелляционный суд относится к специализированным судам. Все апелляционные суды действуют только в качестве судов второй инстанции (пересматривают дела по существу в порядке неформальных слушаний) [14, С. 159–160].

Третий, высший уровень федеральной судебной системы США представлен Верховным Судом США, в состав которого входит 9 федеральных судей. Верховный Суд США выполняет две важные функции: 1) в качестве суда первой инстанции рассматривает дела в отношении послов и консулов США, а также высших должностных лиц США; 2) в качестве высшей апелляционной инстанции страны пересматривает дела судов федерального уровня и судов штатов (28 U.S.C., § 1253, 1254, 1257) [14, С. 160–161; 23].

Верховный суд США в основном рассматривает следующие категории дел [24]:

- конституционные споры;
- дела, связанные с федеральным законодательством США;
- дела, в которых США выступают одной из сторон;
- споры между штатами;
- дела, в которых затрагиваются интересы граждан разных штатов;
- дела, в которых участвуют граждане США и граждане других государств;
- другие дела, имеющие высокую государственную значимость.

Решения Верховного Суда США носят прецедентный характер и обязательны для любого суда [24].

Все судьи федеральных судов назначаются президентом США по согласованию с Сенатом и несменяемы [24].

Система судов отдельных штатов США

Судебные системы отдельных штатов независима от федеральной судебной системы США. Юрисдикция этих судов распространяется только на территорию штата и основана на Конституции штата и его законах. При этом системы судов штатов существенно отличаются друг от друга и от федеральной судебной системы [14, С. 152].

Традиционно суды в судебной системе штатов США разграничивают по типу дел, отнесенных к юрисдикции судов. Обычно выделяют четыре типа судов штата [14, С. 152–153]:

1. Суды, ограниченной юрисдикции, или суды первой инстанции, занимающиеся рассмотрением незначительных правонарушений и споров, возмещение ущерба по которым не превышает сумму в \$8500;

2. Суды общей юрисдикции, рассматривающие дела о преступлениях и споры, возмещение ущерба по которым превышает сумму в \$8500;

3. Суды специальной юрисдикции, рассматривающие специальные категории дел (например, суды несовершеннолетних, семейные суды, транспортные суды, суды по делам недвижимости и т.д.);

4. Апелляционные суды.

К судам первой инстанции штатов относятся схожие по своим функциям суды-магистраты (или городские суды) и районные (сельские) суды. Во многих штатах судьи этого звена избираются гражданами из таких же простых граждан и не обязаны иметь специального юридического образования [14, С. 153–154].

Суды общей юрисдикции – это второе звено в судебной системе штатов. Их название меняется от штата к штату. Каждый штат поделен на районы, за которым закреплен суд общей юрисдикции. Число районов в штате зависит от численности населения штата [22]. Судьи судов общей юрисдикции обычно избираются на должность из числа профессиональных юристов, обладающих лицензией ассоциации юристов штата.

Суды общей юрисдикции рассматривают дела о преступлениях, совершенных на территории штата и отнесенных к их ведению. В рассмотрении дела в обязательном порядке принимают участие присяжные заседатели. Статья 3 шестой поправки к Конституции США называет право на рассмотрение дела в суде присяжных фундаментальным конституционным правом граждан, а четырнадцатая поправка к Кон-

ституции США определяет участие присяжных в качестве неотъемлемой гарантии надлежащей правовой процедуры. Рассмотрение дел в судах общей юрисдикции характеризуется гласностью и состязательностью [23].

В каждом штате работает своя система апелляционных судов. Большинство штатов имеют двух уровневую систему апелляционных судов, которая предусматривает существование промежуточных апелляционных судов, которые рассматривают жалобы на судебные решения по ограниченному кругу вопросов. Такие суды могут находиться в одном и том же здании, что и суд общей юрисдикции, но состоять из отличной от него коллегии судей. В ряде штатов такое промежуточное апелляционное звено отсутствует и единственной апелляционной инстанцией является Верховный суд штата.

Верховный суд штата (название может меняться в зависимости от штата) является высшим судом штата. Его основная задача состоит в рассмотрении апелляций на решения нижестоящих судов штатов, а также в толковании законов штата. В большинстве случаев решения Верховных судов штатов являются окончательными и обжалованию не подлежат. Исключение составляют только те случаи, когда решение Верховного суда штата выходит за пределы юрисдикции штата и противоречит федеральному законодательству и Конституции США [22].

Число судей Верховного суда штата и порядок их назначения определяется Конституцией каждого отдельно взятого штата. В большинстве случаев они выбираются гражданами штата из числа кандидатов, представленных губернатором штата или законодательным собранием штата [10, С. 409; и др.].

Система судов индейских резерваций

Каждая индейская резервация в США имеет собственную, независимую судебную систему, которая не входит в судебную систему штата. Структура индейских судебных органов отличаются от племени к племени. Каждое племя имеет также свое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, которое учитывает традиции и обычаи племени. Так, судебную систему племени Шайен Ривер Сиокс (The Cheyenne River Sioux Tribe) образуют суд племени, суд по делам несовершеннолетних, посреднический суд и апелляционный суд. В тоже время судебная система племени Пуэбло Ислета (Pueblo of Isleta) состоит из суда племени и апелляционного суда, функции которого выполняет Совет племени [10, С. 408; 18; 21].

Таким образом, можно сказать, что:

1. американские суды действуют на трех уровнях – федеральном, штатов и индейских резерваций;

2. на каждом уровне суды объединены в относительно независимые иерархические системы, построенные и осуществляющие свою деятельность на основе собственного законодательства;

3. все американские судьи образуют судейское сообщество (корпорацию) по факту осуществляемой ими однородной функции правосудия;

4. на федеральном уровне действует принцип назначаемости судей, на уровне штатов – избираемости (преимущественно), на уровне индейских резерваций занятие должности судьи определяется племенными традициями;

5. Верховный Суд США является высшей судебной инстанцией (своего рода координирующим центром) для судов всех уровней (за счет наличия у него функции пересмотра судебных решений и обязательности следования его прецедентам).

Список использованных источников

1. Андерсон Б. Равное правосудие на основе закона. Верховный суд в жизни Америки. / пер. с англ. Г. Седуна; под ред. М. Калантаровой. М.: пер с англ. Г.А. Гаджиева, С.А. Кузнецовой. М., 1995.
2. Бернам У. Правовая система США. Вып. 3-й. М., 2006.
3. Боботов С. В., Жигачев И.Ю. Введение в правовую систему США. М., 1997.
4. Власихин В.А. Служба обвинения в США: Закон и политика. М., 1981.
5. Губанов А.В. Полиция зарубежных стран. Организационно-правовые основы, стратегия и тактика деятельности. М., 1999.
6. Додонов В. Н., Крутских В.Е. Прокуратура в России и за рубежом: Сравнительное исследование / под ред. С.И. Герасимова. М., 2001.
7. Карлен Д. Американские суды: Система и персонал. Организация правосудия в США / под ред. и с вступит. ст. Б.С. Никифорова; пер. с англ. В.А. Власихина. М., 1972.
8. Николайчик В.М. Уголовный процесс США. М., 1981.
9. Николайчик В. М. США: Полицейский контроль над обществом. М., 1987.
10. Правоохранительные органы: учебник для академического бакалавриата / под ред. Н.Г. Стойко, Н.П. Кирилловой, И.И. Лодыженской. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2018.
11. Стойко Н. Г., Семухина О.Б. Уголовный процесс в США. Красноярск, 2000.
12. Филиппов С.В. Судебная система США. М., 1980.
13. Фридмэн Л. Введение в американское право / пер. с англ. Г. Седуна; под ред. М. Калантаровой. М., 1992.

14. Шумилов В. М., Акчурин Т.Ф. Правовая система США. Учебное пособие для вузов. М., 2019.
15. American Bar Association <https://www.americanbar.org/aba.html>
16. Commission on Accreditation for Law Enforcement Agencies. URL: <https://www.calea.org/>
17. Commission on Accreditation for Law Enforcement Agencies. URL: <https://www.calea.org/calea-client-database>
18. Departments of the Interior and Justice Should Strengthen Coordination to Support Tribal Courts. Indian Country Criminal Justice: Report to Congressional Requesters. 2011. United States Government Accountability Office. URL: <https://indianlaw.org/>
19. Federal District Courts. URL: <https://system.uslegal.com/federal-district-courts>
20. Mission and Functions. URL: <https://www.justice.gov/usao/eousa/mission-and-functions>
21. Pearl M. Alexander. Criminal Justice in Indian Country. 38 American Indian Law Revue. 374 (2014). URL: https://collections.law.fiu.edu/faculty_publications/1
22. State Supreme Courts. URL: <https://system.uslegal.com/state-supreme-courts>
23. State Courts. URL: <https://system.uslegal.com/state-courts>
24. Supreme Court. URL: <https://system.uslegal.com/us-supreme-court/>
25. U.S. Courts of Appeals. URL: <https://system.uslegal.com/us-courts-of-appeals>
26. US Attorneys' Manual. Title 3. URL: <https://usdoj.gov>

Е.Л. Сутормина,

Адвокат, Адвокатская палата
г. Санкт-Петербурга, магистр права

АДВОКАТУРА В США И РФ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА АДВОКАТСКОЙ ТАЙНЫ

Данная статья является попыткой ознакомиться с системой гарантий независимости адвоката-защитника в Соединенных Штатах Америки, а также произвести сравнительно-правовой анализ данной системы в рамках российского уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская тайна, сравнительное правоведение, англо-саксонская система права, привилегия адвокат-клиент, доктрина рабочего продукта.

Ekaterina L. Sutormina

St. Petersburg Chamber of Lawyers, Master of Law

ADVOCACY IN THE UNITED STATES AND THE RUSSIAN FEDERATION: SOME ASPECTS OF COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF ATTORNEY-CLIENT PRIVILEGE

Summary: This article is an attempt to get acquainted with the system of guarantees of the independence of a defense lawyer in the United States of America, as well as to make a comparative legal analysis of this system in the framework of Russian criminal proceedings.

Keywords: lawyer, attorney-client privilege, comparative law, Anglo-Saxon system of law, lawyer-client privilege, working product doctrine.

Реализация конституционного права на квалифицированную юридическую помощь невозможна в отсутствие системы гарантий независимости адвоката. Защитник должен быть свободен от внешнего давления.

Нормы этики в сфере адвокатуры также уделяют внимание понятию независимости адвоката. Кодекс профессиональной этики адвоката в ч. 1 ст. 15 предусматривает, что профессиональная независимость адвоката является необходимым условием доверия к нему [1]. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.09.2002 № 63-ФЗ в ст. 18 также содержит ряд гарантий независимости адвоката [2]. В частности, любое вмешательство в адвокатскую деятельность, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещаются.

Один из аспектов системы гарантий независимости адвоката-защитника при осуществлении деятельности в рамках уголовного судопроизводства – адвокатская тайна, которая является профессиональной тайной адвоката, обеспечивающей право на получение квалифицированной юридической помощи. Вместе с тем, необходимо также понимать, что адвокатская тайна не просто привилегия представителя профессионального юридического сообщества, но также служит интересам правосудия и гражданскому обществу в целом.

Несмотря на то, что Конституционный Суд РФ в своих правовых позициях неоднократно обращал внимание на недопустимость произвольного и необоснованного посягательства сотрудников органов следствия на сведения, составляющие адвокатскую тайну [5, 7, 10], проблема остается актуальной и на сегодняшний день. В апреле 2019 года Конституционный Суд РФ принял очередное Определение, в котором указал, что адвокат освобожден от обязанности свидетельствовать об обстоятельствах и сведениях, ставших ему известными в связи с его профессиональной деятельностью. Допрос адвоката в качестве свидетеля, тем более сопряженный с его принудительным приводом, проведенный в нарушение правил УПК РФ, создает реальную угрозу адвокатской тайне и интересам доверителя [11]. Однако, очевидно, что последующий судебный контроль зачастую не способен восстановить нарушенное право

Другой краеугольный камень уголовно-процессуальной деятельности – возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката только по решению суда. Предварительный судебный контроль в данном случае выполняет функцию гаранта обеспечения адвокатской тайны. Однако Конституционный Суд РФ Определением № 322-О позволил проводить оперативно-розыскные мероприятия в отношении адвоката без судебного решения, при наличии обоснованных предположений у сотрудников правоохранительных органов о наличии признаков противоправного деяния [6].

В этой части хотелось бы обратить внимание, что сведения об оперативно-розыскной деятельности составляют государственную тайну (ст. 12 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) и п. 4 ст. 15 ФЗ «О государственной тайне») [3, 8]. В соответствии с ч. 3 ст. 11 об ОРД и межведомственной Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд от 27.09.2013 № 30544, суду, следствию или дознанию передаются лишь результаты оперативно-розыскной деятельности [9].

Тем самым, в орбиту последующего судебного контроля не попадают сведения, на основании которых орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, принял решение о производстве оперативно-розыскного мероприятия в отношении адвоката. Сущность судебного контроля заключается в том, чтобы субъект управления—суд соответствующей инстанции осуществил проверку выполнения требований закона. Ограничив (или вовсе исключив) судебскую дискрецию в рамках предварительного и последующего судебного контроля за органами оперативно-розыскной деятельности, Конституционный Суд РФ создал поле для злоупотребления правом.

Другим немаловажным решением в свете обеспечения адвокатской тайны является Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 838-О. Как следует из представленных материалов, заявитель был приглашен следователем для участия в производстве следственного действия в качестве адвоката. На входе в здание территориального органа МВД РФ сотрудник полиции, осуществлявший свои должностные обязанности по соблюдению пропускного режима, отказался пропустить адвоката без проведения личного досмотра и досмотра вещей, находившихся при нем. В результате этого адвокат в здание не был пропущен. Однако, Конституционный Суд определил, что положения Конституции РФ, Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливают общий запрет на истребование и получение от адвоката конфиденциальных сведений, связанных с оказанием им юридической помощи доверителю законными способами. В развитие указанных положений Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в статье 18 закрепляет соответствующие гарантии независимости адвоката, однако ни указанный Федеральный закон, ни иные – в том числе международные – правовые акты по вопросам адвокатской деятельности не устанавливают неприкосновенности адвоката в качестве его личной, либо профессиональной привилегии [4].

С одной стороны, вопрос обеспечения безопасности граждан, выявления у посетителей при себе оружия, боеприпасов, наркотиков должен быть в приоритете при условии, что досмотр не касается документов, содержащих адвокатскую тайну. С другой, Конституционный Суд РФ, обсуждая возможность личного досмотра адвоката и его вещей, не дал оценку тому, как это корреспондирует обязанности адвоката хранить профессиональную тайну, каким образом фактически восстановить права при разглашении адвокатской тайны в ходе досмотра.

Однако, хотелось бы отметить, что личный досмотр адвоката на входе в правоохранительные органы, далеко не повсеместная практика.

В свете подобных событий представляется, что изучение зарубежного права позволяет лучше изучить правовую систему собственного государства, так как сравнительный анализ наиболее ярко демонстрирует специфические черты национальной правовой системы.

В американской правовой системе одной из старейших гарантий независимости адвоката относится в частности привилегия адвокат-клиент, которая впервые упоминается в американском праве еще в 1929 году в решении по делу «Dixon v. Parmelee», где через допрос адвоката сторона обвинения пыталась получить доказательства мошеннических действий подсудимого [14]. По своей сути, привилегия гарантирует, что «тот, кто ищет совета или помощи у адвоката должен быть полностью свободен от всякого страха, что его тайны будут раскрыты в свете конституционного права на защиту» [17]. В любом случае независимо от того, как сформулирована адвокатская тайна, существует четыре основных элемента, необходимых для установления ее существования: (1) сообщение, (2) совершенное между привилегированными лицами, (3) конфиденциально и (4) с целью поиска, получения или оказания юридической помощи клиенту [15]. Важно отметить, что привилегия также распространяется на оперативное общение адвоката с клиентом, которое не обязательно должно быть явным. Напротив, малейшее действие или бездействие, такое как утвердительный кивок или полное молчание, может представлять собой сообщение [16]. В 1981 году Верховный Суд США по делу «Uprjohn Co v. U.S.» заявил, что данная привилегия позволяет сохранить доверительные отношения между адвокатом и клиентом.

В этой связи хотелось бы отметить важное правило привилегии адвокат-клиент, сформированное в 1996 году решением «U.S. v. Campbell»: «отказ от привилегии может быть осуществлен только самим доверителем или его законным представителем». Лицо обвинялось в мошенничестве в особо крупном размере с последующим банкротством, обвинение вызвало в качестве свидетеля адвоката-юриста компании обвиняемого. При этом обвинение в ходе допроса (показаниями) адвоката доказало, что обвиняемый ранее отказался при личной беседе отказаться от привилегии адвокат-клиент. В итоге суд принял показания адвоката, как непопадающие под привилегию. Многие американские ученые согласны с позицией суда в упомянутом деле, так как она полностью подпадает под стандарт установленный решением «U.S. v. Neal» (1994): «[...] потому что привилегия должна быть истолкована в пользу права, которое она призвана обеспечить» [18].

502 правило Закона о федеральных правилах доказывания устанавливает, что привилегия адвокат-клиент распространяется на общение между адвокатом и его клиентом, если только юридическая услуга не была запрошена или получена для совершения или планирования преступления или гражданско-правового деликта. Данная привилегия распространяется не только в рамках оказания защиты в судебном разбирательстве, а также на сообщения, целью которых является юридическая помощь, отличная от судебного разбирательства [12]. Например, составление правовых документов. Однако, данная привилегия имеет ряд исключений. В частности, если клиент обращается за консультацией к адвокату и (1) находился в процессе совершения или намеревался совершить преступление, а также если (2) клиент общался с адвокатом с намерением продолжить совершать преступление [20].

Однако американские юристы указывают, что поскольку привилегия адвокат-клиент принадлежит клиенту, то только намерение клиента должно определять применяется ли исключение в каждом конкретном случае. Например, Уолт встречается с адвокатом по уголовным делам Солом за юридической консультацией и спрашивает о штрафах за приготовление и продажу метамfetамина. Сол предоставляет юридическую консультацию, а также объясняет, что прибыль от незаконной продажи наркотиков может привести к обвинениям в легализации дохода от преступной деятельности. Этот разговор подпадает под привилегию адвокат-клиент. Но результат был бы иным, если бы Уолт попросил у Сола совета, как спрятать или уничтожить улики, или как отмыть свои доходы, направляя их через законный бизнес.

Другой важной гарантией независимости адвоката является доктрина рабочего продукта (work product).

В деле «Hickman v. Taylor» Верховный Суд США установил правило современной доктрины «рабочего продукта», согласно которой материалы адвокатского производства обладают квалифицированным иммунитетом до их официального обнародования адвокатом. Как точно было указано в тексте решения: «Ничто не должно оказать деморализующее воздействие на профессиональную деятельность юриста» [13, с. 27–31]. Доктрина рабочего продукта также призвана обеспечить реализацию принципа состязательности сторон. Несмотря на то, что доктрина впервые была сформирована в рамках гражданского судопроизводства, спустя 28 лет в деле «U.S. v. Nobles» Верховный Суд США применил «правило Хикмана» по уголовному делу, где указал, что обнародование информации, которая стала известна защите в рамках подготовки к судебному разбирательству – это обеспечение справедливости в процессе судебного разбирательства, а не получение доступа к стратегии оппонента [19].

Позднее доктрина нашла свое отражение в правиле 16 (b) (2) Федеральных правил уголовного судопроизводства, которое устанавливает, что запрещено обнародовать доклады, меморандумы и иные документы, составленные адвокатом-защитником или его агентом в ходе расследования и (или) оказания защиты по делу.

Как можно заметить, доктрина рабочего продукта шире привилегии адвокат-клиент, поскольку она защищает дополнительные материалы, которые не были получены в результате общения с клиентом.

Результаты доктрины рабочего продукта можно классифицировать на два типа:

1) Абсолютный продукт работы – мысли, впечатления и (или) стратегия адвоката защиты. Как правило, эти материалы имеют повышенную защиту и не могут быть обнародованы в ходе судебного разбирательства.

2) Квалифицированный продукт работы – этот вид материалов, которые стали известны адвокату-защитнику в ходе его работы в рамках подготовки к судебному разбирательству. Например, заключение специалиста. Как правило, такие материалы подлежат обнародованию в рамках судебного процесса только если суд определит, что отказ приведет к несправедливому судебному разбирательству.

Важно отметить, что отношение к сохранению адвокатской тайны претерпело изменения вследствие событий 11 сентября 2001 года. Перед лицом террористической угрозы Министерство юстиции США временно пересмотрело границы адвокатской тайны, разрешив следственным органам прослушивать телефонные разговоры адвоката и его клиента, даже если последнему еще не было предъявлено обвинение. Реакция на такие меры Министерства юстиции не заставила себя долго ждать: нарушение конституционной привилегии адвокат-клиент. В ответ Министерство юстиции США было вынуждено ввести особую процедуру, призванную предотвратить несанкционированное вторжение в адвокатскую тайну. Так, прослушивание должно проводиться специальной службой, адвокат и его клиент должны быть проинформированы об этом, а записи таких разговоров могут быть предоставлены обвинению или следственным органам исключительно на основании решения суда.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ позволил выявить специфику регулирования систем независимости гарантий адвоката в Соединенных Штатах Америки. Исследование опыта регулирования и, главное, реализации адвокатской тайны в ходе уголовно-процессуальной деятельности способствует выявлению прогрессивного законодательного и правоприменительного подхода, прогнозирова-

нию дальнейшего развития института адвокатской тайны в современной правовой системе России.

Список использованных источников

1. Кодекс профессиональной этики адвоката [Электронный ресурс]: принят I Всероссийским съездом адвокатов от 31 января 2003 г. // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2003. № 3. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (в ред. от 20 апреля 2017 г.).
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (в ред. от 31 июля 2020 г.).
3. О государственной тайне: Закон от 21 июля 1993 г. № 5485-1 // Собрание законодательства. 1997. № 41. Стр. 8220–8235. (ред. от 30 декабря 2020 г.).
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вишнякова Михаила Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 25 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 838-О // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Гольдмана Александра Леонидовича и Соколова Сергея Анатольевича на нарушение их конституционных прав статьей 29, пунктом 3 части второй статьи 38, пунктами 2 и 3 части третьей статьи 56 и пунктом 1 части первой статьи 72 УПК РФ [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2007 г. № 516-О-О Ф3 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козлова Александра Константиновича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подпунктом 1 пункта 2 части первой статьи 7 и частью восьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2020 г. № 322-О // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пугачева Максима Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6 и частью первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», пунктом 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2018 г. № 1468-О // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
8. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (ред. 30 декабря 2020 г.).

9. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [Электронный ресурс]: Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. О // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
10. По жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 1 части второй статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР: Определение Конституционного Суда РФ от 06 июля 2000 г. № 128-О // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
11. По жалобе граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав положениями статей 38, 88, 113, 125 и части первой статьи 152 УПК РФ, а также части 2 статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. № 863-О О // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
12. Federal Rule of Evidence. URL: <https://www.rulesofevidence.org/> (дата обращения: 24.02.2021).
13. Hickman v. Taylor , 329 U.S. 495, 67 S. Ct. 385, 91 L. Ed. 451, 1947 U.S. 2966.
14. John A. Garver Professor of Law. B.A. An Historical Perspective on the Attorney-Client Privilege. Yale University. 1953. P. 27–31.
15. Restatement of the law governing lawyers. § 118 (Tentative draft No. 1, 1988).
16. U.S. v. Andrus, 775 F. 2d 825, 852 (7th Cir. 1895).
17. United States v. Grand Jury Investigation, 401 F. Supp. 361, 369 (W.D. Pa. 1975).
18. United States v. Neal, 27 F.3d 1035, 1048 (5th Cir. 1994) U.S. 115 S.Ct. 1165 (1995).
19. United States v. Nobles, 422 U. S. 225 (1975).
20. United States v. United Shoe Mach. Corp., 89 F. Supp. 357, 358–59 (D. Mass. 1950).

Дильбар Жолдасбаевна Суюнова

доктор юридических наук, профессор кафедры
уголовно-процессуального права,
Ташкентский государственный юридический университет

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕКТРОННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена актуальным проблемам применения информационных технологий при отправлении правосудия, автор указывает на изменения законодательства Узбекистана, касающегося использования средств коммуникационных технологий в уголовном судопроизводстве, в том числе, посредством видеоконференцсвязи. Обращаясь к цифровизации уголовного судопроизводства, он поднимает проблему обеспечения при этом прав участников процесса, гарантированных процессуальным законодательством. Автор обоснованно отмечает необходимость принять во внимание некоторые факторы, требующие разрешения для успешного внедрения информационно-коммуникационных технологий в уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: отправление правосудия, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация уголовного судопроизводства, защита прав граждан

Dilbar J. Suyunova

Dr. Sci. in Law, Professor, Department of Criminal Procedure of Law Tashkent State University of Law

ON THE ISSUE OF ELECTRONIC CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to the current problems of the use of information technologies in the criminal justice, the author points to changes in the legislation of Uzbekistan concerning the use of communication technologies in criminal proceedings, including through videoconferencing. Turning to the digitalization of criminal proceedings, he raises the problem of ensuring the rights of participants in the process, guaranteed by procedural legislation. The author justifiably notes the need to take into account some factors that require permission for the successful implementation of information and communication technologies in criminal proceedings.

Keywords: criminal justice, information and communication technologies, digitalization of criminal proceedings, protection of citizens' rights

Внедрение в судебную деятельность информационно-коммуникационных технологий не явилось новшеством, когда стало известно о пандемии COVID–19, как о глобальном вызове всему мировому сообществу. К этому времени суды многих государств, в том числе Узбекистана, использовали в уголовном судопроизводстве опыт проведения судебного разбирательства в режиме видео-

конференцсвязи (ВКС), автоматического распределения дел, закрепления хода и результатов следственных действий аудио-, видеозаписями, опубликования судебных решений в сети Интернет, направления исполнительных документов на принудительное исполнение в электронном формате и др.

Применение судами цифровых технологий в Узбекистане берет свое начало с принятием Постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан «О мерах по внедрению в деятельность судов современных информационно-коммуникационных технологий» от 10 декабря 2012 года, которое явилось основанием предоставления интерактивных услуг и внедрения в судебную систему электронного документооборота. С 2013 года в Узбекистане разработана и запущена Национальная информационная система электронного судопроизводства «E-SUD».

Законом Республики Узбекистан от 23 мая 2019 года в уголовно-процессуальное законодательство внесены изменения, касающиеся использования ВКС в уголовном судопроизводстве. Эта компьютерная технология позволила проводить судебные процессы на значительном расстоянии, когда суд и осужденный находятся далеко друг от друга. Можно отметить позитивные моменты при рассмотрении уголовного дела в режиме ВКС: возможность свидетелям, потерпевшим, находящимся вне территории, где проходит судебное разбирательство, в целях экономии своих средств, участвовать в суде и давать показания по месту жительства, вероятность опроса в суде дополнительных свидетелей для установления истины по делу, сокращение сроков рассмотрения дел.

С началом пандемии COVID-19 актуальность проведения дистанционных судебных заседаний возросла, высший судебный орган Узбекистана разъяснил судам о необходимости принятия мер к своевременному рассмотрению уголовных дел с использованием средств ВКС [1, с.2].

Следует отметить, что в целях защиты прав и свобод граждан, обеспечения открытости и прозрачности деятельности судов, руководством Узбекистана принимаются все необходимые меры, в том числе направленные на внедрение в судебную систему современных информационно-коммуникационных технологий. Президент Узбекистана 3 сентября 2020 года подписал Постановление «О мерах по цифровизации деятельности органов судебной власти», в котором определены задачи цифровизации деятельности органов судебной власти, а именно: обеспечение открытости и прозрачности деятельности судейского со-

общества путем внедрения специальных информационных программ; расширение возможности дистанционного участия в судебных заседаниях, в том числе посредством мобильных устройств и других форм электронного взаимодействия, а также создание условий получения сторонами по делу судебных решений в режиме онлайн; фиксация судебных заседаний во всех судах посредством аудиозаписи на основе ходатайства сторон по делу и с согласия председательствующего, а также формирование протоколов судебных заседаний с использованием системы автоматического формирования судебных документов, разработка мобильного приложения, предоставляющего возможность участия в судебных заседаниях в режиме видеоконференцсвязи и многое другое [2].

В разных странах мира процедуры, связанные с введением дистанционного правосудия, имеют как сходства, так и различия. Во многих странах до возникновения пандемии COVID–19 уже были приняты законы и нормативные документы об организации ВКС в судебных заседаниях. Однако именно пандемия коронавируса и принимаемые государствами карантинные меры стали своеобразным толчком для массового использования судами средств коммуникационных технологий.

Как показал анализ практики судов по применению информационных технологий при отправлении правосудия, большинство стран мира в период ограничительных мер, связанных с пандемией коронавируса, перевели судопроизводство на дистанционный формат работы в целях предотвращения угрозы распространения коронавирусной инфекции [3].

В то же время увеличение объема уголовных дел, рассмотрение которых проводится в режиме ВКС, ведение электронного документооборота выявило некоторые особенности информационных технологий. Анализ проведения дистанционного судебного заседания показал следующее:

- в отдаленных от центра территориях все еще существует проблема к подключению к единой сети Интернет;
- не все граждане, выступающие в качестве потерпевших, свидетелей могут пользоваться новыми технологиями, судебный процесс и опрос его участников в большинстве случаев происходит в зданиях судов, что может оказать давление на потерпевших и свидетелей при дачи ими показаний;
- незащищенность сети, т.е. ведение публичного судебного заседания через сеть Интернет может придать широкой огласке участие

гражданина в суде и стать причиной нарушения его чести и достоинства;

- участие обвиняемого, находящегося под стражей, в судебном заседании в режиме ВКС и дача им показаний вызывает некоторые сомнения в их правдивости, поскольку процедура опроса осуществляется при участии работников следственного изолятора;

- отмечается, что ведение судебного заседания в режиме ВКС ограничивает права защитника и обвиняемого на беседу друг с другом, корректировать собственные показания и формулировать вопросы;

- отсутствие законодательной регламентации проведения судебного заседания в формате ВКС.

Безусловно, внедрение цифровых технологий в деятельность судов, проведение судебных заседаний в режиме ВКС, особенно в период пандемии COVID–19, помогли решить первостепенные задачи государства по отправлению правосудия. Но все же, учитывая специфику уголовного судопроизводства, следует принять во внимание следующие факторы, требующие скорейшего решения.

1. При работе с электронными документами требуется законодательная защита от несанкционированного доступа и недопущение внесения в документы изменений в их содержание. Цифровизация должна отвечать требованиям уголовного судопроизводства, его особенностям, в том числе, касающимся конфиденциальности показаний потерпевших, свидетелей и других участников процесса.

2. В период разгара пандемии COVID–19, вероятности второй ее волны, назрела необходимость разработки единой цифровой платформы для судов с повышенным уровнем защиты каналов, по которой передается информация лиц, участвующих в деле, а также самостоятельным сервером для хранения информации по каждому конкретному делу. Уместно отметить специфику дел, судебные заседания по которым в офлайн режиме проводились бы в закрытых судебных заседаниях (преступления против половой свободы, по делам, связанным с государственными секретами и др.), поскольку это вопрос следует регламентировать в законе отдельно.

3. Проведение судебных заседаний в режиме ВКС никоим образом не должно нарушать права участников уголовного судопроизводства. Обвиняемому должна быть предоставлена возможность в неограниченном времени общаться со своим защитником, потерпевшие и свидетели свои показания в суде должны давать свободно, без всяческого давления со стороны организаторов ВКС процесса. При этом обеспечение безопасности всех участников судебного процесса является основополагающим элементом справедливого судебного процесса.

4. Следует гарантировать всем участникам процесса обеспечение прав на защиту, как обвиняемого, так и потерпевших, свидетелей. Как правило, защитнику необходимо обеспечить отдельное помещение с налаженной сетью Интернет либо Skype, в целях его свободного общения со своим подзащитным в неограниченном времени периоде. В этом контексте следует также обеспечить обвиняемому его право на объективное, свободное повествование о событии преступления, поскольку обвиняемый, находящийся под стражей, участвует в судебной заседании в режиме ВКС в присутствии сотрудников учреждения по исполнению наказания и находится под их надзором.

5. Конечно, мы не сможем полностью заменить реальный судебный процесс цифровыми технологиями. Однако события сегодняшнего дня, связанные с пандемией коронавируса, вынудили судебные органы использовать возможности видеоконференцсвязи в судебной деятельности, и таким образом осуществлять свои функции по отправлению правосудия.

Поэтому наша задача- использовать новые технологии с обязательным условием – соблюдения гарантий прав граждан, участников уголовного судопроизводства. Кроме того, следует принимать во внимание, что при оценке электронных доказательств, собранных по делу, суд должен проверить их достоверность с учетом качества изображения, звука и других факторов информационно-коммуникационных технологий, которые впоследствии, в силу своей специфичности, могут иметь колоссальное значения для решения вопроса о виновности или невиновности лица.

Список использованных источников

1. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан «О некоторых вопросах применения судами законодательства в связи с введением на территории Республики Узбекистан мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции COVID-19». URL: www.supcourt.uz
2. URL: <https://prezident.uz/>
3. URL: <https://remotecourts.org/>

А.Г. Трофимик

старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Юридический институт
Сибирского федерального университета

КЛАССИЧЕСКАЯ КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ АПЕЛЛЯЦИИ – БУДУЩЕЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР НА ПРИМЕРЕ ФРГ

Аннотация: В статье с использованием сравнительно-правовой методологии анализируется классическая континентальная модель уголовной апелляции и ее положительные стороны. Рассматривается частная проблема правового регулирования представления новых доказательств и ее практическое значение в апелляционном производстве уголовного процесса России. На основе исследования особенностей апелляции России и Германии формулируется вывод о необходимости устранения в отечественном уголовно-процессуальном праве ограничений по осуществлению полного пересмотра и свободному представлению новых доказательств на стадии апелляции. Приведен анализ ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ: рассмотрены условия представления новых доказательств, определены проблемы толкования и применения данного законоположения.

Ключевые слова: апелляция, судебные ошибки, уголовный процесс Германии, сравнительное право, доказывание в апелляции, новые доказательства, правосудие, пересмотр дела, элиминация судебных ошибок, реформирование законодательства.

CLASSICAL CONTINENTAL APPEAL MODEL – THE FUTURE OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA: ANALYTICAL OVERVIEW ON THE EXAMPLE OF GERMANY

The article, using a comparative legal methodology, analyzes the classic Continental model of criminal appeal and its positive aspects; researches the problem of legal regulation of the representation of new evidence in appeal. Based on the research of special aspects of appeal in Germany and Russia, the conclusion of the free presentation of new evidence at the appeal proceedings is formulated. A analysis of paragraph 6.1 the article 389.13 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is provided: the conditions for the introduction of new evidence are considered, the problems of interpretation and application of this legislative provision are identified.

Keywords: appeal, miscarriages of justice, criminal procedure of Germany, comparative law, proving in the appeal, new evidence, justice, appellate review, elimination of justice miscarriages, reforming of the legislation.

Современный мир ежедневно демонстрирует, как тесно переплетены и взаимосвязаны самые разные явления. Полагаю, в этом отношении уместно в который раз обратиться к сравнительно-правовым исследованиям. Но не исключительно ради методологического многообразия, а для прогнозирования того, как изменится система уголовного судопроизводства и что станет для юридического сообщества днём насущным.

Попытаться развеять туман неопределенности можно осуществить на примере родственного Российской Федерации правопорядка континентально-правовой семьи, Германии.

Для начала стоит упомянуть, что в Германии обжалование во второй инстанции традиционно представляет собой полный пересмотр дела. Немецкая апелляция является ординарным (ordentlicher) суспензивным и деволутивным средством защиты [2, S. 339. Rn. 1101; 3, S. 653. Rn. 1013–1014; 4, S. 302. Rn. 858; 8, S. 585. Rn. 1901–1904; 9, S. 453. Rn. 3; 3]. Согласно § 312 StPO (Уголовно-процессуальный кодекс Германии) она допустима в отношении приговоров судьи по уголовным делам (Strafrichter), вынесенных единолично, или приговоров суда шёффенов [13].

Апелляция в Германии является второй «полноценной» инстанцией по фактическим обстоятельствам (zweite Tatsacheninstanz). Это

означает, что уголовные дела рассматриваются в правовом и фактическом отношениях, то есть по так называемым вопросам права и факта (Tat- und Rechtsfrage) [4, Rn. 29, 875; 6, § 323: Rn. 4; 10, § 312: Rn. 1, 4]. Апелляция в Германии не ведает какие-либо ограничения доказывания, она всегда «полная». Легально закрепленным исключением из общего правила считаются случаи, когда приговор обжалуется лишь в определенной части, что следует непосредственно из доводов апелляционной жалобы.

Известного рода требование к качеству исследования обстоятельств уголовного дела судом первой инстанции, действует апелляционного производства в силу § 244 II StPO и § 261 StPO в их доктринальном и практическом истолковании [1, § 244: Rn. 1, 2; 5, § 244: Rn. 1; 7, § 244: Rn. 1, 2; 11, S. 44–46; 12, S. 16–19].

§ 244 II StPO закрепляет *принцип материальной истины* (Untersuchungsgrundsatz, Inquisitionsmaxime, Amtsaufklärungspflicht, Amtsermittlungsgrundsatz). Не давая легальной дефиниции истине, параграф 244 StPO аналогично советскому уголовно-процессуальному закону устанавливает обязанность для суда по своей инициативе (ex officio) достигать истину по уголовному делу.

В силу системного толкования § 244 II StPO применительно к апелляционному производству суд обязан предпринимать все возможные действия для собирания новых доказательств либо рассмотреть ходатайство о приобщении новых доказательств защитой, если оно поступило [5, § 323: Rn. 7; 6, § 323: Rn. 4, 5].

§ 261 StPO вводит принцип свободной оценки доказательств (Grundsatz der freien richterlichen Beweiswürdigung), по существу устанавливающий требование к суду о полном, всестороннем, объективном и исчерпывающем исследовании обстоятельств уголовного дела.

Приведенные нормативные положения, в особенности принцип материальной истины, ориентируют на безошибочное применение норм материального и процессуального права, а также гарантируют качество исследования обстоятельств уголовного дела и на этой основе законный и обоснованный результат процесса.

Нарушение § 244 II StPO, в том числе судом апелляционной инстанции, выступает так называемым потенциально «успешным» возражением (Rüge), то есть указанием на потенциальную судебную ошибку, которая может иметь ревизионный (revisibel) характер и подлежит обжалованию в кассации.

Уголовно-процессуальный закон усиливает постулат о «полноценной» апелляции тем, что в § 323 III StPO дополнительно отмечается

следующее: «новые доказательства допустимы». Никаких ограничений по представлению новых доказательств нет. И независимо от наличия или отсутствия уважительных причин непредставления какого-либо доказательства в суд первой инстанции, оно может быть приобщено к материалам уголовного дела и исследовано коллегией судей.

По поводу регулирования, предусмотренного § 323 III StPO, в научно-практических комментариях отмечается, что, поскольку апелляция имеет статус второй инстанции по фактическим обстоятельствам, *исследование новых доказательств составляет одну из существенных задач апелляционного производства* [6, § 323: Rn. 4, 5.]. Без этого положения во многом теряется эффект «добавочной гарантии».

Собранные доказательства должны быть заново оценены на основе принципа свободной оценки доказательств (§ 261 StPO), а новые доказательства должны быть безусловно допущены к использованию.

Станут ли описанные аспекты классической континентальной модели будущим российской апелляции? Этот вопрос я оставлю без ответа. Однако можно ответить на вопрос, почему в строго обозначенных границах озвученные положения должны в том или ином виде явиться в отечественном уголовном процессе.

Речь идет о проблемах ст. 389.13 УПК РФ: в частности, о приобщении новых доказательств и квази-доказательствах («доказательственных суррогатах»).

Привлечение новых доказательств в апелляционном производстве уголовного процесса России является условным, то есть допустимым лишь в случае выполнения ряда легальных оговорок. В силу ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ доказательства, которые не были исследованы судом первой инстанции (новые доказательства), принимаются судом, если лицо, заявившее ходатайство об их исследовании, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными.

Судебная практика Конституционного Суда РФ служит наглядным подтверждением тому, насколько остро обстоит проблема с рассматриваемым законоположением. Часть 6.1 ст. 389.13 УПК РФ с завидной регулярностью становится предметом соответствующих жалоб. Анализ судебных актов позволяет утверждать, что суды повсеместно игнорируют ходатайства о приобщении новых доказательств [14, 15, 16, 17].

При всем при этом отечественный законодатель отдал предпочтение «доказательственным суррогатам» – дополнительным материалам, которые, строго говоря, к доказательствам не относятся.

Сказанное говорит в пользу разворота российской апелляции в сторону классической континентальной модели. Произойдет ли это – говорить трудно. Тем не менее много известных российских правоведов положительно высказываются в пользу такого подхода. Думается, стоит поддержать эту позицию и дополнить ее новыми аргументами с использованием компаративистики.

Таким образом, модель апелляционного производства в уголовном процессе Германии во многом схожа с отечественной. Это позволяет при рациональном подходе применять опыт зарубежного государства. Для устранения внутренних противоречий российской апелляции и достижения истины по делу может быть использован подход безусловного допущения новых доказательств, характерный для Германии.

Список использованных источников

1. Gercke/Julius/Temming/Zöller. Strafprozeßordnung. Kommentar. C.F. Müller, 2019. 2544 S.
2. Heghmanns M. Strafverfahren. Berlin: Springer, 2014. 580 S.
3. Heiner-Kühne H. Strafprozessrecht. C.F. Müller, 2015. 838 S.
4. Hellman U. Strafprozessrecht. Springer, 2006. 387 S.
5. Löffelmann/Krekeler/Sommer. Strafprozeßordnung. Deutscher Anwalt Verlag, 2010. 2000 S.
6. Münchener Kommentar zur Strafprozeßordnung. In 3 Bänden. 1. Aufl. München: Verlag C.H. Beck, 2016. 2472 S.
7. Pfeiffer G. Strafprozeßordnung. 5. Aufl. München: C.H. Beck, 2005. 1183 S.
8. Ranft O. Strafprozessrecht. Systematische Lehrdarstellung für Studium und Praxis. Richard Boorberg Verlag, 2005. 794 S.
9. Roxin/Schünemann. Strafverfahrensrecht. München: Verlag C.H. Beck, 2017. 576 S. 453.
10. Satzger/Schluckebier/Widmaier. Strafprozeßordnung mit GVG und EMRK: Kommentar. 1. Aufl. 2016. 2400 S.
11. Schulenburg J. Das Verbot der vorweggenommenen Beweiswürdigung im Strafprozess. Duncker & Humblot, 2002. 291 S.
12. Stamp F. Wahrheit im Strafverfahren. Nomos, 1998. 298 S.
13. Strafprozeßordnung (StPO) in der letzten Fassung vom 3. März 2020 // BGBl. I. 7. April 1987. S. 1074, ber. S. 1319; BGBl. I S. 431.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 3339-О // СПС КонсультантПлюс.
15. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 770-О // СПС КонсультантПлюс.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2283-О // СПС КонсультантПлюс.
17. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1220-О // СПС КонсультантПлюс.

А.А. Черушева,

соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРАКТИКА РАЗРЕШЕНИЯ ПРОКУРОРОМ ЖАЛОБ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматривается деятельность органов прокуратуры при разрешении жалоб участников уголовного процесса. Анализируется эффективность выявления и устранения следственных ошибок на основе обобщения прокурорско-надзорной практики. Сделан аргументированный вывод о необходимости совершенствовании процессуального статуса прокурора в досудебном производстве и расширении полномочий прокурора при надзоре за законностью предварительного следствия.

Ключевые слова: прокурорский надзор, статус прокурора, жалобы участников уголовного процесса, следственные ошибки.

A. Cherusheva

Dotoral student of the Department of Criminal Procedure and forensic science,
St. Petersburg State Universit.

THE PRACTICE OF THE PROSECUTOR'S RESOLUTION OF COMPLAINTS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Summary: The article examines the activities of the prosecutor's office in resolving complaints of participants in criminal proceedings. The efficiency of detection and elimination of investigative errors is analyzed on the basis of prosecutor's and supervisory practice brief. A reasoned conclusion about the need to improve the procedural status of the prosecutor in pre-trial proceedings and expand the powers of the prosecutor in supervision over legality of the preliminary investigation is made.

Keywords: prosecutor's supervision, the status of the prosecutor, complaints of participants in the criminal process, investigative errors.

Защита прав и законных интересов участников уголовного процесса является одной из приоритетных задач правового государства. Именно в сфере уголовного судопроизводства незаконное и необоснованное их нарушение или ограничение является наиболее ощутимым.

В Конституции РФ и в уголовно-процессуальном законодательстве сформирован механизм восстановления нарушенных прав участников уголовного процесса, включающий в себя ведомственный и судебный контроль, а также прокурорский надзор. Использование законодателем трех уголовно-процессуальных функций органов государственной власти для обеспечения законных интересов потерпевших, обвиняемых, свидетелей и иных участников процесса, вовлеченных в

расследование и судебное рассмотрение уголовных дел, призвано обеспечить решение указанной выше задачи. Между тем, изучение прокурорской практики свидетельствует о неоднократном обращении заинтересованных лиц в различные контролирующие и надзирающие органы для восстановления нарушенного права. Имеет место и неоднократное вынесение органами предварительного расследования незаконных и необоснованных решений по одному и тому же делу. Такие случаи требуют не только пристального внимания, но и научного анализа эффективности контрольно-надзорной деятельности.

Если судебный контроль осуществляется по инициативе заинтересованного лица путем его обращения с жалобой в суд, то прокурорский надзор реализуется как при рассмотрении жалоб, так и в рамках исполнения процессуальных полномочий вне зависимости от имеющихся обращений заинтересованных лиц, то есть носит постоянный и сплошной характер. Можно согласиться с мнением о том, что прокурорский надзор и судебный контроль не являются антагонистами. Напротив, они взаимно дополняют и усиливают друг друга; имеют общие цели соблюдения закона при расследовании преступлений и направлены на защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Сказать сегодня то же самое о прокурорском надзоре и ведомственном контроле сложнее – они пока в большей мере имеют не столько процессуальный сбалансированный, сколько конкурентный характер [3, с. 615, 620].

Тем не менее, рассмотрении прокурором жалоб участников уголовного процесса на незаконные действия (бездействие) и процессуальные решения следователей и дознавателей в порядке, предусмотренном ст. 124 УПК РФ, является достаточно эффективным инструментом восстановления нарушенных прав. Это особенно очевидно на стадии возбуждения уголовного дела, поскольку надзорные полномочия прокурора на этой стадии уголовного процесса достаточно широки. В соответствии со ст. 37 УПК РФ, прокурор вправе не только надзирать за соблюдением закона в сфере соблюдения регистрационной дисциплины, но и отменять незаконные решения о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела. Отменяя постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, он вправе дать указания о том, что следует предпринять и каким образом восполнить недостатки доследственной проверки. Такие указания постоянно используются в практике надзирающих прокуроров для восполнения неполноты проведенной проверки заявлений и сообщений о преступлении. Эти указания касаются, главным образом, необходимости установления обстоя-

тельств происшедшего, влияющих на оценку наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела путем проведения соответствующих процессуальных действий.

Следует отметить, что подавляющее большинство жалоб, обращенных к прокурору, поступает в процессе осуществления доследственной проверки и по поводу принятых по ее результатам решений.

Изучение неопубликованной прокурорской практики Санкт-Петербурга показало, что из 250 рассмотренных сотрудниками районных прокуратур в порядке ст. 124 УПК РФ жалоб, 64% поступили именно на стадии возбуждения уголовного дела. Чаще всего обжалуется бездействие должностных лиц. Оно выражается в непроведении доследственной проверки (51, 6%), непринятии итогового решения (0,4%). Изредка встречаются случаи отказа в регистрации заявления о преступлении (0, 4%). Среди допущенных органами предварительного расследования нарушений закона встречается также нарушение сроков доследственной проверки, не принятие решений по заявленным участниками уголовного судопроизводства ходатайствам и другие.

Среди обжалуемых процессуальных решений преобладают постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (54,8%) и постановления о возбуждении уголовного дела (8,8%).

Обращает на себя внимание высокий процент удовлетворенных прокуратурой жалоб участников уголовного процесса. Полностью удовлетворены – 34,8 % жалоб, частично – 17,4 %. Эти данные свидетельствуют о значительном количестве допускаемых следственных ошибок.

Результаты проведенного нами исследования показывают, что предметом обжалования значительно чаще являются незаконные действия (бездействие) и процессуальные решения следователей, а не дознавателей (61% против 36%). Эти данные свидетельствуют, по нашему мнению, о том, что эффективность прокурорского надзора за дознанием более высокая, нежели за следствием. Надзирающий прокурор имеет более широкие процессуальные возможности выявить и устранить нарушения закона со стороны органов дознания своевременно, не дожидаясь жалобы участника уголовного процесса. Пользуясь правом истребования и изучения материалов любого уголовного дела, он имеет возможность дать указания о восполнении пробелов предварительного расследования, определить направление предварительного расследования. Выявляя незаконные решения прокурор имеет возможность оперативно их отменить, с целью профилактики наступления негативных для участников предварительного расследования последствий.

Оценивая эффективность прокурорского надзора следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев прокуратура добивается восстановления нарушенного права, однако изученная нами прокурорская практика показывает, что в 6.8 % случаев прокурор вынужден рассматривать жалобы повторно.

По нашему мнению, процессуальный статус прокурора при надзоре за следствием нуждается в совершенствовании. На необходимость расширения полномочий прокурора в досудебном производстве обращают внимание представители научного сообщества и практические работники [1]; [2, с. 276–277]; [4]; [5, с. 12–13].

Для повышения эффективности прокурорского надзора за следствием целесообразно, по нашему мнению, расширить полномочия прокурора по выявлению и устранению нарушений закона в процессе всего предварительного расследования, уравнив их с объемом полномочий прокурора в отношении органов дознания. В частности, прокурора необходимо наделить правом истребования уголовного дела, правом давать по нему указания, отменять любое незаконное или необоснованное постановление следователя, что позволит эффективно восполнять пробелы предварительного расследования, устранять допущенные следователем нарушения закона.

К недостаткам правового регулирования статуса прокурора в уголовном процессе можно отнести отсутствие у него права возбуждения уголовного дела, которое особенно необходимо для устранения следственных ошибок на первой стадии уголовного процесса. Это позволит своевременно выявлять и устранять нарушения закона, оперативно разрешать поступающие жалобы.

Список использованных источников

1. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации на расширенном заседании коллегии, посвященное итогам работы в 2016 г. и задачам по укреплению законности и правопорядка в 2017 г., Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. Электронный ресурс: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1171585/>
2. Кириллова, Н. П. (2018). Необходимый объем полномочий прокурора при надзоре за следствием. В Н.П. Кириллова, & Н.Г. Стойко (Ред.), Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: Уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ): Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (стр. 268–278). Центр социальных и правовых технологий.
3. Курс уголовного процесса/ Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки.- 2-е изд., испр.- М.: Статут, 2017, – 1278 с.

4. Синельщиков Ю.П. Перспективы развития законодательства о прокуратуре в сфере досудебного уголовного процесса. Электронный ресурс: <http://publishing-vak.ru/file/archive-law-2019-2/10-zakharyan.pdf>
5. Ястребов В.Б. Процессуальный статус прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства (нормативное правовое регулирование и перспективы развития). //Российский следователь. 2012, № 6. С 11–13

В.С. Шадрин,

доктор юридических наук профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Необходимость обеспечения прав личности на уровне международных стандартов во многом предопределила реформирование российского уголовного судопроизводства. Реформирование привело к внедрению в уголовное судопроизводство состязательности с распространением ее не только на судебное, но и на досудебное производство. Однако вскоре после введения в действие УПК РФ проявилась тенденция к нейтрализации признаков состязательности в стадии предварительного расследования, что не повлекло за собой отрицательных последствий для обеспечения прав личности и является вполне закономерным вследствие принадлежности отечественного уголовного судопроизводства к смешанному (континентальному) типу уголовного процесса. Одновременно имеются основания констатировать наличие тенденции к дальнейшему развитию правовых статусов участников уголовного судопроизводства и укреплению гарантий их прав.

Ключевые слова: личность, гарантии прав личности, состязательность, досудебное производство, реформирование уголовного судопроизводства.

ENSURING THE RIGHTS OF THE INDIVIDUAL AND CURRENT TRENDS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Summary: The need to ensure the rights of the individual at the level of international standards has largely determined the reform of the Russian criminal justice system. The reform led to the introduction of adversarial proceedings in criminal proceedings, extending it not only to judicial proceedings, but also to pre-trial proceedings. However, shortly after the entry into force of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, there was a tendency to neutralize the signs of competition in the preliminary investigation stage, which did not entail negative consequences for ensuring the rights of the individual and is quite natural due to the fact that domestic criminal proceedings belong to the mixed (continental) type of criminal proceedings.

Keywords: personality, guarantees of individual rights, adversarial nature, pre-trial proceedings, reform of criminal proceedings.

Провозглашение в 1993 году России демократическим правовым государством с возложением на государство обязанности признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации предопределило необходимость существенного усиления обеспечения прав личности во всех сферах государственной деятельности, в том числе в уголовного судопроизводстве.

Более того, обеспечение прав личности, вовлекаемой в уголовное судопроизводство в различном правовом статусе, в том числе в качестве подозреваемого, обвиняемого, заслуживало особого внимания в силу предоставления ведущим производство по уголовному делу органам государства и их должностным лицам возможности производства различных следственных действий принудительного характера, таких, как обыск, выемка и других, неизбежно связанных с ограничением прав человека и гражданина на неприкосновенность личности и жилища, тайны телефонных и иных переговоров, и т.д. Как указывалось в Концепции судебной реформы в Российской Федерации, «подавляющее большинство предлагаемых настоящей Концепцией нововведений направлено на обеспечение прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве» [4, с. 86]. По существу, пересмотру в направлении усиления гарантий прав личности, демократизации, гуманизации отечественного уголовного судопроизводства подлежали

его основы и в целом форма, результаты чего требовалось закрепить в новом, соответствующем Конституции Российской Федерации уголовно-процессуальном законодательстве.

Большую роль в определении идеологии реформирования российского уголовного судопроизводства играли идеи, обусловленные признанием в теории уголовного процесса высокого значения общепризнанных прав человека. И.Ф. Демидов отмечал, что права человека выступают важнейшим фактором, определяющим назначение, содержание и формы процессуальной деятельности по уголовным делам. Не права человека должны подгоняться под нужды расследования преступлений, уголовного процесса в целом, а наоборот, уголовный процесс должен максимально соотноситься с правами человека. Данное положение является ключевым, выражает суть новой методологии изучения и реформирования уголовного процесса [3, с. 6, 37]. Задача государства по формированию современного правового регулирования процессуальной деятельности по уголовным делам состояла в том, чтобы гармонизировать в нем общественные и личные интересы с учетом значения прав человека и в конечном итоге создать надлежащие условия для полноценной реализации указанных прав в ходе осуществления уголовно-процессуальных отношений.

После многолетних дискуссий о формировании новой модели уголовного судопроизводства законодатель воплотил ее в УПК РФ, принятом в конце 2001 года. Многие его положения действительно отличались от изложенного в ранее действовавшем УПК РСФСР 1960 года, наглядно свидетельствовали о существенном расширении прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство и значительном усилении их обеспечения.

Если иметь в виду процессуальное положение лиц, подвергаемых уголовному преследованию, то оно значительно улучшилось. Подозреваемый и обвиняемый получили важные дополнительные права, выполняющие роль гарантий их права на защиту, в том числе право пользоваться услугами защитника с первого момента своего появления в уголовном деле, иметь с ним свидания наедине, конфиденциально до первого допроса и, как правило, без ограничения их числа и продолжительности. При этом предоставляемый им в статьях 46 и 47 УПК РФ внушительный перечень прав не должен рассматриваться как исчерпывающий. Впервые за ними закреплено право защищаться иными средствами и способами, не запрещенными действующими уголовно-процессуальным законом. В целях усиления обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого увеличен комплекс прав защитника, основа-

ния и условия участия защитника в производстве по уголовному делу заметно расширены в интересах повышения эффективности его защитительной деятельности, что нашло соответствующее отражение в статьях 49–53 УПК РФ.

Получили развитие также процессуальные статусы иных лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, причем не только заинтересованных в исходе уголовного дела – потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, но и других, в частности, свидетеля.

Возложение согласно ст. 18 Конституции Российской Федерации обеспечения прав и свобод человека и гражданина персонально на правосудие во многом предопределило усиление значения суда и судебной деятельности в уголовном судопроизводстве. Юридически и фактически суду отведена роль главного гаранта прав и законных интересов личности как в судебном, так и в досудебном производстве по уголовным делам. Практически любые ограничения прав личности, вовлекаемой в уголовное судопроизводство, в настоящее время допустимы исключительно по судебному решению. Действия (бездействия) и решения всех властных субъектов досудебного производства впервые в отечественном уголовном судопроизводстве могут быть обжалованы в судебном порядке (ст. 29 УПК РФ).

Переориентация российского уголовного судопроизводства на более высокий уровень обеспечения прав личности, отвечающий представлениям об уголовном процессе демократического правового государства, привела к существенной перестройке уголовного судопроизводства в целом, вплоть до определенной корректировки его исторического типа.

Анализ произошедшего в российском уголовном судопроизводстве показывает, что создателями УПК РФ при его разработке был взят курс на состязательность, подразумевающую наличие в уголовном судопроизводстве трех основных функций – обвинения и защиты, выполняемых сторонами с противоположной направленностью интересов, и функции разрешения уголовного дела (правосудия), выполняемой судом. И.Я. Фойницкий в свое время резонно отмечал, что «существенными признаками состязательного порядка является наличность в процессе сторон, стоящих отдельно от суда, и пользующихся правами участия в деле, равноправность сторон, освобождение суда от процессуальных функций сторон» [10, с. 63–64]. В период активного обсуждения будущего уголовно-процессуального закона наряду со многими различными суждениями по поводу его возможного содержания прозвучало мнение об аналогии разделения функций обвинения, защиты и

разрешения уголовного дела с получившим закрепление в ст. 10 Конституции Российской Федерации разделением государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную [9, с. 172–173], что, с учетом потребности усиления обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве, воспринималось как заслуживающий внимания законодателя аргумент в пользу перевода российского уголовного судопроизводства на «рельсы состязательности». Ведь согласно классической формулировке разделения властей Ш. Монтескье, ее цель – гарантировать безопасность граждан от произвола и злоупотребления властью [2, с. 4], а в создаваемом на демократических началах уголовном процессе необходимо надежно гарантировать ограждение личности от возможных произвольных действий со стороны ведущих производство по уголовному делу государственных органов и должностных лиц существенно возростала.

Как бы то не было, состязательность получила в новом уголовно-процессуальном законе статус принципа уголовного судопроизводства (ст. 15 УПК РФ). При этом состязательность была распространена на все, в том числе на досудебные стадии уголовного судопроизводства. Чтобы исключить сомнения на сей счет, законодатель считал необходимым специально разъяснить, что уголовное судопроизводство – досудебное и судебное производство по уголовному делу (п. 56 ст. 5 УПК РФ). Соответственно все государственные органы и должностные лица, осуществляющие досудебное производство и ответственные за его результаты, в том числе следователи, дознаватели оказались законодательно отнесены к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения (гл. 6 УПК РФ). На них недвусмысленно возложена обязанность уголовного преследования (с. 21 УПК РФ), чего не было в УПК РСФСР, и тем более не могло быть в Уставе уголовного судопроизводства России 1864 г., согласно которому следователь принадлежал к органам судебной власти. При буквальном толковании положений ст. 21 УПК РФ в совокупности с установленным законом запретом одновременного возложения уголовно-процессуальных функций на один и том же орган или на одно и то же должностное лицо, следователю, дознавателю фактически предписывается заниматься исключительно изблещением подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, что заведомо вступает в противоречие с одновременно подлежащим выполнению ими требованию устанавливать все без исключения обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу согласно ст. 73 УПК РФ, в том числе которые могут повлечь за собой освобождение подозреваемого или обвиняемого лица от уголовной ответ-

ственности. Ответ на вопрос о том, как разрешать подобное противоречие, из анализа законоположений никак не вытекал, был, получается, оставлен на усмотрение правоприменителя.

Продвижение состязательности в досудебное производство выразилось также в предоставлении подозреваемому и обвиняемому права предоставлять доказательства (п. 4 ч. 4 ст. 46, п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), а их защитнику права собирать доказательства предусмотренными законом способами (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), что стало в теории уголовного судопроизводства стало рассматриваться как проявление «адвокатского расследования» [5, с. 107].

Реализация идей внедрения состязательности в досудебное производство выразилась, в частности, и в том, что в описательно-мотивировочной части обвинительного заключения, составляемого следователем по итогам проведения предварительного расследования, законодатель предложил при формулировании доказательственной базы обвинения обходиться лишь изложением перечня подтверждающих обвинение доказательств (п. 5 ч. 1 ст. 220 УПК РФ), без раскрытия их содержания. На научных конференциях, где в дискуссиях затрагивалась данная новелла, вызывавшая недоумение представителей не только стороны обвинения, но и стороны защиты, мне доводилось слышать объяснение такого подхода законодателя тем, что в условиях состязательности и повышения значимости судебной деятельности судей желательно было сориентировать на то, чтобы они в большей степени самостоятельно осуществляли анализ и оценку каждого доказательства по уголовному делу, рассматриваемому в судебном заседании, и делали собственные выводы о доказанности обвинения независимо от аргументов органов предварительного расследования.

Только уже вскоре после введения УПК РФ в действие начался, по существу, отказ от рассмотренных выше нововведений, предназначенных по воле законодателя для конкретного преобразования существовавшего ранее досудебного производства, в целом обладавшего основными чертами инквизиционности, в состязательное.

В связи с тем, что отнесение органов предварительного расследования к стороне обвинения в практической их деятельности стало приводить к большему, чем ранее, проявлению обвинительного уклона, пагубного как для установления истины по уголовному делу, так и для обеспечения прав подозреваемых, обвиняемых, чем озаботились даже депутаты Государственной Думы, Конституционный Суд Российской Федерации сделал важное разъяснение, по существу дезавуирующее положение уголовно-процессуального закона об отнесении следо-

вателей, дознавателей исключительно к стороне обвинения. Как разъяснил Суд, выдвигаемое следователем, дознавателем обвинение в силу требований законности, обоснованности и мотивированности (ст. 7 УПК РФ), может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения. Указанное условие подлежит соблюдению, несмотря на установленный ч. 2 ст. 15 УПК РФ запрет возложения функций обвинения, защиты, разрешения уголовного дела на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо [8]. По существу следователь, дознаватель тем самым были фактически переориентированы на проведение всестороннего, полного и объективного исследования по уголовному делу, то есть на то, чем они всегда занимались в период действия УПК РСФСР.

Подобная участь постигла и продекларированное в ст. 86 УПК право защитника собирать доказательства. Согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, органы предварительного расследования не обязаны безоговорочно принимать представляемые стороной защиты, как подозреваемым, обвиняемым, так и их защитником, материалы для включения в уголовное дело и вправе, на основе собственного критического анализа, не признать их доказательствами [7]. Хотя представленным материалам можно найти иное применение. В частности, «полученные защитником в результате опроса сведения могут рассматриваться как основание для допроса указанных лиц в качестве свидетелей или для производства других следственных действий, поскольку они должны быть проверены и оценены, как и любые другие доказательства, с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела» [6]. Таким образом, фактически деятельность стороны защиты по «собираанию доказательств» носит предпроцессуальный характер, а признание представленных стороной защиты результатов ее познавательной деятельности доказательствами, как и прежде – прерогатива следователя, дознавателя.

С учетом реальных потребностей практики производства по уголовным делам подверглись ревизии и новелла уголовно-процессуального законодательства, касающаяся содержания обвинительного заключения. Пункт 5 ч. 1 ст. 220 УПК РФ «Обвинительное заключение» с 09.03.2010 г. действует в следующей редакции: «перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания». Тем самым словесное выражение данной правовой

нормы приведено в соответствие с определением понятия доказательства, предусмотренного ст. 73 УПК, согласно которому доказательство представляет собой единство содержания и формы, где содержание – определенные сведения об устанавливаемых по уголовному делу фактах, а форма – источники таких сведений.

Рассмотренные выше случаи нейтрализации реальной практикой производства по уголовным делам тех новелл регламентации досудебного производства, которые можно было бы считать признаками его состязательности, приводят к вполне определенному выводу, что такие случаи отнюдь не случайны, а являются проявлением вполне очевидной тенденции. Как говорят математики, несколько точек в одном направлении уже линия, в данном случае – линия на восстановления свойств предварительного расследования, существовавшего до принятия УПК РФ. Объяснение этому заключается в том, что отечественное уголовное судопроизводство принадлежало и продолжает в целом принадлежать к смешанному типу уголовного процесса, содержит в себе объективные предпосылки к сохранению его в данном качестве.

Реально розыскной (следственный) характер российского досудебного производства в целом остается неизменным. Как отмечалось ещё в период действия УПК РСФСР в одном из популярных комментариев к нему, особенность указанного характера заключается в том, что «уголовное преследование возбуждается согласно безличной воле закона, которая обязывает должностное лицо государственного органа возбудить уголовное дело при наличии к тому законного повода и основания и произвести предварительное расследование. В то время как при состязательной форме уголовного процесса единственным основанием уголовно-процессуальной деятельности является обвинение, предъявляемое обвиняемому через суд» [10, с. 14].

Возникает вопрос: не отразилась ли нейтрализация проявлений состязательности в досудебном производстве на обеспечении прав его участников, на вообще свойствах действующего российского уголовного судопроизводства как уголовного процесса демократического правового государства? Думается, что нет. Подтверждением тому может служить опыт Франции, Германии, в которых применяется смешанный (континентальный) тип уголовного судопроизводства, и в принадлежности которых к правовым государствам нет оснований сомневаться.

Обеспечение прав лиц, вовлекаемых в российское уголовное судопроизводство, находится на сравнительно высоком уровне и продолжает усиливаться, что можно также считать проявлением определенной тенденции.

Об этом свидетельствует развитие процессуального статуса потерпевшего, состоявшееся в 2013–2019 годы и отраженное в ряде изменений и дополнений ст. 42 УПК РФ, появление дополнительных гарантий от незаконного и необоснованного наложения ареста на имущество, сопровождавшиеся внесением изменений в ст. 115 УПК РФ и введением в УПК РФ ст. 115.1, появление новой меры пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) как альтернативы заключению под стражу и домашнему аресту, и т.п., что можно считать дополнительным проявлением гуманизации уголовного судопроизводства.

Список использованных источников

1. Агутин А.В., Александрова А.С., Алексеева Л.Б. и др. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М., 1996.
2. Азаркин Н.М. Монтескье. М., 1988.
3. Демидов И.Ф. Проблема прав человека в российском уголовном процессе (концептуальные положения). М., 1995.
4. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М, 1992.
5. Мартынич Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования. М.: ИГ «Юрист», 2009.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 N 100-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугрова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 4.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 N 467-О "По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации "По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы" от 29.06.2004 г. № 13-П // "Вестник Конституционного Суда РФ". 2004. № 4.
9. Смирнов В.П. Разделение основных функций и равноправие сторон – принципы уголовного процесса // Правоведение. 1999. № 3.
10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. Санкт-Петербург, 1966.

Раздел 2. МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ

А.И. Аладько,

студент 4 курса бакалавриата
по направлению «Юриспруденция» СПбГУ (Санкт-Петербург)

Д.В. Ерофеев,

студент 4 курса бакалавриата
по направлению «Юриспруденция», СПбГУ (Санкт-Петербург)

Научный руководитель: Николай Геннадьевич Стойко,
доктор юридических наук, профессор,
кафедра уголовного процесса и криминалистики СПбГУ (Санкт-Петербург)

ПРАВИЛА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В настоящей работе авторами проведено сравнительное исследование правил доказывания в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и Китайской Народной Республики. В качестве основы исследования авторы прибегли к сравнению ряда ключевых элементов данного института: субъектов, предмета доказывания, распределения бремени доказывания, относимости и допустимости доказательств и особенностей некоторых отдельных видов доказательств.

Ключевые слова: уголовный процесс, правила доказывания, Россия, Китай

Aleksandra I. Aladko,

4th year of undergraduate studies in Law,
SPbSU (St. Petersburg)

Dmitry V. Erofeev,

4th year of undergraduate studies in Law,
SPbSU (St. Petersburg)

Academic advisor: Nikolay G. Stoyko,

DSc. in Law, Professor,

Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
St. Petersburg State University

RULES OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Summary: In present article the authors carried out a comparative study of rules of evidence under the criminal proceedings legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China. As a basis of study the authors resorted to a comparison of key elements of the institution: subjects, object of proving, the burden of proof, relevance and admissibility of evidence and the characteristics of certain types of evidence.

Keywords: criminal proceedings, rule of evidence, Russian Federation, China.

Положения действующего УПК РФ позволяют считать систему российского уголовно-процессуального доказывания соответствующей модели свободной теории доказательств, согласно которой оценка доказательств производится судом на основе внутреннего убеждения [5, с. 423]. Законодатель именуется такой подход (концепцию) свободой оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ)

УПК РФ устанавливает довольно жёсткие требования к доказательствам, без соответствия которым никакие сведения не могут претендовать на роль доказательств в уголовном процессе. Как следует из ст. 88 УПК РФ, доказательство может быть признано недопустимым на любом этапе производства по уголовному делу. Круг лиц, наделённых правом признавать доказательства недопустимыми, довольно широк. Он включает в себя представителей органов, ведущих уголовный процесс: дознавателя, следователя, прокурора и судей (в судебных стадиях). Причем признание недопустимости того или иного доказательства может быть осуществлено по ходатайству сторон или по собственной инициативе указанных представителей государственной власти.

Вместе с тем опора на свободу оценки доказательств не означает, что УПК РФ исключает какую-либо формализацию (чаще всего в негативном смысле) в данном вопросе. К примеру, ч. 2 ст. 75 УПК РФ заранее относит к недопустимым доказательствам (устанавливает отсутствие их юридической силы): полученные в отсутствие защитника в ходе предварительного расследования показания обвиняемого (подозреваемого), и не подтвержденные им в суде; основанные на догадке, предположении или слухе показания потерпевшего, свидетеля, а также показания свидетеля, не могущего указать на источник своей осведомленности. Существенным отступлением от свободы оценки доказательств является также невозможность вынесения судебного решения исключительно на основании собственного признания подсудимого (ч. 2 ст. 77 УПК РФ).

Отсутствие в нормах китайского законодательства прямого указания на установленную в стране модель доказывания не является препятствием для ее определения. Формальная модель доказывания предполагает наличие определённой иерархии доказательств [1, с. 75–90], в то время как в китайском процессуальном законодательстве подобная систематика отсутствует, что позволяет привести аргумент «от противного» и признать руководящей идеей именно свободы оценки доказательств.

Однако и в УПК КНР [7] можно найти отрицательную формализацию доказательств: в соответствии со ст. 46 решение суда не может быть основано исключительно на собственном признании подсудимого, при этом указывается, что обвинительный приговор может быть вынесен и без соответствующего признания.

Таким образом, доказывание в российском и китайском уголовном процессе основано на одинаково понимаемой (в целом) свободе оценки доказательств (не отвергающей негативной формализации).

Указав на общую характеристику моделей доказывания, следует перейти к рассмотрению предмета доказывания.

Предметом доказывания, исходя из положений ст. 43 УПК КНР, является установление обстоятельств, свидетельствующих о том, что преступление действительно имело место, и было совершено подсудимым. В частности, Верховный Суд КНР дал разъяснения о том, что именно входит в предмет доказывания, развив положения УПК КНР. В частности, Верховный Суд КНР указал на необходимость установления следующего: положения обвиняемого, можно ли признать подсудимого вменяемым, время, место, способ совершения преступления и иные обстоятельства, при этом перечень оставлен открытым [12, с. 142–143].

Российское законодательство и судебная практика исходят из аналогичного понимания предмета доказывания, что проявляется в положениях ч. 1 ст. 73 УПК РФ. В связи с этим, следует признать институт предмета доказывания практически идентичным по своей сути для обеих правовых систем.

Определив доказываемые обстоятельства, перейдем к вопросу о субъектах доказывания, ведь именно они являются движущей силой этого процесса.

В процедуре сбора доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве КНР главенствующую роль играют прокуратура и следствие, что объясняется и возложенным на них бременем доказывания [12, с. 129–130]. Именно они имеют реальную возможность получить необходимую информацию (например, осмотр места происшествия, эксперимент может проводиться и судом, но с меньшими издержками и с большей пользой для продвижения расследования может это сделать именно следствие). В делах частного обвинения их функции «исполняет» сам частный обвинитель [12, с. 133]. Однако не исключается и получение доказательств представителем подсудимого (в рамках предоставленных ему законом возможностей) и судом. При этом необходимо обратить внимание, что положения ст. 35 УПК КНР, закрепляющей должностное («shall») представителя подсудимого представить доказательства его невиновности, незначительности преступления или необходимости смягчения наказания, что также сказывается и на распределении бремени доказывания.

В части функций следственных органов российское уголовно-процессуальное законодательство совпадает с китайским регулированием, однако роли защитника следует уделить чуть больше внимания. Деятельность защитника во время расследования законом допускается, но не является его прямой обязанностью. Фактическое положение дел в ряде случаев превращает адвоката в наблюдателя, так как реальной возможности собрать доказательства он не имеет в силу отсутствия у него властных полномочий. При этом механизм включения собранных им материалов построен через ходатайство о включении собранных доказательств лицу, ведущему предварительное расследование. Следователь не обязан удовлетворить подобное ходатайство. Судебная практика идёт по пути признания допустимыми только тех доказательств, которые получены защитником либо во время предварительного расследования (при условии наличия соответствующего ходатайства), либо же во время судебного следствия [4].

В ряде случаев собирать доказательства в рамках судебного следствия может и сам суд, то есть, как китайский, так и российский

законодатель допускает активность суда и в этой части процесса доказывания.

В связи с упоминанием выше распределения бремени доказывания, следует продолжить сравнение регулирования именно в этой части.

Анализируя распределение бремени доказывания, необходимо обратиться к ст. 162 УПК КНР, устанавливающей, в каких случаях принимается решение о виновности подсудимого. Согласно данной статье УПК КНР, подсудимый признаётся невиновным и в том случае, если недостаточно доказательств, свидетельствующих о его виновности. Такая формулировка эквивалентна континентальному принципу презумпции невиновности.

Российское законодательство основывается на аналогичных положениях. Исходя из положений ст. 49 Конституции РФ, в рамках российского права бремя доказывания вины подсудимого возложено на сторону обвинения, сторона защиты имеет право, но не обязана, доказывать невиновность подсудимого. Именно в последнем видится самое существенное различие распределение бремени доказывания в российском и китайском уголовном процессе. Российскому законодателю, по нашему мнению, следовало бы изучить соответствующий опыт КНР на предмет возможного введения аналогичных положений.

Одной из гарантий прав, возможно, ключевой, является предъявление определенных требований к доказательствам. УПК КНР предусматривает, что доказательства должны быть законными, достоверными и полными, что выводится, из положений ст. 204 УПК КНР, регулирующей производство в суде надзорной инстанции.

Подтверждение достоверности доказательства является необходимым условием для возможности вынесения на основании такого доказательства какого-либо решения, что закреплено в ст. 204 УПК КНР.

Народный суд проводит судебное расследование при наличии сомнений в законности сбора доказательств. УПК КНР прямо предусматривает лишь некоторые виды незаконных способов получения доказательств: угрозы, пытки, обман и т.д.

Интересен в связи с этим и институт исправления вещественных доказательств и документов, содержащийся в старой редакции УПК КНР (ст. 54 УПК КНР) – неправильно собранные вещественные доказательства и документы подлежат исправлению («subject to correct») или разумному объяснению («reasonable explanation») в том случае, если их отсутствие может нанести существенный ущерб справедливости судебного решения [8]. Однако в случае отсутствия исправления и разумного объяснения такие доказательства подлежат исключению.

Российское законодательство исходит из принципов, аналогичных современному регулированию в части предъявления требований к доказательствам. В соответствии с ч. 1 ст. 88 УПК РФ каждое доказательство должно быть допустимым, относимым и достоверным. Достоверность устанавливается следователем, прокурором и судом путём сопоставления проверяемого доказательства с другими имеющимися в деле доказательствами с учётом источников, из которых такие доказательства получены.

Можно сделать следующий вывод, относящийся к обеим правовым системам: ко всем доказательствам в совокупности предъявляется требование «достаточности для разрешения уголовного дела». Требование достаточности следует разделить по смысловому наполнению на достаточность в рамках предварительного расследования (достаточность для составления обвинительного заключения в отношении конкретного лица и последующей передачи дела в суд) и на достаточность в рамках судебной стадии (как совокупность доказательств, однозначно отвечающая на все поставленные перед судом вопросы).

При этом китайский институт судебного расследования с целью выявления возможности незаконности получения того или иного доказательства не имеет прямого институционального аналога в российском уголовном процессе. Однако сходные вопросы разрешаются по ходатайству стороны об исключении доказательства в рамках предварительного слушания или же судьей по собственной инициативе, следовательно, пробела в законодательном регулировании не возникает. Исключение недопустимого доказательства возможно в российском уголовном процессе и на стадии предварительного расследования, чего УПК КНР не предусматривает.

Логичным продолжением исследования будет являться рассмотрение отдельных видов доказательств.

Статья 42 УПК КНР предусматривает следующие виды доказательств: вещественные и письменные доказательства, показания свидетелей, заявления потерпевших, заявления и объяснения подозреваемого и обвиняемого, мнения эксперта («*opinions*»), протоколы следственных действий (осмотра места происшествия, следственных экспериментов и т.д.), аудиовизуальные материалы и электронные данные. Положения ст. 74 УПК РФ предусматривают сходный перечень доказательств. Можно выделить лишь незначительное отличие – российское законодательство содержит термин «иные документы», что является более широкой формулировкой, нежели применяемая китайским законодательством. Следует признать обоснованность такого решения рос-

сийского законодателя, так как указанная формулировка делает законодательство менее казуистичным.

УПК КНР не слишком детально регулирует правовой режим доказательств. В частности, представители китайской науки критиковали неопределённость регулирования порядка проведения экспертизы [11, с. 137–138]. Закон не устанавливает, кем и при каких обстоятельствах, а также в соответствии с какой процедурой иницируется проведение экспертизы. Более того, на практике мнение (как называет его закон) эксперта подлежит «пересмотру» вышестоящим экспертным учреждением, в соответствии с разъяснениями Верховного Народного Суда КНР 2012 года.

При этом необходимо отметить, что термин «мнение» появился в китайском уголовном процессе сравнительно недавно, лишь в 2012 году были внесены соответствующие изменения.

В литературе часто встречается рассмотрение в качестве доказательства не заключения эксперта, а показания эксперта [12, с. 135–136], что следует признать существенной особенностью ввода данного доказательства в материалы дела.

Российский уголовный процесс исходит из большей текстоцентричности рассматриваемого доказательства. Заключение выдаётся специалистом и экспертом в виде соответствующего документа. Однако с целью разъяснения содержания заключения специалист и эксперт могут быть допрошены как в рамках предварительного расследования, так и в ходе судебного следствия. Принципы устности и непосредственности требуют оглашения в суде соответствующих заключений. На практике, по мнению ряда учёных, сложилось отношение к заключению специалиста как к неполноценному доказательству, что де-факто представляет ещё одно исключение из модели свободной оценки доказательств.

Следовательно, можно выделить два ключевых отличия в регулировании данного института: во-первых, ориентированность российского законодательства на сам документ, а не на показания эксперта, в отличие от китайского процесса, во-вторых, различие в российском уголовном процессе статуса и заключений эксперта и специалиста является сугубо особенностью российского регулирования. Целью введения института заключений специалиста было расширение участия в формировании доказательств защитника, однако применимость на практике и эффективность данного института вызвали противоречивые оценки [6].

Ранее особенностью судебного следствия в китайском уголовном процессе являлся вызов свидетеля для дачи показаний непосредственно в суд только в случае, если одна из сторон возражает против

его показаний, но они важны для разрешения дела, при этом вызов свидетеля являлся дискрецией суда. Впоследствии описанные положения УПК КНР были изменены, что позволяет считать действующее законодательство более соответствующим принципу непосредственного исследования доказательств судом. Ст. 47 УПК КНР устанавливает, что показания свидетеля могут быть положены в основание обвинения в качестве единственного доказательства только после проведения перекрёстного допроса обеими сторонами, что подразумевает необходимость вызова свидетеля для допроса. При этом необходимо отметить, что ст. 46 УПК КНР прямо указывает судам на приоритет иных доказательств перед свидетельскими показаниями, о чём свидетельствует указание на необходимость их соотнесения с иными доказательствами по делу. Можно сказать, что таким образом законодатель как бы установил некоторую неполноценность данного вида доказательств.

Российское регулирование данного вида доказательств можно признать сходным с современным китайским регулированием. Эти доказательства вводятся в материалы уголовного дела посредством протокола допроса на стадии предварительного расследования. При этом допрос проводится впоследствии и в рамках судебного следствия, где введение данного доказательства в процесс производится дачей показаний в зале суда, что обусловлено принципом непосредственности исследования доказательств. УПК РФ устанавливает требование к допросам: сведения, испрашиваемые у носителя информации в рамках допроса, должны быть исключительно в рамках предмета доказывания.

Отдельно регулируется законодательством возможность оглашения в суде показаний, полученных в рамках предварительного расследования. УПК РФ устанавливает исчерпывающий перечень оснований, в которых подобное действие допустимо. Из действующего регулирования очевиден приоритет устного представления показаний непосредственно суду соответствующим лицом [3, с. 323–328]. Отход же от этого принципа связан со случаями, когда следование указанному предписанию может существенно воспрепятствовать установлению истины по делу.

Существенным отличием российского и китайского процесса доказывания стоит признать возможность отказа от дачи показаний подозреваемым (обвиняемым, подсудимым) [12, с. 143]. Китайские правоведы истолковывают положения ст. 93 УПК КНР как устанавливающей невозможность подозреваемого хранить молчание. Данное положение следует признать необоснованным и не обеспечивающим достаточных прав лицу, подвергаемому уголовному преследованию, что позволяет сделать вывод о приоритете следствия над правами об-

виняемого [10, с. 87–88; 9, с. 26]. Право хранить молчание является общепринятой мировой практикой, что подтверждается, в том числе, и так называемым правилом Миранды. Однако столь радикальное положение законодательства смягчается доктриной [2, с. 54] и положениями УПК КНР, не позволяющими вынести обвинительный приговор исключительно на основе показаний обвиняемого.

Стоит указать и ещё на одно различие. Российский уголовный процесс предусматривает в рамках процесса доказывания институт преюдиции, при котором факты, установленные другим судебным решением, вступившем в законную силу, могут быть приняты в рамках текущего судебного следствия в качестве достоверных без дополнительной проверки. При исследовании положений УПК КНР аналогичных норм в законе выявить не удалось.

Необходимо рассмотреть и процедуру передачи материалов дела в суд. В китайской научной периодике встречается мнение [13, с. 97–115], что передача материалов дела в суд прокурором позволяет судье ознакомиться заранее с доказательствами стороны обвинения и заранее сформировать решение по делу, что ведёт к непринятию во внимание доказательств, приводимых стороной защиты. Конструкция отдельного предоставления доказательств характерна для англосаксонского процесса, однако подобное законодательное решение не вписывается в логику китайского уголовного процесса, в целом, более близкого к континентальной модели. В связи с этим выводы китайских исследователей о необходимости реформирования данного института выглядят обоснованными.

В России аналогичная ситуация не складывается в силу закреплённых принципов непосредственности, устности и состязательности судебного разбирательства, что означает обязанность суда заслушать обе стороны, следовательно, учитывать и приведённые ими доказательства.

В качестве итога проведённого анализа следует сделать следующие выводы: регулирование процесса доказывания по действующему законодательству РФ является более комплексным, продуманным и целостным, нежели аналогичное регулирование в КНР. Некоторые различия в применимых процессуальных моделях, отмеченные в работе, не позволяют говорить об «особом пути» китайского законодателя при решении ряда вопросов. Однако сказанное можно отнести лишь к современному этапу, так как он направлен на преодоление традиционных представлений о морали и нравственности [10, с. 87–88], нашедших отражение в китайском уголовном процессе. Российскому законодателю следует учесть ошибки китайских коллег при возможном реформировании российского уголовного процесса, а китайскому законодателю

следует продолжать реформы, проводимые с 1996 года с целью создания единого комплексного регулирования с меньшим количеством пробелов.

Список использованных источников

1. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950.
2. Гэ Фын. Доказательственное значение и применение показаний обвиняемого // Политикоюридическая наука. 1956. № 3.
3. Ерофеев Д.В. Использование письменных показаний свидетеля при рассмотрении дела в уголовном процессе РФ и КНР // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы IV Международной научно-практической конференции. 22–23 мая 2020 года: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. В.Ю. Стромов. Тамбов, 2020.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под науч. ред. Г.И. Загорского. М., 2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2021);
5. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. – 2-е изд., испр. М., 2017.
6. Соловьева Ю.И. Проблемы реализации профессиональных прав адвокатов // Адвокат. 2016. № 8 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2021).
7. Уголовно-процессуальный кодекс КНР // URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330729.htm> (дата обращения: 01.02.2021).
8. Уголовно-процессуальный кодекс КНР в старой редакции. URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-procedure-law-of-the-peoples-republic-of-china> (дата обращения: 05.05.2019);
9. Чжан Ин. Сравнительное исследование права подозреваемого на адвокатскую помощь в уголовном судопроизводстве КНР и РФ: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Владивосток, 2010.
10. Юань И. Проблемы истины в уголовном процессе КНР // Криминологический журнал ОГУЭП. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-istiny-v-ugolovnom-protsesse-knr/viewer> (дата обращения: 01.02.2021).
11. Юань И. Проблемы рассмотрения доказательств по новому УПК КНР // Социально-политические науки. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-rassmotreniya-dokazatelstv-po-novomu-upk-knr> (дата обращения: 02.02.2021).
12. Mi Zhou and Shizhou Wang. Criminal Law (China) // International Encyclopaedia For Criminal Law / Edited by Prof. Frank Verbruggen, Dr. Vanessa Franssen. Wolters Kluwer, 2001.
13. Wang Chao, Zhang Yu. The Deep Dilemmas of the New Criminal Evidence Rules in China // Journal of Studies in Social Sciences. 2014. Vol. 6, № 1. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.925.6968&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 02.02.2021).

C. С. Виданова

студент 3 курса бакалавриата
по направлению «Юриспруденция» СПбГУ
Научный руководитель: Светлана Петровна Кушниренко
к.ю.н., доцент, кафедра уголовного процесса и криминалистики
СПбГУ

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ВОЗВРАТУ ИЗ ОФШОРНЫХ ЗОН СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются особенности международного сотрудничества органов прокуратуры по возврату из офшорных зон средств, полученных преступным путем на территории РФ, раскрываются проблемы международного взаимодействия органов прокуратуры и приводятся примеры по возврату средств из офшорных зон.

Ключевые слова: офшорная зона, двойное налогообложение, легализация доходов, Генеральная прокуратура РФ, банковская тайна, Конвенция о возврате преступных активов.

Snezana. S. Vidanova

3th year of undergraduate studies in Law,
SPbSU, St. Petersburg
Academic adviser: Svetlana P. Kushnirenko,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
SPbSU, St. Petersburg

INTERNATIONAL COOPERATION OF THE PROSECUTION AUTHORITIES ON THE RETURN OF FUNDS FROM OFFSHORE ZONES OBTAINED BY CRIMINAL MEANS ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the peculiarities of international cooperation of bodies to the prosecutor for the return of funds from offshore zones obtained by criminal means on the territory of the Russian Federation, studies the problems of international cooperation of the bodies of procurators and gives an example of high-profile cases on the return of funds from offshore zones.

Key words: Offshore zone, double taxation, legalization of income, Procurator General of the Russian Federation, bank secrecy, Convention on the return of criminal assets.

Первое полугодие 2020 года стало поворотным не только в плане здравоохранения и экономики, но и права. 25 марта 2020 года Президент Российской Федерации Владимир Путин в своем обращении объ-

явил о нескольких решениях, направленных на поддержание экономики в период пандемии. Самым непредсказуемым оказалось предложение облагать дивиденды, перечисляемые в офшоры по ставке 15%. По словам Президента, сейчас две трети средств, которые уходят из России в виде процентов и дивидендов, «а по сути это доходы конкретных физических лиц», в результате разного рода схем «так называемой оптимизации» облагаются реальной ставкой налога лишь в 2%. «Тогда как граждане даже с небольших зарплат платят подоходный налог в 13%. Это, мягко говоря, несправедливо», – заключил он. К тому же, Президент Российской Федерации подчеркнул, что Россия в одностороннем порядке выйдет из соглашений об избежании двойного налогообложения, если страны не примут новых положений и не разработают оптимальные условия. В соответствии с действующим законодательством, налог на дивиденды в пользу иностранных организаций составляет 15% (п. 3 ст. 224 Налогового Кодекса РФ). Однако де-факто он может быть уплачен по более низкой ставке, если это предусмотрено договором между Россией и той страной, в которой зарегистрирован получатель дивидендов. На сегодняшний день таких соглашений у Российской Федерации заключено более 80. Очевидно, что эта мера – очередное приглашение к деофшоризации, побуждение вернуться бизнесу на Родину [9].

Подоплекой решения служат не только экономические, но и правовые проблемы государства. Несмотря на существующие механизмы, позволяющие вернуть активы путем конфискации, такие факторы, как существенные различия в правовых системах стран, постоянно развивающиеся сетевые коммуникации, оффшорные зоны, увеличивающиеся финансовые потоки, отсутствие развитого международного сотрудничества, а также институт банковской тайны сделали сокрытие имущества, полученного коррупционным путем, еще проще. Возвращение незаконно полученных активов из-за рубежа – юридический процесс по репатриации государственных средств из иностранных юрисдикций, полученных посредством коррупционной деятельности представителей власти, членов их семей, политических союзников, аффилированных лиц. Активы могут включать ценные бумаги, денежные средства на банковских счетах, транспортные средства, недвижимость, артефакты и предметы искусства, а также драгоценные металлы и предметы роскоши.

Для органов прокуратуры, актуальность представляет возврат из иностранных юрисдикций денежных средств и имущества чиновников, законность происхождения которых они не могут доказать. Данный

институт в нашей стране делает только первые шаги. Однако уже можно предположить выявление в рамках процедур контроля над расходами чиновников приобретенного на неподтвержденные доходы имущества, которое находится за рубежом.

В тоже время, имеются успешные примеры такого международного взаимодействия. Так, информация, полученная по запросу Генеральной прокуратуры Российской Федерации из Министерства юстиции и общественного порядка Республики Кипр, помогла изобличить коррупционную деятельность высокопоставленного государственного служащего одного из крупнейших регионов России. Итогом проверки стало отстранение лица от занимаемой должности в связи с утратой доверия.

Все более острой проблемой становится развитие межгосударственного сотрудничества при расследовании легализации преступных доходов. Подобное взаимодействие осуществляется на основе принципов суверенного равенства и территориальной целостности государств, невмешательства во внутренние дела других стран. Непосредственно правовая помощь осуществляется в соответствии с принципами взаимной наказуемости, ненаказуемости за одно и то же преступление, целевого использования доказательств. Однако, не всегда сотрудничество с прокуратурами зарубежных стран происходит безукоризненно. Например, по ходатайству Генеральной прокуратуры РФ по уголовному делу по обвинению М. Ходорковского Федеральная прокуратура и Федеральная уголовная полиция Швейцарии провели обыски, выемки документов, допросы свидетелей. В марте 2004 года Федеральная прокуратура Швейцарии приостановила доступ к средствам на банковских счетах в размере 6 млрд. швейцарских франков. В решении от 8 июня 2004 года Федеральный суд Швейцарии указал, что в ходатайстве российской стороны отсутствуют неоспоримые доказательства преступного происхождения денежных средств, поэтому прокуратура нарушила принцип соразмерности и большая часть суммы подлежит разблокированию. Суд сослался также на политическую причину уголовного дела [6].

Осложняется обстановка еще тем, что преступные формирования используют такие факторы, как слабость правовой базы, борьбы с международной преступностью, несовершенство пограничного и таможенного контроля, упрощение движения капитала и порядка пересечения государственных границ.

Сегодня более 300 организованных групп и преступных сообществ СНГ имеют международные связи [1], то есть соучастников,

подразделения или обособленные группы на территории других государств. Специфика схем по отмыванию преступных доходов такова, что в них практически всегда ключевую роль играют иностранные контрагенты. По данным Интерпола, 30% вывезенного из стран СНГ капитала имеет криминальное происхождение.

Например, Национальная судебная палата Испании в 2010 году огласила приговор по громкому делу «русской мафии» [4]. Перед судом предстали 12 человек – адвокат Александр Гофштейн, экс-советник первого президента РФ Бориса Ельцина Олег Воронцов, влиятельный в России «вор в законе» Захарий Калашов, граждане Украины Александр Минин, Наталья Серова, Алена Гоцуленко грузинские бизнесмены Михаил Мдинарадзе и Константин Асатиани, а также четверо граждан Испании. Калашов, Мдинарадзе, Асатиани, Воронцов, Минин, а также Серова признаны виновными в отмывании преступных доходов путем вложения в недвижимость на испанских курортах Марбелья, Фуэнхирола, Бенальмадена и Торремолинос [5].

В 2005 году Захарий Калашов был заочно приговорен в Грузии к 11 годам лишения свободы. Суд конфисковал его особняк в пригороде Тбилиси Цхнети стоимостью 20 млн. долл. и передал в пользование МВД Грузии. Несмотря на то, что формальными собственниками объекта недвижимости являлось иностранное юридическое лицо, суды учли доводы российской прокуратуры о том, что они приобретались на средства, полученные в России преступным путем. Приговор был вынесен в соответствии с принятым в 2005 году в Грузии Закона о борьбе с организованной преступностью. Согласно этому нормативному правовому акту, обвиняемого можно приговорить к длительному сроку заключения не за конкретное преступление, а за то, что он «руководит или состоит в преступной группировке и исповедует преступную идеологию, то есть поддерживает концепцию так называемых воров в законе» [8].

Только в 2019 году на основании российских запросов Генеральной прокуратуры РФ заблокированы: 12 млн швейцарских франков на счетах А.А. Бажанова, обвиняемого в хищении средств ОАО «Росагролизинг» и ряда российских банков; в Швейцарии 35 млн. евро на счетах Е.А. Пузикова и А.Г. Трунова, осужденных за хищение средств ОАО «МОЭСК» в особо крупном размере; 1,8 млн. евро на счетах обвиняемого в мошенничестве на сумму свыше 600 млн руб. В.Г. Смирнова. По запросу Генеральной прокуратуры РФ возвращено из США 28 русских документов XVIII— XX вв., имеющих особую национальную историческую ценность [3].

Легализация преступных доходов криминализована в России сравнительно недавно в связи с переходом к свободной экономике, и поэтому уголовно-правовые меры пока реализуются недостаточно эффективно. Стабильности правоприменительной практики не способствовали и многократные изменения, вносимые в уголовный закон. Кроме того, правовые основы противодействия легализации преступных доходов созданы уже после введения уголовной ответственности за преступления данной категории, причем законодательство, регламентирующее деятельность организаций и органов государственного контроля в рассматриваемой сфере, не лишено некоторых пробелов и противоречий.

Помимо того, в России отсутствует полноценно проработанная нормативная база в сфере возврата активов. В частности, не определен компетентный орган по выявлению, аресту и возвращению из иностранных юрисдикций активов, полученных в результате совершения коррупционных преступлений.

Не урегулирован и порядок направления уполномоченным органам иностранных государств запросов о правовой помощи в целях розыска и замораживания незаконно полученных активов, а также дальнейшего взаимодействия в целях их конфискации и возврата из-за рубежа.

Как показывает практика, с момента возбуждения уголовного дела до принятия мер по аресту проходит длительный период, что позволяет преступникам легализовать похищенное и затрудняет последующий возврат таких активов законному владельцу. При этом тревогу вызывают сроки исполнения запросов об оказании правовой помощи органами ряда государств, порой превышающие несколько лет.

Другой проблемой выступают существенные различия в правовых системах и применении закона разных государств. Конкретное деяние в одних юрисдикциях может признаваться преступлением, в других – правонарушением, в-третьих – быть ненаказуемым.

Обратив внимание на эти проблемы, руководство страны в соответствии с подпунктом «г» пункта 3 Национального плана противодействия коррупции на 2018 год, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 01.05.2016 № 147, поручило Генеральной прокуратуре Российской Федерации совместно с МИДом России, Минюстом России и Росфинмониторингом и внести в президиум Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции соответствующие коррективы [2].

В ходе своей служебной деятельности прокуроры нередко не осознают важности борьбы с офшорными выводами средств. Приме-

ром этого служит недавнее обращение к Игорю Краснову и Александру Бастрыкину с просьбой о привлечении к уголовной ответственности прокурора Чувашии Василия Пословского за его отказ возбуждать уголовное дело о выводе в офшоры 696 млн руб. из коммерческого банка. В 2018 году Василий Пословский прекратил уголовное преследование руководства одной из фирм-однодневок, «несмотря на всю важность и уникальность уголовного дела» [7].

В процессе выявления легализации преступных доходов недостаточно четко налажено взаимодействие правоохранительных и контролирующих органов, обмен информацией между ними. В основном, «камнем преткновения» становится то, что они не всегда обращаются в Росфинмониторинг с запросами о финансовых операциях и сделках, а направляемые по инициативе Росфинмониторинга в правоохранительные органы материалы лишь в редких случаях заканчиваются возбуждением уголовного дела.

В деятельности правоохранительных органов, проводящих расследование легализации преступных доходов, имеется ряд существенных недостатков. Зачастую преступления данного вида учитываются необоснованно. Как «отмывание» квалифицируется приобретение или сбыт имущества без цели придания правомерности обладания преступными доходами. Нередко доводы обвинения в легализации преступных доходов имеют предположительный характер, отсутствуют конкретные доказательства преступного происхождения имущества обвиняемого.

В результате суды оправдывают подсудимых или прекращают уголовные дела и уголовное преследование в части легализации преступных доходов.

Полагаем, что устранение обозначенных правовых пробелов существенно повысит эффективность борьбы с коррупцией на отмеченном направлении. Очевидно, что только совместная и направленная на результат работа заинтересованных прокуратур мира позволит значительно продвинуться в вопросе эффективности деятельности, направленной на противодействие перемещению за рубеж преступных активов и их возврат в Российскую Федерацию и иные страны происхождения.

Список использованных источников

1. Геворкян Г. Состояние транснациональной организованной преступности в СНГ: К-Пресс и. URL: <http://www.kpress.ru/bh/2003/1/rgevorkyan/rgevorkyan.asp>
2. Генпрокуратура рассказала о заблокированных счетах осужденных за хищения в МОЭСК: новости и аналитика // Lenta.ru: [сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2017/04/25/money/>

3. Генпрокуратура: преступникам всё сложнее спрятаться от РФ за границей: российская газета // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/news/608141>
4. Испанский суд оправдал фигурантов дела о «русской мафии»: новости и аналитика // Dw.com: [сайт]. URL: <https://www.dw.com/ru/испанский-суд-оправдал-фигурантов-дела-о-русской-мафии/a-45945530/>
5. Коммерсантъ: российская газета. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1379355>
6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 июля 2013 г. Дело «Ходорковский и Лебедев (Khodorkovskiy and Lebedev) против Российской Федерации» (Жалобы NN 11082/06 и 13772/05) (Первая секция). URL: <http://base.garant.ru/71004482/>
7. Прокурор в отставке. Чем привлёк внимание общественности Василий Пословский: российская газета // Аргументы и факты: [сайт]. URL: https://chv.aif.ru/society/prokuror_v_otstavke_chem_privlyok_vnimanie_obschestvennosti_vasilij_poslovskiy
8. Судебный процесс «российско-грузинский» мафиози Калашов – Шахро приговорен в Испании к 7,5 годам: новости и аналитика // Sputnik Грузия: [сайт]. URL: <https://sputnik-georgia.ru/incidents/20100601/213234473.html>
9. Черная метка» для Швейцарии: по кому ударит новый «офшорный» налог Путина: журнал // Forbes: [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/396035-antivirus-dlya-ofshora-k-chemu-privedet-predlozhenie-putina-vvesti-novyy>
10. Гончаренко И.А. Главный инструмент деофшоризации // Закон. 2014. № 12. С. 21.

В.С. Гущина

студентка 4-го курса бакалавриата юридического факультета,
Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: С.П. Кушниренко
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургский государственный университет,

ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОЛИГРАФА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ

Статья посвящена проблемам признания психофизиологического исследования с использованием полиграфа в уголовном судопроизводстве РФ. Еще в 20 веке проходили исследования полиграфа. Существует множество проблем при использовании полиграфа, например, точного законодательного регулирования применения полиграфа в Российской Федерации нет, практика идет противоречивым путем. Во многих случаях суды приходят к мнению, что доказательства, полученные с использованием полиграфа, носят вероятностный характер и не могут быть признаны допустимыми доказательствами, но также встречаются решения судов, которые все же признают такие доказательства допустимыми.

Ключевые слова: полиграф; опрос с использованием полиграфа; заключение эксперта-полиграфолога; психофизиологическая экспертиза; доказательство; расследование.

Vladislava S. Gushchina,

4th year student of the Bachelor of Law Faculty
St. Petersburg State University

Academic advisor: Svetlana P. Kushnirenko
Candidate Sci. in Law, docent of the Department of Criminal Procedure and
Criminalistics
St. Petersburg State University

PROBLEMS OF RECOGNITION OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL RESEARCH USING POLYGRAPH IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Summary: The article is devoted to the problems of recognition of psychophysiological research using a polygraph in criminal proceedings FR. As early as the 20th century, polygraph studies were carried out. There are many problems with the use of a polygraph, for example, there is no precise legislative regulation of the use of a polygraph in the Russian Federation, the practice goes in a contradictory way. In many cases, the courts come to the conclusion that the evidence obtained using the polygraph is probabilistic in nature and cannot be recognized as admissible evidence, but there are also court decisions that still recognize such evidence as admissible.

Keywords: polygraph; a survey using a polygraph; the conclusion of an expert polygraph examiner; psychophysiological examination; proof; investigation.

Любое преступление оставляет материальные и идеальные следы. Под материальными понимаются «отпечатки» преступного события на любых материальных объектах, например, отпечатки пальцев, следы автомобильных шин на дороге и другие. Под идеальными понимаются «отпечатки» события, которые хранятся в памяти человека.

Еще в древнем Китае известно испытание подозреваемых в преступлении. Они должны были набрать в рот рис, выслушать обвинение. Считалось, что если рис останется во рту сухим, то подозреваемый виновен, так как от страха разоблачения у подозреваемого останавливалась выработка слюноотделения. Если же рис становился мокрым, то подозреваемый считался невиновным. Похожие методы использовались в древней Индии. Подозреваемому называли нейтральные слова и контрольные, а он должен был быстро называть первые слова-ассоциации, которые пришли ему в голову, затем ударять в гонг. Считалось, что, подозреваемый на контрольное слово сильнее ударяет в гонг из-за прилива адреналина [13, с.29–31].

В СССР разрабатывались способы по созданию метода выяснения скрываемой информации при расследовании уголовных дел. Со-

ветский психолог и врач-невропатолог, один из основателей нейропсихологии Александр Романович Лурия предложил «экспериментально-психологический метод обнаружения причастности к преступлению» [7, с.56]. Он провел ряд экспериментов в 20–30 годах 20 века. Была открыта лаборатория экспериментальной психологии при Московской губернской прокуратуре.

В начале 30 годов Лурия А.Р. был вынужден прекратить исследование психофизиологических реакций организма человека. В 1937 году Генеральный прокурор СССР Андрей Януарьевич Вышинский, выступая с речью о проблеме оценки доказательств в уголовном процессе, раскритиковал данный способ «открывать преступников при помощи сфигмографа, отмечающего изменения в кровообращении обвиняемого» [7, с.57]. После его выступления полиграф считался инквизиционным методом.

После этого долгое время в криминалистике считалось невозможным исследование идеальных следов. Причиной такого отрицательного отношения являлись идеологические убеждения. Считалось, что «в судопроизводстве не могут быть использованы... различные антинаучные и нравственно недопустимые методы, например, лайдетектор, и тому подобные, часто используемые в полицейской и судебной практике империалистических государств» [11, с.30].

Но в связи с научно-техническим прогрессом менялось и отношение к полиграфу. Впервые официально применили полиграф при расследовании убийства священника Александра Меня в 1991 году по инициативе Генеральной прокуратуры СССР. В ходе опроса подозреваемого выяснилось, что он не был причастен к убийству.

В начале 21 века в России полиграф использовался в следующих целях:

- проведение судебно-психофизиологической экспертизы с применением полиграфа в целях получения доказательств и предоставлении их в суд;
- для проведения оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) – опроса;
- привлечение специалиста-полиграфолога к участию в следственном действии.

Согласно ч. 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по

уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Полиграф может использоваться для составления заключения эксперта-полиграфолога. Такой вид доказательств, как заключение эксперта предусмотрен п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ. На практике встречается множество мнений и споров относительно доказательственного значения психофизиологической экспертизы.

Сторонники применения полиграфа говорят о психофизиологическом феномене, который, по их мнению, заключается в том, что событие, изображение, предмет или даже фраза, имеющие связь с отдельно взятым событием, могут выступать раздражителями или стимулами. Эти стимулы имеют свойство вызывать физиологические реакции, которые превышают реакции по сравнению с предъявленным предметом или вопросом, не связанным с событием, соответственно не отраженного в памяти субъекта и не несущего никакой информации [6, с.4].

Ошибочным является отождествление задач, которые ставятся перед полиграфологом, и целей, которые преследует инициатор психофизиологического исследования. Полиграф не может показать, лжет человек или говорит праву. Полиграфолог не может проверять или оценивать достоверность информации, которую ему сообщает испытуемый. В задачу полиграфолога «входит определение относительной значимости для субъекта предъявленных стимулов с последующим решением вопроса о возможных причинах значимости для него того или иного стимула» [8, с.22]. Пол Экман писал, что «признаков обмана как таковых не существует – нет ни одного жеста, выражения лица или произвольного сокращения мышц, которые одновременно и сами по себе означали бы, что человек лжет» [14, с.59].

Полиграфолог, проводя диагностическое исследование, с точки зрения своей специальности исследует память человека на предмет наличия в ней какой-либо конкретной информации. В результате исследования полиграфолог может констатировать только факт наличия либо отсутствия в памяти этой информации. Иной вывод в результате психофизиологического исследования получить невозможно.

Лицо, участвующее в каком-либо событии или осведомленное об обстоятельствах события, в ходе ТнП проявляет устойчивые физиологические реакции на признаки события, запечатленные в его памяти, более выраженные, чем на признаки, которые не относятся к данному событию.

Проверка на полиграфе сводится к идее, что при обмане и правдивости испытуемый находится в разных физиологических состояниях

и реакция испытуемого отличается. Поэтому так важны вопросы сравнения, чтобы сопоставить реакции испытуемого и обнаружить обман или правдивость.

Перед проведением тестирования на полиграфе с испытуемым проводится беседа. Подэкспертный опрашивается по отдельным фактам из биографии и событиям, связанным с расследованием уголовного дела, также ему разъясняются значения определений, включенных в задаваемые в ходе проверки вопросы, они также могут уточняться и конкретизироваться. Это делается с целью избежания неточностей в понимании подэкспертным задаваемых ему вопросов.

В ходе теста на полиграфе испытуемому задаются вопросники (группы вопросов), содержащие нейтральные, контрольные и проверочные вопросы. Вопросы могут задаваться несколько раз и предъявляются в различной форме для получения достоверного результата.

Нейтральные вопросы служат для определения фонового уровня психофизиологической активности организма в ходе предъявления каждого из вопросников теста на полиграфе. Нейтральные вопросы обычно направлены на факты, известные об испытуемом, например, факты из его биографии. Они не должны обладать выраженной субъективной значимостью для подэкспертного в ходе исследования.

Контрольные вопросы наоборот обладают субъективной значимостью для испытуемого в ситуации проводимого теста на полиграфе. Они предназначены для определения динамики развития психофизиологических реакций, возникающих в момент ответа на предъявленные вопросы. Контрольные вопросы должны быть направлены на анализ адекватности психофизиологического реагирования подэкспертного на предъявление ему в ходе теста на полиграфе проверочных вопросов, направленных на решение задач, поставленных перед экспертом. Такие контрольные события должны касаться события, близкого по теме к проверочным вопросам, предъявленных подэкспертному, но к которому подэкспертный заведомо не имел отношения.

Проверочные вопросы служат для оценки ситуационной значимости для подэкспертного различных обстоятельств, характеризующих расследуемое преступление.

Данная система вопросников позволяет выявить индивидуальную форму реагирования (симптомокомплекс реакций), которая выражается в изменении динамики дыхания электрической активности кожи и в изменениях активности сердечно-сосудистой системы подэкспертного. Эти изменения определяется по результатам экспертного и аппаратно-программного (с помощью компьютерного полиграфа) анализа полиграмм вопросников.

После проведения опроса, полиграфолог проводит оценку значимости предъявленных стимулов, полученных в результате математической обработки частотных и энергетических параметров физиологических реакций подэкспертного, зарегистрированных с помощью компьютерного полиграфа.

Уильям Марстон, Джон Ларсон, Д. Лэндис обнаружили повышение вегетативной реакции при обмане. Марстон связывал это с состоянием страха. Считается, что если человек виновен, то он будет испытывать более сильный уровень страха. Согласно теории условных реакций, соответствующие вопросы играют роль условных стимулов и вызывают у людей, которые лгут эмоциональную и, следовательно, физиологическую реакцию, стимулы, связанные с преступлением, служат условными стимулами, в то время как сам акт преступления, неконтролируемый стимул, вызывает безусловную реакцию из-за эмоциональной обусловленности. Воспоминание о преступлении, вызванное соответствующим вопросом действует как условный стимул для виноватых, и вызывает реакцию. Полиграф рассчитан на то, что образы, связанные с событием, о котором спрашивают испытуемого, могут вызывать сильное эмоциональное волнение.

Стоит согласиться с мнением, что существует значительная вероятность того, что полиграф может неверно оценить правдивость ответов испытуемого, потому что ложь не единственный источник повышенного волнения. Невинные люди также могут демонстрировать обусловленную эмоциональную реакцию, вызванную какой-либо другой особенностью соответствующего вопроса или способом, которым он задан. Например, если вопрос связан с какими-либо травматическими переживаниями из прошлого, то такой вопрос может вызывать физиологическую реакцию даже в случае, если испытуемый отвечает правдиво [4, с.86].

Доктор юридических наук А.Н. Халиков, писал, что «даже один процент заведомо существующей ошибочности результатов дает отрицательное решение вопроса об использовании такого источника информации в качестве доказательства при обвинении лица в совершении преступления» [12, с.92]. Противники применения полиграфа настаивают на том, что заключение эксперта-полиграфолога не может считаться заключением эксперта, ведь оно не отвечает требованиям объективности, строгой научной основе, всесторонности и полноты исследования, которые закреплены в ст. 8 ФЗ «О Государственной судебно-экспертной деятельности в РФ».

Проанализировав практику российских судов, можно прийти к выводу, что Верховный Суд РФ и суды общей юрисдикции склоняются

к тому, что заключение психофизиологической экспертизы не является допустимым доказательством. Так, например, в Апелляционном определении Верховного Суда РФ от 19 ноября 2019 года в апелляционной жалобе осужденный ссылается на то, что вопреки его просьбе осужденному не дали возможности пройти психофизиологическую экспертизу. Верховный Суд РФ пришел к выводу, что ссылка в жалобе на то, что вопреки просьбе осужденного, «его не проверили на полиграфе» не основана на законе, поскольку в соответствии со ст. 74 УПК РФ заключение психофизиологической экспертизы не отнесено к числу доказательств [15].

Но при этом, в Определении Верховного Суда РФ от 17 февраля 2011 г. по делу № 203-О11–1 указывает «из материалов дела усматривается, что показания Сметанина и Скворцовой, данные в ходе предварительного следствия об обстоятельствах совершения ими убийства, подтверждены, в том числе, заключениями психофизиологических судебных экспертиз...» [18]. Таким образом, Верховный Суд РФ в качестве доказательства ссылается на заключение психофизиологической экспертизы. В Определении Верховного Суда РФ от 08.02.2011 № 72-О11–3 также содержится указание на то, что «... психофизиологическая экспертиза осуществлялась на основе постановления следователя квалифицированным и опытным экспертом, которым являлся заведующий лабораторией специальных психофизиологических исследований Сибирской академии права, экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент, имеющий свидетельство на право опроса граждан с использованием полиграфа и общий стаж экспертной работы 15 лет. Оснований не доверять выводам эксперта у судебной коллегии не имеется» [16].

При этом мировые суды периодически признают заключение психофизиологической экспертизы допустимым доказательством. Так, в постановлении от 19 декабря 2016 г. по делу № 1–39/2016 мировой суд пришел к выводу, что является несостоятельным довод защиты о том, что заключение психофизиологической экспертизы не может являться допустимым доказательством, так как в ходе происшедших 21 декабря 2015 года событий <ФИО1> находился в состоянии опьянения, что могло повлиять на его восприятие данных событий, поскольку факт нахождения <ФИО1> в состоянии опьянения не нашел своего подтверждения в судебном заседании. Перед проведением экспертизы эксперт был предупрежден об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ. Оснований не доверять заключению эксперта не имеется [19].

Автором был проведен мониторинг правоприменительной практики по вопросу признания психофизиологического исследования допустимым доказательством. Мониторинг охватил судебные решения Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции и мировых судов. В ходе анализа правоприменительной практики, было изучено 32 судебных решения за период с 2011 года по 2020 год. Суды признавали заключение психофизиологической экспертизы допустимым доказательством только примерно в 1,5 % случаев.

Стоит отметить тот факт, что согласно Приказу ФСБ РФ от 23 июня 2011 г. № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов ФСБ», психофизиологическая экспертиза стала входить в перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в экспертных подразделениях органов Федеральной службы безопасности РФ. Например, Леонтьева Н.Л., полагает, что «психофизиологическое исследование может проводиться в порядке, регламентированном уголовно-процессуальным законодательством не только как исследование, оформляемое заключением специалиста, но и как судебная экспертиза» [10, с. 25].

Второй случай, когда используется полиграф при расследовании уголовных дел – проведение оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) «опрос», которое выполняет специалист-полиграфолог.

Это психофизиологическое исследование состоит из процедуры опроса, связанной с контролем и анализом физиологических и психологических показателей опрашиваемого лица. Порядок проведения такого ОРМ регламентируется приказом МВД России от 28 декабря 1994 года №437 «Инструкция о порядке использования полиграфа при опросе граждан» [3].

Также следователь может привлечь к участию в следственном действии специалиста-полиграфолога. Согласно ст. 164 УПК РФ следователь может привлекать специалиста при производстве следственного действия, а также при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. В протоколе следователь будет должен указать на применение технических средств, условия и порядка их использования и полученные результаты. Специалисту необходимо разъяснить ответственность за дачу ложного заключения. Также в протоколе необходимо оставить отметку, что участвующие лица предупреждены о применении технических средств.

Из мониторинга правоприменительной практики видно, что суды во многих случаях признают заключение специалиста-полиграфолога допустимым доказательством. Так в Определении Вер-

ховного Суда РФ от 17 июня 2013 г. по делу № 2–10/2013 Верховный суд РФ говорит, что «исходя из заключения специалиста по результатам психофизиологического исследования, у Гайнуловой О. были выявлены психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что она располагала информацией, не совпадающей с той, которая изложена ею в ходе предтестовой беседы – что она не выносила новорожденного ребенка своей дочери на балкон, что к смерти причастен её бывший сожитель Ш, о надуманности этой версии» [17]. Таким образом, суд основывает свое решение, в том числе, и на заключении специалиста-полиграфолога.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что окончательно вопрос допустимости доказательств, полученных с применением полиграфа не решен. Полиграф применяется при производстве ОРМ «Опрос» с применением полиграфа, при производстве психофизиологической экспертизы, а также можно привлечь эксперта-полиграфолога при производстве следственных действий. В некоторых случаях суды признают такие доказательства допустимыми, ссылаются на них при вынесении решения. В других же случаях ситуация прямо противоположная, и суды признают такие заключения недопустимыми, ссылаясь на то, что они не предусмотрены УПК РФ и носят лишь вероятностный характер.

Нет научных данных, свидетельствующих о точности и научности психофизиологического исследования. Такие результаты сложно расценивать в качестве доказательства. В доктрине встречается мнение, что необходимо создать новое процессуальное действие – опрос с использованием полиграфа. Важно не путать данное процессуальное действие с ОРМ «Опрос», это должно быть новое процессуальное действие, порядок и значение которого должны быть точно определены законом [9, с. 244].

Таким образом, идея о том, что необходимо создания отдельного процессуального действия имеет место. Но вопрос о доказательственном значении до сих пор открыт. Полиграф в том виде, в котором он сейчас представляется недостаточно точен, нельзя придавать доказательственного значения такому исследованию, можно лишь считать это ориентирующей информацией для целей дальнейшего расследования, полученной в ходе ОРМ. Возможно, в будущем с развитием технического прогресса получится изобрести прибор, который будет более четко определять физиологические изменения в организме человека, позволит учитывать все индивидуальные особенности испытуемого, что позволит придать такому исследованию более весомое значение, но сейчас такой возможности нет.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020 № 425-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – N 52 (ч. I). – С. 4921.
2. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Рос. газета. 2001. 5 июня.
3. Приказ МВД России от 28 декабря 1994 г. № 437 «Об утверждении Инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан» // Бюллетень текущего законодательства Министерства внутренних дел. М., 1995. – выпуск № 13. – С. 46–49.
4. National Research Council. 2003. The Polygraph and Lie Detection. Washington, DC: The National Academies Press. <https://doi.org/10.17226/10420>. – 416с.
5. Бастрыкина А.И. Криминалистика. Учебник. Том I. М.: Экзамен Москва. 2014. – 511с.
6. Васюков В.Ф. К вопросу о доказательственном значении заключения психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в уголовном судопроизводстве // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2015. №2 (43). – С. 240–243.
7. Давыдов Н.А., Аминов И.И. Юридическая психология. М.: Проспект, 2014. – 326с.
8. Комиссарова Я.В. Полиграф в России и США: проблемы применения. М.: Юрлитинформ. 2012. – 224с.
9. Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ. 2014. – 244с.
10. Леонтьева Н.Л. Полиграф как источник доказательств по уголовному делу // Юридическая психология. – 2011. – № 2. – С. 25.
11. Пантелеев И.Ф., Селиванов Н.А. Криминалистика: Учебник. М.: Юрид. лит., 1984. – 592с.
12. Халиков А.Н. Соотношение криминалистических и процессуальных задач при проведении специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа // Российский следователь. 2016. №4. – С. 92.
13. Штыров В. Полиграфные экспертизы // Законность. 2007. № 9. С. 29–31.
14. Экман П. Психология Лжи. СПб.: Питер, 2003. – 384с.
15. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 19 ноября 2019 г. [Электронный ресурс]: Судебная практика / СудАкты; Верховный Суд РФ. – Электрон. дан. – Док. не опубликован. – Москва, 2019. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/LpRc0wzfDyQw/>, свободный. – Яз. рус. – (Дата обращения 04.02.2021г.).
16. Определение Верховного Суда РФ от 08 февраля 2011 № 72-О11–3 [документ опубликован не был]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
17. Определение Верховного Суда РФ от 17 июня 2013 г. по делу № 2–10/2013 г. [Электронный ресурс]: Судебная практика / СудАкты; Вер-

- ховный Суд РФ. – Электрон. дан. – Док. не опубликован. – Москва, 2019. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/qwBIehGPo9UN/>, свободный. – Яз. рус. – (Дата обращения 04.02.2021г.).
18. Определение Верховного Суда РФ от 17 февраля 2011 г. по делу № 203-О11–1 [Электронный ресурс]: Судебная практика / СПС «КонсультантПлюс»; Верховный Суд РФ. – Электрон. дан. – Док. не опубликован. – Москва, 2011. – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=202339&demo=1>, свободный. – Яз. рус. – (Дата обращения 04.02.2021г.).
19. Постановление от 19 декабря 2016 г. по делу № 1–39/2016 [Электронный ресурс]: Судебная практика / СудАкты»; Мировой судья судебного участка №11. – Электрон. дан. – Док. не опубликован. – г. Санкт-Петербург, 2016. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zq0WnuDuk3Jt/>, свободный. – Яз. рус. – (Дата обращения 04.02.2021г.).

Е.А. Илларионова

студент 4 курса юридического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Научный руководитель: Светлана Петровна Кушниренко,
кандидат юридических наук, доцент
кафедра уголовного процесса и криминалистики СПбГУ (Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ БОНУСНЫХ СРЕДСТВ

В статье обращается внимание на вопросы, возникающие при расследовании хищений бонусных баллов. Выделяются следующие, наиболее очевидные проблемные аспекты: природа предмета преступного посягательства, его схожесть и различия по отношению к классическим «средствам платежей»; квалификация такого рода преступлений; определение места и времени совершения преступления; выявление потерпевшего лица; исчисление размера причиненного ущерба. В статье отмечается, что от ответов на поставленные вопросы зависит, в том числе, поиск следов преступления сотрудниками предварительного следствия.

Ключевые слова: бонусные баллы; мошенничество в сфере компьютерной информации; момент окончания преступления; место совершения преступления; потерпевший; размер ущерба.

Evgenia A. Illarionova

4th year of undergraduate studies in Law,
SPbSU, St. Petersburg

Academic adviser: Svetlana P. Kushnirenko,
PhD in Law, Associate Professor,

Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
SPbSU, St. Petersburg

PROBLEMS ENCOUNTERED IN THE INVESTIGATION OF THEFT OF BONUS FUNDS

Summary: The article draws attention to the issues that arise when investigating the theft of bonus points. The following, the most obvious problematic aspects are highlighted: the nature of the subject of criminal encroachment, its similarity and differences in relation to the classic "means of payment"; the qualification of such crimes; the determination of the place and time of the crime; the identification of the victim; the calculation of the amount of damage caused. The article focuses on the fact that the answers to the questions raised depend, among other things, on the construction of a plan for detecting traces of a crime by the employees of the preliminary investigation.

Keywords: bonus points; fraud in the field of computer information; the moment of the end of the crime; the place of the crime; the victim; the amount of damage.

В последние годы множество компаний вводит в практику своей деятельности различные программы лояльности для клиентов с целью «привязки» потребителя к фирме на более длительный срок, увеличения спроса на предлагаемые товары, работы, услуги. Они могут быть разнообразными, но для целей данной статьи остановимся на бонусных системах. Введение такого рода «средств платежа» способствовало появлению нового предмета хищения, а именно, накопленных от покупок баллов. В настоящее время расследуется уголовное дело, в котором автор статьи принимает участие в качестве общественного помощника, где виновное лицо взломало личный кабинет клиента, затем использовало имеющиеся на счету баллы для покупки определенного товара (бонусная программа магазина позволяет приобретать продукцию только на баллы, без установления обязательного процента денежного расчета). После покупки приобретенные товары транспортировались с места складирования и перепродавались по более высокой цене. При расследовании указанного уголовного дела перед сотрудниками предварительного следствия встало много вопросов, от ответов на которые зависит, в том числе, определение мест нахождения криминалистически значимой информации.

В первую очередь возникает вопрос, связанный с возможностью применения позиций доктрины и практики, сформировавшихся в отношении классических средств платежей (наличные деньги, безналичных денежных средств). С одной стороны, бонусные баллы нельзя назвать средством платежа в стандартном его понимании. Это некое поощрение, предоставляемое клиентам при соблюдении определенных условий, одним из которых выступает совершение покупки, то есть такое вознаграждение не является безвозмездно полученным. Можно считать это неким возвратом от покупки, которым можно воспользоваться в качестве скидки при последующем приобретении [7]. С другой стороны, для целей уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, их можно приравнять к безналичным денежным средствам, потому что механизм завладения баллами схож с тем, который используется при похищении денежных средств с банковских счетов. Тем не менее, всегда ли можно бонусные баллы приравнять именно к безналичным денежным средствам? Существуют ли ситуации, когда их необходимо воспринимать в качестве наличных денег или иного имущества? Ответ на данный вопрос позволит определить организацию расследования такого рода преступлений.

Следующая проблема, которую можно здесь выделить, связана с квалификацией такого рода преступлений. Можно ли его отнести к

преступлениям в сфере компьютерной информации? Деяние в диспозиции статьи 159.6 УК РФ сформулировано как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество. Вместе с тем способ мошенничества в сфере компьютерной информации отличается от традиционного способа мошенничества тем, что хищение должно осуществляться путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, то есть необходимо постороннее воздействие [8]. В соответствии с пунктом 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в случаях, когда хищение совершается путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным (тайно либо путем обмана воспользовался телефоном потерпевшего, подключенным к услуге «мобильный банк», авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему данными другого лица и т.п.), такие действия подлежат квалификации как кража, если виновным не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети. Значит, если преступник получил данные от учетной записи путем тайного завладения или обмана, то действия необходимо квалифицировать по статье 158 УК РФ, потому что в такой ситуации отсутствует неправомерное вмешательство в работу сайта магазина, а также в функционирование используемого им или его клиентом технического устройства. Если же хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» (например, создание поддельных сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, использование электронной почты), то такое мошенничество следует квалифицировать по статье 159, а не 159.6 УК РФ [5]. Следовательно, если виновное лицо получает доступ к личному кабинету клиента путем его обмана с помощью поддельного сайта или специальной рассылки на почту, то такие действия необходимо квалифицировать по статье 159 УК РФ, потому что в данной ситуации отсутствует вмешательство в используемые магазином информационно-телекоммуникационные сети.

Исходя из этого можно сделать вывод, что действия виновного лица, являющегося фигурантом по ранее упомянутому уголовного де-

лу, необходимо квалифицировать по статье 159.6 УК РФ, потому что для незаконного завладения баллами был взломан личный кабинет клиента, то есть произошло вмешательство в функционирование сайта магазина. Доступ к логину и паролю был получен с помощью специального программного обеспечения. Тем не менее, это лишь возможная оценка действий виновного лица, которая может быть изменена в зависимости от фактических обстоятельств. Мошенничество в сфере компьютерной информации часто сопровождается совершением других преступлений, потому что для реализации алгоритма овладения информацией другого человека или организации необходимо достичь стадии ввода данных, а реализовать это возможно одним из нижеперечисленных способов: выполнить неправомерный доступ путем взлома или подбора пароля, который будет рассматриваться под призмой статьи 272 УК РФ; осуществить написание вредоносного кода, который будет иметь вид программной оболочки и выполнит требуемые манипуляции с данными компьютера потерпевшего лица, что повлечет привлечение к ответственности по статье 273 УК РФ; нарушить регламентированный порядок использования хранилищ данных или коммуникационных устройств, попав тем самым под действие статьи 274 УК РФ [6].

Судебно-следственная практика показывает, что много трудностей возникает на этапе определения места совершения преступного посяательства, с чем тесно связан момент окончания преступления, а это важно, в том числе, с точки зрения определения территориальной подследственности и подсудности. Возникают ситуации, когда дело неоднократно перенаправляется из одного района в другой, из одного субъекта РФ в другой, что приводит к «затягиванию» сроков расследования и потере следов в результате несвоевременности проведения процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий. Место совершения преступления – пространство, в котором произошло криминальное событие и наступили уголовно-правовые последствия [2]. Что в данном случае будет являться местом совершения преступления? Ответ на данный вопрос зависит, в первую очередь, от того, как будет определяться момент окончания такого рода преступлений. Если квалифицировать такого рода преступление, как мошенничество (форма хищения), то оно считается оконченным с момента поступления имущества в незаконное владение виновного и получения им реальной возможности пользоваться, распоряжаться полученным. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. №51 окончание мошенничества с безналичными средствами определе-

но моментом зачисления средств на счет лица, которое изъяло денежные средства, либо на счета других лиц, на которые похищенное поступило в результате преступных действий виновного [4]. Затем Верховный суд изменил свою практику и определил окончание преступления с безналичными деньгами с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца [5]. Это толкование отличается от общего понимания момента окончания хищения, потому что у виновного с момента списания денежных средств со счета потерпевшего может и не возникнуть возможность распоряжаться незаконно полученным. Еще до появления данного разъяснения некоторые ученые считали, что момент окончания мошенничества с безналичными средствами не должен быть «привязан» к возникновению возможности распоряжаться похищенным [9, с. 90–94]. Ряд авторов приходят к выводу, что нужно исходить из того разъяснения, которое существовало раньше, потому что иной подход противоречит понятию хищения, так как само по себе изъятие не дает возможности пользоваться и распоряжаться чужим имуществом [1]. Данные позиции можно применить и в отношении бонусных баллов (ранее нами была отмечена схожесть таких «средств платежей» с безналичными денежными средствами), однако в ситуации описанного выше уголовного дела у виновных лиц отсутствовал свой счет, на который баллы перечислялись, они сразу были использованы для покупки товара, то есть перечислены непосредственно на счет магазина. Как в этой ситуации применить соответствующие разъяснения? С одной стороны, предметом незаконного завладения являются бонусные баллы и возможность распорядиться ими возникает с момента взламывания личного кабинета и их использования по назначению, поэтому преступление можно считать оконченным с момента списания баллов со счета клиента (как в преступлениях в отношении безналичных денежных средств). С другой стороны, для виновного лица они представляют интерес только применительно к возможности приобретения на них товаров, тогда можно говорить о том, что важен факт завладения продукцией, полученной незаконным путем. В этом случае преступление будет окончено с момента получения преступниками реальной возможности владеть и распоряжаться таким имуществом.

От определения места и времени совершения преступления зависит организация работы следователей (где и как могут быть обнаружены следы): что входит в предмет доказывания; какие неотложные следственные действия необходимо произвести; какие поручения могут быть назначены оперативным сотрудникам и др.

Еще одна проблема, возникшая при расследовании указанного выше уголовного дела, связана с определением потерпевшего лица. С одной стороны, ущерб причиняется клиенту, который мог использовать баллы с целью приобретения товаров для собственного пользования. С другой стороны, баллы начисляет магазин конкретному лицу за приобретение товаров, то есть это некое поощрение, но вместо упрямоченного выгоду получает тот, кто на это право не имел. С экономической точки зрения, у магазина отсутствует ущерб, потому что баллами мог бы воспользоваться клиент. С юридической точки зрения, ущерб присутствует, потому что утрачивается доверие к магазину (взломанный сайт принадлежит ему, это его обязанность обеспечивать безопасность, а он ее не выполнил). Могла быть ситуация, при которой клиент не воспользовался бы баллами, и они утратили свою ценность, их нельзя использовать по назначению, тогда товар бы остался во владении магазина.

Мошенничеством может быть причинен различный размер ущерба, установить его сумму очень важно для того, чтобы квалифицировать действия преступника и назначить ему соответствующее наказание. Размер ущерба определяется в примечании к статье 158 УК РФ, однако в ситуации, когда предметом мошенничества становятся бонусные баллы, регулирование усложняется. Как известно из материалов уголовного дела, виновное лицо похищало баллы, которые были эквивалентны рублям в соотношении 1:1. Значит, можно предположить, что размер ущерба будет определяться переводом соответствующих баллов в рубли, тогда для доказательства размера необходимо установить лиц, у которых баллы были похищены (можно получить данную информацию не только у клиентов, но и у магазина, который является пользователем взломанного сайта и имеет доступ ко всем «перечислениям»), определить их количество и перевести в рубли. Тем не менее, данный ответ не очевиден, потому что в последующем преступники перепродают товар по завышенной цене, тогда их выгода увеличивается по сравнению с похищенными бонусными баллами. В этом случае определить размер будет намного сложнее, потому что необходимо будет установить всех лиц, которые приобретали соответствующую продукцию у злоумышленников, запрашивать договоры, с целью установления цены.

Таким образом, можно прийти к выводу, что расследование хищений в отношении бонусных баллов имеет множество проблем, которые не решены в судебно-следственной практики. В первую очередь, это связано с тем, что сам предмет такого рода преступлений является

неординарным и требующим к себе особо отношения. Ответы на поставленные выше вопросы важны для установления механизма следообразования, для определения местонахождения следов, криминалистически значимой информации, которая необходима для доказывания по уголовному делу.

Список использованных источников

1. Закон.Ру. [Электронный ресурс]: социальная сеть для юристов. URL: https://zakon.ru/discussion/2017/11/14/elektronnye_i_nalichnye_dengi_budu_t_na_odnom_schetu_verhovnyj_sud_priravnyaet_ih_hischenie_s_tochki (дата обращения: 30.10.2020).
2. Криминалистика : учебник / А.И. Александров [и др.] ; под ред. С.П. Кушниренко, В.Д. Пристансков, Т.А. Седова. М., 2019. 334 с.
3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 нояб. 2017 // 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2007 г. // 2007. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 нояб. 2017 // 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. ОМВД России по Новосергиевскому району [Электронный ресурс]: информационный сайт. URL: Мошенничество в сфере интернета и информационных технологий (xn--b1aew.xn--p1ai) (дата обращения: 12.02.2021).
7. По вопросу налогообложения доходов физических лиц в рамках программ поощрения потребителей [Электронный ресурс]: Письмо Минфина России от 19 апреля 2012 // 2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Практикум по особенностям квалификации отдельных видов преступлений : учебник / М.Н. Косарев [и др.] ; под ред. М.Н. Косарев. Екатеринбург, 2017. 338 с.
9. Хилюта В.В. Момент окончания хищения: практика применения теоретических концепций // Вестник БДУ. 2010. № 3. С. 90–94.

Н.П. Киселев

студент 4 курса юридического факультета СПбГУ
(Санкт-Петербург)

Научный руководитель: Светлана Петровна Кушниренко,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики СПбГУ (Санкт-Петербург)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО МЕТОДА ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИИ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НЕВЫПЛОТой РАБОТНИКАМ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ИНЫХ УСТАНОВЛЕННЫХ ЗАКОНОМ ВЫПЛАТ (СТ. 145.1 УК РФ)

В статье рассматривается вопрос использования программно-целевого метода при рассмотрении материалов проверок сообщений о преступлениях, связанных с невыплатой заработной платы. На основе выделения элементов криминалистической структуры события указанного преступления предлагается перечень основных обстоятельств, подлежащих установлению до возбуждения уголовного дела, а также основные способы их установления. Автором делается вывод о положительном влиянии использования типовых программ на эффективность организации процессуальных проверок и соблюдение установленных процессуальных сроков их проведения.

Ключевые слова: доследственная проверка; невыплата заработной платы; программно-целевой метод; криминалистическая характеристика события преступления.

THE USE OF THE PROGRAM-TARGET METHOD IN ORGANIZING AND CONDUCTING PRE-INVESTIGATION CHECKS OF REPORTS OF CRIMES RELATED TO NON-PAYMENT OF WAGES AND OTHER PAYMENTS ESTABLISHED BY LAW TO EMPLOYEES (ARTICLE 145.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Summary: The article deals with the problem of use the program-target method in pre-investigative verification of crime claims connected with non-payment of wages. Basing on the elements of forensic structure of that crime the main facts to be clarified are highlighted as well as the main means of their clarification. The author makes a conclusion on the positive effect of using such forensic programs for the effectiveness of pre-investigative procedure and its compliance with legally normed terms.

Keywords: pre-investigative verification; non-payment of wages; program-target method; forensic structure of a crime.

Защита права работников на своевременную и в полном объеме оплату труда является одним из приоритетов государства в сфере регулирования трудовых отношений. Подход законодателя к реагированию на факты неисполнения работодателем обязанности по оплате труда различается в зависимости от характера обстоятельств, повлекших такое нарушение. В случае невыплаты заработной платы и иных установленных законом выплат в результате отсутствия соответствующей финансовой возможности работодатель может быть привлечен к материальной ответственности в соответствии с трудовым законодательством, а также к административной ответственности [4]. В то же время невыплата заработной платы из корыстной или иной личной заинтересованности при наличии у работодателя реальной возможности исполнить эту обязанность является уголовно наказуемым деянием в соответствии со ст. 145.1 УК РФ.

Состав преступления, предусмотренный ст. 145.1 УК РФ, характеризуется тем, что практически все элементы его криминалистической структуры имеют уголовно-правовое значение и влияют на квалификацию деяния как преступного. В частности, обязательными признаками состава преступления данного преступления являются специальный

субъект, общественно-опасное деяние в форме бездействия (включая наличие обязанности и реальной возможности действовать, период бездействия, отношение размера задолженности к причитающемуся размеру выплаты), форма и вид вины (прямой умысел), мотив (корыстная или иная личная заинтересованность). При отсутствии любого из приведенных признаков деяние преступным не является, в связи с чем основания для возбуждения уголовного дела отсутствуют.

Исходя из этого, сложность проведения доследственной процессуальной проверки сообщений о возможном совершении преступлений, предусмотренных ст. 145.1 УК РФ, заключается в том, что еще до принятия решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении следователь в условиях ограниченных сроков (не более 30 дней) должен установить наличие или отсутствие всех приведенных обязательных признаков состава преступления, то есть собрать доказательства, практически полностью характеризующие механизм его совершения.

Учитывая изложенные особенности, при организации и проведении процессуальной проверки по сообщениям о возможной невыплате заработной платы уже на стадии возбуждения уголовного дела целесообразно использовать разработанные в криминалистике методики организации предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях соответствующей категории, тем более что в случае возбуждения уголовного дела на основании материалов проведенной проверки собранные доказательства впоследствии будут положены в основу обвинения [3, с. 420].

Одним из наиболее эффективных методов организации расследования преступления является программно-целевой метод [1], который предполагает использование при организации расследования типовых криминалистических программ, разработанных на основе обобщения судебно-следственного опыта и представляющих собой план наиболее эффективного раскрытия и расследования преступлений при наименьших процессуальных затратах. Программно-целевой метод ориентирован на проведение всестороннего анализа явления реальной действительности на предмет наличия в нем признаков преступления, в связи с чем особую ценность его применение представляет именно на стадии возбуждения уголовного дела и на первоначальных этапах расследования, когда необходимо произвести первичное отграничение преступного деяния от не преступного.

Программно-целевой метод основывается на учении о криминалистической структуре события преступления, согласно которому со-

бытие преступления рассматривается как реальное явление действительности – совокупность элементов, связанных между собой таким способом, что образуется целостное общественно опасное противоправное деяние, наступление которого законодатель стремится предотвратить угрозой уголовного наказания [2, с. 5–8]. Иными словами, законодательная конструкция состава преступления определяет набор элементов, присутствие которых в составе любого реального явления действительности делает его преступным. При этом преступные деяния, предусмотренные одной нормой уголовного закона, обязательно содержат в своей структуре элементы, на которые указывает гипотеза правовой нормы, но могут также включать и иные элементы, которые напрямую на квалификацию не влияют, но являются неотъемлемой частью события преступления как явления реальной действительности. Таким образом, содержание типовых криминалистических программ определяется элементами криминалистической структуры события преступления, поскольку именно на их установление направлено предварительное расследование, а значит и сама программа.

Исходя из изложенного подхода, можно выявить особенность применения программно-целевого метода на этапе проверки сообщения о преступлении. Так, целью расследования уголовного дела является доказывание индивидуально-определенного события преступления, имеющего свои собственные уникальные пространственно-временные характеристики, его отграничение от иных аналогичных событий. В связи с этим в ходе предварительного расследования доказыванию подлежат не только элементы механизма преступления, определяющие его квалификацию, но и все остальные элементы, совокупность которых определяет уникальность конкретного события преступления. Это подтверждается и статьей 73 УПК РФ, в соответствии с которой круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, определен шире границ, предусмотренных составом преступления. Причем даже установленным в ст. 73 УПК РФ предметом доказывания круг обстоятельств, подлежащих установлению в соответствии с криминалистической методикой, не исчерпывается, поскольку конечной целью применения таких методик является максимальная индивидуализация определенного события преступления как явления реальной действительности, что влияет на содержание программы расследования [5, с. 109–110].

В то же время этап доследственной проверки сообщения о преступлении характеризуется особенными задачами, а именно, в соответствии со ст. 140 УПК РФ необходимостью выявления оснований для

возбуждения уголовного дела. С этой позиции в рамках последовательной проверки следователь должен установить, относится или нет конкретное проверяемое событие к числу преступных, то есть присутствует ли в его внутренней системе совокупность элементов, на которые указывает норма уголовного закона. Правильность квалификации деяния на стадии возбуждения уголовного дела отходит на второй план, поскольку впоследствии событие преступления будет исследовано более детально и могут быть собраны дополнительные доказательства, уточняющие или изменяющие квалификацию деяния. В связи с этим и содержание криминалистической программы на стадии возбуждения уголовного дела является сокращенным, исходя из специфики задач и ограниченности сроков данной стадии.

Таким образом, в целях организации процессуальной проверки сообщений о преступлениях, связанных с невыплатой заработной платы и иных установленных законом выплат, необходимо определить криминалистическую структуру данного преступления, после чего определить ее элементы, определяющие данное деяние как преступное, то есть соответствующие обязательным признакам состава преступления, на установление которых и будет направлена криминалистическая программа проверки сообщения о преступлении.

Выделяя обязательные элементы структуры любого преступления, Г.А. Густов относит к ним объект посягательства, субъект посягательства, его физическую и психическую деятельность, факты-последствия такой деятельности, место и время совершения посягательства [2, с. 6]. Приведенные элементы могут изменяться и уточняться применительно к конкретному составу преступления. Ориентируясь на общую структуру события преступления, выделим элементы механизма совершения преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ. Так, исходными элементами данной системы является физическое лицо (работник, чаще всего заявитель, а впоследствии потерпевший) и работодатель (включая юридическую личность работодателя как субъекта трудового права и личность действующего от его имени физического лица), которые вступают в трудовые правоотношения, в результате которых как у работника, так и у работодателя возникает обязанность совершать определенные действия на условиях, определенных трудовым законодательством, локальными правовыми актами, коллективным и трудовым договором. Во исполнение принятой на себя обязанности работник в соответствии с содержанием трудового правоотношения осуществляет определенную деятельность в интересах работодателя, в результате чего у работодателя возникает обязанность

начислить и выплатить вознаграждение за труд в соответствии с содержанием трудового правоотношения (условиями об оплате труда в организации в целом и данному работнику в частности). Обобщив изложенное, на основании обязательных элементов структуры любого преступления (по Г.А. Густову) можно выделить специальные элементы, характерные именно для криминалистической структуры события преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ:

- работник (условно соответствует объекту посягательства);
- работодатель (условно соответствует субъекту и обстановке);
- трудовое правоотношение (может рассматриваться как составная часть элементов «работник» и «работодатель», поскольку характеризует их права и обязанности, но для удобства выделяется отдельно);
  - выполнение трудовой функции (также может являться составной частью элементов «работник» и «работодатель», поскольку представляет собой совокупность юридических фактов, влияющих на обязанность работодателя выплатить вознаграждение);
  - начисление и выплата заработной платы и иных установленных законом выплат (соответствует физической деятельности);
  - факты-последствия;
  - психическая деятельность;
  - место;
  - период невыплаты (соответствует времени).

Исходя из приведенной структуры события преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, можно наметить основные положения криминалистической программы проведения доследственной проверки по сообщению о данном преступлении. Так, в рамках проверки элемента «Работник» необходимо установить личность заявителя, подтвердить действительность его обращения с заявлением о преступлении, а также получить общую информацию о лице, запросив информацию о нем из оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов (к примеру, система ИБД-Р территориальных органов МВД России). При этом данная информация, в отличие от информации по иным элементам криминалистической структуры, на стадии доследственной проверки характеризует не основания, а повод возбуждения уголовного дела.

Разрабатывая элемент «Работодатель», на этапе доследственной проверки необходимо установить, с каким именно лицом (физическим или юридическим) вступил в трудовые отношения работник. В случае вступления в трудовые отношения с юридическим лицом необходимо

его индивидуализировать посредством сопоставления объяснения заявителя, трудового договора со сведениями Единого государственного реестра юридических лиц, установить личность руководителя работодателя и период его работы в указанной должности, соотнести его с периодом возможной невыплаты заработной платы. Указанные сведения о работодателе могут быть получены путем направления в порядке ч. 4 ст. 21 УПК РФ в налоговый орган по месту регистрации юридического лица – работодателя запроса о предоставлении копии его регистрационного дела, где содержится также информация о единоличном исполнительном органе (генеральном директоре) и копии документов, подтверждающих его полномочия.

Необходимость получения данной информации еще до возбуждения уголовного дела обусловлена тем, что состав преступления, предусмотренный ст. 145.1 УК РФ, предусматривает специальный субъект, при отсутствии которого уголовное дело не может быть возбуждено. Например, в случае, если период полной невыплаты заработной платы составляет 2,5 месяца, но в середине данного срока произошла смена генерального директора работодателя, то в действиях ни одного из руководителей состав преступления усматриваться не будет. Кроме того, представляется, что по указанной причине уголовное дело о преступлении, предусмотренном ст. 145.1 УК РФ, может быть возбуждено только в отношении конкретного лица, а не по факту невыплаты заработной платы, поскольку субъект преступления индивидуализирован в его составе. Помимо этого, примечание № 2 к ст. 145.1 УК РФ связывает возможность освобождения лица от уголовной ответственности с возмещением причиненного ущерба в течение 2 месяцев со дня возбуждения уголовного дела, поэтому в случае возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления могут быть нарушены права лица, которое впоследствии по данному делу будет привлечено к уголовной ответственности, поскольку оно своевременно не было уведомлено о факте возбуждения уголовного дела и не могло принять меры к возмещению вреда, то есть было лишено возможности соблюсти условия освобождения от уголовной ответственности.

При разработке элемента «Трудовое правоотношение» установлению подлежит действительность существования такого правоотношения между работником и работодателем. Она может быть подтверждена трудовым договором, имеющимся на руках работника, записью в трудовой книжке, в том числе электронной, решением суда о признании факта трудовых отношений. Кроме того, необходимо уделить особое внимание анализу условий трудового отношения, регулирующих

порядок исполнения работником трудовой обязанности, а также порядок расчета и выплаты заработной платы. Для этих целей у работодателя на основании ч. 4 ст. 21 УПК РФ могут быть истребованы приказы о назначении работника на должность, его переводе на другую работу и увольнении, штатное расписание, правила внутреннего трудового распорядка, положения об оплате труда, а также иные локальные акты, регулирующие порядок исполнения работником трудовой функции. Указанные сведения в сопоставлении с данными о фактической работе работника позволят установить размер заработной платы, который бы причитался работнику в случае ее начисления и выплаты в установленном порядке, а также срок, до наступления которого заработная плата должна была быть выплачена.

Анализ элемента «Выполнение трудовой функции» должен включать обязательное установление обстоятельств выполнения работником трудовой функции, количества отработанного им времени (выполненной работы при сдельной системе оплаты труда), исходя из которых исчисляется размер заработной платы, подлежащей выплате работнику в очередном периоде. Базовым источником информации здесь является табель учета рабочего времени работника, а также сведения о нахождении работника в отпусках, о периодах его временной нетрудоспособности. Кроме того, анализу подлежит информация о возможном привлечении работника к дисциплинарной и материальной ответственности. На этапе проверки сообщения о преступлении единственным источником получения указанной информации являются документы, представленные работодателем, а также сведения и подтверждающие документы, приобщенные к материалу проверки заявителем, поскольку возможность проведения обыска или выемки в помещениях работодателя статьей 144 УПК РФ не предусмотрена.

При рассмотрении элемента «Начисление и выплата заработной платы» необходимо установить, начислялась ли в рассматриваемый период работнику заработная плата, соответствует ли начисленные суммы размеру выплат, причитающихся работнику в соответствии с условиями трудового правоотношения и с учетом фактического исполнения трудовой функции. Указанные сведения могут быть получены путем запроса у работодателя расчетных листков в отношении работника, в которых должны быть указаны составные части начисленных выплат и периоды, за которые данные выплаты начисляются.

Помимо этого, одним из основных источников информации являются выписки о движении денежных средств по счетам работодателя и работника. Содержащиеся в них сведения указывают на фактические

сроки и размеры выплаты заработной платы, то есть на объем исполненной работодателем обязанности. Данные сведения характеризуют также такой элемент криминалистической структуры, как «Период невыплаты». Сведения о движении денежных средств по счетам работодателя на стадии проверки могут быть истребованы либо у самого работодателя, либо из налогового органа, имеющего возможность запрашивать соответствующие сведения из банков. Преимущество запроса сведений из налогового органа состоит также в том, что он обладает информацией обо всех счетах, открытых организацией во всех банковских организациях, что облегчает установление счетов и препятствует их сокрытию работодателем путем умолчания.

На основе сведений о движении денежных средств по счетам работодателя также устанавливается элемент «Психическая деятельность». Исследованию в данном контексте подлежит характер операций, совершенных юридическим лицом в период невыплаты, а также наличие в этот период на счетах достаточного объема денежных средств для выплаты заработной платы. При этом правоприменительная практика на сегодняшний день рассматривает в качестве признаков наличия корыстной или иной личной заинтересованности перечисление денежных средств руководителем самому себе, а также осуществление расчетов с контрагентами в рамках осуществления основной деятельности организации.

Обязательным проверочным мероприятием на стадии доследственной проверки является получение объяснений работника (заявителя), в отношении которого допущена задолженность, а также руководителя организации, потенциально являющегося субъектом преступления. План объяснения при этом должен включать вопросы по всем элементам криминалистической структуры события преступления.

Такой элемент криминалистической структуры, как «Место», подлежит установлению на этапе доследственной проверки только с точки зрения необходимости определения подследственности. Содержание данного элемента, равно как и содержание элемента «Факты-последствия» на признание деяния преступным не влияет. Тем не менее, проводя основные проверочные мероприятия по основным элементам структуры целесообразно также собрать общую информацию по данным элементам события преступления в целях создания уже на этапе решения вопроса о возбуждении уголовного дела наиболее полной картины события преступления.

Таким образом, использования программно-целевого метода на этапе процессуальной проверки сообщения о преступлении, преду-

смотренном ст. 145.1 УК РФ, позволяет оптимизировать процесс проведения такой проверки путем концентрации на обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела или отказа в его возбуждении. В то же время следование криминалистическим программам позволяет уже на этапе доследственной проверки наиболее полно охарактеризовать возможное событие преступления, не прибегая для этого к совершению избыточных процессуальных действий. Исходя из этого, разработка и использование типовых программ проведения процессуальной проверки позволит повысить эффективность работы следственных органов, эффективность защиты прав и свобод заявителей, а также обеспечит соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства.

Список использованных источников

1. Густов, Г.А. Программно-целевой метод организации раскрытия убийств [Текст]: учебное пособие / Г.А. Густов – СПб.: Ин-т. повышения квалиф. прокурорско-следственных работников Прокуратуры РФ, 1993. – 121 с.
2. Густов, Г.А. Расследование должностных хищений в торговле. Часть I. Криминалистическая характеристика преступлений: Учебное пособие (изд. 4-е, переработанное и дополненное) / Г.А. Густов – Л.: Институт усовершенствования следственных работников при Прокуратуре СССР, 1991. – 271 с.
3. Криминалистика [Текст]: учебник / под ред. Т.А. Седовой, С.П. Кушнirenко, В.Д. Пристанкова [и др.] – М.: Юстиция, 2019. – 712 с.
4. Невыплата заработной платы и иных установленных законом выплат. Квалификация, прокурорский надзор, расследование / Т.Г. Воеводина, Н.Ю. Гронская, Н.А. Данилова, М.Г. Ковалева, Г.В. Овчинникова, В.Д. Пристанков; под общ. ред. Н.А. Даниловой. – СПб: 2005. – 151 с.
5. Осипова, Е.П. Методика расследования невыплаты заработной платы: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Е.П. Осипова // СПбЮИ (Ф) Академии Генеральной прокуратуры РФ. – Псков, 2011. – 228 с.

А.Е. Локтева

студент бакалавриата, юриспруденция с углубленным изучением
китайского языка и права КНР, 4 курс,
Санкт-Петербургский государственный университет

В. А. Отавина

студент бакалавриата, юриспруденция с углубленным изучением
китайского языка и права КНР, 4 курс,
Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Низамов Вячеслав Юрьевич
к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ УПК КНР СКВОЗЬ РЕДАКЦИИ 1979, 1996, 2012 И 2018 ГОДОВ

Предметом исследования в рамках данной статьи являются концептуальные изменения некоторых институтов процессуальных гарантий уголовно-процессуального законодательства Китая. В работе проводится анализ изменения таких институтов, как судебный надзор по уголовным делам, условия виновности, а также право на защитника и роль защиты. Для сравнения приводятся нормы Уголовно-процессуального кодекса Китая 1979, 1996, 2012 и 2018 годов. Актуальность темы обусловлена непрерывной модернизацией уголовно-процессуального законодательства, которая приводит к различным изменениям способов обеспечения реализации прав уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, уголовно-процессуальный кодекс КНР, закон об адвокатуре КНР, судебный надзор, презумпция невиновности, право на защитника.

Anastasia E. Lokteva,

4th year of undergraduate studies in Law,
SPbSU (St. Petersburg)
Vfrvar

Varvara A. Otavina

4th year of undergraduate studies in Law,
SPbSU (St. Petersburg)

Academic advisor: Viacheslav U. Nizamov,
Ph.D. in Law, Associate Professor, SPbSU (St. Petersburg)

SPECIFIC FEATURES OF THE MODERNISATION OF CRIMINAL PROCEDURE CODE OF CHINA THROUGH THE 1979, 1996, 2012 AND 2018 EDITIONS

Summary: The subject of this article is devoted to conceptual changes of certain institutions of procedural guarantees in Chinese criminal procedure law. The paper analyses changes in institutions such as judicial supervision of criminal cases, the conditions of guilt, as well as the right to defence counsel and the role of the defence. For comparison, the rules of China's Criminal Procedure Laws 1979, 1996, 2012 and 2018 are presented. The relevance of the topic is due to the ongoing modernisation of criminal procedure law, which has led to various changes in the way in which the rights of criminal procedure are implemented.

Keywords: criminal procedure law, criminal procedure code of China, law on advocacy of China, judicial supervision, presumption of innocence, right for a counsel.

После образования 1 октября 1949 года Китайской Народной Республики (далее – КНР) отсутствовала единая кодификация уголовно-процессуальных норм. Данная сфера права регулировалась множеством различных нормативных актов. В КНР систематизация и развитие уголовно-процессуальной мысли непосредственно связано с принятием 1 июля 1979 года на второй сессии пятого созыва Всекитайского Собрания Народных Представителей закона «中华人民共和国刑事诉讼法», что переводится как «Уголовно-процессуальный закон КНР» или же для удобства будем называть его «Уголовно-процессуальный кодекс КНР» (далее – УПК КНР). Начиная с этого момента правительство КНР стало активно модернизировать процессуальное законодательство, и уже к 17 марта 1996 года были внесены поправки, в связи с которыми было увеличено количество статей в УПК КНР с 164 до 225. С принятием этих поправок впервые было введено понятие «условия виновности». Следующий пересмотр УПК КНР был осуществлен в 2012 году. На пятой сессии одиннадцатого

созыва Всекитайское Собрание Народных Представителей 14 марта приняло новые поправки, увеличивая объем кодекса со 225 до 285 статей. Основным нововведением УПК КНР 2012 года являлось расширение прав подозреваемого (обвиняемого) на защитника и роли защиты в уголовном процессе. Последние поправки к УПК КНР были приняты 26 октября 2018 года на шестой сессии тринадцатого созыва Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей. С принятием данных изменений появились новые особенности судебного надзора по уголовным делам, а также еще больше увеличилась роль защиты в судебном процессе.

В следствии всех трех пересмотров были законодательно закреплены и добавлены новые средства, обеспечивающие реализацию прав участников уголовного процесса и возлагающие на них соответствующие обязанности, а также реализующие их защиту и охрану законных интересов. В данной работе были рассмотрены наиболее важные изменения, касающиеся появления новых процессуальных гарантий, концептуально изменивших такие институты, как судебный надзор по уголовным делам, условия виновности, а также право на защитника и роль защиты.

После того как отведённый для апелляционного производства срок истек, решение или постановление вступает в законную силу. Тем не менее, всё ещё возможно обжаловать решение в порядке процедуры судебного надзора. В Китае процедура судебного надзора [1] не зависит от сроков исковой давности по уголовным делам и, теоретически, все дела, по которым были вынесены решения с момента основания КНР, могут быть оспорены в рамках данной процедуры. Согласно статьям 252–254 пересмотренного в 2018 году УПК КНР существует четыре способа инициировать судебный надзор в том случае, если в решении суда имеется определённая ошибка.

Во-первых, какая-либо сторона может обратиться в суд или в прокуратуру с ходатайством об освобождении от ответственности, при этом подобное освобождение не приостанавливает действий по судебному решению, что рассматривается в статье 252 УПК КНР. Во-вторых, согласно статье 254 УПК КНР председатель суда может передать дело на рассмотрение судебного комитета. В-третьих, суд более высокой инстанции, включая Верховный народный суд, может отдать распоряжение суду более низкой инстанции о пересмотре дела, о чем также говорит статья 254 УПК КНР. В-четвёртых, прокуратура более высокого уровня, включая Верховную народную прокуратуру, может подать протест в суд того же уровня против решения суда более низкой

инстанции, продолжается перечень в статье 254 УПК КНР. Согласно статье 258 УПК КНР, повторное рассмотрение дела в рамках судебного надзора должно быть проведено в течение трёх месяцев с момента принятия судом решения о пересмотре дела или о направлении его для повторного рассмотрения в суд более низкой инстанции.

На основании УПК КНР 1979 года, многие судьи склонялись к тому, чтобы признавать виновность сразу после того, как дело было передано в суд, в виду того, что, если полиция и прокуратура, завершив свое расследование, решили возбудить уголовное преследование, то обвиняемый должен быть в какой-то степени виновен. Однако, в тоже время были известны случаи запугивания свидетелей со стороны агрессивно настроенной полиции и прокуратуры с целью признания виновности (подозреваемых) в ходе уголовных расследований. В УПК КНР 1979 года не только отсутствовала презумпция невиновности, но, как известно, многие исследователи права в КНР, отмечали, что, в действительности, ситуация была прямо противоположной: подозреваемый в совершении преступления обычно считался виновным до тех пор, пока не будет доказана его невиновность.

В связи с пересмотром УПК КНР в 1996 году, в уголовном процессе КНР, впервые за всю его историю, появились условия виновности, являющиеся аналогом презумпции невиновности. Согласно статье 12 УПК КНР «В соответствии с законом никто не может быть признан виновным без приговора Народного суда»[2]. Данная презумпция была сохранена, а, возможно, и усилена в 2012 и 2018 годах. Статья 12 УПК КНР 2018 года теперь предусматривает, что ни один человек не может быть признан виновным, не подвергнувшись суду как таковому, со стороны народного суда в соответствии с законодательством. Статья 200 предусматривает, что, если подсудимый признан невиновным в соответствии с законом, то он считается невиновным. В дополнение к этому, статья 200 предусматривает, что, если доказательства являются недостаточными[3], и обвиняемый не может быть признан виновным, он считается невиновным за недостаточностью доказательств. Хотя эта концепция остаётся туманной и сомнительной, презумпция невиновности, пересмотренная в 1996, 2012 и 2018 годах, может способствовать в создании более нейтральной позиции со стороны судей, представителей прокуратур и полиции.

И в Конституции, и в УПК КНР 1979 года утверждается, что обвиняемый имеет право на защиту в уголовном судопроизводстве. Однако на практике защитники оказались в очень невыгодном положении с точки зрения отстаивания прав своих подзащитных. В УПК КНР

1979 года предусматривалось [4], что народный суд должен вручить обвиняемому копию обвинительного акта за семь дней до начала судебного разбирательства, и в этот же период времени обвиняемый также ставится в известность о том, что он может назначить профессионального юриста или другого представителя для оказания ему помощи в его защите. К тому времени, когда защитник приступал к процессуальным действиям, полицией и прокуратурой уже было завершено расследование дела, и они, скорее всего, допросили обвиняемого, по меньшей мере, дважды и убедились в том, что у них есть достаточно доказательств виновности обвиняемого для возбуждения уголовного преследования. Суд также уже изучил досье по делу и обсудил его с прокуратурой. Таким образом, к тому времени, когда суд принимал решение о проведении публичного судебного разбирательства и обвинительный акт передавался обвиняемому, весь уголовный процесс отличался крайне предвзятым отношением со стороны суда, который склонялся в пользу признания обвиняемого виновным. В этих обстоятельствах защитник, который обеспечивал активную защиту, мог рассматриваться в качестве персоны, подрывающей доверие к самому суду. В 1983 году Постоянный Комитет Всекитайского Собрания Народных Представителей создал дополнительные препятствия защитникам к оказанию эффективной помощи, отменив семидневный срок уведомления по особо тяжким преступлениям, включая преступления, карающиеся смертной казнью. Кроме того, хотя обвиняемый и имел право на консультацию профессионального юриста, государство не было обязано предоставлять обвиняемому бесплатного защитника, за исключением тех случаев, когда ответчик являлся инвалидом.

Пересмотр УПК КНР в 1996 году расширил права защитника, в отношении этапов расследования уголовного дела. Благодаря пересмотру УПК КНР в 2012 и 2018 году также сохранились и укрепилась права обвиняемого на защитника, введенные измененным в 1996 году УПК КНР. Большая часть этих увеличившихся прав обвиняемого на защитника содержится в статьях 33–49 УПК КНР редакции 2018 года. В соответствии со статьей 33 УПК КНР 2018 года, право на защитника предоставляется после того, как подозреваемый впервые был подвергнут допросу следственным органом или с момента принятия в отношении него принудительных мер. Если подозреваемый был арестован, защитник может обратиться с ходатайством о поиске поручителя до суда, который обеспечил бы финансовую гарантию, аналогичную залого, и подразумевающую штраф или конфискацию имущества, если обвиняемый не предстанет перед судом. Защитник подозреваемого имеет

право [5] быть проинформирован об обвинениях, выдвинутых против подозреваемого, и может встретиться с ним для обсуждения дела во время содержания подозреваемого под арестом.

В тех случаях, когда подозреваемый не подвергается допросу или, когда в отношении подозреваемого не принимались принудительные меры, право на профессиональную помощь юриста предоставляется, когда дело передаётся на рассмотрение в прокуратуру до судебного преследования. В соответствии со статьей 34 УПК КНР 2018 года, прокуратура должна уведомить подозреваемого о том, что он имеет право назначить защитника в течение трёх дней с момента поступления дела к рассмотрению. В статьях 38, 39 и 40 изменённого УПК КНР 2018 года в настоящее время предусматривается, что, начиная с той даты, когда прокуратура приступает к рассмотрению дела, защитнику разрешается встречаться с подозреваемым, находящимся под арестом, а также изучать судебные документы, относящиеся к делу, и снимать с них копии. Такая встреча с обвиняемым должна состояться своевременно, а именно: не позднее, чем через сорок восемь часов после запроса и не может проходить под наблюдением представителей власти, о чем говорит статья 39 УПК КНР. Это является существенным достижением с момента пересмотра УПК КНР в 1996 году, который позволял представителям власти присутствовать на встрече, когда преступление считалось достаточно серьёзным. Статьи 39 и 40 изменённого УПК КНР 2018 года также предоставляют защитникам право вести переписку с обвиняемыми и копировать материалы дела. Защитники наделены таким же правом в отношении вещественных доказательств и им разрешено встречаться с обвиняемым, находящимся под арестом, когда суд принимает дело к рассмотрению. Статья 195 изменённого УПК КНР 2018 года, позволяет защитнику представлять доказательства наряду с прокуратурой в ходе судебного процесса в соответствии с УПК КНР 1979. Согласно пересмотренному в 2018 году УПК КНР, разрешается подавать гражданские иски в отношении подозреваемого в качестве дополнения к уголовному делу, что рассматривается в статье 101 УПК КНР.

Расширенные права защитников, которые содержатся в УПК КНР 2018 года подкреплены изменениями в Законе об Адвокатуре, изложенные в дальнейшем в Решении Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей о внесении поправок в «中华人民共和国律师法», что дословно можно перевести как «Закон КНР о Защитниках», по общепринятому переводу называемый «Закон КНР об Адвокатуре», принятый 26 декабря 2012 года и вступивший в силу

1 января 2013 года. Это решение вносит изменения в различные статьи Закона об Адвокатуре, имеющие отношение: к выполнению обязанностей в качестве защитника в уголовном процессе (статья 31 Закон об Адвокатуре с поправками), а также получению доступа к материалам дела и их копированию (статья 34 Закона об Адвокатуре с поправками).

Поправки к Закону об Адвокатуре, наряду с изменениями в УПК КНР 2018 года, касаются трёх типов сложностей, с которыми сталкиваются защитники, и связаны с: 1) отсутствием личных встреч с подозреваемыми по уголовным делам; 2) необходимостью просмотра материалов дела; 3) возможностью представлять доказательства от имени обвиняемого.

Хотя пересмотр УПК КНР 2012 и 2018 годов продолжает тенденцию увеличения прав подозреваемых в совершении уголовного преступления (включая право подозреваемого на профессионального юриста защиты), которая возникла благодаря внесению изменений в 1996 году, но ряд существенных вопросов всё ещё требует уточнения. Как отмечалось ранее, одно из наиболее важных новых положений, а именно статья 85 УПК КНР 2018 года предусматривает, что семья лица, взятого под стражу, должна быть проинформирована в течение двадцати четырёх часов. Однако в статье 85 не говорится о том, что уведомление должно содержать информацию о местонахождении задержанного. Кроме того, в статье 85 утверждается уведомление не требуется, когда преступления имеют отношение к государственной безопасности и связаны с террористическими действиями и уведомление может помешать расследованию. Предоставление уведомления по преступлениям, связанным с государственной безопасностью (в случае не установления в дальнейшем их связи) возлагается на усмотрение властей.

Несмотря на то, что права подсудимого на защитника были увеличены, неимущему подсудимому до сих пор не гарантирован защитник, назначаемый государством, хотя, согласно статье 35 УПК КНР 2018 года, близкие родственники могут обратиться в агентство бесплатной правовой помощи. Назначение защитника государством [6] является обязательным только в тех случаях, когда обвиняемый является глухим, немым, слепым, несовершеннолетним, или ему грозит смертная казнь.

Изменения, внесённые в дальнейшем, в результате пересмотра УПК КНР в 1996 году, преобразовали следственную модель уголовного правосудия КНР в более состязательную модель. В связи с пересмотром УПК КНР в 2012 и 2018 году, продолжилась тенденция обеспечения более усиленной защиты для обвиняемого или подозреваемого

путём расширения прав на защитника. Изменения, внесённые в 1996 и 2012, а также 2018 гг. устранили или уменьшили некоторые из подавляющих преимуществ государства в уголовном процессе. Однако статистика показывает [7], что на практике пересмотр УПК КНР в 1996 году не привел к существенным изменениям в результатах уголовного процесса. С января 1997 года, когда пересмотренная УПК КНР вступила в силу, то доля оправдательных приговоров по уголовным делам возросла с 0,34 % в 1996 году до 0,66% в 1997 году. В 1998 году доля оправдательных приговоров возросла до 1,03 %, но снизилась до 0,97% в 1999 году, и до 0,90% в 2001 году. В 2001 году из 729,958 подозреваемых, воспользовавшихся данной попыткой, только 6,597 были оправданы. В 2013 году из 1,16 млн. обвиняемых, привлечённых к уголовной ответственности, только 825 были оправданы, – что составляет 0,07 %. В делах, возбуждённых в соответствии с УПК КНР 1979 года, в 1988 и 1992 годах оправдательных приговоров было 0,55% и 0,51%, соответственно, то есть в обоих случаях немного ниже, чем доля оправдательных приговоров в 2001 году, и фактически выше, чем доля оправдательных приговоров в 2013 году. Эти показатели по оправдательным приговорам сами по себе не показывают, были ли оправданы действительно виновные обвиняемые или невиновные, поскольку специфика каждого дела может варьироваться. Но они указывают на то, что в системе уголовного правосудия КНР не произошло никаких чрезвычайных изменений. Хотя изменения, внесённые Китаем в уголовно-процессуальное законодательство в 2018 годах, рассматриваются в качестве значительных усовершенствований по сравнению с предыдущим законодательством, но ещё предстоит увидеть, какое влияние в будущем окажет последний пересмотр УПК КНР в 2018 году на фактическое функционирование уголовного процесса.

Список использованных источников

1. 中国人权: 依法履行法律监督职责 加强对人权的司法保障 [Электронный ресурс]. URL:http://www.humanrights.cn/html/2014/3_0610/294.html (Дата обращения 12.09.2020).
2. Авторский перевод Отавиной В. А. и Локтевой А.Е. Оригинал «未经人民法院依法判决·对任何人都不得确定有罪»
3. CQVIP: 非法证据排除审理程序的困境与完善[Электронный ресурс]. URL:<http://www.cqvip.com/qk/81380a/201306/47979492.html> (Дата обращения 09.09.2020).
4. 现代法学: 背景与方略: 中国《刑事诉讼法》第三次修改前瞻 [Электронный ресурс].

URL:<http://www.chinajudicialreform.com/uploadfile/2017/0926/20170926024432256> (Дата обращения 12.09.2020).

5. 搜狐: 左卫民 | 中国应当构建什么样的刑事法律援助制度[Электронный ресурс]. URL:https://www.sohu.com/a/199032581_657048 (Дата обращения 19.09.2020).
6. 中国法学创新网:
“人权司法保障”的语义分析URL:<http://www.fxcxw.org.cn/dyna/content.php?id=15219> (Дата обращения 25.09.2020).
7. The China Collection: China's low acquittal rates: interesting statistics [Электронный ресурс]. URL:<https://thechinacollection.org/chinas-low-acquittal-rates-interesting-statistics/> (Дата обращения 25.09.2020).

А.А. Мамедяров

магистрант
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: Низамов Вячеслав Юрьевич
к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СЛЕДОВАТЕЛЕМ

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при квалификации преступлений, связанных с фальсификацией доказательств следователем. На основе судебной практики и позиций, высказанных в высших судах, а также действующего уголовно-процессуального законодательства выдвигаются и комментируются актуальные проблемы и предлагаются способы совершенствования законодательства.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, следователь, допрос, следственные действия

Arthur A. Mamedyarov

Master student of St.Petersburg State University

Academic advisor: Viacheslav U. Nizamov,
Ph.D. in Law, Associate Professor, SPbSU (St. Petersburg)

SOME ISSUES OF INVESTIGATION OF FALSIFICATION THE EVIDENCE BY THE INVESTIGATOR

Summary: The article deals with the problems that arise during the qualification of crimes related to the falsification of evidence by the investigator. On the basis of judicial practice and the positions expressed in the highest courts, as well as the current criminal procedure legislation, urgent problems are put forward and commented on and ways to improve the legislation are proposed.

Keywords: falsification of evidence, investigator, interrogation, investigative actions

В качестве общей характеристики под фальсификацией следует понимать искажение фактических данных, внесение в документы ложных сведений, подделку или подчистку документов, уничтожение вещественных и иных доказательств, оформление протоколов без фактического проведения следственных действий и т.п.

Ответственность за фальсификацию доказательств предусмотрена ст. 303 УК РФ. В частности, ч.2 ст.303 УК РФ выделяет следователя, как один из субъектов преступления, а ответственность наступает за

фальсификацию доказательств по уголовным делам небольшой и средней тяжести. Само преступление относится к преступлениям средней тяжести, что позволяет прекращать дела с назначением судебного штрафа.

ч.3 ст. 303 УК РФ относится к случаям, когда фальсификация доказательств совершена по тяжким и особо тяжким преступлениям.

По данным официальной статистики за 1 полугодие 2020 года по ч.2 и ч.3 ст. 303 УК РФ мы видим крайне незначительное количество случаев, что не кажется удивительным, ведь доказательства формируются под контролем лиц, которые обладают специальными ресурсами, чтобы воспрепятствовать обнаружению и доказыванию фальсификации.

Число осужденных Ч.2/ч.3	Число оправданных Ч.2/ч.3	Лица, в отношении которых дела прекращены за отсутствием состава Ч.2/ч.3	Число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены по иным основаниям Ч.2/ч.3
8/7	0	0	4/0

Также стоит учесть, что чаще всего обнаружение фактов фальсификации доказательств происходит в суде, когда допрашиваются свидетели и потерпевшие, а также при тщательном исследовании документов с обязательным привлечением экспертов и специалистов. К тому же, в России немалая часть уголовных дел рассматривается в особом порядке, что тоже затрудняет выявление фальсификации доказательств.

Большинство возможных случаев фальсификации попросту не учитываются при исследовании дела и, ориентируясь на практику, состава не образуют. Так, например, когда следователь дописывает за допрашиваемых нужные фразы, при этом последний якобы не обладает специальными юридическими познаниями, а затем в случае, если тот в суде не поддерживает свои досудебные показания, ему предъявляют протокол допроса, где стоит его подпись и отсутствуют какие-либо замечания.

Анализируя приговоры, можно прийти к выводу, что чаще всего следователи и дознаватели не занимаются инсценировкой преступления, а предпочитают фальсифицировать процессуальные документы и следственные действия.

Так, одной из часто встречаемых проблем является фальсифицирование протокола допроса.

Следователь С. в объяснении написала, что протокол допроса составила она и расписалась в нем за допрашиваемого, объяснила это большой нагрузкой [5].

Говорит ли нам это о том, что из-за перегруза работой следователи и дознаватели могут часто идти на этот ход? Возможно, что это только одна из предпосылок к совершению преступления.

Также существуют примеры, когда субъект преступления вовсе не считает свои действия неправомерными, ссылаясь на то, что сфальсифицированный протокол допроса содержит в себе фактические обстоятельства дела, однако суд принимает позицию, что это не имеет значения и весь протокол является фальсифицированным источником доказательств [6].

С протоколами допросов фальсифицируются и другие процессуальные документы, а также ставятся подписи за участников процесса.

Т. составила ряд протоколов допросов потерпевших и свидетелей, и иные процессуальные документы, внося в них не соответствующие действительности сведения, о факте их производства, времени и месте их проведения, о содержании следственных и процессуальных действий, и лицах, принимавших участие в них, подписала указанные следственные документы. Посредством неустановленного лица, Т. от имени свидетелей, потерпевших и гражданского истца, выполнила подписи в указанных документах, приобщила их к материалам уголовного дела, тем самым сфальсифицировала доказательства по указанным уголовным делам и в дальнейшем вынесла незаконные постановления о приостановлении дознания по уголовным делам [3].

Одной из проблем является трудность при квалификации преступления. Как уже отмечалось, это преступление имеет большую степень латентности и обнаружить его будет большим успехом для стороны защиты.

Следующие очевидные примеры не вызывают сомнений в квалификации:

Обвиняемый незаконно изъяс из уголовного дела № составленные следователем протокол допроса потерпевшей и протокол допроса свидетеля и сокрыл их в неустановленном месте. Далее изготовил с использованием компьютерной техники протокол допроса потерпевшей и протокол допроса свидетеля, в которые внес не соответствующие действительности сведения [7].

Другой пример:

Ш. совершила следующие действия:

изъяла из материалов уголовного дела и уничтожила: протокол допроса подозреваемого Р. с его показаниями о совершении им кражи; протокол допроса свидетеля Ц. его показаниями о совершении кражи Р. 2-ой лист протокола допроса потерпевшего К. с его показаниями о совершении кражи Р. протокол допроса свидетеля Г. с его показаниями о совершении кражи Р. объяснение Р. от 11 июня 2010 года...

Затем ...с использованием компьютерной техники изготовила и приобщила к материалам уголовного дела: 2-ой лист протокола допроса потерпевшего К., в котором из его показаний исключила сведения о совершении кражи Р. и внесла сведения о его непричастности к преступлению, которые К. на допросе никогда не сообщал, при этом в соответствующих графах 2-го листа данного протокола от имени К. выполнила его подписи; изменила процессуальный статус Р., которого допросила в качестве свидетеля, о чем составила протокол[4].

В случае, если не удастся установить умысел и мотив следователя, мы не можем однозначно инкриминировать ему данное преступление.

Для того, чтобы проанализировать эту проблему, приведем несколько неоднозначных примеров:

1. Предположим, что следователь считает, что перед ним преступная группа, в ходе выемки среди прочего он изымает в юридическом лице трудовые договоры. Он считает, что они преступники и работали в преступном сообществе, но затем он выяснил, что они работали по трудовому договору и что это невозможно в таком случае соотнести с его изначальной версией, затем он исключает эти трудовые договоры из доказательств по делу якобы из-за ненадобности.

В соответствии с действующим законодательством в обязанности следователя входит сбор доказательств по делу в установленном законом порядке в целях обеспечения по делу правосудия. За соблюдение установленного порядка сбора доказательств и их достоверность следователь несет личную персональную ответственность.

Нельзя однозначно считать данные действия следователя фальсификацией, если ориентироваться на УПК РФ.

2) При назначении экспертизы следователь не уведомил лицо о том, что он ее назначил. Существует порочная практика, когда с постановлением о назначении экспертизы и с самой экспертизой знакомят в один день после ознакомления с ней.

Далее предположим, что экспертиза не устроила следователя и он заказал другую экспертизу в другом экспертном учреждении, а пер-

воначальную не приобщил, потому что ему больше подходит вторая, к тому же сторона защиты о первоначальной даже не знает.

Часто следствие это не считает грубым процессуальным нарушением. Однако Конституционный Суд Российской Федерации указал: *“... Ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника должно быть осуществлено до начала производства экспертизы, в противном случае названные участники процесса лишаются возможности реализовать связанные с назначением экспертизы и вытекающие из конституционных принципов состязательности и равноправия сторон права, закрепленные статьей 198 УПК Российской Федерации”*[1].

3) Следователь допросил 10 лиц под протокол, а приобщил всего 5 протоколов допроса, потому что оставшиеся 5 ему не подходят, так как не соотносятся с его версией.

Представляется, что если следователь что-то не подшивает к уголовному делу, например, протоколы допросов или не прикладывает проведенные экспертизы, то при наличии мотива личной заинтересованности и иных признаков состава это укладывается в ст. 285 УК РФ “Злоупотребление должностными полномочиями”, то есть ненадлежащее использование своих должностных полномочий вопреки интересам службы, если это влечет нарушение законных интересов граждан, организаций и т.д. Лицо действует в рамках своих полномочий, иных действий против правосудия здесь тоже нет. В случае, если не сможем обосновать наличие личной заинтересованности, то состава преступления по 285 УК РФ не будет, но и фальсификацию здесь установить не представляется возможным.

Подводя итог вышеописанным проблемам, стоит признать, что квалификация подобных казусов является очень важной и сложной.

Подозреваемый или обвиняемый далеко не сразу может обнаружить, какой план у следствия и имеет ли конкретное дело обвинительный уклон. Практика говорит о том, что бороться с неправомерными действиями следователя не так просто, на сообщение о преступлении порой даже не реагируют, в таком случае заявители используют механизмы судебного контроля по 125 УПК РФ, что на практике весьма успешно.

А. и В. обратились в Балашихинский городской суд Московской области с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ, просили признать незаконным бездействия руководителя СО по г. Балашиха ГСУ СК России по Московской области, поскольку не была проведена проверка в порядке ст.ст.144,145 УПК РФ по их заявлению о преступлении от

09.12.2019 в отношении С., М., Р. о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 303, 307 УК РФ, не было принято процессуальное решение, заявителям не сообщено о решении и не разъяснен порядок его обжалования. Постановлением Балашихинского городского суда Московской области от 07 февраля 2020 года указанная жалоба заявителей удовлетворена. Отказ руководителя СО по г.Балашиха ГСУ СК России по Московской области в принятии заявления Бородкиной А.А. и Михайлова В.И. от 09.12.2020 г. и бездействие при его проверке признаны необоснованными и незаконными, возложена обязанность устранить допущенные нарушения [8].

Таким образом, краеугольной проблемой, наряду с латентностью преступления, является разграничение между свободой направлять ход расследования следователем, как ему это видится, и с другими составными, в том числе, с фальсификацией доказательств.

Как отмечает Конституционный Суд, уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, определяя в статье 38 следователя как должностное лицо, уполномоченное в пределах компетенции, предусмотренной данным Кодексом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу (часть первая), закрепляет его общие полномочия, в том числе самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий[2].

Чтобы решить поставленную проблему, мало будет просто вовремя обнаруживать и распознавать возможную фальсификацию, нужно также предпринять ряд мер: видится правильным ввести в УПК дополнительную процедуру по рассмотрению заявления о фальсификации доказательств при рассмотрении того дела, по которому они были фальсифицированы, чтобы не было излишней затянутости по 144–145 УПК РФ. Также перевести ч.2 ст. 303 УК РФ в разряд тяжких преступлений, чтобы лишить всякой возможности прекращать такие дела с использованием судебного штрафа. В противном случае, чувство безнаказанности у представителей власти будет только расти.

Список использованных источников

1. Определение Конституционного Суда от 18 июня 2004 года N 206-О
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.11.2017 N 30-П
3. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 58-О12-45
4. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 25.12.2012 N 32-О12-32СП
5. Определение Верховного Суда РФ от 31.01.2005 N 87-004-28

6. Определение Верховного Суда РФ от 03.03.2005 N 67-о05-2
7. Апелляционное постановление № 198/15 22-198/2015 от 24 апреля 2015 г. по делу № 22-198/2015
8. Апелляционное постановление № 22К-2168/2020 от 28 мая 2020 г. по делу № 22К-2168/2020

М.А. Маньков

студент 3 курса бакалавриата
по направлению «Юриспруденция» СПбГУ (Санкт-Петербург)

Научный руководитель: Наталья Павловна Кириллова,
доктор юридических наук, профессор,
кафедра уголовного процесса и криминалистики СПбГУ (Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Статья посвящена проблеме институциональных различий ведомственного контроля и прокурорского надзора в российском уголовном процессе. Исследуются вопросы функционального разграничения институтов ведомственного контроля и прокурорского надзора в досудебном производстве, оцениваются положительные стороны правового регулирования и его недостатки.

Ключевые слова: ведомственный контроль, прокурорский надзор, предварительное расследование, предварительное следствие, дознание.

Maksim A. Mankov

2th year of undergraduate studies in Law,
SPbSU (St. Petersburg)

Academic advisor: Nataliya P. Kirillova, DSc. in Law, Professor,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
SPbSU (St. Petersburg)

THE ISSUE OF THE DEPARTMENTAL CONTROL AND PROSECUTORIAL SUPERVISION

The particular article is dedicated to the problem of institutional differences between departmental control and prosecutorial supervision in Russian criminal proceedings. Issues of the functional separation of the institutions of department control are examined. The benefits of legal regulation and its shortcomings are being assessed too.

Keywords: departmental control, prosecutor's supervision, preliminary investigation, inquiry

При осуществлении борьбы с преступностью в рамках уголовно-процессуальной правоприменительной деятельности государству, стремящемуся к защите и восстановлению нарушенных преступлением прав потерпевших, неизбежно приходится ограничивать конституционные права лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступного деяния. Вместе с этим защита личности от необоснованного уголовного преследования и безосновательного ущемления её прав и свобод является равнозначной с восстановлением социальной справедливости целью уголовного судопроизводства, отражённой в ст.6 УПК

РФ и напрямую связанной с положениями ст. 2 Конституции РФ [3]. Исходя из этого, существующее правовое государство в сложившемся досудебном производстве розыскного типа обязано обеспечить объективное расследование обстоятельств преступления и процессуальную защиту как подозреваемых, обвиняемых, так и потерпевших от необоснованных выводов, злоупотреблений или некомпетентных действий со стороны правоохранительных органов, осуществляющих предварительное следствие или дознание по уголовным делам, а также предоставить равный доступ перечисленным лицам к правосудию на любой стадии уголовного процесса, что вытекает из принципов гл.2 УПК РФ и ст.46, ст.52 Конституции РФ.

В целях установления гарантии полноты и объективности предварительного расследования уголовно-процессуальным законом предусмотрен механизм, включающий в себя судебный и ведомственный контроль, а также прокурорский надзор. Природа указанных уголовно-процессуальных функций существенно различается.

Суд, не являясь органом уголовного преследования (ст.15 УПК РФ), не имеет задачи доказывания вины или невиновности лица, а лишь обеспечивает условия, при которых процессуальные противники смогут исполнять установленные для них законом обязанности и осуществлять права. Судебный контроль на стадии возбуждения уголовного дела всегда носит последующий характер и может иметь место только по инициативе заинтересованных лиц[4, с.13–22, 81–109].

В процессе предварительного расследования суд, прибегая к рычагам предварительного судебного контроля, действует постольку, поскольку его вмешательство конституционно необходимо при производстве отдельных следственных действий, что также возможно лишь по ходатайству субъектов процесса. Суды непосредственно не участвуют в расследовании, не определяют его направление и не предупреждают возможные следственные ошибки, а лишь обеспечивают законность уголовного преследования, вторгаясь в досудебное производство только при получении жалоб и ходатайств участников процесса, в целом не имея на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования классической континентальной судебной активности и возможности предрешать вопросы, которые могут впоследствии стать предметом самого судебного разбирательства[9].

Говоря о параллельном функционировании ведомственного контроля, прокурорского надзора и судебного контроля, следует отметить, что они не придерживаются отношений антагонистического характера, а наоборот взаимодополняют друг друга, способствуя соблюдению

закона при расследовании преступлений и защите прав и законных интересов личности в уголовном процессе[11, с.221–224]. Однако утверждать это относительно прокурорского надзора и ведомственного контроля – нельзя. Сейчас они имеют не сколько процессуально сбалансированную модель взаимодействия, сколько конкурентный конфликтный характер, осложняющий предварительное расследование и требующий явного разграничения сущности полномочий прокуроров и руководителей следственных органов, органов дознания, что важно как для практических целей, так и для теории уголовного процесса[5, с.612–620].

Прокурор участвует в уголовном преследовании вместе с осуществляющими ведомственный контроль руководителем следственного органа, начальниками органов и подразделений дознания (ч.1ст.37 УПК РФ).

Полномочия прокурора отличаются двойственным характером. Он не только наделен статусом субъекта уголовного преследования, но и задачей сплошного обеспечения законности в досудебном производстве посредством прокурорского надзора и предоставляемых им инструментов реагирования[7, с.116]. Исполняя свои процессуальные функции по надзору за следствием на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, прокурор наблюдает за применением закона соответствующими органами уголовного преследования, но при этом не прибегает к какой-либо административной интервенции в деятельность следственных подразделений, ограничиваясь лишь процессуальными дискреционными рамками[8, с.130]. Специфика процессуальных актов реагирования, доступных прокурору, надзирающему за ходом предварительного следствия, характеризуется слабой императивностью, при которой любой вынесенный акт может быть обжалован без приостановления производства по делу, а также опосредованностью, заключающейся в возможности влиять на отдельные элементы хода расследования только через руководителя следственного путём направления ему жалоб на решения и постановления следователя. Тем самым прокурор на предварительном следствии ограничивается только констатацией фактов вероятной незаконности и является частью самого расследования лишь эвентуально, как бы находясь «над ним», но непосредственно в производство по делу не включаясь и не руководя самим расследованием в классическом понимании этого слова[6, с.227].

Если предназначением современного прокурорского надзора за следствием остаётся относительно отстранённое наблюдение за закон-

ностью производства по уголовному делу с возможностью констатации нарушения закона без императивной дискреции в определении хода и развития процесса, то задачей ведомственного контроля является не только обеспечение законности, но и централизованная организация самой процессуальной деятельности следователей. Исходя из этого, характер правоотношений, возникающих между следователем и аппаратом ведомственного процессуального контроля, отличается от взаимодействия с прокурором и подразумевает строгую (в некотором смысле «уставную») подчинённость, обеспеченную административным ресурсом полномочий руководителя следственного органа. Иными словами, ведомственный процессуальный контроль субординационно направляет само расследование и непосредственно управляет им, отличаясь от прокурорского надзора именно наличием организационных функций, предназначенных для обеспечения административно-правовых предписаний, регламентирующих организацию уголовного преследования. Это позволяет утверждать, что объектом ведомственного контроля будет как законность при производстве по делу, так и сами действия органов предварительного расследования. В свою очередь объектом прокурорского надзора остаётся лишь законность досудебного производства[2, с.170–174].

Значительно сложнее обстоит дело с разграничением исследуемых институтов в предварительном расследовании в форме дознания. В дознании прокурорский надзор традиционно силен и на настоящее время продолжает сохранять многие полномочия, имевшиеся у него ещё до принятия Федерального закона N 87-ФЗ от 05.06.2007[10]. В отношении органов дознания прокурор, оставаясь субъектом надзора, обладает определённой организационной компетенцией и гораздо глубже включён в непосредственное производство по делу, координируя ход расследования посредством предоставленных ему полномочий, будучи способным, например, давать обязательные указания о направлении расследования, производстве следственных и иных процессуальных действий. Вместе с этим при производстве дознания ведомственный контроль начальника органа или подразделения дознания значительно слабее компетенции прокурора при данной форме расследования и аналогичных полномочий руководителя следственного органа на предварительном следствии, часть руководящих полномочий при производстве дознания передана субъектам прокурорского надзора. В силу этого возникает вполне справедливый вопрос – являются ли прокурор и начальник органа(подразделения) дознания соподчинёнными руководителями? Представляется, что здесь заложена структурная

проблема. Наделив прокурора отдельными организационными полномочиями и правом отменять постановления органа дознания и дознавателей всех рангов, законодатель фактически подчинил аппарат дознания прокурору. Однако наряду с прокурором действует и начальник органа дознания, являющийся непосредственным руководителем для дознавателя и наделённый половинчатыми контрольными полномочиями. Тем самым вырисовывается крайне неудобная концепция «двух руководителей», которая не только не способна обеспечить результативное функционирование описываемых органов, но и вообще не в силах объяснить существование ведомственного контроля и прокурорского надзора[1, с.10].

Итак, прокурорский надзор и ведомственный контроль наравне с судебным контролем являются элементами механизма защиты прав и свобод отдельных участников уголовного процесса. В то же время, полномочия прокурора при надзоре за предварительным следствием и дознанием существенно отличаются по объёму.

При надзоре за дознанием прокурор обладает организационной дискрецией, что затрудняет точное определение предназначения начальника органа или подразделения дознания и нарушает природу надзорных полномочий, обозначенных в современном правопорядке. Представляется целесообразным унифицировать полномочия прокурора при надзоре за следствием и дознанием.

Список использованных источников

1. Кальницкий В.В. Соотношение ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора за предварительным следствием // Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства. Омск, 2016.
2. Каштанова Н. С., Шегебаев И.Б. Прокурорский надзор и ведомственный контроль: вопрос соотношения // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 2 (55).
3. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 31.01.21).
4. Колоколов Н.А. О понятии судебного контроля и особенностях его реализации в стадии возбуждения уголовного дела см. подробнее: Судебный контроль в уголовном процессе. М., 2009.
5. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. М., 2017
6. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. – М. : Право и закон, 1996. – С. 227.
7. Еникеев З.Д. Механизм уголовного преследования: Учебное пособие / Изд-е Башкирск. ун-та. Уфа, 2002.

8. Нозиров Н.А. Некоторые вопросы разграничения понятий прокурорского надзора и судебного контроля за деятельностью органов предварительного расследования // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2008. № 11.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. N 1 г. Москва "О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации". URL: <https://rg.ru/2009/02/18/zhaloby-dok.html> (дата обращения: 31.01.21).
10. Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" от 05.06.2007 N 87-ФЗ (последняя редакция).
11. Ястребов В.Б. Прокурорский надзор: Учебник для юридических вузов и факультетов. Издание 3-е, переработанное и дополненное. М., 2012.

A. O. Nechiporuk,

студент 4 курса юридического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)
Научный руководитель: Светлана Петровна Кушниренко,
кандидат юридических наук, доцент
кафедра уголовного процесса и криминалистики СПбГУ (Санкт-Петербург)

АНДРЕЙ ЯНУАРЬЕВИЧ ВЫШИНСКИЙ КАК ГЛАВНЫЙ ИДЕОЛОГ СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ 1930-ЫХ ГОДОВ

В данной статье проведен анализ роли личности А. Я. Вышинского в формировании органов советской юстиции, а также его вклада в теорию уголовно-процессуального доказывания.

Ключевые слова: Вышинский, советская юстиция, доказательственное право, анализ доказательств.

Artem O. Nechiporuk,

4th year of undergraduate studies in Law,
SPbSU, St. Petersburg
Academic adviser: Svetlana P. Kushnirenko,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
SPbSU, St. Petersburg

ANDREI YANUARYEVICH VYSHINSKY AS THE MAIN IDEOLOGIST OF SOVIET JUSTICE OF THE 1930S

This article analyzes the role of the personality of A.Y. Vyshinsky in the formation of Soviet justice, as well as his contributions to the theory of criminal procedure evidence.

Key words: Vyshinsky, Soviet justice, law of evidence, analysis of the evidence.

Двадцатый век стал для России временем кардинальных перемен. Февральская и последующая за ней Октябрьская революции привели к слоому старых, полуфеодалных устоев Российской империи и началу революционных преобразований во всех сферах общества. Перемены не обошли стороной и юриспруденцию. Старая буржуазная юриспруденция была заклеямена, взамен ей пришла новая социалистическая юриспруденция, выстроенная в строгом соответствии с марксистско-ленинской идеологией. В области уголовного процесса заметной фигурой стал Генеральный прокурор СССР Андрей Януарьевич Вышинский. Став в 1930-ые годы олицетворением советской правовой системы, Вышинский сделал огромный вклад в развитие советской юстиции. Однако, будучи близким соратником И.В. Сталина, он разделил его историческую судьбу и в 60-ые годы был подвергнут забвению, а в конце 80-ых – 90-ых годах упоминался исключительно в негатив-

ном ключе. Поэтому изучение наследия Вышинского остается актуальным вопросом и сегодня.

Андрей Януарьевич Вышинский (28 ноября [10 декабря] 1883 – 22 ноября 1954) – российский революционер, советский государственный и партийный деятель, юрист, дипломат.

Вышинский родился в Одессе в семье провизора и учительницы музыки. В 1900 году окончил мужскую классическую гимназию в Баку. В 1901 поступил в Киевский университет, откуда был отчислен за участие в студенческих беспорядках. Присоединяется к революционному движению, вступив в 1904 году в меньшевистское крыло Российской социал-демократической рабочей партии. Неоднократно арестовывался, отбыл год лишения свободы в Баиловской тюрьме в Баку. В 1913 году оканчивает Юридический факультет Киевского университета. В 1915–1917 годах помощник присяжного Московской судебной палаты. После февральской революции комиссар милиции Якиманского района Москвы. С 1920 года член Российской коммунистической партии (большевиков).

Свою юридическую деятельность в Советской России Вышинский начал в 1920 году качестве преподавателя в Московском университете и Институте народного хозяйства имени Плеханова [1, с. 5]. После ликвидации Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем часть ее функций перешла к уголовно-судебной комиссии коллегии Верховного суда РСФСР, образованной Постановлением ВЦИК РСФСР «О прокурорском надзоре» от 28.05.1922. Должность прокурора в ней получил А.Я. Вышинский. Выступая на различных уголовных процессах (Дело «ГУКОН», дело ленинградский судебных работников, дело Консервтреста), Вышинский продемонстрировал блестящие ораторские и логико-правовые способности [5, с. 6–45]. В.А. Томсинов отмечает, что уже тогда стала очевидной способность Вышинского найти в самых запутанных юридических вопросах интерес государства [9, с. 87]. Назначенный в 1925 году ректором МГУ Вышинский пишет один из первых советских учебников в сфере уголовно-процессуального права – «Курс уголовного процесса» (1927 год). В 1931 году Вышинский становится прокурором РСФСР, в 1933 г. заместителем прокурора СССР И.А. Акулова, в 1935 г. – прокурором СССР.

В прокуратуре Вышинским была развернута борьба против пьянства, взяточничества, некомпетентности, осуществляемая путем регулярных проверок Генеральной прокуратуры. Также были приняты меры по повышению качества подготовки будущих специалистов пу-

тем внедрения практики непрерывной стажировки студентов. По свидетельству сотрудника аппарата Совета Народных Комиссаров (с 1946 года – Совета министров) М.С. Смиртюкова, в 1927 – 1931 годах студента факультета советского права МГУ, «к концу учебы студенты считались ценными и перспективными специалистами» [8].

В это время Вышинский становится одним из самых значимых советских правоведов, чью значимость отмечали не только отечественные, но и зарубежные специалисты, например, Э. Боденхаймер [11, с. 53], Л. Фуллер [12, с. 1157–1166], Дж. Хазард [13, с. IX-X].

Право Вышинский рассматривал строго с марксистских, материалистических позиций. К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Манифест Коммунистической партии» писали, что «право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса» [7]. Вышинским на этой основе было дано более широкое и подробное определение. Он определил право как совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечиваются принудительной силой государства в целях охраны, закрепление и развития общественных отношений и порядков выгодных и угодных господствующему классу.» [3]. Данное определение стало господствующим в советской правовой науке, закрепив классовый подход к праву. Этот подход также препятствовал использованию норм буржуазного права, поскольку, согласно позиции Вышинского, исключается механическое перенесение правовых понятий и правовых институтов из одной экономической модели в другую. [2]

Важной сферой теоретических изысканий Вышинского являлось доказательство и доказывание. С именем Вышинского часто связывают высказывание «признание – царица доказательств» [10]. Однако в реальности его позиция была прямо противоположная. В одном из своих главных трудов «Теория судебных доказательств в советском праве» Вышинский подвергал критике практику опоры на признания обвиняемого как на чуть ли не единственное процессуальное доказательство, так как признание может быть вырвано у обвиняемого под пыткой [6, с.177]. Помимо прочего, важную роль в доказательственном праве Вышинский отдает косвенным доказательствам, называя их «громдой силой», но только в том случае, если они используются добросовестно и без натяжки. Косвенные улики, гармонично переплетенные с остальными доказательствами, представляют собой, по выражению Вышинского, цепь доказательств, окружающую обвиняемого глухой

стеной. Вышинский критикует позицию, согласно которой косвенные улики могут быть только обвинительного характера и указывает, что одно и то же косвенное доказательство в связке с другими обстоятельствами может быть, как обвинительным, так и оправдательным [6, с. 220].

Также Вышинский указывал, что логика уголовного процесса не исчерпывается установлением формально-юридических данных, так как такое ведение дела не опирается на внутреннее убеждение судьи, выражается не в правовом произволе, а в опоре на рассмотрение дела в их совокупности [6, с. 19–20]. Приговор является результатом работы судьи по исследованию дела и складывается на основе рассмотренных судом фактов или обстоятельств, проверенных и взвешенных судьей наедине со своей совестью [6, с. 117]. Вытекающая из этого тезиса проблема сопоставления объективизма и субъективизма была разрешена Вышинским следующим образом: объективностью он считал сами факты существования доказательств, а субъективность – их правильное осмысление в следственном и судебном процессе.

Вышинский жестко критиковал существующую в 1930-ые года советскую систему защиты в судебном процессе. Он указывает на слабость судебной защиты и осуждает теоретиков права, отрицающих необходимость защиты в судебном процессе. Вышинский считал такой подход возвратом к порядкам, существовавшим в России до реформ 1861–1864, когда защита в суде фактически отсутствовала [4]. Взамен Вышинским предлагается сложный подход к защите, включающий в себя совмещение защиты обвиняемого с принципами социалистического строительства и советского государства. «Как бы ни казалась защитнику ошибочной позиция обвинителя, он должен помнить, что перед ним – представитель советской власти, он должен, защищая своего подзащитного, как подсказывает ему его долг, но не забывать, что в результате того, как он будет парировать удары своего противника, он будет содействовать организации, формированию общественного мнения, что он может объективно, даже не желая этого, стать знаменем обывательских, мещанских, контрреволюционных, враждебных советской стране настроений» [4].

Среди прочего Вышинским был представлен тезис о роли судьи в процессе. Он критикует классический состязательный процесс, где судья является сторонним наблюдателем, где его инициатива парализован, а весь процесс играют прокурор и адвокат. По мнению Вышинского «советский суд не связан, не ограничен, не стеснен ни объемом вопросов, ни характером» [6, с. 167].

Подводя итог можно сделать вывод, что Вышинским на посту Генерального прокурора СССР была проведена колоссальная работа по развитию советской юстиции, и можно согласиться с мнением В.А. Томсинова, согласно которому, именно Вышинскому принадлежит заслуга в представлении основных идей и принципов официально-правовой доктрины Советского государства [9, с. 92].

Список использованных источников

1. Андрей Януарьевич Вышинский // Материалы к биографии трудов ученых СССР. Серия права / под ред. В.Е. Кузятиной. Вып. 1. М., 1941.
2. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. URL: <http://read.virmk.ru/v/Bushinski.htm> (дата обращения: 12.02.2021).
3. Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Доклад на 1 Совещании по вопросам науки советского государства и права. URL: <http://www.ras.ru/FStorage/download.aspx?> (дата обращения: 12.02.2021).
4. Вышинский А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты. URL: <http://libcoln.com/book/0b8e0c63-66fe-42ce-a830-6fa2f2e5e091> (дата обращения: 13.02.2021).
5. Вышинский А.Я. Судебные речи. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1359741502.pdf> (дата обращения: 09.02.2021).
6. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm> (дата обращения: 11.02.2021).
8. Смиртюков М. С. Я по молодости считал, что так оно и должно быть // Коммерсантъ Власть. 2001. 22 августа. № 3. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1752476> (дата обращения: 09.02.2021)
9. Томсинов В.А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954): Государственный деятель и правовед // Законодательство. 2017. № 8–10.
10. Эрлихман В. Родина. 2017. № 6.
11. Bodenheimer E. Some Recent Trends in European Legal Thought. West and East // The Western Political Quarterly. 1949. Vol. 2. No. 1.
12. Fuller L.L. Pashukanis and Vyshinsky: A Study in the Development of Marxian Legal Theory // Michigan Law Review. 1949. Vol. 47. No. 8.
13. Hazard J.N. Introduction // The Law of the Soviet State / General Editor Andrei Y. Vyshinsky. 1948.

А.А. Олифиренко

студент 1 курса института правосудия и адвокатуры,
Саратовская государственная юридическая академия (Саратов)
Научный руководитель: Наталья Олеговна Овчинникова,
кандидат юридических наук, доцент,
Саратовская государственная юридическая академия (Саратов)

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ОПРАВДАТЕЛЬНЫХ ПРИГОВОРОВ В РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Предметом изучения представленной статьи является проблематика вынесения оправдательных приговоров в Российской Федерации. В статье проанализированы истоки обвинительного уклона в России, а также исследовано современное состояние оправдательных приговоров в РФ. Рассмотрена сущность действий органов уголовного преследования, проведено соотношение с европейским опытом уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: оправдательный приговор, обвинительный уклон, судебная власть, уголовное судопроизводство, правосудие.

Artyom A. Olifirenko,

1st year student at the Institute of Justice and Advocacy,
Saratov State Law Academy (Saratov)
Academic advisor: Natalia Olegovna Ovchinnikova, Ph.D. in Law,
Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov)

The subject of this article is to clarify the issues of acquittal in the Russian Federation. The article analyzes the origins of this attitude to the defendants and this sad extrapolation in a modern way. Modern trends on this issue are also investigated. The background of the actions of the criminal prosecution authorities is considered. And a correlation with the European experience was made.

Keywords: criminal procedure, criminal proceedings, acquittal, criminal prosecution authorities, criminal procedure code.

Судебная власть согласно ст. 10 и ст. 11 Конституции РФ – является разновидностью государственной власти и осуществляется судами Российской Федерации (созданными законным путём) самостоятельно и независимо от других ветвей власти. Самостоятельность указанная ветвь власти приобрела после распада Советского союза, когда 24 октября 1991 года была утверждена Концепция судебной реформы РСФСР [1] (далее Концепция). По мнению одного из её разработчиков – С.А. Пашина, то время проистекло дуновением «романтизма», вызванным ярким контрастом минувшего «тоталитаризма» и предполагаемого нового – государства с демократическими институтами власти [7, С. 8–27]. Согласно принятой Концепции суд становился незави-

сим от других государственных учреждений власти и правомочным выносить объективные решения и приговоры. Высказывались оптимистические прогнозы о новом направлении развития российских судов. Разработчики концепции считали, что «...на арену общественной жизни выходит независимый, свободный от корыстных интересов, политических симпатий и идеологических предубеждений суд, выступающий гарантом законности и справедливости, призванный выполнять в государстве ту же роль, что совесть у человека» [2, С. 56].

Однако современная действительность разительно отличается от теоретической основы. Независимость суда в наше время обосновано ставится под сомнение, и зачастую эта тенденция ведёт к снижению количества оправдательных приговоров. Всего в 2019 году было вынесено 2 256 оправдательных приговоров, что составляет (0,36%) от общего числа приговоров [4]. И это один из самых низких показателей в мире.

Председатель Верховного суда РФ Вячеслав Лебедев разъясняет, что 1% оправдательных приговоров не является признаком работы судов в обвинительный уклон и приводит статистические данные Евростата, согласно которым количество оправдательных приговоров во Франции – 3%, Финляндии – менее 2%, Португалии – 0,6 %, Бельгии – 0,3% [5].

Мария Шклярук в своей работе отметила: «Обычным упреком для российского уголовного процесса является «обвинительный уклон» – низкий процент оправдательных приговоров. Однако исследования последних лет фиксируют снижение доли оправдательных приговоров во многих странах (Solomon, 2014) [автор исследования «Must Low Rates of Acquittal Imply Prosecutorial Bias? The Impact of Pretrial Screening and Prosecutorial Discretion in Post-Soviet Countries and the West»], постоянно низкую долю в постсоветских (Trochev, 2012) [автор исследования «Suing Russia at home. // Problems of Post-Communism»]. В такой логике «обвинительный уклон» может быть приписан и немецкой системе уголовного преследования, где доля оправданий около 4% (Statistisches Bundesamt, 2010; 2012). Но при обращении к статистике досудебной стадии видно, что в России не более 2% подозреваемых отсеивается на досудебной стадии (Шклярук, 2014), в то время как в Германии не меньше 40% (Statistisches Bundesamt, 2010), в последние годы – больше 60% (Statistisches Bundesamt, 2014)» [17, С. 5].

Уголовная юстиция в Германии функционирует в виде своеобразной системы фильтров, порождающей «эффект воронки» или «ис-

тошения», каждый из фильтров успешно делает свою работу – примерно половину дел полиция не передает в прокуратуру, в 2014 году, примерно 70% прокуратура не направляет в суд, и наконец, 21,6 % подсудимых не было приговорено к наказанию [17, С. 23].

Германская прокуратура обязуется прекратить расследование, если в ходе дознания начальное подозрение не подтвердилось или, если прокуратуре не удалось собрать достаточно доказательств виновности подозреваемого. Также она может прекратить расследование уголовного проступка исходя из принципа целесообразности, если минимальный размер наказания установлен сроком меньше одного года лишения свободы или штрафом [17, С. 18].

В России эта процедура построена по-другому. Начиная с 2007 года, прокуратура лишена права прекращать поступившее с обвинительным заключением уголовное дело либо же уголовное преследование в отношении отдельных обвиняемых частично или полностью [14].

Указанная проблема обсуждалась и ранее, в начале 2000-х, с этого момента ученые стали изучать сущность обозначенной проблематики, и наибольший вклад в ее изучение внёс И.Л. Петрухин, который отмечал, что остро стоят вопросы «колебаний в уголовной политике, снижения стандартов доказывания, снижения качества следствия, профессиональная солидарность судей и следственных органов, возможность дополнительного и дополнительного расследования, особый порядок судебного разбирательства, создание суда присяжных заседателей, введение норм о недопустимости доказательств, давление на суд со стороны органов прокуратуры, негативное формирование общественного мнения средствами массовой информации» [9, С. 42].

В настоящее время законодательная модель постановления оправдательного приговора в России предполагает наличие достаточных и неопровержимых доказательств, указывающих на невиновность лица в рассматриваемом преступном деянии. Вынесение приговора являет собой решающую часть уголовного процесса. Статья 118 Конституции Российской Федерации устанавливает исключительное право суда осуществлять правосудие и не допускает передачи этой функции несудебному органу государства. Исключительное право суда на отправление правосудия основано на том, что суд действует в рамках специальной правовой системы, создающей такие преимущества при рассмотрении и разрешении дел, которыми не обладает ни один другой орган государства. Решение суда является важнейшим правовым актом, кульминацией судопроизводства. Вопросы назначения

наказания по уголовным делам приобретают исключительно важное правовое значение.

Теория и практика уголовного судопроизводства предъявляют высокие требования к качеству вынесенных приговоров, и сегодня назрела необходимость в повышении авторитета судебной системы РФ, но для этого и со стороны самих судей требуется вынесение приговоров на объективной, законно-обоснованной и справедливой основе (ст. 297, 379, 387 УПК РФ).

По утверждению немецкого профессора Кристофа Сафферлинга «оправдательный приговор – это не порок для конституционного государства, а скорее свидетельство того, что верховенство закона серьезно относится к своим собственным критериям» [18, Р. 11]. Разноплановость изучаемых жизненных ситуаций, индивидуальные и зачастую диаметрально противоположные особенности подсудимых и других лиц, непосредственно участвующих в судебном процессе, придают каждому делу свои особенности, исключающие возможность применения англо-саксонского шаблонного решения, основанного на прецедентной системе. А значит, вынесение приговора, его правильное и точное изложение требует от судей большой работы и серьезной концентрации, их работа основывается на законе и в тоже время на справедливости с точки зрения морали и нравственности.

Приговор выносится в сложной обстановке в совещательной комнате, в условиях, когда позиции судей в принимаемых решениях ясны, и могут возникнуть споры, если решение должно быть принято немедленно и деятельность судей несет большую ответственность за судьбу человека. В таких условиях только доскональное знание закона, тщательная предварительная подготовка и постоянная работа по совершенствованию профессиональных навыков позволяют судьям выносить суждения, которые сами по себе носят прямой и формальный характер.

Действующий уголовно-процессуальный закон в ч. 2 ст. 302 УПК РФ, закрепил следующие основания вынесения оправдательного приговора:

1. Не установление события преступления;
2. Непричастность подсудимого к совершению преступления;
3. Отсутствие состава преступления в действиях подсудимого;
4. Вынесение оправдательного вердикта коллегией присяжных заседателей.

Таким образом, оправдательный приговор, основанный на неопределенности факта совершения преступления подсудимым, исходит из

нескольких составных аспектов: лицо признаётся непричастным к совершённомu преступлению, на основании предоставленных доказательств, подтверждающих алиби, что «сделает принимаемое... судом решение юридически «чистым», понятным,... без всяких двусмысленностей оградит честь и достоинство тех, кто случайно оказался в поле зрения правоохранительных органов» [3, С. 56]; действие презумпции невиновности, по которой все неустранимые сомнения, возникшие по поводу виновности обвиняемого, толкуются в его пользу, согласно ч. 3 ст. 49 Конституции РФ и ч. 3 ст. 14 УПК РФ.

Понятие невиновности более удачно сформулировано в п. 2 ч. 2 ст. 302 и ст. 133 УПК РФ, где она понимается как «непричастность подсудимого к совершению преступления», что означает – лицо абсолютно невиновно и все подозрения и обвинения с него сняты. Оно имеет право на полную реабилитацию – возврат имущественного и морального вреда, причиненного уголовным преследованием и применением мер уголовно-процессуального принуждения (задержание, арест и др.).

Не следует искать в оправдательном приговоре каких-либо иных признаков в связи с недоказанностью участия подсудимого в совершении преступления (в понимании содержания и существа оправдательного приговора), поскольку такие поиски могут привести к неверному выводу о наличии в праве какого-то неполного оправдательного приговора, о возможности оставления подсудимого под подозрением при наличии оправдательного приговора. Постановление судом оправдательного приговора предполагает, что представший перед судом подсудимый не совершал инкриминируемого ему преступления, а значит оправдание, вытекающее из этого предполагает снятие обвинения с кого-либо, признание правым, поступившим непредосудительно [12, С. 628].

В уголовно-процессуальной науке очень распространено мнение, что оправдание – акт самоконтроля со стороны государственной власти. В действительности оправдательный приговор, по мнению И.И. Самсонова: «Означает незаконность предварительного следствия (дознания) в отношении обвиняемого, ошибочность позиции прокурора, утвердившего обвинительное заключение (обвинительный акт), а в некоторых случаях и государственного обвинителя в суде» [11, С. 114].

Конечно, эти действия осуществляются от имени государства и его органов. Это свидетельствует о том, что оправдательный приговор является механизмом контроля за законностью деяний, совершенных от имени государства, который может эффективно гарантировать вос-

становление справедливости и прав граждан, выполняя тем самым восстановительную функцию закона.

По замечанию И.Л. Петрухина «в России более 40% оправдательных приговоров отменяются вышестоящими судебными инстанциями, причем после отмены оправдательного приговора и доследования или нового рассмотрения дела в суде первой инстанции чаще всего выносится обвинительный приговор» [9, С. 20].

Присущий российскому уголовному судопроизводству обвинительный уклон объясняется наследием столь ненавистного реформаторам положения советского правосудия (УПК РСФСР 1960 г.), как и тогда ставящего на первое место не объективность и независимость, а услужение интересам государства, существовавшего уже со времён «развитого социализма» и последующего его развития., Если при Иосифе Сталине 1 из 14 приговоров общеуголовных (народных) судов был оправдательный (не случайно народные суды были малозаметны в репрессиях: на них пришлось около 0,22 из 3,8 млн. (менее 6%) осужденных за контрреволюционные преступления в период 1923–1953 гг. и менее 2% смертных приговоров в 1937–1947 гг.), то при Юрии Андропове – лишь 1 из 425 приговоров был оправдательный.

Советский исследователь уголовного процесса М.С. Строгович так писал об оправдательном приговоре: «Оправдательный приговор в советском уголовном процессе – столь же авторитетный, такого же политического, этического и юридического значения акт социалистического правосудия, как и обвинительный приговор» [13].

В настоящее время число оправдательных приговоров куда ниже советского периода. Кроме этого, устоялась новая тенденция считать оправдание отрицательной стороной правосудия [15]. Усомниться в правильности вынесения обвинительного приговора – значит усомниться в компетенции органов уголовного преследования – ФСБ, СК РФ, прокуратуры, МВД, это – указание на их непрофессионализм, несовершенство деятельности должностных лиц указанных органов, пробелы в работе, что конечно же, воспринимается в негативном спектре.

В 2018 году на фоне снижения процента оправдательных приговоров экс-генеральный прокурор России Юрий Скуратов дал интервью РБК, где указал, что «система больше верит следствию, оперативным службам, ФСБ, сотрудники которой сопровождают дела до их судебного рассмотрения. Это обусловлено слабостью позиции адвокатуры, то есть адвоката в суде не слушают» [10].

В октябре 2019 года в Совете Федерации состоялся круглый стол по теме «Взаимодействие институтов гражданского общества и орга-

нов судейского сообщества в контексте обеспечения конституционных ценностей». На мероприятии был зачитан доклад Николая Скворцова – члена Общественной палаты Саратовской области, и исходя из его тезисов, можно убедиться в правоте вышеуказанных доводов: «...личность руководителя суда влияет на тренды...; прокуратура имеет серьезные полномочия и довлеет над судами, прокурор – наиболее частый гость в кабинете судьи, при этом адвокат в том же кабинете – гость незваный. Суды (особенно выражено – по уголовным делам) не являются независимыми, а выступают «друзьями» органов следствия и прокуратуры» [6].

«В Европе стабильная цифра – 20% оправдательных приговоров. Они еще и гордятся своими результатами» [16], – прокомментировал действия европейских органов уголовного преследования глава СК РФ Бастрыкин.

Таким образом, проблема вынесения оправдательного приговора для современной России стоит особо остро. В любом государстве, которое ассоциирует себя с правовым (как указано в ст. 1 Конституции РФ) – одной из приоритетных публичных функций является добросовестное отправление правосудия через судебную систему, особенно, в части назначения уголовных наказаний. Самый важный акт правосудия – приговор суда. А значит, он должен основываться на обоснованности решений, принимаемых судьёй, его действия должны быть независимы от исполнительной и законодательной власти, он руководствуется действующим кодексом и внутренним убеждением. Однако реальность далека от теории, суды зависимы от мнений иных органов, и эта проблема тянется из прошлого. И сегодняшняя задача – обеспечить неукоснительное исполнение постулатов добросовестного судьи. И только такие действия могут приблизить Россию к достижению положения правового государства.

Список использованных источников

1. Концепция судебной реформы РСФСР: утв. постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 окт. 1991 г. № 11801–1. М., 1992.
2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / отв. за вып. Б.А. Золотухин. М., 1992.
3. Лукашевич В.З. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по реабилитирующим обвиняемого основаниям // Правоведение. 1968. № 4.
4. Медиазона 15 мая 2020 «Число оправдательных приговоров в России выросло впервые за шесть лет; это произошло благодаря присяжным». URL: <https://yandex.ru/turbo/zona.media/s/news/2020/05/15/prisyznye> (дата обращения: 11.02.2021).

5. Мифы Фемиды: В 2019 году только 29 процентов осужденных получили реальные сроки лишения свободы // официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29212/ (дата обращения: 11.02.2021).
6. Николай Скворцов передал в СФ доклад «Чем дышит саратовское правосудие?». URL: <https://www.vzsar.ru/news/2019/10/16/nikolay-skvorcov-peredal-v-sf-doklad-chem-dyshit-saratovskoe-pravosydie.html> (дата обращения: 11.02.2021).
7. Пашин С.А. Преобразование судебной системы России на романтическом этапе судебной реформы // История новой России. Очерки, статьи, интервью: в 3 т. Т. 2. СПб., 2011.
8. Пастухов М.И. Оправдание подсудимого. Минск, 1985.
9. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. М., 2009.
10. РБК 25 апреля 2018 «1 к 466: почему российские суды стали оправдывать еще реже» [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/society/25/04/2018/5added539a79477ac3e23377> (дата обращения: 11.02.2021).
11. Самсонов И.И. Сущность и социально-ценностное значение оправдательного приговора // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2012. № 4.
12. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Евгеньевой А.П. 3-е изд., стер. Т. 2. М., 1986.
13. Строгович М.С. Об оправдании ввиду недоказанности участия подсудимого в совершении преступления // Правоведение. 1983. № 5.
14. Статья 221. Решение прокурора по уголовному делу. URL: https://proupkrf.ru/st_221_урк_рф (дата обращения 11.02.2021).
15. Соколов А. Госкорпорация «Правосудие». Часть первая. Исследование о том, можно ли доказать невиновность в российском суде. URL: <https://www.proekt.media/research/opravdatelny-prigovor/> (дата обращения: 11.02.2021).
16. ТАСС 1 марта 2019 «Уровень оправдательных приговоров по делам СК составляет около 0,5% в год». [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/6174427> (дата обращения: 11.02.2021).
17. Шклярук М. Траектория уголовного дела в Германии: оправдательный уклон? Итоги эмпирических наблюдений. СПб., 2017. URL: https://enforce.spb.ru/images/IRL_Criminal_case_trajectory.pdf (дата обращения: 11.02.2021).
18. Zitiert nach Ronen Steinke: Klagen über Den Haag – Richter des Weltstrafgerichts beugen sich dem Druck der USA. // Süddeutsche Zeitung. N. 98, 27. April 2019.

Е.В. Русакова

магистрант Байкальского государственного университета (Иркутск)

Научный руководитель: Ирина Георгиевна Смирнова
доктор юридических наук, профессор,
Байкальский государственный университет (Иркутск)

ИНСТИТУТ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматривается советский период становления института наложения ареста на имущество. Проводится сравнительно-правовое исследование норм, содержащихся в УПК РСФСР и УПК РФ. Анализируются достоинства и недостатки правового регулирования данного вопроса на различных исторических этапах. Делается вывод о том, что современный законодатель тщательнее подошел к регламентации исследуемого института.

***Ключевые слова:** арест, имущество, наложение ареста на имущество, история, иная мера процессуального принуждения, возмещение вреда.*

Elena V. Rusakova

Master's student of the Baikal State University, (Irkutsk)
Academic advisor: Irina G. Smirnova,
DSc. inf Law, Professor, Baikal State University (Irkutsk)

INSTITUTION OF PROPERTY SEIZURE: HISTORY AND MODERNITY

The article examines the Soviet period of the formation of the institution of property seizure. Conducted a comparative legal study of the rules contained in the RSFSR code of criminal procedure and code of criminal procedure. The advantages and disadvantages of legal regulation of this issue at various historical stages are analyzed. It is concluded that the modern legislator has more carefully approached the regulation of the institution under study.

Keywords: arrest, property, seizure of property, history, other measure of procedural coercion, compensation for damage.

Одной из первостепенных задач уголовного судопроизводства является гарантия полного возмещения материального вреда лицам, которым преступлением причинен имущественный вред.

Действенной формой защиты имущественных интересов лиц в настоящее время выступает наложение ареста на имущество, содержание которого заключается в ограничении права собственности обвиняемого, подозреваемого, а в случаях, предусмотренных законом, материально ответственных и других лиц.

По этой причине представляется нужным провести исторический анализ положений УПК РСФСР и сравнительно-правовое исследование норм, содержащихся в УПК РСФСР и УПК РФ.

Октябрьская революция 1917 года послужила началом нового этапа развития института возмещения вреда, причиненного преступлением. Первые нормы, затрагивающие наложение ареста на имущество, появились еще в 1917 году, однако их эффективность ставилась под сомнение, поскольку существовало нормативное ограничение, закрепляющее, что гражданские иски не могут быть рассмотрены совместно с уголовным делом. Годом позднее, статья 16 Декрета №2 «О суде» закрепила правило, согласно которому принятие неотлагательных обеспечительных мер зависит от суда, рассматривающего уголовное дело [2, с.403].

Изменения, которые предопределили дальнейшее направление развития рассматриваемого института, связаны с появлением УПК РСФСР 1922 г.

УПК РСФСР 1922 г. (ст.124) закрепила процедуру принятия должностным лицом мер по обеспечению гражданского иска. Она устанавливала, что следователь самостоятельно или по заявлению гражданского истца был правомочен принять меры по обеспечению гражданского иска, в случае выявления объективных оснований к тому, что непринятие этих мер повлечет невозможность возместить материальный вред потерпевшему. Кроме того, следователь мог принять меры по наложению ареста на имущество без заявленного гражданского иска при одновременном наличии двух условий:

- а) усматривается возможность предъявления гражданского иска;
- б) потерпевшему в действительности был причинен имущественный вред [8, с.30].

УПК РСФСР 1923 г. не содержал изменений и дополнений в части регламентации положений наложения ареста на имущество, за исключением появления ст.121-а, устанавливающей право следователя принять меры по обеспечению в сохранности имущества, подлежащего возможной конфискации [7, с.480].

По мнению Ш.М. Магомедова, несовершенство данной системы состояло в наличии широкого круга «исключений» из общего уголовно-процессуального предписания. Например, УПК РСФСР содержал положение, согласно которому арест мог накладываться только на имущество обвиняемых, но в 1933 г. Постановление СНК ССР разъяснило, что арест мог накладываться и на имущество материально-ответственных лиц, в случае совершения обвиняемым растраты и хищения в торговых организациях [5, с.41].

Вплоть до 1960 года, уголовно-процессуальный закон не вносил каких-либо изменений в исследуемый институт, сохранив те же подходы к обеспечению возмещения вреда, что и УПК РСФСР 1922 года.

По сравнению с предыдущим законодательством, наиболее детально наложение ареста на имущество было урегулировано в УПК РСФСР 1960 г. Он не только закрепил ст.175, ст.176, непосредственно регулирующие вопросы наложения ареста на имущество, но и изменил процессуальную форму применения рассматриваемого института, многие положения которого были воспроизведены и в современном УПК РФ.

Так, согласно ст.30 УПК РСФСР 1960 г. на лиц, осуществляющих предварительное расследование, возлагалась обязанность по принятию мер обеспечения не только предъявленного гражданского иска, но и возможного в будущем заявленного гражданского иска [13].

Стоит отметить, что до 2013 года УПК РФ не содержал нормативное положение, возлагающее на следователя, дознавателя обязанность принять меры по обеспечению гражданского иска, как это закреплялось в УПК РСФСР, поэтому целесообразно было внести изменения в действующее законодательство. Так, Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432 были внесены изменения, благодаря которым УПК РФ был дополнен ст. 160.1 «Меры по обеспечению гражданского иска», непосредственно обязывающей должностных лиц незамедлительно принять меры по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия [14].

По сравнению с УПК РСФСР 1960 г., круг должностных лиц, в обязанности которых входит заявлять перед судом соответствующее ходатайство о наложении ареста на имущество, расширился [12]. В отличие от ст.175 УПК РСФСР современный УПК РФ наделил данным правомочием не только следователя, но и дознавателя.

УПК РСФСР 1960г. преследовал следующие цели наложения ареста на имущество: а) конфискация имущества; б) обеспечение гражданского иска.

Современное уголовное процессуальное законодательство значительно расширило цели применения данной меры, в настоящее время она может применяться для взыскания судебного штрафа и наложения иных имущественных взысканий. Однако законодатель не определил, что именно может относиться к «другим имущественным взысканиям», в теории и на практике возникают вопросы относительно содержания данного понятия. Можно прийти к выводу, что большинство

исследователей полагают, что к иным имущественным взысканиям относятся процессуальные издержки и штраф, как мера наказания [15, с.109].

УПК РФ предусмотрел судебное санкционирование наложения ареста на имущество, но, как отмечается некоторыми авторами, возврат к модели, при которой следователь был полномочен самостоятельно принимать решение, будет содействовать соблюдению разумных сроков уголовного производства и более эффективной защите прав лиц, в результате совершения преступления, которым был причинен имущественный вред [1, с.33]

Дискурс относительно объема и суммы имущества, на которое предполагается наложить арест, был характерен как для советской уголовно-процессуальной доктрины, так и в настоящее время, данный вопрос является предметом активных дискуссий, поскольку УПК РСФСР не содержал каких-либо указаний по этому вопросу, и действующая редакция УПК РФ не вносит ясности в рассматриваемую проблему. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 года № 19 содержит следующие разъяснения: «стоимость имущества, на которое налагается арест, не должна превышать максимального размера штрафа...либо должна быть соразмерна причиненному преступлением ущербу» [11]. Однако, несмотря на разъяснения ВС РФ, большинство исследователей сходятся во мнении, что следователь должен учитывать сумму, указанную в гражданском иске и привлекать специалиста [4, с.46].

Согласно ст. 175 УПК РСФСР арест может быть наложен на имущество иных лиц, данное законодательное положение продублировано в ст.115 УПК РФ. Следует отметить, что УПК РСФСР 1960 и УПК РФ года не определяет круг иных лиц, при этом в статье 175 УПК РСФСР 1960 года указывался обобщающий признак данной категории и определялся, как «нахождение у них имущества, подлежащего аресту».

Законодатель в последнее десятилетие более тщательно подходит к вопросу наложения ареста на имущества других лиц. Так, в Обзоре судебной практики Верховный Суд РФ указал, что суд накладывает арест на их имущество только в случаях, когда из обстоятельств дела следует, что оно фактически принадлежит обвиняемому и приобретено им на доходы от совершенного преступления. В отличие от УПК РСФСР, суд в постановлении должен указывать срок, на который планируется наложить арест на имущество третьих лиц [6].

Примечательно, что в целях реализации решения Конституционного суда РФ от 17 апреля 2019 года № 18-П. необходимо внести изме-

нения в ст.309 УПК РФ, согласно которым имущество третьего лица можно будет арестовать лишь на время существования уголовно-процессуальных отношений [10].

УПК РСФСР 1960 г. Закреплял норму, согласно которой аресту подвергалось только то имущество, которое было нажито «честным трудом», и, таким образом, орудия преступления, деньги, предметы, полученные в результате совершения преступления, просто изымались в процессе производства следственных действий и хранились при деле в качестве вещественных доказательств.

В настоящее время на вещественные доказательства и предметы, изъятые во время проведения следственных действий, можно наложить арест, что подтвердил своим решением Конституционный Суд РФ [9].

Подводя итог историческому исследованию, можно отметить, что уголовно-процессуальное законодательство РСФСР предопределило вектор развития института наложения ареста на имущество. Как отмечает В.Б. Искандиров, его развитие с 1960 г. года происходило в целом умеренно и поэтапно [3, с.39].

На сегодняшний день четко прослеживается тенденция к изменению исследуемого института, в связи с тем, что многие нормативные положения отчасти продублированы из УПК РСФСР 1960 г, и они уже не отвечают реалиям и общественным отношениям, сформировавшимся на сегодняшний день.

Список использованной литературы

1. Вастьянова О.Д. Проблема обеспечения возмещения потерпевшим вреда, причинённого преступлением // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (8).
2. Декрет ВЦИК от 07.03.1918 N 2 "О суде" // СУ РСФСР. 1918. N 26. Ст. 420.
3. Искандиров В.Б. Исторический аспект развития и становления наложения ареста на имущество как меры принуждения в России // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2010. № 38 (214).
4. Клещина Е.Н. Возмещение потерпевшему вреда, причиненного преступлением: проблемы законодательной регламентации и правоприменения // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1.
5. Магомедов Ш.М. Применение иных мер уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2020.
6. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 115 УПК РФ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 марта 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. "Об изменениях и дополнениях Уголовного Кодекса РСФСР" // СУ РСФСР. 1923. N 48. Ст. 479.

8. Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. "Об Уголовно-Процессуальном Кодексе" // СУ РСФСР. – 1922. N 20–21. Ст. 230.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 января 2018 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой ст. 81.1 и п. 31 ч. 2 ст. 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Синклит» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 апреля 2019 N 18-П «По делу о проверке конституционности ч.1 ст. 73, ч.1 ст. 299, ст. 307 УПК РФ в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 июня 2017 г. N 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
13. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (Принят третьей сессией ВС РСФСР пятого созыва 27 октября 1960 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
14. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве" // СПС «КонсультантПлюс».
15. Шараева Я. А, Мовсян А. Г. О проблемах наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве / Я.А. Шараева, А.Г. Мовсян // Юрист – Правоведъ. 2019. № 3 (90).

И.О. Семёнчев,

дент 3 курса юридического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Научный руководитель: Меркулова Юлия Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ (Санкт-Петербург)

ПОНЯТИЕ КОЛЛИЗИИ И ТАКТИКА КОЛЛИЗИОННОЙ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается явление коллизионной защиты в уголовном процессе как столкновения интересов обвиняемых и их защитников, тактические приемы сторон защиты в условиях коллизии. Приводятся взгляды представителей Санкт-Петербургской школы уголовного процесса. Характеризуются виды коллизионной защиты и приводятся пути её решения.

Ключевые слова: адвокатура, профессиональная этика, выбор позиции, коллизия защиты; уголовный процесс.

Ilya O. Semenchev

3th year of undergraduate studies in Law,
SPbSU (St. Petersburg)

Academic advisor: Yuliya S. Merkulova, PhD in Law, Associate Professor,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
SPbSU (St. Petersburg)

EXPRESSION OF COLLISION AND TACTICS OF COLLISIONAL DEFENSE IN A CRIMINAL PROCEDURE

The article deals with occurrence of collisional defense in a criminal procedure as a conflict of defendants' and their attorneys' interests, tactics of defense parties in terms of collision. Views of Saint-Petersburg criminal procedure law school jurists are contained in this article. The author highlights types of collisional defense and gives ways of its solution.

Keywords: legal profession, professional ethics, choose of position, collision of defense, criminal procedure.

Тема коллизионной защиты на протяжении многих лет остается мало разработанной. Автор считает: если доктрина и дальше будет избегать неудобных вопросов, в том числе морально-этического толка, то это может привести к кризису адвокатуры как института, поскольку на возвышенных началах она строилась и существует. Именно это отделяет адвокатскую профессию от ремесла, здесь проходит линия между мастером, защищающим доверителей и страстно добивающимся правосудия, и лицом нечестным, ищущим неэтичные и зачастую нелегитимные пути ради достижения процессуальной победы.

Природа возникновения вопроса коллизии в уголовном процессе имеет исторические корни. Стоит указать, что легальной дефиниции данного явления в нормативно-правовых актах не зафиксировано, из-за этого автор обращается к прочим источникам. «Столкновение каких-н. противоположных сил, интересов, стремлений» – утверждается в словаре [9, с. 183].

Представляется, что наиболее близкими положениями здесь будут статьи законов, раскрывающие основной адвокатский принцип – не навреди своему доверителю [5].

Этот принцип обязует защитника ответственно обеспечивать юридическую помощь, детально планируя свои действия. Так, вице-президент АП Ленинградской области Лактионов Д. О. по этому поводу отмечает, что умышленные действия адвоката в рамках коллизионной защиты, которые наносят вред доверителю, должны влечь привлечение адвоката к строгим мерам, в том числе к лишению статуса [8].

Применительно к уголовному процессу на наш взгляд коллизию можно определить как *столкновение противоположных стремлений и мнений подсудимых и их защитников, направленных на полное устранение либо частичное уменьшение ответственности*. В монографии И.З. Коробова [7, с. 3] под коллизиями утверждается следующее: «потенциальные и реальные разногласия между профессиональными и непрофессиональными участниками уголовного процесса со стороны защиты, связанные с разными подходами в определении и использовании стратегических и тактических средств и способов защиты подозреваемого, обвиняемого, подсудимого». Возникает проблема – какое из определений коллизии наиболее широкое и употребительное для обозначения подобной процессуальной ситуации?

Если не определить, каковы должны быть взаимоотношения между подсудимым и адвокатом, не удастся с точностью понять, какую тактику коллизионной защиты должен выбрать адвокат в каждом конкретном случае.

Важно определить, является ли адвокат представителем обвиняемого, либо же имеет место другая, отличная роль, подтверждающая особый статус в уголовном процессе. С точки зрения автора, данный вопрос не вызывает затруднений – УПК РФ, обозначая лицо, обеспечивающее защиту, как адвоката против частного обвинителя (ч.1 ст. 45 УПК РФ) и как гражданского ответчика (ч.1 ст. 55 УПК РФ). Что же до обвиняемых, то адвокаты допускаются в качестве защитников (ч. 2 ст. 49 УПК РФ), и этим определяется их процессуальное положение.

Превалирующее мнение ученых-процессуалистов выражает мнение о том, что адвокат-представитель потерпевшего – самостоя-

тельный участник уголовного процесса, имеющий право занимать самостоятельную позицию по делу. Строгович М. С. писал, что представительство, осуществляемое защитником, есть представительство особого рода, выражающееся в самостоятельности защитника по отношению к подсудимому [13, с. 247].

Адвокат не может поддерживать стремление подзащитного к незаконным способам защиты в соответствии с п.1 ст. 10 КПЭА [5]. Недопустимо противопоставлять целесообразность и прагматику нравственно-этическим началам. Как утверждал великий адвокат и ученый Санкт-Петербургской школы уголовного процесса А.Ф. Кони: «высокие цели правосудного ограждения общества и вместе защиты личности от несправедливого обвинения должны быть достигаемы только нравственными способами и приёмами» [6, с. 21]. Действительно, если адвокат не может нарушать закон ради обеспечения защиты, то равно так же недопустимо ради этой самой защиты нарушать нравственные нормы.

Одна из целей адвоката в суде – придание словам подзащитного максимальной степени достоверности и убедительности. Однако, он обязан следить за истинностью таких слов, поскольку адвокат, способствующий лживым словосложениям доверителя, действует вопреки правовым установкам и нравственным назначениям адвокатской деятельности.

Есть и исключение – защитник не может препятствовать сознательному и свободному желанию подзащитного признать свою вину, но если адвокат твердо уверен, что обвинение не подтверждается материалами дела, а признание подсудимым своей вины есть ничто иное как самооговор, то адвокат обязан предпринять все возможные меры, чтобы убедить доверителя отказаться от самооговора (п. 2 ч. 1 ст. 9 КПЭА).

Самооговор (англ. self-incrimination) – есть ложное обвинение самого себя, принятие на себя чужой вины; в уголовном судопроизводстве заведомо ложные показания подозреваемого (обвиняемого) касаясь своей мнимой причастности преступлению [2, с. 525].

В защитительной речи по делу Николаева адвокат Швейский В.Я. сказал: «...Самооговор подсудимого – это не его личное дело. Обществу не безразлично, кто понесет ответственность за совершенное преступление... каждая несправедливость в отношении отдельного человека нарушает правильную связь между человеком и обществом... а значит, и вредит как интересам личности, так и общества в целом» [12, с. 186].

Точка зрения, которая вводит запрет адвокату признавать виновность доверителя в случаях, когда последний отрицает возлагаемое обвинение, является преобладающей абсолютно в теории уголовного процесса и адвокатской среде, что означает торжество здравого смысла и победа свободной воли и нравственности над цинизмом и черной прагматичностью.

Коллизии можно подразделить на реальную и мнимую, при этом автор предлагает начать рассматривать это явление с реальной коллизии, как наиболее распространенной в практической плоскости.

Абсолютно любое действие адвоката, против других подсудимых оправдано только в случае, когда защита собственного доверителя не может быть осуществлена в полной мере без такого рода посягательств. Ухудшая позиции других подсудимых, защитник исполняет свой долг перед клиентом, следуя заветам собственной профессии. Если же противоречия не вытекают органически из процессуальной позиции подсудимых, могут быть устранены, либо же смягчены – поддержание их защитниками совершенно недопустимо и закончено безнравственно.

П.С. Элькинд указывала: при неизбежности позиционного расхождения адвокат-защитник вправе строить защиту по своей совести и разумению после предупреждения о том подзащитного [15, с. 39].

Как справедливо отметила Н.А. Дмитриева, в русской дореволюционной и советской литературе специалисты Санкт-Петербургской школы уголовного процесса признавали необязательной для адвоката точку зрения подзащитного, если обвиняемый не отказывается от защитника [3, с. 87–90].

Однако, имеется сложность – адвокат жертвы оговорщика обязан защищать подзащитного от клеветника, и, если для достижения целей защиты недостаточно установить противоречия в показаниях оговорщика, остается неэтичный механизм – адвокату придется доказывать причину оговора, невольно доказывая вину оговорщика.

Именно по этим причинам адвокату нельзя оставлять на откуп доверителя процесс признания вины, ведь возможно, что его подзащитный окажется отчаявшимся человеком, вынужденным признать вину вне зависимости от побудивших его на то обстоятельств.

После рассмотрения природы реальных коллизий, автор предлагает изучить такой вид коллизии, как мнимая – она возникает, когда адвокат забывает об одном из основополагающих принципов – не ухудшать положения собственного доверителя.

Наибольшая процессуальная сложность, стоящая перед адвокатом в групповом процессе есть разведение, точная идентификация,

умение отличить реальную от мнимой коллизии. Возможно принять мнимую коллизию за реальную, например, при наличии противоположных утверждений подсудимых, и как следствие – наличие противоположных интересов.

Самое очевидное: один подсудимый признаёт свершение преступления как события, а второй – отрицает сам факт такого события. В затруднительном положении оказывается адвокат первого подсудимого, ведь доказывая событие преступления, он полностью исключает возможность оправдания для своего доверителя, а также входит в конфронтацию с аргументацией другого обвиняемого.

В доктрине уголовного процесса преобладающая идея разрешения подобной ситуации заключается в том, что раз есть угроза такой конфронтации, есть возможность её избежать, попытавшись исключить виновность обоих подсудимых – поддержать отсутствие преступного события, искать доказательства в пользу этого. Единственной проблемой такого сценария является то, что у защитника будет иметься особая позиция от позиции своего подзащитного, что может быть чревато разными последствиями, худшим из них – облегчение стороне обвинения найти доказательства и возложить вину на обоих фигурантов дела, попавших в коллизию.

В качестве примера такой ситуации Б.Ф. Абушахмин приводит классический пример: суду предано два лица (взяткодатель и взяткополучатель). Взяткополучатель отрицает событие преступления, в том время как взяткодатель в деталях расписывает картину свершившегося [1, с. 34].

Автор согласен с позицией Б.Ф. Абушахмина, который вывел рекомендации поведения для защитника оговаривающего себя доверителя:

1) защищая оговорщика, адвокат обязан изыскивать доказательства, которые колеблют, оспаривают обвинение против подзащитного, ослабляют его версию; 2) не препятствовать во время судебного следствия установлению обстоятельств, благоприятных для других подсудимых.

Важно понимать, что речь адвоката должна соотноситься с нравственно оправданными методами. Приводимые безвольно, вынужденно доводы против другого подсудимого, не должны быть похожи на обвинительную речь прокурора.

Позиция защиты – то ядро, сердцевина процесса, от которой чаша весов зачастую может склониться в пользу подсудимого, однако для этого она должна быть правильной юридически и обоснованной.

Зачастую проработанная тактика может исключить возможность появления коллизии, ведь на фоне выверенной позиции особенно контрастируют незначимые, противоправные и вместе с тем, противоположные мнения подсудимых, запутанные интересы другой стороны.

Мы можем представить «правильную» позицию защиты, в которой можно будет гораздо успешнее пройти судебный этап, и выйти из ситуации победителем. Возьмем в качестве примера п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ; если обвиняемые начнут обвинять друг друга, довольно быстро суд придёт к соответствующему выводу, и подсудимых предадут ответственности, даже в случае, когда обвиняемые невиновны. Если же он предпримут солидарную защиту, будут в точности по процедуре следовать протоколу, добиваться проведения необходимых экспертиз, например, на предмет низко-этического уровня развития потерпевшей, склонности к оправданию своих поступков и обвинению во вне, склонности ко лжи. В таком случае правильно найденная идея защиты вкупе с отсутствием коллизий, ведь именно это исключает такую возможность.

Завершая рассуждения на предмет самих коллизий, стоит сделать следующий промежуточный вывод: адвокат всегда должен помнить о своей гуманной миссии, высшей цели своей профессии. И, даже при наличии острой коллизии он обязан избегать защиты доверителя за счёт очернения прочих фигурантов дела, так тем более никаких прав у защитника подвергать в подобное положение незащищаемого им подсудимого в случае отсутствия коллизии не имеется.

Профессия адвоката в качестве обязательных условий предъявляет лицу требование осуществлять свою деятельность с оглядкой на совесть, сознание своего долга, а также ответственность. Ч. 1, 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА) – это лишь малая доля этико-нравственных установок для адвоката, занесенных в нормативную базу РФ. Однако, несмотря на этот список средств внутреннего контроля не игнорируется контроль внешний, со стороны Федеральной палаты адвокатов в частности, и прочих адвокатских объединений в целом.

Законные средства и способы защиты – те, которые применяются в плотной взаимосвязи с законом, устремлённые на достоверное выяснение всей информации, свидетельствующей в пользу подзащитного, смягчающей его ответственность [14, с. 238]. Кажется, что это целиком относится к проявлениям реальной коллизии, ведь при таких условиях методе коллизионной защиты содействуют правосудию, вкупе с укреплением законности, не противостоя нравственным нормам.

Что же до нравственных норм, то здесь всё более однозначно: в соответствии со ст. 4 КПЭА адвокат может применять только те способы и средства, которые отвечают требованиям норм этики, бороться против нарушений нравственности в ходе судебного разбирательства, особенно в случаях, когда это вредит доверителю.

Критерий правдивости в виде требования к защитнику исключает умышленное извращение показаний соподсудимого, изобличение незащищаемого подсудимого, либо же не привлечённых к суду лиц при помощи доказательств, полученных неправомерно в соответствии с законом и этикой. Здесь появляется резонный проблемный вопрос: как поступать в случаях, когда подзащитный использует заведомо ложные (для адвоката) доказательства? В доктрине до сих пор идут споры на этот счёт.

Адвокат вправе в условиях коллизионной защиты ссылаться на любые доказательства, указывающие на позицию подзащитного, кроме заведомо ложных доказательств. Профессор Н.Н. Полянский заявлял, что адвокат «...обязан представить все доводы, говорящие в пользу достоверности, как бы он сам не сомневался в их достоверности, ибо суд вправе ожидать от участников процесса, что они представят ему все данные и изложат все соображения, нужные для всесторонней оценки обстоятельств дела» [10, с. 63]. Кан Н. П. отмечал несовместимость таких действий адвоката с основными началами адвокатской этики [4, с. 197].

В процессе адвокат должен относиться к доверителю уважительно, шадить его самолюбие, достоинство и чувства, ведь подзащитный может быть назван преступником только по приговору суда. Имеется точка зрения: чем хуже нравственная роль оговорщика, тем меньше страстности должно быть при разборе этих показаний. Если процессуальный противник не был идеален в своей речи по отношению к подзащитному, не стоит поступать резко в ответ – дисциплинарная практика редко, но инициирует разбирательства, посвященные неуважению к коллегам, а санкцией за неэтичные действия вполне может выступить лишение статуса адвоката.

Действительно, из правил адвокатской профессии, составленных членом член Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты А.Н. Марковым еще в 1913 году и воспроизведенных современными составителями в 2003 году, можно увидеть, как исторически складывалось осуждение неэтичного поведения адвоката; представление идеальной поведенческой линии защитника [11, с. 3].

Подводя итоги этой работы, можно сделать следующие выводы:

1) некорректное поведение адвоката в условиях коллизии неминуемо несет серьезный ущерб не только его подзащитному, другим подсудимым по делу, а также самому институту адвокатуры; 2) коллизионная защита требует от адвоката предельно внимательного отношения к выбору тактики защиты. От грамотной защиты адвокатом интересов доверителя в каждом конкретном деле зависит уровень доверия населения к адвокатуре в принципе, её общественное признание.

Надо думать, что точку в этом споре не сможет поставить никто, ведь нравственность общества напрямую зависит от каждого отдельно взятого человека, но это не представляется возможным в обозримом будущем. В этой статье автор попытался дать ряд направляющих тактических рекомендаций, которые адвокат может применить в случае коллизии со стороны защиты.

Список использованных источников

1. Абушахмин Б.Ф. Коллизионная защита: методическое пособие для адвокатов. М., 2019.
2. Гревцов Ю. И., Козлихин И.Ю. Энциклопедия права: учебное пособие. СПб., 2008.
3. Дмитриева Н.А. Функция защиты в российском уголовном процессе и роль в ней института адвокатуры: дис. канд. юрид. наук. М., 2006.
4. Кан Н.П. Некоторые вопросы адвокатской этики // Вопросы защиты по уголовным делам / Под ред. П.С. Элькинд. Л., 1967.
5. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (ред. от 20.04.2017) // КонсультантПлюс.
6. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Избранные произведения. М., 1956.
7. Коробов И.З. Тактико-этические основы коллизионной защиты по уголовным делам. Автореферат дисс...канд. юрид. наук. Воронеж, 2009.
8. Лактионов Д.О. О дисциплинарной практике в связи с изменениями, внесенными в КПЭА. URL: <https://fparf.ru/documents/disciplinary-practice/> (дата обращения: 12.03.2021).
9. Ожегов С.И., Толковый словарь русского языка. В 2-х томах. Т. 2. М., 1992.
10. Полянский Н.Н. Правда и ложь в уголовной защите. М., 1927.
11. Правила адвокатской профессии в России. Опыт систематизации постановлений Советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. Составил член Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты А.Н. Марков. Москва, 1913 год / Сост.: Воробьев А.В., Поляков А.В., Тихонравов Ю.В. (Отв. ред.). М., 2003.
12. Речи советских адвокатов по уголовным делам. М., 1975.

13. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2-х томах. Т.1 М., 1968.
14. Строгович М.С. Проблемы судебной этики. М., 1974.
15. Элькин П.С. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе (общие вопросы) // Вопросы защиты по уголовным делам. Сборник статей. Л., 1967.

A.E. Tuegalieva,

студент 4-го курса Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии (Саратов)

Научный руководитель: Наталья Олеговна Овчинникова,
кандидат юридических наук, доцент,
Саратовская государственная юридическая академия (Саратов)

ПОЛНОМОЧИЯ СУДА ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ

В статье рассматриваются актуальные вопросы участия суда в доказывании при рассмотрении уголовного дела. В рамках статьи анализируется принцип беспристрастности судей, реализация которого вызывает множество вопросов не только в правовой сфере, но и в общественной жизни.

Ключевые слова: суд, доказывание, уголовный процесс, субъекты доказывания, полномочия суда, принцип беспристрастности.

Asel E. Tuegalieva,

4th year student,
Institute of Public Prosecutions,
Saratov State Law Academy (Saratov)

Academic advisor: Natalia O. Ovchinnikova, PhD. in Law,
Associate Professor, Saratov State Academy of Law (Saratov)

THE POWER OF THE COURT TO PROVE

The article discusses topical issues of the participation of the court in proving when considering a criminal case. The article analyzes the principle of impartiality of judges, the implementation of which raises many questions not only in the legal sphere, but also in public life.

Key words: court, proof, criminal procedure, subjects of proof, powers of the court, principle of impartiality.

Ключевым элементом уголовно-процессуальной деятельности, определяющим сущность и содержание производства по уголовному делу является доказывание. В соответствии с действующим законодательством под доказыванием понимается деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях установления совокупности юридически значимых обстоятельств, необходимых для разрешения уголовного дела и принятия по нему решения (ст. 85 УПК РФ). Как отмечал С.А. Шейфер в своих работах: «Доказывание, как получение доказательств и использование их в целях воссоздания происходивших событий, выступает единственным способом для достижения целей правосудия, т.е. для защиты прав и законных интересов потерпевших и защиты человека от незаконного привлечения к уголовной ответственности, ограничения его прав и свобод» [8, С. 56].

В научной среде не перестают возникать дискуссии, касающиеся субъектного состава деятельности по доказыванию, а так же распределения бремени доказывания. Наиболее пристальное внимание обращено к вопросу о возможности осуществления доказывания судом и его пределах. Некоторые ученые отрицают возможность возложения обязанности доказывания на суд, однако, с данной точкой зрения сложно согласиться, исходя хотя бы из положений Закона, регламентирующих указанную деятельность суда. Согласно Уголовно-процессуальному Кодексу РФ (ч. 1 ст. 86, ст.87, ст. 88), суд принимает участие в собирании, проверке и оценке доказательств, а, значит, участвует в процессе доказывания. Принятие правильного судебного решения невозможно без его активного участия, заключающегося в постановке вопросов, проверке показаний, назначении экспертиз и устранении пробелов в обстоятельствах совершения преступления.

Тем не менее, действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит нормы, обязывающей суд собирать доказательства, в то время как проверять и оценивать собранные сторонами доказательства, суд обязан. Без осуществления судом этих элементов доказательственной деятельности невозможно вынесение законного, обоснованного и справедливого решения по уголовному делу. Не содержит УПК РФ и отдельной нормы, которая предусматривала бы перечень полномочий суда в процессе доказывания. Их содержание можно выделить только при совокупном анализе нескольких глав Кодекса. Как отмечает Н.С. Манова, «наиболее правильно и четко пределы участия суда в доказывании в ходе судебного разбирательства выражены в правовой позиции Конституционного Суда: суд, обеспечивая беспристрастное разрешение дела по существу, вправе использовать полномочия по участию в доказывании для проверки и оценки достоверности и допустимости доказательств, представленных обвинением или защитой» [4, С. 144; 6]. То есть, собирание доказательств по инициативе суда может и должно быть связано только с проверкой достоверности, допустимости и относимости доказательств, уже представленных сторонами. Суд не вправе заниматься восполнением пробелов предварительного следствия ни по вопросу доказанности виновности, ни по установлению иных обстоятельств совершенного преступления, толкуя все имеющиеся сомнения в соответствии с принципом презумпции невиновности в пользу подсудимого. Вместе с тем у суда должна быть возможность правильно оценить доказательства, которыми обосновываются его выводы в приговоре [3, С. 225–226; 4, С. 144–150; 5, с. 44]. Данное положение определенно должно найти свое отражение в УПК РФ.

Однако не только вопросы возможности участия суда в доказывании волнуют ученых. На протяжении долгого времени не утихают споры о беспристрастности суда в процессе доказывания. При этом, такие споры уже давно вышли за пределы правовой сферы. Доказательством тому служат всем известные и часто используемые поговорки и пословицы: «На суд пойдешь – правды не найдешь», «Не бойся суда, бойся судьи», «Не каждый судит по праву, иной и по нраву» [1]. Таким образом, беспристрастность судей имеет фундаментальное значение не только для деятельности всей судебной системы, но и для всего общества и государства в целом. Беспристрастность суда закреплена нормативно (ст. 9 Кодекса судейской этики от 19 декабря 2012, утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 с изменениями и дополнениями) [2] и является одним из важнейших условий справедливого судебного разбирательства.

Европейский Суд по правам человека определил беспристрастность как «отсутствие предубеждения или предвзятости», причем первое связано со «стремлением установить личное убеждение судьи по данному делу», а второе – с выяснением факта предоставления им достаточных гарантий для того, чтобы исключить любое незаконное сомнение в этом отношении [7].

В соответствии с ч. 3 ст. 15 УПК РФ, суд – это не орган уголовного преследования, он не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты. Суд создает необходимые условия, требующиеся для исполнения сторонами возложенных на них процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Бесспорно, стороны судебного разбирательства имеют личный интерес к исходу дела, т.е. нельзя говорить об их беспристрастности. Деятельность же суда имеет своей целью не поддержание позиции одной из сторон, а поиск истины.

Правомочия суда в процессе судебного следствия заключаются в том, что он, согласно положениям УПК РФ, вправе по собственной инициативе осуществлять ряд действий: вызывать и допрашивать давшего заключение в ходе предварительного расследования эксперта для разъяснения или дополнения данного им заключения; назначать судебную экспертизу; в случае наличия противоречий между заключениями экспертов, которые невозможно преодолеть в судебном разбирательстве путем допроса экспертов, назначать повторную или дополнительную экспертизу; задавать вопросы подсудимому, потерпевшему, свидетелю после того как его допросят стороны.

Как отметил Конституционный Суд РФ, названные права являются для суда обязательным условием для использования доказа-

тельств в целях принятия на их основе правильного решения. В противном случае, суд при рассмотрении уголовного дела был бы не в силах дать объективную оценку позициям, отстаиваемым сторонами обвинения и защиты, и устранять сомнения в их обоснованности, возникающие в ходе разбирательства по уголовному делу, а, значит, был бы не в силах гарантировать беспристрастность и независимость при осуществлении правосудия [6]. Суд принимает решение о получении новых доказательств, предназначенных для проверки уже имеющихся в деле, в целях осуществления правосудия. При этом, данные действия суда никаким образом не препятствуют использованию сторонами любых предусмотренных законом средств по отстаиванию своих интересов в суде, включая возражения против получения и исследования в судебном следствии таких доказательств и оспаривание их достоверности и допустимости.

Конституционный Судом РФ также было отмечено, что осуществление судом в уголовном судопроизводстве функции правосудия предполагает наделение его правом по проверке и оценке представленных сторонами доказательств с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, как путем установления их источников и сопоставления с другими имеющимися в уголовном деле доказательствами, или представляемыми сторонами в судебном заседании, так и путем получения и исследования других доказательств, которые подтверждают или опровергают проверяемые им доказательства.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно прийти к выводу, что суд вправе по собственной инициативе осуществлять соби́рание доказательств.

Бесспорно, стороны судебного разбирательства имеют личный интерес к исходу дела, т.е. нельзя говорить об их беспристрастности. Деятельность же суда имеет своей целью не поддержание позиции одной из сторон, а поиск истины.

Суду, как субъекту доказывания, несомненно, необходимо быть беспристрастным и объективным, он не должен не подменять участников процесса со стороны защиты и обвинения, однако для установления всех обстоятельств по уголовному делу его деятельность не должна сводиться лишь к организационно-руководящим полномочиям. Он должен принимать активное участие в процессе для вынесения законного и обоснованного судебного решения, а таким он будет только в том случае, если в судебном разбирательстве суду представится возможность исследовать и установить все обстоятельства по уголовному делу.

Список использованных источников

1. Даль В.И. Русские пословицы и поговорки о суде // Портал: Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2011/03/17/429> (дата обращения: 08.01.2021).
2. Кодекс судейской этики от 19 декабря 2012 (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012) (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70301432/> (дата обращения: 08.01.2021).
3. Манова Н.С. Проблемы реализации конституционного принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // Конституция Российской Федерации и развитие современной государственности: сб. тез. докл. Саратов, 2009.
4. Манова Н.С. Пределы активности суда в российском варианте состязательного процесса // Реформирование судебной системы в России: история и современность: сб. науч. трудов, посвященный 80-летию Нижегородского областного суда. В 2-х ч. / под редакцией А.В. Бондара, В.В. Ершова, Ю.В. Журавлевой, Р.В. Ярцева. Нижний Новгород, 2018.
5. Овчинникова Н.О. Пробелы в уголовно-процессуальном праве России: монография. М., 2018.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2003 № 451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Веккера Сергея Владимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46550/ (дата обращения: 08.01.2021).
7. Решение Европейского Суда по правам человека по делу: Пьерсак против Бельгии (Piersack v. Belgium) от 1 октября 1982. (жалоба № 8692/79) // СПС «Гарант», URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461430/> (дата обращения 08.01.2021).
8. Шейфер СА. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2009.

О.Б. Фазульянов,

магистрант 2 курса магистратуры юридического факультета
СПбГУ (Санкт-Петербург)

Научный руководитель: Светлана Петровна Кушниренко,
кандидат юридических наук, доцент,
СПбГУ (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ВЫЯВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО СКЛОНЕНИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ К САМОУБИЙСТВУ ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ

В статье рассматриваются организационные и криминалистические вопросы выявления и расследования преступлений, связанных со склонением несовершеннолетних к самоубийству через Интернет. Предлагаются виды судебных экспертиз, назначаемых при расследовании таких преступлений, и анализируются их возможности в доказывании.

Ключевые слова: расследование суицида, интернет, склонение к самоубийству, «синий кит», суицид, самоубийство несовершеннолетних, криминальный суицид.

Oleg Fazulyanov,

2nd year master's student, Faculty of Law, SPbSU (St. Petersburg)

Academic advisor: Svetlana P. Kushnirenko,
Ph.D. in Law, Associate Professor, SPbSU (St. Petersburg)

TO IDENTIFY AND INVESTIGATE CRIMES RELATED TO THE INCLINATION OF MINORS TO SUICIDE THROUGH THE INTERNET

Summary: The article provides the organizational and criminalistic issues of investigation of crimes related to persuading minors to commit suicide via the Internet. The article analyzes the types of judicial expertise that are assigned in the investigation of crimes related to suicide incitement.

Keywords: suicide investigation, internet, inclination to suicide, "blue whale", suicide, suicide of minors, criminal suicide.

После введения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) ряда новых норм, устанавливающих уголовную ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (статья 110.1 УК РФ), за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (статья 110.2 УК РФ), за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершенно-

летнего (статья 151.2 УК РФ) уголовно-правовое и криминалистическое изучение проблемы криминального суицида получило новый виток развития.

Тема склонения к совершению самоубийства несовершеннолетних через Интернет, несмотря на высокую актуальность в средствах массовой информации, не стала предметом активных научных дискуссий и исследований среди отечественных правоведов, вследствие чего все еще остается малоизученной, в том числе остается нерешенным ряд важных вопросов, связанных с особенностями расследованием таких преступлений.

Родивилина В.А. и Романюк К.А. указывают, что чаще всего поводами для проведения проверок сообщений о преступлениях и расследования уголовных дел по факту склонения к самоубийству или организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, являются сообщения граждан или должностных лиц об обнаружении трупа; информация, поступающая из медицинских учреждений о поступлении больного с признаками, указывающими на попытку самоубийства; от свидетелей; от очевидцев [5, С. 67–71].

Изучив в открытых источниках приговоры, вынесенные в 2018 году в Российской Федерации, касающиеся совершения преступления, предусмотренного ст. 110.1 УК РФ в отношении несовершеннолетнего с использованием сети Интернет, можно сделать вывод о том, что, для проведения проверок сообщений о преступлениях и расследования уголовных дел по факту склонения к самоубийству, часто встречается, кроме вышеуказанных поводов, заявление о преступлении от родителей несовершеннолетнего лица, выявивших преступные действия третьих лиц в отношении их детей.

Так, Приговор от 04 мая 2018 г. по делу № 1–46/2018 Татарского районного суда Новосибирской области содержит следующую информацию: «Протоколом принятия устного заявления о преступлении, в котором ФИОЗ сообщает о том, что в течение длительного времени неустановленные лица посредством переписки в социальной сети «ВКонтакте» пытаются довести ее несовершеннолетнюю дочь ФИО до самоубийства» [3].

При получении сообщения о совершении преступления, связанного со склонением несовершеннолетних к самоубийству через Интернет, проводится доследственная проверка. В ходе проверки необходимо:

собрать характеристики жертвы (пол, возраст, характеристика семьи, наличие в семье братьев и/или сестер, наличие психических заболеваний у несовершеннолетнего, характеристика поведения и дисциплины из образовательных учреждений и т.д.);

по возможности собрать характеристики субъекта преступления (пол, возраст, наличие и уровень образования, семейное положение, наличие психических заболеваний, характеристика с места службы, работы или учебных заведений);

установить физическую деятельность преступника, которая включает три стадии: действия до склонения несовершеннолетнего к самоубийству через Интернет; действия, непосредственно направленные на склонение несовершеннолетнего лица к самоубийству через Интернет; действия после склонения несовершеннолетнего к самоубийству через Интернет;

установить психическую деятельность субъекта преступления (мотив, цели);

определить место (место подключения к сети Интернет, место непосредственного воздействия на несовершеннолетнего);

определить время (период продолжительности установления контакта, склонения, а также время суток воздействия на жертву);

установить последствия (попытка совершения к самоубийству, совершение самоубийства);

другие обстоятельства.

Власова С.В. систематизировала, основываясь на изучении материалов судебно-следственной практики, следственные действия, которые проводятся следователями по уголовным делам о преступлениях, связанными со склонением несовершеннолетних к самоубийству через Интернет. Автор указывает, что к числу следственных действий, входящих в данную систему, следует относить: осмотр, проводимый в 98% случаев; производство судебной экспертизы – в 88% случаев; допрос участников (независимо от их процессуального статуса) – в 100% случаев; очная ставка – в 20% случаев; выемка – в 80% случаев; обыск – в 88% случаев; проверка показаний на месте – в 6% случаев; получение образцов для сравнительного исследования – в 4% случаев; предъявление для опознания – в 2% изученных уголовных дел [1, С. 180–186].

Как видим, при расследовании преступлений, связанных со склонением несовершеннолетних к самоубийству через Интернет, в обязательном порядке проводится осмотр места происшествия. На наш взгляд, обязательно следует проводить осмотр места проживания субъекта преступления и жертвы, в ходе которого изымать и осматривать персональные компьютеры, ноутбуки, планшеты, технические средства связи, флэш- накопители, оптические диски, сим-карты, другие объекты, на которых могут находиться следы контакта потерпевшего с пре-

ступником посредством телекоммуникационного оборудования, а также документы (дневники, записи, ремарки, литература и т.п.), свидетельствующие о психическом состоянии, интересах и времяпрепровождении несовершеннолетнего и его окружения.

Подлежит осмотру место совершения самоубийства для исключения версии об убийстве, инсценированном под самоубийство, а также для установления способа лишения жизни, в том числе для установления соответствия между избранным способом самоубийства и способом, к которому склонялся несовершеннолетний субъект преступления.

Проведенный анализ приговоров уголовных дел позволяет нам сделать вывод о том, что по всем уголовным делам проводились судебно-психиатрическая и психолого-психиатрическая экспертизы с целью определения у обвиняемых наличия психических расстройств, а также способности осознавать общественную опасность своих действий и руководить ими. В то же время считаем логичным мнение И.С. Гвоздевой, Л.Г. Шапиро и А.Л. Южаниновой о том, что судебную психиатрическую экспертизу обвиняемого целесообразно заменить проведением комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, что позволит решить входящий в компетенцию эксперта-психиатра вопрос о вменяемости обвиняемого, а с другой – определить индивидуально-психологические особенности его личности, специфику ситуации взаимодействия обвиняемого с потерпевшим, главные психологические мотивы деяния, инкриминируемого обвиняемому, что входит в компетенцию эксперта-психолога [2, С. 118–137].

Необходимо проводить комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу и в отношении несовершеннолетнего, совершившего самоубийство или попытку самоубийства. Рязанова А.Ю. и Важенина Т.Т. указывают, что такая экспертиза проводится с целью определения психического и эмоционального состояния несовершеннолетнего в период, предшествующий совершению самоубийства или попытке совершению самоубийства, а также определения причинно-следственной связи между действиями субъекта преступления и психическим состоянием потерпевшего, обусловившим наступление негативных последствий [6, С. 112–119].

Производство судебной компьютерно – технической экспертизы также является, на наш взгляд, обязательным по уголовным делам, связанным со склонением к самоубийству несовершеннолетних через Интернет, так как данная экспертиза позволяет определить статус технического устройства, выявить вид технического устройства и установить его роль при совершении преступления, а также дает возможность по-

лучить доступ к информации на электронных носителях информации, выявить и зафиксировать цифровые следы, которые оставил субъект преступления при совершении своих противоправных действий.

Судебная компьютерно-техническая экспертиза также проводится с целью преодоления установленных на техническом устройстве средств защиты (логин и пароль) и восстановления удаленных данных (переписок, фотографий, текстовых документов, аудио и видеофайлов).

В то же время в проанализированных нами делах отсутствует упоминание о психолого-лингвистической экспертизе, которая решает следующие задачи при расследовании преступлений, связанных со склонением несовершеннолетних к самоубийству через Интернет:

- установление инициатора, предмета беседы, участие в переписке иных лиц;

- выявление психологических и лингвистических признаков воздействия, угроз, оказания давления, оказываемого на несовершеннолетнего в случае невыполнения одного из заданий или выхода из «игры».

- установление личностных качеств, проявляющихся в беседе;

- установить наличие психологических установок;

- установление конкретного выражения реакции несовершеннолетнего на уровне эмоционального отношения, действий, отраженных в переписке [7].

Подводя итог, следует подчеркнуть важность дальнейшей работы по изучению темы выявления и расследования преступлений, связанных со склонением несовершеннолетних к самоубийству Интернет в целях составления превентивной методики расследования преступлений, относящихся к теме научной статьи.

Список использованных источников

1. Власова С. В. К вопросу о выявлении, раскрытии и расследовании преступлений в сфере склонения несовершеннолетних к суицидальному поведению посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Вестник ВИ МВД России. 2019. № 3.
2. Гвоздева И. С., Шапиро Л. Г., Южанинова А.Л. Специальные психологические знания при расследовании побуждения несовершеннолетних к совершению самоубийства с использованием сети Интернет // Суицидология. 2018. № 4.
3. Приговор Татарского районного суда Новосибирской области от 04 мая 2018 г. по делу № 1–46/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 16.01.2021)
4. Родивилина В. А, Романюк К.А. Склонение к совершению самоубийства и организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства: предварительная проверка и возбуждение уголов-

ного дела // Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики. 2019. № 10.

5. Рязанова А. Ю., Важенина Т.Т. Сложности психолого-психиатрической экспертной квалификации психического состояния несовершеннолетних, покончивших жизнь самоубийством // Психология. Психофизиология. 2018. №1.
6. Соболева Я.Ю. Назначение судебных экспертиз при расследовании суицидов // Вестник науки и образования. 2018. №8 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naznachenie-sudebnyh-ekspertiz-pri-rassledovanii-suitsidov> (дата обращения: 13.02.2021).

Ю.Е. Чупрова,

магистрант Байкальского государственного университета (Иркутск)

Научный руководитель: Ирина Георгиевна Смирнова
доктор юридических наук, профессор,
Байкальский государственный университет (Иркутск)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В статье рассматриваются особенности уголовно-процессуального регулирования применения меры пресечения в виде заключения под стражу в советский период. Действующее законодательство отразило правовой опыт, сформированный на анализируемом этапе. Заключение под стражу подвергалось различным изменениям, однако остается востребованным и на сегодняшний день, при этом являясь самой строгой мерой пресечения.

Ключевые слова: уголовный процесс, заключение под стражу, мера пресечения, обвиняемый, развитие уголовно-процессуального законодательства, советский период.

Yu. E. Chuprova

Master's student of the Baikal State University (Irkutsk)

Academic advisor: Irina G. Smirnova,
DSc. in Law, Professor, Baikal State University (Irkutsk)

LEGAL REGULATION OF PREVENTIVE MEASURES IN THE FORM OF DETENTION IN THE SOVIET PERIOD

Summary: The article deals with the features of the criminal procedure regulation of the use of a preventive measure in the form of detention in the Soviet period. The current legislation reflects the legal experience formed at the analyzed stage. Detention has been subject to various changes, but remains in demand today, while being the strictest measure of restraint.

Keywords: criminal process, detention, preventive measure, accused, development of criminal procedure legislation, Soviet period.

Заключение под стражу – одна из самых раннее зародившихся мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве, процесс становления которой прошел длительный путь. В нашей работе мы рассмотрим Советский период (с 1917 г.) ее развития, поскольку Октябрьская революция 1917 г. стала началом нового этапа формирования отечественной правовой системы. Необходимость исторического исследования обуславливается тем, что на его основе можно в полной мере учесть различные аспекты правового регулирования заключения

под стражу для выработки предложений и рекомендаций современному законодательству.

Так, с 1917 г. институт мер пресечения претерпел некоторые изменения по сравнению с нормами, действующими в Российской Империи. Его правовое регулирование обеспечивалось рядом законодательных актов, определяющих судебную и процессуальную политику советской власти, среди них Положение о полковых судах от 10 июля 1919 г., Положение о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. и другие. Наибольший интерес представляет первый российский УПК.

Исходя из положений ст. 161 УПК РСФСР 1922 г., заключение под стражу применяется в отношении обвиняемого, совершившего преступное деяние, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии следующих обстоятельств:

1. обвиняемый скроется от суда или органов следствия;
2. либо при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый будет препятствовать раскрытию истины [6].

Из общего правила закон допускает изъятие, заключающееся в применении данной меры пресечения в отношении подозреваемого при условии предъявления ему обвинения в течение 14 суток с момента избрания заключения под стражу. Отклонение от этого положения влекло за собой отмену меры пресечения, что прямо регламентировалось ст. 148 УПК РСФСР.

Срок применения устанавливался до 2 месяцев, при этом была возможность продлить до 1 месяца при особой сложности дела. Избрание заключения под стражу оформлялось постановлением, о чем объявлялось обвиняемому. При этом копия постановления направлялась прокурору, в место заключения и по месту службы обвиняемого.

При решении вопроса о применении меры пресечения учитывались некоторые обстоятельства, например, среди таких назывались тяжесть преступления, тяжесть улик, состояние здоровья и другие. Следует отметить, что перечень таких обстоятельств носил открытый характер.

Прокурор согласно ст. 151 УПК РСФСР 1922 г. был уполномочен предложить следователю избрать, отменить или заменить ранее избранную меру пресечения.

Принципиальных изменений обновленный УПК РСФСР 1923 г. в рассматриваемой нами области не внес. Однако его редакция от 23 февраля 1925 г. добавила ранее неизвестные отечественному уголовному процессу положения. Теперь заключение под стражу могло быть назначено по делам о преступлениях, за совершение которых

установлена санкция в виде лишения свободы на срок не менее 6 месяцев. Однако помимо этого, требовалось следующее: а) наличие данных, что обвиняемый скроется от органов уголовного преследования или находясь на свободе, будет препятствовать раскрытию истины; б) если будет признано, что обвиняемый по делам об особо важных преступлениях, оставаясь на свободе, является социально опасным лицом [5].

В дальнейшем законодатель в качестве необходимого условия обозначил обвинение в совершении преступления, за которое предусмотрена санкция в виде лишения свободы сроком свыше одного года. При этом по делам о некоторой группе преступлений средней тяжести заключение под стражу избиралось в следующих случаях: обвиняемый имеет связь с преступной средой либо не имеет постоянного места жительства и занятий, либо уклоняется от явки к следствию и суду. Что касается тяжких и особо тяжких преступлений, то было достаточно только мотива социальной опасности преступления.

В Основах уголовного судопроизводства СССР 1924 г. термин «заключение под стражу» не употребляется, вместо него используется «лишение свободы». Для удаленных местностей сроки содержания под стражей могли быть удвоены (примечание п. 10). Также п. 10 закрепил еще одно основание для ограничения свободы как меры пресечения – общественную опасность нахождения обвиняемого на свободе. Стоит отметить, что помимо прочего право на применение любой меры пресечения получили органы дознания, при этом закреплялась необходимость сообщения следователю о принятии такого решения [7].

В этой связи В.Н. Смирнов отмечает, что под влиянием тенденции гуманизации уголовной политики со второй половины XX в. количество заключенных под стражу снизилось [9, С. 285]. Такую направленность закрепил ряд документов. Так, существенное реформирование системы мер пресечения было отражено в Основах уголовного судопроизводства СССР 1958 г. (далее – Основы 1958 г.). Называются такие общие условия применения мер пресечения, как наличие достаточных данных, что обвиняемый скроется, или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет заниматься преступной деятельностью, а также обеспечение исполнения приговора [1]. Нововведения также касаются срока предъявления обвинения подозреваемому, к которому применена мера пресечения. Законодатель сократил 14 суток до 10.

Ввиду особой сложности дела ст. 34 Основ 1958 г. устанавливает возможность продления срока содержания под стражей до 3 и до

6 месяцев. Однако в исключительных случаях дальнейшее продление могло быть произведено на срок до 3 месяцев. Таким образом, прослеживается укрепление гарантии прав и свобод личности, поскольку в законе установлены предельные сроки содержания обвиняемого под стражей и порядок их продления [12, С. 2314]. Вместе с тем особый интерес представляет легально закрепленное право на защиту, так, подозреваемый до предъявления ему обвинения мог обжаловать действия органа, ведущего производство по делу.

Положения Основ 1958 г. нашли свое отражение в УПК РСФСР 1960 г. Например, сохраняется право применения заключения под стражу в отношении обвиняемых в тяжких и особо тяжких преступлениях по мотивам одной лишь опасности. Согласно новому законодательству анализируемый нами институт применялся с соблюдением требований принципа неприкосновенности личности. Устанавливалось исключение, предусматривающее применение заключения под стражу по делам о преступлениях, за которые назначалось наказание в виде лишения свободы на срок менее одного года. При этом избрание данной меры пресечения осуществлялось с санкции прокурора или решения суда [11]. Следовательно, прослеживается расширение обязанностей прокурора по надзору за законностью заключения под стражу.

Ряд исследователей, в частности М.С. Строгович, предлагали в целях уклонения от необоснованного заключения под стражу изменить действовавший на тот момент процессуальный порядок его избрания, предусматривающий решение вопроса об этом судом на стадии предварительного расследования [10, С. 284]. Впоследствии данное положение нашло свое отражение в законодательстве, что в свою очередь повысило гарантии соблюдения прав и законных интересов лиц.

В ст. 96 УПК РСФСР 1960 г. содержалось положение о повторном применении заключения под стражу того же лица по одному тому же делу, которое допускается в случае открытия новых обстоятельств, делающих меру пресечения необходимой. Порядок и сроки продления регламентированы ст. 97 УПК РСФСР 1960 г. До 3 месяцев разрешалось продление в случае невозможности закончить расследование и при отсутствии оснований для изменения меры пресечения; до 6 месяцев – ввиду особой сложности дела; до 9 месяцев; а свыше 9 месяцев (до одного года; до полутора лет) – в исключительных случаях и только по делам о тяжких преступлениях. Дальнейшее продление не допускалось.

В литературе отмечается, что на практике заключение под стражу на протяжении длительного периода применялось по большинству

уголовных дел, ввиду чего система мер пресечения на рубеже XX в. находилась в серьезном кризисе [4, С. 88].

В последующем совершенствование процессуального законодательства в данной области осуществлялось с учетом норм, регламентированных международным правом.

Стоит отметить статистические данные применения заключения под стражу в советский период и настоящее время. Так, В.А. Михайлов утверждает, что в 1980 г. данная мера составила 53% из общего числа примененных мер пресечения, в 1981 г. – 51%, в 1982 г. – 46,4%, в 1983 г. – 45,6%, в 1984 г. – 42,1%, в 1985 г. – 36% [3, С. 118]. По данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ в 2007 г. из 246348 ходатайств об избрании заключения под стражу было удовлетворено 223412, что составляет 90,7%, в 2011 г. из 152028 удовлетворено 135850 (89,4%), в 2019 г. – из 105985 удовлетворено 95633 (89,3 %), за первое полугодие 2020 г. – из 48483 удовлетворено 42592 (87,8%).

Таким образом, анализируемый институт на протяжении всей истории становления и развития был и остается самым распространенным в системе мер пресечения. Остро поднимается вопрос о соблюдении прав и законных интересов лица, подвергнутого принуждению со стороны государства. Нередко заключение под стражу использовалось для оказания давления на обвиняемых, а также для целей наказания, что в свою очередь противоречит назначению мер пресечения. Фактически данная мера носила репрессивный характер и не выступала как исключительная. Неудовлетворительные условия содержания в следственных изоляторах подвергали опасности жизнь и здоровье лиц, находящихся там [2, С. 252]. С 60-х гг. XX столетия отечественное правовое регулирование было направлено на путь демократизации и гуманизации, на фоне которых в дальнейшем поднялась проблема прав и свобод личности и роль государства в обеспечении возможности их реализации. Законодатель принимал попытки реформирования системы мер пресечения, однако значительного улучшения ситуации в данной области не происходило. УПК РСФСР 1960 г. действовал вплоть до принятия нового УПК РФ, хотя Конституция РФ 1993 г. уже закрепила приоритет прав и свобод человека, вместе с тем, учитывались нормы и принципы международного права. По мнению Э.Л. Сидоренко, это существенно повлияло на идеологическую направленность уголовной политики [8, С. 238]. Безусловно, УПК РФ 2001 г. гарантировал лицам, подвергнутым заключению под стражу, соблюдение их прав и законных интересов. Несмотря на это, на современном этапе актуален вопрос чрезмерности избрания рассматриваемой меры пресечения.

Список использованных источников

1. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.
2. Камардина А.А. Развитие уголовно-процессуального законодательства, регулирующего применение меры пресечения в виде заключения под стражу / А.А. Камардина // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 6 (50).
3. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996.
4. Орлов А.В. Система мер пресечения в России: история становления и перспективы развития // Вестник Самарского юридического института. 2019. №1 (32).
5. Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
6. Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.
7. Постановление Президиума ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик» // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 206.
8. Сидоренко Э.Л. Уголовно-правовое регулирование в свете современного правопонимания // Право. Законодательство. Личность. 2015. № 1 (20).
9. Смирнов В.Н. Развитие законодательства, регламентирующего избрание и применение меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник КГУ. 2011. № 5–6.
10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968.
11. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
12. Хапаев И.М. История становления и развития законодательства и практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу (XIX-XX вв.) // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10.

**НАУЧНАЯ ШКОЛА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И КРИМИНАЛИСТИКИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Материалы конференций 2020–2021 годов

Подписано в печать 12.04.2021.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 29,0.
Тираж 1000 экз.

ООО «Русайнс».
117218, г. Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2.
Тел.: +7 (495) 741-46-28.
E-mail: autor@ru-science.com
<http://ru-science.com>